

ПОБЕДОНОСЦЕВ

Александр
Толунов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Константин Петрович Победоносцев — один из самых влиятельных чиновников в российской истории. Наставник двух царей и автор многих высочайших манифестов четверть века определял церковную политику и преследовал инаковерие, авторитетно высказывался о методах воспитания и способах ведения войны, давал рекомендации по поддержанию курса рубля и композиции художественных произведений. Занимая высокие посты, он ненавидел бюрократическую систему. Победоносцев имел мрачную репутацию душителя свободы, при этом к нему шел поток обращений не только единомышленников, но и оппонентов, убежденных в его бескорыстности и беспристрастии. Подобно средневековым проповедникам, он готов был пожертвовать собой во имя торжества своих идей. Он развивал церковные школы, тратил большие суммы на благотворительность, получил известность как ученый-правовед, активно выступал в печати, был близко знаком со многими выдающимися учеными, писателями и художниками.

Книга доктора исторических наук Александра Полунова повествует об истинной роли человека, которого называли «серым преосвященством», «русским Торквемадой» и даже «некоронованным властителем России».

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Александр Полунов](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)

- [Глава шестая](#)
- [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [comments](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)

- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)

- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)

- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)

- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)

- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)

- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)

- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)

- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)

- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)

- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)

- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)

- [536](#)
 - [537](#)
 - [538](#)
 - [539](#)
 - [540](#)
 - [541](#)
 - [542](#)
 - [543](#)
 - [544](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1832

(1632)

Александр Полунов

**ПОБЕДОНОСЦЕВ:
РУССКИЙ ТОРКВЕМАДА**

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Полунов А. Ю., 2017
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1884 году, готовя ответ на всеподданнейший адрес московского генерал-губернатора князя В. А. Долгорукова — известного ревнителя дворянских привилегий, — обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев писал своему бывшему ученику, императору Александру III: «Вот неудобство — оттенять то или другое сословие в смысле какого-то преимущественного права на преданность престолу и отечеству. В этом все равны... Дворянство действительно имеет особую постановку как сословие, издревле служилое... Но из этого никак не следует, что дворянство, сравнительно с другими сословиями, отличается особливим свойством преданности царю. Примеров противоположных немало в каждом сословии, и мы видим, сколько было дворян изменников в смутную пору в России»^[1].

В приведенной фразе как нельзя более ярко выразилась суть воззрений знаменитого политика, полагавшего, что перед лицом высшей, ничем не ограниченной власти царя должны были склоняться абсолютно все, включая самых привилегированных лиц в государстве.

Многие из современников Победоносцева, даже из числа принадлежавших к бюрократическим верхам, во второй половине XIX века готовы были пойти на уступки «духу времени», влиться в общее для тогдашних европейских стран русло развития и ввести в политическую систему России элементы парламентаризма, допустить общество к решению отдельных государственных вопросов. Не таков был знаменитый обер-прокурор, контрастно выделявшийся на их фоне. Его отличала необычайно упорная, непреклонная защита неограниченного характера монархии, а любые покушения на неприкосновенность связанных с ней социальных и политических институтов отвергались им жестко и бескомпромиссно. «Хотя бы погибнуть в борьбе, лишь бы победить» — таков был его девиз. В переломный для страны исторический момент, после гибели в марте 1881 года императора Александра II от руки террориста, Победоносцев сыграл решающую роль в срыве планов введения в России умеренного представительства, что на четверть века отдалило начало российского парламентаризма. Будучи в последующие десятилетия одним из самых доверенных советников Александра III, а отчасти и Николая II, обер-прокурор неизменно настаивал на проведении максимально консервативного курса, требовал ужесточения цензуры и

ограничения свободы совести, выступал против расширения прав органов местного самоуправления — земств и городских дум. В начале XX века, в период первой русской революции, многие полагали, что именно этот жесткий курс довел страну до революционных потрясений.

В напряженной обстановке идейного противоборства, характерного для первых лет прошлого столетия, у современников часто возникал соблазн изобразить консервативного сановника примитивным властолюбцем, который исключительно из своекорыстных соображений отвергал давно назревшие преобразования. Недостатка в предельно жестких оценках не было. «Признание злыми и преступными всех убеждений и всех поступков Победоносцева составляет самую сущность миросозерцания, вызвавшего к жизни эти очерки, — заявляли авторы одного из первых в России обзоров деятельности обер-прокурора, публицисты А. В. Амфитеатров и Е. В. Аничков. — Тут нечего вновь переоценивать, нечего вновь передумывать. Преступность Победоносцева представляется здесь аксиомой, основным принципом»^[2]. Однако при всей жесткости проводимого обер-прокурором курса назвать его примитивным человеком было всё-таки сложно. Он занимал заметное место в интеллектуальной и культурной жизни страны, еще в 1860-х годах получил известность как крупный ученый-правовед. Его «Курс гражданского права» выдержал несколько изданий, став настольной книгой для ряда поколений русских юристов. Неоднозначным было и отношение знаменитого сановника к газетно-журнальному слову. Резко, запальчиво отвергая какую-либо положительную роль периодической печати, он, как ни парадоксально, сам активно выступал как публицист, стремился идеологически обосновать свою позицию, убедить общество в своей правоте. С Победоносцевым были близко знакомы многие выдающиеся литераторы, философы, публицисты; Ф. М. Достоевский в последние годы жизни считал его другом и даже наставником.

Можно отметить и другие моменты, отразившие значительную и нелинейную роль Константина Петровича в самых разных сферах жизни России второй половины XIX — начала XX века: в науке, политике, религии, культуре, в области интеллектуальных дискуссий. Ярый ненавистник Запада, обер-прокурор был в то же время тесно связан с миром европейской культуры: встречался и переписывался с общественными деятелями Англии, Франции, Германии и других стран, публиковался за границей, наполнял свои издания переводами и переложениями текстов зарубежных авторов. В конце XIX столетия наиболее значительное издание Победоносцева «Московский сборник»

привлекло всеобщее внимание как одна из немногих попыток властей разъяснить идейные основы самодержавия, подвести определенную идеологическую базу под политический строй России. В историю вошла и своеобразная «битва пророков» — противоборство обер-прокурора с великими современниками Владимиром Соловьевым и Львом Толстым, предлагавшими свои проекты преобразования России на духовно-религиозных началах.

Какую же роль сыграл Победоносцев в истории России? На какие идеи и принципы опиралась его деятельность? Чем объяснялась характерная для него бескомпромиссная защита самодержавия на пороге и в первые годы XX века?

Глава первая

НАЧАЛО ПУТИ

Родительский дом

У историка, изучающего биографию крупного государственного деятеля, нередко возникает соблазн попытаться уже на ранних этапах его жизненного пути выявить знаки особого предназначения, некие явные предпосылки той роли, которую ему будет суждено сыграть в дальнейшем. В биографии Победоносцева такие знаки разглядеть крайне сложно. Человек весьма скромного, по сути, плебейского происхождения, он не обладал каким-то заметным «стартовым капиталом», который мог бы содействовать его политическому возвышению. Да и сам он, похоже, к такому возвышению не особенно стремился (по крайней мере, в начале жизненного пути). Ученый анахорет, больше всего ценящий тихую, размеренную жизнь и уединение, равнодушный к соблазнам власти — именно таким он впоследствии, уже став одним из самых влиятельных политиков России, будет изображать себя в разговорах с окружающими, в многочисленных письмах друзьям, знакомым, сановникам и царям Александру III и Николаю II.

Разумеется, во всём этом была изрядная доля рисовки, а то и лукавства. Победоносцев вовсе не был лишен честолюбия, обладал ярко выраженными политическими взглядами и убеждениями, которые стремился внедрить в жизнь при опоре на рычаги государственной власти. Однако верно и то, что многое в духовном облике знаменитого сановника делало его похожим скорее на представителя мира науки, педагогики, нежели на государственного деятеля. Если бы не случай, замечал хорошо знавший обер-прокурора глава цензурного ведомства в 1880—1890-х годах Евгений Михайлович Феоктистов, из консервативного сановника вышел бы замечательный деятель на ученом и литературном поприще^{3}. Однако судьба распорядилась иначе: вознесла Победоносцева на вершину власти, сделав его одной из самых заметных и в то же время в высшей степени противоречивых фигур политической жизни России второй половины XIX — начала XX века. Каким же образом происходило это возвышение? И как повлияли (и повлияли ли) впечатления детства и юности на ту политику,

которую консервативный сановник проводил, став могущественным советником царей?

Константин Петрович Победоносцев родился 21 мая 1827 года в семье, связанном корнями с духовным сословием. Дед будущего обер-прокурора, Василий Степанович, служил в селе под Звенигородом, а затем перебрался в Москву и стал священником церкви Георгия Победоносца, что на Варварке (отсюда, видимо, и наследственная фамилия). К церковному поприщу готовился и отец, Петр Васильевич (1771–1843), окончивший Московскую духовную академию. Однако, уловив, как выросли в русском обществе на рубеже XVIII–XIX столетий престиж интеллектуального труда и запрос на информацию с Запада, он вышел из духовного сословия и занялся разными видами учебно-литературной деятельности: преподавал риторику, французский язык и русскую литературу, был переводчиком, цензором, библиотекарем и закончил карьеру профессором словесности Московского университета. За долгие годы трудов на ученом и литературном поприще Петр Васильевич подготовил и выпустил восемь антологий сочинений западных авторов, выступал как редактор и издатель семи (как правило, недолговечных) альманахов и журналов.

Главным мотивом многообразной и усердной деятельности профессора Победоносцева была пламенная вера в возможность усовершенствовать окружающий мир, всю систему общественных отношений посредством распространения учености, знаний, высокой морали и хорошего вкуса. Свою задачу Петр Васильевич видел в том, чтобы преподаванием, изданием назидательной литературы «умягчать нравы тех, кто под игом нечувствительности стенают», внушать российским подданным «любовь к миру и кротости», распространять в обществе «божественные науки, предметом своим невреждимость нравов и души непорочность целью имеющие», «посредством правил и примеров действовать на преклонение воли к добру»^[4]. Этих мер, полагал он, будет вполне достаточно, чтобы со временем изжить самые явные изъяны российских общественных порядков. Более глубоко над причинами социальных неурядиц Петр Васильевич не задумывался, основы существовавшего в России самодержавного строя ни в коей мере под сомнение не ставил; во всяком случае, в его сочинениях, письмах, дневниковых материалах нет и следа рассуждений на эту тему.

При всём патриотизме отца будущего обер-прокурора, всей своей деятельностью стремившегося доказать, что «и под хладным небом Севера

родятся умы пылкие, озаренные лучами просвещения»^[5], безусловным образцом для него оставалась культура Запада, рассматривавшаяся в духе просветительских установок Петра I и Екатерины II как высшее воплощение мудрости и изящного вкуса. Собственно, важнейшим направлением деятельности профессора Победоносцева было стремление приобщить не слишком образованную русскую публику к этой культуре — пусть и в сжатом, упрощенном виде. Листая издававшиеся Петром Васильевичем журналы, альманахи, антологии, сборники переводов, российский читатель знакомился с афоризмами и выдержками из сочинений авторов Античности (Платона, Фукидида, Гомера), европейского классицизма (Корнеля, Расина, Мольера) и Просвещения (Дидро, Д'Аламбера, Монтескье и др.), рассказами о назидательных случаях из жизни великих философов и монархов прошлого (Марка Аврелия, Людовика XIV, Фридриха II, Петра I). Разумеется, при этом речь не шла о глубоком постижении основ европейской культуры, всестороннем знакомстве с различными ее аспектами, осмыслении ее неоднозначности и противоречивости.

Задумывался ли вообще профессор Победоносцев над тем, из каких принципов исходили европейские авторы, отдельные афоризмы и выдержки из сочинений которых (часто отрывочные) он переводил? Понимал ли, что иные из этих принципов (в частности, идеи радикального Просвещения) могут весьма болезненно столкнуться с основами российского жизнеустройства? По мнению американского исследователя Роберта Бирнса, отец будущего обер-прокурора попросту не замечал подобных проблем^[6]. Вряд ли можно согласиться со столь категоричным выводом. Профессор Победоносцев четко выделял и недвусмысленно оговаривал то, что было для него неприемлемым в западной культуре. В его трудах сурово бичевались «зловещие кометы-энциклопедисты» (прежде всего Вольтер и Руссо), с гневом и отвращением описывались ужасы французской революции, причиной которых стала «мысль о безрассудном равенстве и мнимой свободе», внушенная европейскому обществу радикальными философами^[7]. И всё же в конечном счете даже эти явления не могли поколебать просветительского оптимизма Петра Васильевича. Французские безбожники-вольнодумцы и вдохновленная их идеями революция представлялись ему неким временным помрачением, отклонением от магистральной линии развития мировой культуры и политической жизни. Преодолев это помрачение, полагал профессор Победоносцев, мир, а вместе с ним и Россия победно шествуют теперь по

пути истинного, умеренного просвещения, распространения в обществе благородных нравов и подлинной учености.

Стремление возвысить русскую культуру — литературу, театр, просвещение — до уровня передовых стран Запада опиралось у профессора Победоносцева на патриотизм; он неумоимо воспевал в своих статьях и лекциях творивших в России литераторов, прежде всего авторов XVIII века — А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, М. В. Ломоносова. Петр Васильевич был одним из основателей и первым библиотекарем Общества любителей российской словесности при Московском университете. Преподавая риторику и русскую литературу, он, по словам его биографа Н. Мичатека, особое внимание обращал на «чистоту речи и на строгое соблюдение грамматических правил», стремился избегать иностранных оборотов речи^[8]. Взгляды и деятельность профессора Победоносцева, особенно на волне национального подъема после 1812 года, привлекли к нему внимание патриотически настроенных московских вельмож, охотно приглашавших его преподавать своим детям русский язык и словесность, а тот, в свою очередь, пользовался случаем, чтобы укрепить собственное положение в обществе^[9]. Видимо, именно благодаря многочисленным знакомствам в среде московского барства худародный профессор-попович смог пристроить своих многочисленных отпрысков в престижные учебные заведения: Екатерина окончила Екатерининское женское училище в Москве, Сергей — 1-й кадетский корпус, Александр — Московский университет, Константин — Училище правоведения в Петербурге^[1].

Окружающий мир представлялся профессору Победоносцеву справедливым и устойчивым, перспективы дальнейшего существования — ясными и определенными. «Мы, — провозглашал он, — родились в России, осыпанной щедротами небесной благодати, возвеличенной и превознесенной мудрыми Монархами... Природа и искусство открывают для нас все источники жизненных потребностей и роскоши, промышленность и торговля наделяют нас избытками стран отдаленных... Законы, внушенные человеколюбием, начертанные опытностью, ограждают нас от бурь политических и нравственных. Все пути к наукам и знаниям открыты; все способы пользоваться плодами трудов показаны»^[10].

Как же происходило формирование взглядов и личности Константина Победоносцева? Каковы были идеи и предпочтения, которые он вынес из родительского дома?

В зрелые годы обер-прокурор мало рассказывал про обстановку, в которой прошло его детство, ограничиваясь общими формулировками («воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой») ^{111}. Вместе с тем из деталей, рассеянных по страницам сочинений мемуарного характера, можно составить представление о бытовом укладе семьи профессора Победоносцева. Обстановка в доме была небогатой, почти аскетической. «Здесь, — описывал обер-прокурор свою детскую комнату, — висела колыбель моя, здесь потом, между кроватями братьев и сестер, стояла моя детская кроватка... На том же месте... стоит теперь мое кресло перед письменным столом» ^{112}. Вдохновенное, поэтизированное описание простоты патриархального быта, повседневной жизни старомосковских улочек и переулков, церковных служб в приходских храмах, противопоставление этого старозаветного уюта холоду и обезличенности большого капиталистического города (прежде всего, Петербурга) станет в зрелые годы постоянно звучащим мотивом в письмах и статьях российского консерватора.

Воспоминания К. П. Победоносцева о детстве были окрашены в особо теплые тона еще и потому, что среди многочисленных домочадцев, судя по всему, царили мир и гармония. Большой вклад в формирование душевной атмосферы в семействе, видимо, вносил его глава, оставшийся в памяти современников как «кроткий, благодушный человек», «добрейший старик». Скорее всего, именно он занимался начальным образованием младшего сына Константина — тому было всего восемь лет, когда 64-летний профессор вышел в отставку и полностью посвятил себя домашним делам. Но, безусловно, центром домашнего мира семьи была мать.

Елена Михайловна (1787–1867), вторая жена Петра Васильевича (его первая супруга рано умерла), происходила из рода костромских дворян Левашовых. В отличие от отца о матери Константин Петрович вспоминал часто и с большой теплотой. «У нас в доме всё ею держалось... — писал он своей доверенной собеседнице, дочери Федора Ивановича Тютчева Анне после кончины матери. — Она была у нас точно святыня в доме, точно живая благодать, Богом посланная в благословение. Всегда кроткая, тихая, ясная, всегда на молитве за нас за всех, она как свеча горела перед Господом Богом» ^{113}. Впоследствии, живя в Петербурге, он регулярно приезжал в Москву на годовщины смерти матери.

Константин Петрович старался как можно дольше не рвать связь с родным очагом. Деревянный родительский дом в Хлебном переулке близ Арбата оставался в его собственности вплоть до 1906 года; только

оказавшись после отставки в стесненных обстоятельствах, бывший обер-прокурор вынужден был продать его.

Вплоть до 1865 года, до окончательного переезда в Северную столицу, Константин жил в родительском доме. Лишь отъезд на учебу в Петербург (1841–1846) на время прервал связь будущего сановника с Москвой.

В целом московский период сыграл в жизни Победоносцева очень большую роль, причем тесная связь с Первопрестольной не осталась проходным фактом его биографии, а послужила основой для выстраивания целой идеологии, своеобразного «культы Москвы», который он активно использовал в своих политических программах.

«Культ Москвы» возник у Константина Петровича не на пустом месте — он был прекрасным знатоком бытового уклада и повседневной жизни Первопрестольной, а на склоне лет претендовал и на роль летописца ее истории. В начале 1900-х годов в письмах другу, редактору «Русского архива» Петру Ивановичу Бартеневу (1829–1912), он вспоминал картины Москвы грибоедовских времен и более позднего периода, обращался мыслями к деятелям того времени: митрополиту Филарету, профессорам Степану Петровичу Шевырёву и Михаилу Петровичу Погодину, генералу Алексею Петровичу Ермолову и др. Победоносцев был близко знаком и даже дружил со многими известными людьми, чьи биографии были тесно связаны с Москвой.

Славянофил Иван Сергеевич Аксаков был его товарищем по Училищу правоведения, западник Борис Николаевич Чичерин — коллегой по преподаванию в Московском университете. Его сослуживцами в Сенате были Василий Петрович Зубков — человек энциклопедических знаний, друг А. С. Пушкина и П. А. Вяземского, в молодости подвергшийся кратковременному аресту по делу декабристов, а также знаменитый философ, писатель и музыковед Владимир Федорович Одоевский, с которыми Победоносцев, судя по его воспоминаниям, тесно общался не только по службе, вел длительные беседы на темы истории и культуры^[14].

«Московский человек», «человек московского корня» являл в глазах Константина Петровича особый тип личности. Ему были свойственны налет некоего идеализма, приверженность историческим традициям, естественному укладу жизни, патриархальная нравственная чистота, верность семейным преданиям. Все эти качества, консервативные по своей природе, служили заслоном на пути распространения духа приземленного делячества, по мнению Победоносцева, охватившего Россию после реформ 1860-х годов. Воплощением негативных тенденций в первую очередь служил, разумеется, официальный Петербург. Северная столица

противопоставлялась Москве как город космополитический, разорвавший живую связь с основной массой народа, в то время как Москва, расположенная в историческом центре страны, воспринималась именно как воплощение этой связи. Ссылаясь на свое московское происхождение, на жизнь в среде патриархальных слоев населения Первопрестольной, Победоносцев впоследствии не раз заявлял, что именно ему известны подлинные чаяния и мысли народа, недоступные бюрократам из Петербурга. И, разумеется, Москва была важна для него как воплощение патриотизма, причем патриотизма спонтанного, идущего из народных глубин и далеко не всегда связанного с волей начальства.

Отправной точкой для формирования подобных представлений Победоносцева о Москве были, разумеется, события 1812 года. «Нашествие двенадцати языков», происходившее задолго до появления на свет будущего обер-прокурора, явилось серьезным потрясением для его старших родственников. Петр Васильевич Победоносцев был вынужден с родными и близкими бежать из Москвы и нашел приют вдалеке от дома, в Костромской губернии, где семейство Победоносцевых приютил в своем имени добрый знакомый Петра Васильевича, помещик Павел Антонович Шипов^[2]. Тяжелыми испытаниями стали и отъезд из города, и длительное бытовое неустройство, и потрясшее профессора Победоносцева после возвращения зрелище разоренного города, разграбленных церквей^{15}. Память о событиях 1812 года вошла в число важнейших семейных преданий Победоносцевых и, безусловно, оказала глубокое влияние на будущего обер-прокурора, несмотря на то, что родился он спустя 15 лет после вторжения Наполеона в Россию. В письмах и статьях Константин Петрович с глубоким волнением описывал ежегодные религиозные торжества в Москве в честь изгнания французов — молебствие после рождественской обедни и крестный ход, а само изгнание считал важнейшей вехой политической истории России: «Кто из отцов и дедов наших, свидетелей незабвенного 1812 года, не проливал горячих слез при чтении этой великой, потрясающей русскую душу молитвы! В ней вопиет к нам вся история Русской земли, история бедствий и внезапных радостей, тяжких падений и восстаний от падения, безначалия и внезапного воскрешения власти»^{16}.

Важнейшей стороной старомосковского уклада в глазах К. П. Победоносцева была религиозность: строгое исполнение обрядов, житейское благочестие, приверженность которым будущий обер-прокурор также позаимствовал от предков. Он не раз называл привычку к молитве и

церковной жизни важнейшими ценностями, которые передали ему родители, прежде всего мать. Как отмечалось выше, его письма и статьи наполнены описаниями красоты богослужения (в приходском храме Симеона Столпника на Поварской улице и в иных церквях), колокольного звона, религиозных процессий. При этом религиозность имела, по его мнению, особое значение, выходящее за рамки собственно духовных, вероисповедных аспектов. Она несла ярко выраженную социальную нагрузку — позволяла Константину Петровичу почувствовать себя единым целым с массой простого народа, хранившего традиционное благочестие, и тем самым укрепляла в нем чувство безопасности, покоя, защищенности, с которыми было связано пребывание в лоне патриархального уклада. «Православному человеку, — считал Победоносцев, опираясь на собственные ощущения во время богослужения, — отрадно исчезать со своим «я» в этой массе молящегося народа... Волна народной веры и молитвы поднимает высоко и молитву, и веру у каждого, кто, не мудрствуя лукаво, принесет с собою в церковь простоту верующего чувства»^[17].

Безусловно, простота, вера, возможность почувствовать себя единым целым с народом относились к числу важнейших особенностей старомосковского уклада, придававших ему такую ценность в глазах консерватора. Однако жизнь Первопрестольной в период пребывания здесь Победоносцева (особенно в 1840-е годы) вовсе не сводилась к патриархальному покою и тишине. Именно тогда здесь формировались важнейшие направления российской общественной мысли — западники, славянофилы, революционные демократы; кипели споры, ставились и решались ключевые вопросы российской действительности. Эти дискуссии оказали значительное влияние практически на всех, кто прошел через них и играл впоследствии значительную роль в общественно-политической жизни России второй половины XIX века, включая упомянутых выше И. С. Аксакова и Б. Н. Чичерина. Каково же было восприятие К. П. Победоносцевым идейной жизни Москвы 1840-х годов? Каково было его отношение к вопросам, которые ставились в ходе упомянутых дискуссий?

Может показаться удивительным, но будущий обер-прокурор, вовсе не являвшийся интеллектуально ограниченным человеком, не только не принимал участия в кипевших в Москве дискуссиях, не только не примкнул ни к одному из формировавшихся здесь идейных лагерей, но даже заявлял об этом впоследствии не без самодовольства. «Представьте, — писал он в 1878 году еще одной своей доверенной собеседнице, фрейлине Екатерине Федоровне Тютчевой, — что столько лет я умел даже

уберечься от московских кружков»^{18}. Подобная позиция была для российского консерватора совершенно не случайной. В глубине души он, видимо, считал споры, которые велись в это время относительно судеб России, особенностей ее национального характера, перспектив ее дальнейшего развития, чем-то наносным, лишенным реального смысла. Уже в начале 1870-х годов, описывая Е. Ф. Тютчевой дискуссию между ее отцом и И. С. Тургеневым «на старую тему о славянофильстве и западничестве», он не без сарказма замечал: «Говорили, конечно, обо всём и так, что некуда было вставить слово, а когда кончился продолжительный спор, можно было спросить: о чем они спорили?»^{19}

При этом еще раз подчеркнем, что Победоносцев лично хорошо знал практически всех основных участников московских дискуссий, а идеи некоторых из них (в частности, развернутую славянофилами борьбу против «надвигавшейся с Запада тучи космополитизма и либерализма») одобрял. Однако в целом выстраивавшиеся в ходе дискуссий (в том числе славянофилами) глобальные философские и историософские системы казались будущему обер-прокурору малопонятными и ненужными конструкциями. Причина была, видимо, в том, что в молодости Победоносцев, находившийся под влиянием отца с его прямолинейно-просветительскими воззрениями, попросту не был знаком с более сложными философскими учениями (в частности с немецкой классической философией) и не понимал, зачем углубляться в анализ социальных, политических и идеологических проблем, которые казались либо неважными, либо давно решенными. О своей неприязни к философии как таковой, к широким обобщениям, рассуждениям на отвлеченные темы Победоносцев не раз заявлял впоследствии. «Дивлюсь, — напишет он уже в 1892 году, накануне нового «философского пробуждения» в эпоху Серебряного века, — настроению, охватившему... нынешнее молодое поколение. Я в своем развитии и не знал ничего подобного этой борьбе, разыгрывающейся на проблемах философии древней и новой. Я счастлив тем, что вырос в семье простой, мирной, благочестивой и образованной. Нам казалось так просто, что сказано у Апостола Павла: «Не говори в сердце своем — кто взйдет на небо» и пр.»^{20}

Ощущение прочности, непоколебимости патриархального уклада, всех царивших в России порядков, с точки зрения Победоносцева, делало ненужными не только размышления о глобальных мировоззренческих вопросах, но и подготовку каких-либо широких, всеобъемлющих реформ, рассуждения о перспективах которых фактически были важной подоплекой

кипевших в Москве дискуссий. Вместе с тем потребность в частичных преобразованиях вовсе не отрицалась молодым правоведом, однако содержание этих мер понималось весьма специфически. Эта специфика, по сути, предопределила интриговавший многих исследователей перелом, произошедший в воззрениях Победоносцева во второй половине XIX века: переход от готовности участвовать в преобразованиях к крайнему консерватизму и отрицанию всех реформаторских мер. Чтобы понять, почему это произошло, нужно рассмотреть, как начиналась служебная деятельность Константина Победоносцева и в чем заключались особенности образования, которое он получил в Императорском училище правоведения.

Становление консерватора

Вынесенная Победоносцевым из родительского дома безоговорочная преданность самодержавию всё же не исключала ни понимания им необходимости реформ, ни его активного участия в их разработке. Сама по себе неограниченная монархия, приверженность которой играла столь большую роль в воззрениях Победоносцева, вовсе не была внутренне монолитным и статичным институтом. К началу XIX века она пережила ряд глубоких трансформаций, и выбор между различными «образами» самодержавия, имевшими место в исторической реальности, часто становился основой для разработки далекоидущих реформаторских планов. Какой именно вариант самодержавия был близок будущему обер-прокурору и членам его семейства? Безусловно, «правомерная монархия» XVIII века, строить которую начал Петр Великий. Начала законности, «регулярности», положенные в основу государственного устройства при Петре, обеспечивали хотя бы относительное равенство сословий перед лицом высшей власти (точнее сказать, четко предписывали выполнение каждым из них определенных государственных обязанностей). Принцип же личной выслуги, воплощенный в Табели о рангах, позволял достигнуть высокого общественного статуса не только благородному сословию, но и неродовитым разночинцам — таким, как профессор Победоносцев и его дети.

Восхвалению царя-преобразователя и принятого им курса на покровительство усердным слугам государства, в том числе и тем, кто не мог похвастаться знатностью происхождения, посвящены едва ли не самые красноречивые страницы сочинений профессора Победоносцева. Со

времен Петра, писал он, «в любезном отечестве нашем, процветавшем под правлением Государей, которые неутомимо пеклись об образовании своего народа, преимущества раздаваемы были более по успехам в просвещении и по личным заслугам, нежели по знатности рода». Не только «заслуги Голицыных, Долгоруких и Чернышевых, подвиги Задунайских, Рымникских и Смоленских» удостаивались наград высшей власти, в ничуть не меньшей мере ее милости изливались на «обогаителей нашей словесности» — таких, как он сам, сын безвестного приходского священника с сельскими корнями, сумевший выслужить высокий чин и дворянство благодаря профессорству^[21].

Преимуществами, которые в Российской империи давало высшее образование, в полной мере воспользовался не только сам профессор Победоносцев, но и его многочисленное потомство. Все восемь доживших до взрослых лет детей профессора, включая дочерей, были так или иначе причастны к учено-литературной деятельности. Наиболее известен из них, кроме Константина, был Сергей (1816–1850) — переводчик с польского языка и знаток польской словесности, популярный в свое время писатель «натуральной школы» — реалистического направления русской литературы, чьи представители вдохновлялись идеями В. Г. Белинского. Дочери П. В. Победоносцева Екатерина, Ольга, Мария и Варвара публиковали статьи, переводы и исторические материалы в журналах «Русский вестник», «Русская старина», «Москвитянин», «Отечественные записки», «Дамский журнал». Из сыновей профессора Победоносцева определенный след в общественной жизни России оставил и Александр, выпускник Московского университета, состоявший членом Общества любителей российской словесности и переписывавшийся с братом Константином.

Приверженность принципам «правомерной монархии», пожалуй, в наибольшей степени была характерна именно для младшего сына профессора Победоносцева. Во многом, помимо семейной среды, это было связано с влиянием Училища правоведения, куда он поступил в 1841 году. Учрежденное пятью годами ранее Императорское училище правоведения было весьма своеобразным учебным заведением, созданным для того, чтобы принципы «правомерной монархии» воплотились бы, наконец, в жизнь в самой важной для их существования сфере — судебной. Требовалось подготовить совершенно новые кадры для имперской судебной системы и, опираясь на них, искоренить, наконец, произвол, беззаконие и коррупцию, разъедавшие российскую юстицию. Чтобы питомцы училища не сливались со средой остального рядового

чиновничества — погрязших в коррупции «приказных» и «подьячих», — в него набирали представителей «благороднейших» российских семейств.

Профессорский отпрыск, внук приходского священника, смог попасть туда лишь потому, что к тому моменту его отец уже выслужил потомственное дворянство.

Пребывание в училище стало важнейшей вехой биографии будущего обер-прокурора — в первую очередь благодаря солидной подготовке, которую он там получил. Программа училища, помимо общеобразовательных предметов, включала в себя римское право, государственное право, гражданское и уголовное право, местное законодательство Остзейских губерний, финансовое и полицейское право, сравнительную судебную практику и др. Важную роль сыграли в дальнейшем и завязанные в училище знакомства. Соучениками Победоносцева были представители знатнейших фамилий империи — Оболенские, Черкасские, Кропоткины, Мусины-Пушкины, а также известные впоследствии общественные и государственные деятели — публицист Иван Сергеевич Аксаков, участники проведения судебной реформы 1864 года Дмитрий Александрович Ровинский и Дмитрий Александрович Оболенский, министр юстиции Дмитрий Николаевич Набоков. Традиции училищного братства Константин Петрович хранил в течение всей жизни; правоведами были многие из тех, кому он помогал в сложных житейских обстоятельствах или продвигал по службе: композитор Петр Ильич Чайковский, министр юстиции Николай Авксентьевич Манасеин, министр внутренних дел Иван Логгинович Горемыкин. Однако значение училища в жизни Победоносцева не ограничивалось полученным образованием и завязанными знакомствами.

Альма-матер будущего обер-прокурора возвращала в своих воспитанниках ярко выраженный корпоративный дух, резко выделявший их на фоне прочих судебных служащих, выпускников других учебных заведений. Питомцам училища — правоведам — были присущи особый культ законности, самоотверженного служения государству, нетерпимость ко всему, в чем они видели нарушение правосудия. Будущий обер-прокурор полностью разделял этот настрой. Впоследствии в речи на юбилее училища он провозглашал: «Разве говорили нам здесь: «Наслаждайтесь жизнью и таитесь, когда увидите зло и беззаконие, ведайте бумагу, не тревожьтесь о живом человеке, идите доставайте себе чины и почести, поднимайтесь вверх, забирайте силу власти и ведите друг друга к власти и почести?»... Нам говорили: есть правда, и кто верно хранит ее в себе, тот честный человек и верный сын своей родины. Нам говорили: правда... дается

трудом, ничего не пренебрегающим, и борьбой с ложью, ложью в целом мире и прежде всего в себе самом»^{22}.

После выпуска и поступления на службу правоведа, как правило, держались сплоченными группами, резко выделяясь на фоне окружавшей их бюрократии, а подчас и сознательно противопоставляя себя ей. Не стали исключением и выпускники училища, попавшие на службу в Москву.

После окончания Училища правоведения (1846) Победоносцев-младший был произведен в чин титулярного советника (IX класс по Табели о рангах), вернулся в старую столицу и начал службу в канцелярии VIII департамента Сената — апелляционной инстанции по гражданско-правовым делам для Орловской, Тульской, Тамбовской, Пензенской, Харьковской, Таврической, Екатеринославской и Херсонской губерний. К 1863 году он дорос уже до чина IV класса по Табели о рангах — действительного статского советника и должности обер-прокурора департамента — руководителя аппарата департамента, готовившего судебные дела к рассмотрению в собрании сенаторов. Картина, открывшаяся молодому юристу в недрах судебного аппарата, полностью соответствовала его ожиданиям. По словам Победоносцева, служители канцелярий, «все поседевшие в сенатском деле, все вышедшие из рядов приказных, работали более на себя, чем на дело государственное... Немногие возвышались до чистой идеи о честном и добросовестном труде». Правоведы, попадая на службу, встречали «противодействие в массе старого поколения, окружавшей их со всех сторон... ненавидевшей их за то предпочтение, которое им явно оказывали»^{23}. Подобное противодействие, казалось бы, должно было обескуражить молодых чиновников, но на самом деле сыграло противоположную роль — подхлестнуло их служебное рвение и нетерпимость к тому, что не соответствовало их представлениям об идеале законности.

В случае с Победоносцевым нагнетанию подобной нетерпимости, видимо, содействовали дополнительные факторы — разночинское происхождение и связанная с ним неприязнь ко всему, что нарушало принцип формального равенства лиц и сословий перед монархом, и ко всем, кто «забегал вперед», надеясь получить привилегии за счет других. Будущий сановник буквально не находил слов для осуждения тех, кому молва при Николае I приписывала роль временщиков. «Этот человек, — писал, в частности, Победоносцев брату Александру о главноуправляющем путей сообщения и публичных зданий П. А. Клейнмихеле, — своей наглостью, бесстыдством и высокомерием почти для всех стал в последние

годы ненавистен»^{24}. Немало резких слов высказал он и в адрес своего тогдашнего непосредственного начальника — министра юстиции В. П. Панина и даже отправил в 1859 году А. И. Герцену в Лондон для публикации в Вольной русской типографии памфлет, обличавший Панина в самодурстве, произволе, упоении властью, равнодушии к судьбам подчиненных.

За ненавистью Победоносцева к временщикам просматривался еще один мотив — негативное, настороженное отношение к тем, кто уже по факту рождения был (не всегда заслуженно) возвышен над другими, то есть к родовому дворянству. Несмотря на весь свой консерватизм, Победоносцев ни в молодости, ни в зрелые годы не был носителем неких «продворянских тенденций», в чем его нередко обвиняли советские историки. Крепостное право, служившее основой материального благополучия помещичьего дворянства, вызывало у него неприязнь именно потому, что возвышало одно сословие за счет других. Молодой юрист задавался вопросом, в какой мере в XVIII веке была «сообразна с началом государственным отдача в частное владение десятков тысяч людей, почитавшихся до того принадлежностью государства». Прикрепление крестьян к «душевладельцу», а не к земле оценивалось им крайне негативно. «Власть помещика, — замечал он впоследствии, — ...представляется нам явлением, во многих отношениях противоестественным даже для того времени»^{25}. По его мнению, ограничение личных свобод, раз уж ему суждено было укорениться в системе социально-политических отношений России, должно было распространяться на все слои общества в интересах государства.

Победоносцев, при разборе судебных дел в Сенате столкнувшийся с недостаточной проработкой вопросов теории российского гражданского права, по собственному почину занялся учено-архивными изысканиями в этой сфере. Усердная работа в московских архивохранилищах (Сенатском архиве старых дел, архиве Московского Судного приказа и др.) помогла молодому правоведу собрать обильный документальный материал, относящийся к истории российского права. Впоследствии эти источники стали основой для ряда фундаментальных публикаций, принесших Победоносцеву славу одного из лучших экспертов по гражданско-правовым вопросам. Безусловно, уединенные кабинетные штудии, архивные изыскания в высшей степени соответствовали складу его личности.

Юридические изыскания, которыми чиновник Сената занимался в 1840—1850-х годах, стали важным стимулом, подпитывавшим его

стремление к проведению реформ в судебной сфере. Главным объектом его критики было укоренившееся в России явление, широко представленное и в анналах истории, и в современной ему реальности, — так называемое приказное судопроизводство. Победоносцев даже хотел посвятить истории этого феномена особую работу. Суть такого судопроизводства, восходившего к приказам Московского царства, но надолго пережившего их, заключалась в том, что принятие решений по делам в рамках административных и судебных органов оказывалось в руках родовитых сановников, не разбиравшихся в существе вопроса, готовили же для них решения рядовые чиновники — те самые «приказные» и «подьячие», которые были объектом острой критики Победоносцева. Понятно, что функционирование государственной машины на основе подобных принципов открывало широкий простор для злоупотреблений.

Молодой правовед в рамках своей компетенции старался бороться с этим явлением, поскольку считал, что уцелевшие элементы приказного судопроизводства негативно сказывались на работе Сената — ведомства, в котором он служил и роли которого в государственной системе придавал очень большое значение. Уже заняв в сенатской иерархии довольно высокую должность обер-прокурора департамента, Победоносцев в рамках делопроизводства ввел своеобразную практику: после «формального» доклада для сенаторов устраивал «реальный» (более подробный, включавший юридические детали), в ходе которого разбирал и поправлял ошибки подчиненных, то есть приучал их к более добросовестной работе^{26}.

Наряду с приказным судопроизводством недовольство Победоносцева вызывало и другое явление, казалось бы, значительно более современное и прогрессивное: принцип министерской (единоличной) власти, введенный в российскую систему государственного управления в начале XIX века. По его мнению, этот принцип вверял несоразмерно большие полномочия отдельным лицам, нарушал коллегиальность и «равновесие властей» под эгидой самодержавия, на которых покоилась «правомерная монархия» XVIII столетия, и тем создавал основу для столь ненавистного чиновнику-разночинцу временничества. Победоносцев заявлял: «Каждый министр... видит в себе полнейшее отражение самодержавной власти и считает себя безответственным ее представителем... Императорская власть, при нынешнем развитии Министерской, сделалась мифом, не имеющим существенного значения»^{27}. Именно министры в угоду своему властолюбию лишили прежнего значения органы, составлявшие основу

«правомерной монархии», прежде всего Сенат, управлявший ранее всеми государственными учреждениями на коллегиальных началах. Соответственно, для обеспечения законности, ограничения вредоносного министерского начала нужно было вернуться к традициям Петра I и Екатерины II, отделить Сенат от Министерства юстиции, восстановить самостоятельную должность главы Сената — генерал-прокурора, никак не связанного со структурами исполнительной власти, и в полной мере воссоздать принцип коллегиальности, на котором ранее базировалась деятельность государственного аппарата.

В тот период, когда Победоносцев рассуждал о перспективах предстоящих реформ, их осуществление казалось ему делом достаточно простым, ведь основы государственного строя Российской империи в его представлении были прочны и здравы, требовалось только очистить их от случайных позднейших «наростов». Чтобы обеспечить соблюдение законности в системе управления, писал Победоносцев в памфлете, направленном Герцену, «не требуется в настоящую минуту никакого преобразования в государственных учреждениях; стоит только вывести Сенат из того унижения, в котором он ныне находится... Не нужно писать новых законов; стоит только понять и применить к делу учреждение существующее, воспользоваться тем, что есть»^{28}. Глубина и неоднозначность предстоящих изменений, видимо, до конца не осознавались будущим сановником, что, безусловно, готовило почву для серьезных проблем в дальнейшем, должно было сделать особо острым его столкновение с порядками, которым предстояло утвердиться в России после реформ.

Вполне простыми, легкодостижимыми казались молодому юристу улучшения и в тот момент, когда речь непосредственно зашла о подготовке преобразований, то есть в канун эпохи Великих реформ Александра II. Первые годы очередной российской «оттепели» стали во многих отношениях звездным часом молодого Победоносцева. Собрав и изучив за годы сенатской службы и занятий в архивах множество материалов по истории русского права, он после ослабления цензурного гнета начал активно публиковать статьи, посвященные злободневным на тот момент вопросам — происхождению и эволюции приказного права, возможным направлениям предстоящих судебных преобразований. В 1859 году Победоносцев с блеском защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «К реформе в гражданском судопроизводстве», которая была опубликована в одном из самых либеральных журналов того времени — «Русском вестнике» Михаила Никифоровича Каткова. Спустя

два года он был избран профессором Московского университета, где в 1862–1865 годах читал лекции по кафедре гражданского права. Одновременно Победоносцев вошел в состав правительственных органов, созданных для разработки судебной реформы: комиссии под руководством помощника государственного секретаря Сергея Ивановича Зарудного (учреждена 23 октября 1861 года), а затем — комиссии под руководством государственного секретаря Владимира Петровича Буткова (учреждена 27 сентября 1862 года)^[3].

В период либеральных веяний будущий консерватор был безоговорочно убежден, что расширение свободы, усиление открытости в работе судебных органов дадут положительные результаты, а неизбежный риск, связанный с внедрением в жизнь новых институтов, вполне оправдан. В деле преобразований, заявлял Победоносцев, нужно смело идти вперед. В статье, опубликованной в «Русском вестнике», он бичевал «закоренелых староверов», которые «не хотят дотронуться до сгнившей балки из боязни повредить драгоценное здание», не понимают, «что история есть движение вперед от мертвой обрядности к духу жизни». Свободы не следует бояться, утверждал он; «законодатель, вполне понимающий свое призвание», должен рассчитывать не только «на действие страстей, на влечение падшей и развращенной природы», но и «на энергию воли, на свободное действие личности». Не следовало опасаться и широкого обсуждения острых и наболевших общественных проблем.

«Владычество мысли, — заявлял Победоносцев, — если и доходит иногда до насилия, то это насилие бывает лишь минутным отклонением от истины и скоро исчезает под влиянием той же самой мысли»^[29].

На сходные принципы опирался будущий сановник, выдвигая предложения непосредственно по проведению судебных преобразований. Суд, по его мнению, должен быть отделен от исполнительной власти: «Если начальник в иерархическом порядке администрации сохраняет при себе право награждать и наказывать судью, отставлять и перемещать его по своему произволу, в таком случае напрасно было бы ожидать от судьи независимости и добросовестности». Введение устного, гласного, состязательного судопроизводства нужно подкрепить созданием подлинно независимой адвокатуры, которая стала бы одним из столпов нового суда. Судья, доказывал молодой реформатор, «должен возрасти и укрепиться не на канцелярских обрядностях», «должен быть свидетелем борьбы судебной, должен испытать ощущения зрителя, ей сочувствующего», а борьба эта «не может быть действительна, жива, плодотворна и

поучительна без участия адвокатов»^[30].

В начале подготовки судебной реформы, как и во время написания памфлета против графа Панина, преобразования представлялись Победоносцеву делом достаточно несложным, не сулящим серьезных конфликтов. «Живая деятельность духа в суде, — утверждал он, — явилась бы сама собой (курсив мой. — А. П.), и те же судьи стали бы действительно судьями, когда бы вместо немой бумаги стали бы перед ними живые люди и совершалось бы перед лицом их действительно живое состязание спорящих. Если бы притом в залу присутствия проник свет, которого она лишена теперь, то ни один судья не мог бы остаться равнодушным свидетелем спора»^[31]. Однако уже на этапе подготовки реформы (не говоря уже о процессе ее реализации) выяснилось, что дела обстоят намного сложнее, нежели казалось Победоносцеву.

Прежде всего, рассматривая реформаторские предложения правоведа, следует отметить, что они, при всём радикализме, ограничивались достаточно четкими рамками. Победоносцев довольно последовательно выступал за переустройство судебного механизма (публичность, гласность, устность, состязательность судопроизводства, независимость суда от администрации), но дальше этого не шел. К перспективам же соприкосновения этого механизма с реальной самостоятельностью общества, закрепленной в определенных (прежде всего выборных) органах, он относился скептически — видимо, они приходили в противоречие с его приверженностью к традиционному укладу с присущей ему размеренностью, определенностью, отсутствием неожиданностей.

Между тем уже на этапе разработки реформа начала выходить за рамки, которые ей пытался предписать Победоносцев. Стало ясно, что в условиях резко возросшей нагрузки на судебные инстанции, появления массы тяжб по делам, касавшимся вопросов повседневной жизни, не обойтись без введения выборного мирового суда, к которому будущий сановник с самого начала относился настороженно. Неизбежным стало и введение института присяжных, причем не в консервативном английском варианте (высокий имущественный ценз, руководство присяжными со стороны судьи), который Победоносцев еще готов был допустить, а по значительно более радикальному французскому образцу. По мере работы в правительственных комиссиях у правоведа нарастал скепсис в отношении предстоявших преобразований. В 1861–1863 годах он уже в значительной степени пересмотрел свои первоначальные взгляды — стал выступать за усиление письменного элемента в судебном процессе, за определенную

степень зависимости суда от администрации. Однако в конечном счете реформа была проведена без учета этих предложений Победоносцева.

К моменту обнародования новых судебных уставов (ноябрь 1864 года) будущий сановник стал явным врагом реформы. Впоследствии вспоминал: «Я... протестовал против безрассудного заимствования из французского кодекса форм, несвойственных России, и, наконец, с отвращением бежал из Петербурга в Москву, видя, что не урезонишь людей»^{32}. В неприязни, даже ненависти Победоносцева к новым судебным уставам слились как принципиальные возражения против их основных принципов, так и сугубо личные мотивы — обида весьма самолюбивого человека, успевшего ощутить себя едва ли не главным экспертом по судебно-правовым вопросам в России и глубоко оскорбленного, когда многие его предложения были отвергнуты. Негативное отношение бывшего реформатора к тому, что, пусть и отчасти, было детищем его рук, доходило буквально до аффекта. Так, он заявил, что «ноги его не будет в новых судебных учреждениях», и, по воспоминаниям современников, свято соблюдал этот обет. По словам выдающегося русского юриста Анатолия Федоровича Кони, который в 1860-е годы был студентом Победоносцева, тот впоследствии не раз с раздражением упоминал «гнусную кухню», на которой «варились» судебные уставы, и «не находил слов осуждения» для их создателей^{33}.

В целом уже в 1860—1870-х годах недавний реформатор рассматривал итоги проведенных в России преобразований — и в судебной сфере, и в других областях жизни общества — как историю тотальной неудачи. Приходится, писал он в 1873 году, «обозревать собрание развалин, которое представляет нам минувшая жизнь: формы без духа, речи без смысла, обряды без значения, знамена без дружины, учреждения без деятелей... всё, что когда-то, в минувшие годы, поднималось к небу блестящей ракетой и потом черной палкой упало на землю». С точки зрения Победоносцева, ни о каких успехах в сфере организации и отправления правосудия в России к этому времени говорить не приходилось. Адвокаты, по его мнению, вместо реальной защиты прав подсудимых были «погружены в лихорадочную деятельность, переходя и переезжая из одного суда в другой для произнесения речей... стремясь неудержимо от приобретения к приобретению». Профессора юриспруденции, считал он, не отличались высоким уровнем научных знаний, в результате чего студенты-юристы выходили из стен университетов недоучками. Суд присяжных и в России, и в Европе, заявлял Победоносцев, вырожден в социально дефективный

институт, для которого характерны «инстинкты болезненно-демократического чувства и систематической вражды ко всякой установленной власти»^{34}.

Вместо рисовавшейся мысленному взору Победоносцева картины развития судебных порядков в пореформенной России — неспешной подготовки сравнительно небольшого количества специалистов, своего рода «жрецов», которые в благоговейной тишине вершили бы судебные дела, — сложилась совсем иная обстановка, отталкивавшая его своим неблагообразием. В юридической сфере, по его мнению, возник «обширный рынок, кипящий народом, на котором люди продают и покупают, как товар, знание и авторитет, на котором слабый и несведущий иногда равняется с сильным и знающим... на котором все спешат предъявить патент на знание и стать в ряды деятелей». В результате решение судебных дел оказалось вверено «шарлатанам, именующим себя юристами-техниками разных названий, адвокатами, консультантами и т. п.», чьи умозаключения «служат выражением не столько практической опытности, сколько мечтательных теорий той или иной новой школы»^{35}. Вся обстановка общественно-политической жизни России, с его точки зрения, свидетельствовала, что развитие страны с начала 1860-х годов пошло по неверному пути, в перспективе чревато серьезными социальными потрясениями. Симптомы катастрофы, полагал Победоносцев, обозначились уже в начале реформаторского десятилетия; к их числу относились выступления радикальной оппозиции, первые проявления революционного террора, волнения на национальной почве. Всё происходившее вокруг рождало у Константина Петровича тяжелые, близкие к паническим настроения, которые не могли не повлиять на его самоощущение и поведение.

Анахорет и мизантроп?

«Погода мокрая, серая, тоскливая. Каждый день слышно о новых потерях, о заболевающих. Отовсюду приходят известия о нужде и горе, о болезнях и лишениях»; «Боже! Как тяжела становится жизнь — со всех сторон — так всё неверно, так всё призрачно»; «И видеть никого не хочется, чтобы не слышать всей болтовни, которая надрывает душу. А толпа на улицах расстраивает мне нервы. Всё бы сидел в углу»^{36} — эти и подобные заявления, поражающие пессимизмом, становятся в 1860—1870-

х годах постоянно звучащим мотивом в переписке Победоносцева, его беседах с близкими людьми. Образ мизантропа, с крайним недоверием, даже с неприязнью относящегося к миру людей, в сознании современников намертво приклеившийся к нему, во многом основывался на подобных настроениях, которые будущий обер-прокурор никогда не скрывал от собеседников. Порой отчаяние, испытываемое им от происходившего вокруг, достигало такой степени, за которой начиналось уже полное отрицание окружающего мира, и это также работало на закрепление за ним репутации крайне мрачного человека. «Как же тяжел этот мир! Как и куда от него укрыться, чтобы не видеть его и не слышать!.. Есть что-то фантастически дикое и страшное в этом трепетании жизни»^[37], — писал Константин Петрович Е. Ф. Тютчевой в 1882 году, уже достигнув высот власти.

Чем же было вызвано столь негативное отношение к окружавшей действительности? Какие личностные, психологические факторы лежали в его основе?

Одним из обстоятельств, способствовавших формированию у Победоносцева подобных настроений, стала радикальная смена обстановки. Размеренная уединенная жизнь в родительском доме, выполнение служебных обязанностей, видимо, составляли основу того повседневного уклада, который в наибольшей степени соответствовал предпочтениям будущего обер-прокурора. «Я не могу пожаловаться на свою ежедневную жизнь, — писал он А. Ф. Тютчевой в 1864 году, — она вся наполнена трудом и исполнением того, что я почитаю долгом; я живу постоянно в рамках, и, если хотите, это всего лучше»^[38].

В 1865 году, получив приглашение преподавать законоведение наследнику престола Александру Александровичу (будущему Александру III), правовед окончательно перебрался в Северную столицу и посвятил себя, наряду с наставничеством, бюрократической деятельности в центральном аппарате государственных ведомств: Министерстве юстиции, Сенате, разного рода правительственных комиссиях. Новое административное поприще, судя по всему, мало подходило ученому анахорету из арбатских переулков. Оно невероятно раздражало его уже тем, что из-за новых обязанностей нарушался милый его сердцу размеренный ритм жизни, к которому он так привык в Москве. «Меня, любителя уединенного труда и размышлений, жизнь поворотила на большую дорогу, — жаловался будущий обер-прокурор Е. Ф. Тютчевой в письме из Петербурга^[4]. — Мой кабинет возле самой передней и звонка,

так что всякий желающий может достать меня немедленно, и кто только не достает меня. И так книгу беспрестанно у меня вырывают. А их так много, и таких интересных»^{39}.

Недовольство жизнью в Северной столице усугублялось еще и тем, что смысл работы громоздких бюрократических структур, с которыми была связана деятельность центральных административных органов, оставался для московского правоведа не вполне ясным. Сама эта деятельность казалась слишком сложной, запутанной и в конечном счете не имеющей отношения к запросам реальной жизни, особенно в условиях, когда правительственный курс развивался в совершенно неправильном, сточки зрения Победоносцева, направлении. В письме, адресованном Е. Ф. Тютчевой, он сравнивал себя и своих коллег-бюрократов со школьниками, которые должны во что бы то ни стало решить к определенному сроку задачу, в которой ничего не понимают^{40}. Не раз и в переписке, и в беседах с близкими людьми Константин Петрович заявлял, что вся хитроумная бюрократическая машинерия ничего не стоит по сравнению с простыми, понятными действиями, дающими непосредственный результат: «алчущего накормить, жаждущего напоить, нагого одеть»^{41}. Важнейшей формой таких действий была, разумеется, благотворительность, которой Победоносцев занимался всю жизнь. Если возникала ситуация, требовавшая, по его мнению, его личного участия, он обязательно вмешивался: ходатайствовал за лиц, которых считал несправедливо осужденными, поддерживал попавших в сложные жизненные обстоятельства, раздавал нуждающимся деньги из личных средств. Только за 1890–1905 годы он, по собственным подсчетам, потратил на благотворительность около 47 тысяч рублей^{42}.

Стремясь свести работу управленческого аппарата к ясным и простым действиям, Победоносцев искал ту же непосредственность и простоту в отношениях между людьми. Но эти качества начисто отсутствовали в общественной, а особенно великосветской жизни Петербурга, обремененной, с его точки зрения, излишними церемониями и условностями. Это обстоятельство также крайне угнетало московского уроженца. «Как редко, — сокрушался он в «Московском сборнике», — общественные отношения наши бывают просты и непосредственны! Как редко приходится, встречая людей, вести и продолжать беседу с ними простым и естественным обменом мыслей!»^{43} Столичный уклад претил московскому анахорету не только отсутствием естественности и простоты, но и обилием развлечений (доступных, конечно же, прежде всего богатым и

знатным людям), разжигавших низменные инстинкты, что неизбежно влекло за собой порчу нравов. В письмах и статьях он посвятил немало красноречивых пассажей критике пороков, которые бичевал со всей страстью выслужившегося разночинца и пафосом средневекового проповедника. Посмеет ли стыд, вопрошал сановный публицист на страницах своего «Московского сборника», «перейти порог великолепных чертогов, куда съезжаются все такие почетные, все такие знатные люди есть и пить, и праздновать, и любоваться хозяйкой, где разряженные дамы рассказывают друг другу про любовные игры свои и похождения... где извиняют друг другу всё, кроме строгого отношения к нравственным началам жизни?»^{44}.

Мода на роскошь, распространившаяся в больших городах во второй половине XIX века, влекла за собой огромные траты, против чего Победоносцев, постоянно подчеркивавший свою близость к простому народу, не уставал выступать. Суровый моралист временами требовал применения чуть ли не принудительных мер для обеспечения чистоты нравов и скромности в быту. Так, в одном из писем в 1879 году он предлагал Е. Ф. Тютчевой начать среди светских дам движение против роскоши в одежде: обзавестись общей портнихой, договориться не шить дорогих платьев и т. д.^{45} О собственной причастности к общественным верхам профессорский сын предпочитал говорить как о явлении внешнем и, по сути, для него тягостном, заявляя, что она никак не повлияла на его духовный настрой и обычный образ жизни, скромный до аскетизма. «Не поверите, как неприятно видеть всю эту роскошь... — писал Константин Петрович Е. Ф. Тютчевой в 1880 году, въехав с женой после назначения обер-прокурором Синода во внушительных размеров служебный особняк на Литейном проспекте, близ пересечения его с Невским. — Мы ходили тут с задней мыслью о том, что *не наша вина, что мы, право, не виноваты*»^{46}.

Разумеется, большинство тех, с кем Победоносцеву приходилось общаться в Петербурге, — высокопоставленные бюрократы, представители высшего света — очень быстро почувствовали его чуждость их среде, его враждебный настрой и платили ему той же монетой. Будущего обер-прокурора за глаза награждали обидными кличками «семинарист», «пономарь», «просвирня», подчеркивавшими его плебейское происхождение, а в глаза заявляли ему, что с ним говорить невозможно, что он «человек не из 19-го, а из 16-го столетия»^{47}. Надо сказать, консерватора всё это нисколько не волновало; более того, неприязнь значительной части аристократии и сановников он расценивал как

своеобразное признание своих заслуг, подтверждение своей близости к народу и непричастности к испорченному богатому и знатному обществу. Судя по всему, Победоносцев действительно не стремился стать своим человеком в придворных и бюрократических сферах. Его жена, на склоне лет вспоминая, что вслед за мужем «ненавидела придворные чины», никогда не гонялась за ними и других отговаривала от подобных стремлений, «зная, что при дворе царствует неправда, нескончаемые сплетни и интриги», если и преувеличивала, то не сильно^{48}. Константин Петрович в Петербурге держался особняком и вел, с точки зрения многих представителей общественных верхов, жизнь едва ли не отшельническую. Однако полностью отделить себя от окружающего мира он, разумеется, не мог и даже в столь нелюбимой им Северной столице должен был отобрать круг общения, определить формы взаимоотношений, в которых он чувствовал бы себя комфортно, которые помогали бы ему жить и действовать в недружелюбном, подчас враждебном окружении. То, какое именно времяпрепровождение он выбрал, и состав его ближнего круга многое объясняли в психологии Победоносцева.

Важнейшим из убежищ, в котором консерватор стремился укрыться от угнетавшей его действительности, была сфера научных изысканий, интеллектуального труда, которую он совершенно сознательно противопоставлял столь неприятным ему «рынку» и «грязи» окружающей жизни. «Только на таком поле, — писал Победоносцев Б. Н. Чичерину, — мысль поднимается на высоту и может сохраниться в ясности и в равновесии — а поле так называемых современных вопросов так разрыто нечистыми животными, что трудно на нем работать, не замарав себя»^{49}. Мир ученых занятий, которые он стремился не забрасывать и посреди бюрократической деятельности, был чрезвычайно разнообразен. Константин Петрович приводил в порядок собранные ранее историко-правовые материалы, переводил, писал рецензии, обзоры и статьи на разные темы, в первую очередь по вопросам педагогики, а также религии и Церкви. Список публикаций, подготовленных им уже после того, как он переехал в Петербург и посвятил себя главным образом административной работе, включает около сотни названий.

Современники вспоминали, что манерами, поведением и даже внешностью Победоносцев походил не столько на высокопоставленного чиновника, обитающего на бюрократическом Олимпе и живущего в мире административных формальностей, сколько на профессора, педагога, представителя академической среды, готового затеять с посетителем

дискуссию по волновавшим его вопросам, а лучше — прочесть ему по этим вопросам лекцию. «В его сухой, худой фигуре, — вспоминал хорошо знавший обер-прокурора литератор Е. Поселянин (Евгений Николаевич Погожев), — в пергаменте выбритого лица, в глазах, бесстрастно глядевших на вас сквозь стекла больших черепаховых или кожаных очков, было что-то, удивительно напоминавшее немецкого ученого».

Почти все мемуаристы писали, что знаменитый консерватор был совсем не похож на сановника, мало заботился о своей внешности и в целом о материальном благополучии, что усиливало черты «разночинства» в его облике. Так, философ и литературный критик Василий Васильевич Розанов вспоминал, что Победоносцев встретил его «в длинном скорее поношенном сюртуке, с руками, неопрятно торчащими из рукавов, казавшихся короткими»^{50}. Писателю-народнику Павлу Владимировичу Засодимскому при встрече с обер-прокурором «сразу бросилась... в глаза его костлявая фигура, до того худая, костлявая и изможденная, что казалось, тела не было — одни кости, и кости были обтянуты сухой и желтой, как пергамент, кожей»^{51}. Люди, негативно настроенные к «русскому Торквемаде», подчеркивали впечатление болезненности, мертвенности, которое тот производил на окружающих, находили в его внешности отталкивающие и даже зловещие черты. По воспоминаниям писателя и историка Сигизмунда Феликсовича Либровича, уже в начале 1880-х годов, то есть в возрасте 53–55 лет, обер-прокурор по внешнему виду «был действительно «высохший старик», одной ногой уже стоявший в гробу. И никто не предвидел того, что этот старик доживет до преклонного возраста 80 лет»^{52}.

Под стать манерам и внешнему облику была и бытовая обстановка, в которой пребывал обер-прокурор: она также напоминала скорее среду обитания ученого, исследователя, нежели представителя бюрократических верхов. Посетителей обер-прокурорского особняка на Литейном проспекте поражал вид громадного кабинета на первом этаже с колоссальным письменным столом и другими столами, сплошь покрытыми книгами и брошюрами. Многочисленные письма и деловые бумаги Победоносцева, написанные иногда небрежным, но в целом вполне разборчивым почерком, ежедневно отправлялись отсюда десяткам адресатов: министрам, чиновникам, духовным иерархам, писателям, ученым, журналистам, деятелям искусства и рядовым обывателям. По словам Е. Поселянина, в этом кабинете «становилось страшно от ощущения развивающейся здесь мозговой работы»^{53}.

Книги, которые Победоносцев читал, с которыми работал — переводил, использовал в своих публикациях, — довольно сильно отличались по содержанию от основного круга чтения тогдашней образованной публики. Бывая в известном в Петербурге книжном магазине М. О. Вольфа, он, по словам служащего магазина С. Ф. Либровича, демонстративно просил подбирать для него прежде всего «старые, забытые» произведения. «Вот хорошая книга, — частенько заявлял Победоносцев, — ничего в ней нового, но верно истолковано древнее законодательство и умело дана связь с заветами Библии»^{54}. Разумеется, в данной фразе, как и во многих других высказываниях Победоносцева, велика доля эпатажа. Конечно, нельзя сказать, что он не следил за книжными новинками, не читал ничего нового, однако, дистанцируясь от общества, он действительно включал в круг своих предпочтений авторов, которые либо были вовсе неизвестны русскому читателю, либо находились на периферии его внимания. К числу таковых принадлежали англичане — историк Томас Карлейль и поэт Уильям Моррис, социолог и философ из Франции Фредерик Ле Пле, американский философ Ральф Уолдо Эмерсон^[5]. Большую часть этих мыслителей объединяли консервативный настрой, романтический культ прошлого, воспевание патриархальных ценностей и протест против обезличивания, унификации и стандартизации, а также нравственных пороков, которые несла с собой современная цивилизация.

Живя в мире книг, пронизанных преклонением перед прошлым и критическим отношением к современному общественно-политическому развитию, Победоносцев и в личном общении стремился поддерживать контакты прежде всего с людьми, далекими, по его мнению, от политической злобы дня. К числу таковых в его представлении относились прежде всего деятели литературы и искусства. Константина Петровича, по его собственному признанию, невероятно раздражали «разговоры, окрашенные или новостями дня, или теми же самыми сплетнями о делах, о министрах, о дворе»; ему гораздо интереснее было «сходиться в дружеском кружке и напасть на двух-трех литераторов с одушевлением и говорить про старое и про новое в литературе, в искусстве»^{55}. Он был хорошо знаком и тесно общался с рядом видных представителей литературы и искусства: поэтами Аполлоном Николаевичем Майковым и Яковом Петровичем Полонским, композитором Милием Алексеевичем Балакиревым, художником Иваном Николаевичем Крамским, а также с Федором Михайловичем Достоевским. В 1880—1890-е годы консерватор стал посетителем салона известной меценатки княгини Марии Клавдиевны

Тенишевой, в котором собирались живописцы Александр Николаевич Бенуа, Илья Ефимович Репин и др. С Тенишевой Победоносцев сблизился, видимо, благодаря известному историку искусства и реставратору, профессору Адриану Викторовичу Прахову, руководившему росписями Владимирского собора в Киеве, к которым обер-прокурор проявлял пристальный интерес.

Разумеется, бывая в литературных и художественных салонах, «русский Торквемада» мог встретить здесь людей самых разных идейных убеждений, в том числе резко враждебных его собственным, и рисковал нарваться на весьма нелюбезный прием. Именно с позиций достаточно враждебного отношения, в более или менее негативных тонах отзывались о консервативном сановнике многие его современники из мира литературы и науки: журналисты Григорий Константинович Градовский и Василий Иванович Немирович-Данченко, ученый-экономист Иван Иванович Янжул, встречавшие его в салонах графини Антонины Дмитриевны Блудовой, Майкова и Полонского. Так, Градовский с отвращением описывал его как «сухого, болезненного, потертого бюрократа», в голосе которого слышались «неприятные взвизгивания», а Немирович-Данченко и вовсе создал фантастический образ монстра-фанатика, который якобы призывал «Неву трупами запрудить», воздвигнуть ряды виселиц «от Александро-Невской лавры до Адмиралтейства, а то, пожалуй, от Питера до Москвы»^[56].

По идее, перспектива столкнуться с негативным отношением в среде интеллигенции должна была отвращать консерватора от посещения тех мест, где собирались литераторы, художники, публицисты. Однако здесь-то и сказалась примечательная особенность «некоронованного властителя России», которую отмечали многие современники: при желании он мог становиться очень обходительным, говорил искренним, доверительным тоном, «обволакивал» собеседника словами, умел, по выражению А. Н. Бенуа, «очень любезно, мало того — очень уютно беседовать»^[57]. Это производило впечатление на многих современников, встречавшихся с Победоносцевым, которые, даже не разделяя его взглядов, вслед за Бенуа отдавали дань его обходительности, начитанности и эрудиции, способности находить общий язык с самыми разными людьми, делавшим его чрезвычайно интересным собеседником.

Иначе отзывались о Константине Петровиче те, у кого была возможность лично пообщаться с ним в течение достаточно долгого времени. Обер-прокурор поражал их неожиданной прямоотой суждений,

зачастую весьма критических по отношению к политике правительства, готовностью начать дискуссию и отстаивать свою точку зрения. «Всё, что носилось о Победоносцеве в обществе, совершенно противоречило тому, что я видел... — вспоминал Розанов. — Не могло быть и вопроса о полной искренности, правдивости и глубокой простоте и естественности этого человека»^{58}.

Постоянно тоскуя по Москве, Константин Петрович, естественно, стремился поддерживать контакт с духовно близкими ему жителями Первопрестольной и всеми, с кем его связывали дорогие его сердцу воспоминания о прошлом. Ближайшей доверенной собеседницей Победоносцева стала Анна Федоровна Тютчева, а после того как она вышла замуж за И. С. Аксакова (1866) — ее сестра Екатерина. В круг близких друзей обер-прокурора входил и Сергей Александрович Рачинский (1833–1902), его бывший коллега по Московскому университету. Блестящий профессор-ботаник в 1866 году вышел в отставку и навсегда поселился в своем имении Татеево в Смоленской губернии, занявшись обучением крестьянских детей в учрежденных им начальных школах, основанных на религиозных принципах. К татеевскому подвижнику был близок по складу личности еще один постоянный корреспондент Победоносцева — Николай Иванович Ильминский (1822–1891), выдающийся ученый-лингвист, ушедший, как и Рачинский, из большой науки в сферу педагогики и работавший на ниве христианского просвещения народов Поволжья. Ильминский и Рачинский были в глазах Константина Петровича воплощением типа подвижника, чрезвычайно нужного пореформенной России: человека высокой и сложной культуры, нашедшего в себе силы отказаться от соблазнов цивилизации, удалиться в естественную, неиспорченную среду простого народа и именно в этой среде развернуть деятельность.

Сам Победоносцев, считавший, что находится в столице на боевом посту и пост этот не может оставить, всё-таки постоянно стремился бежать из города и по мере возможности уезжал подальше от раздражавшей его толпы. Такая возможность выпадала прежде всего во время отпусков, которые он стремился проводить вне крупных городов. «Я смог позабыться и пожить органической жизнью простого человека, отложив в сторону всякие заботы... которые не дают перевести дух... в кругу так называемой общественной деятельности, — сообщал он Е. Ф. Тютчевой летом 1864 года. — Для того чтобы так пожить и так забыться, лучше нет места, как русский монастырь или русская деревня»^{59}. С 1860-х годов излюбленным

местом отдыха стала для него сельская местность (часто смоленское имение родственников жены) или дача в Царском Селе. В заграничных вояжах, которые Победоносцев совершал время от времени (особенно во второй половине 1860-х и в 1870-е годы, когда его служебные обязанности еще не были столь всеобъемлющи), он старался выбирать для отдыха относительно удаленные уголки Европы, не пользовавшиеся популярностью у российских туристов: остров Уайт у берегов Англии, австрийский Зальцбург. Созерцание памятников старины, уединение на лоне природы позволяли отвлечься от угнетавшей его действительности. И, разумеется, вовсе не случайно среди убежищ, в которых Победоносцев стремился укрыться от бурь современности, важнейшее место занимали монастыри. В монашеских обителях, с точки зрения Победоносцева, наиболее полно выражался дух Церкви, которая воспринималась им едва ли не как единственный якорь спасения посреди социальных потрясений пореформенной России.

В Церкви сходилась всё то, что было дорого и жизненно важно для русского консерватора. Церковь в его глазах служила воплощением традиции, неизменности, что имело особое значение в обстановке раздражавших его непрерывных общественных перемен второй половины XIX века. Церковь как подлинно народный институт давала будущему обер-прокурору возможность ощутить неразрывную связь с массой простых людей, внушала чувство стабильности, защищенности, единения с теми, кто составлял в России основную часть населения. Не будучи, по его мнению, связанной с общественной и политической злобой дня, Церковь возвышалась над «грязью» и «рынком» современной ему жизни, что делало ее воплощением красоты, возвышенности духовных стремлений. В мире пошлости, писал Победоносцев Е. Ф. Тютчевой, Церковь «стоит еще ковчегом спасения, вдохновения, поэзии»: «Это цветущий оазис посреди здешней пустыни; это — чистый и прохладный приют посреди знойной и пыльной площади и шумного рынка; это песня, уносящая вдаль и вглубь — из быта... подобного быту бурлаков — тянущих вдоль берега свою вечную лямку»^{60}.

Такое отношение к Церкви как важнейшему социальному институту опиралось, конечно, и на личный опыт — вынесенное из родительского дома традиционное благочестие. Религиозность была важнейшей частью и воззрений, и повседневного уклада жизни русского консерватора. Частые посещения богослужений, поездки по монастырям с продолжительным пребыванием в них — всё это контрастно выделяло будущего обер-прокурора на фоне большинства высокопоставленных бюрократов второй

половины XIX столетия, относившихся к религии равнодушно, а порой даже враждебно. В пику господствовавшим в 1860—1870-е годы настроениям Победоносцев не стеснялся открыто демонстрировать благочестие. По словам одного из современников, при виде монастыря он демонстративно вставал на колени и едва ли не полз к храму. С посещением храмов у него были связаны самые острые эмоциональные переживания, граничившие с экзальтацией. «У меня и у жены моей любовь к церковному служению доходит до страсти... — сообщал Константин Петрович Е. Ф. Тютчевой в 1878 году. — Мы пьянем, точно от нового вина»^{61}. С 1868 года будущий обер-прокурор с женой ежегодно проводил Страстную неделю в Сергиевой пустыни — известном монастыре под Петербургом. Со временем он выстроил рядом с монастырем дом и стал подолгу жить там с женой и ее родственниками.

Высоко ценя роль Церкви в жизни общества, Константин Петрович в 1860—1870-е годы тревожился по поводу сохранения ее социального статуса, поскольку правительство в эти годы не уделяло ей особого внимания, а в отдельных случаях даже ограничивало влияние на жизнь страны: была закрыта часть храмов, укрупнялись приходы, сокращалась численность духовенства. Подобная политика вызывала у Победоносцева резкое неприятие, граничившее с ужасом и отчаянием. «Не могу Вам выразить, — писал он Е. Ф. Тютчевой, — как глубоко оскорбляет меня мысль о том, что чиновники-либералы, отделенные непроходимой стеной от народа, усиливаются перестроить для него Церковь... Мы ездим... в свой любимый монастырь, и это лучшие часы наши. Но, возвращаясь оттуда, думаем: долго ли еще продержится эта великая красота, и неужели придется быть свидетелями ее разрушения?»^{62} Резко критическое отношение Победоносцева к деятельности реформаторов 1860—1870-х годов было в немалой степени вызвано тем, что их начинания грозили разрушить самое важное для него и в политическом, и в чисто человеческом плане. Впоследствии, после своего назначения в 1880 году на пост обер-прокурора Святейшего синода и особенно после вступления на престол Александра III, Победоносцев немедленно свернет секуляризационные начинания предшествующего периода и начнет осуществление беспрецедентной по масштабам программы поддержки Церкви, ставшей важнейшим направлением его правительственной деятельности.

Многие современники так и остались под обаянием личности обер-прокурора, давая о нем положительный отзыв в воспоминаниях. Другие

высоко оценивали его человеческие качества, однако разочаровывались в его государственной политике и не знали, как совместить эти два аспекта. Очевидно, причиной этого двойственного отношения были глубинные противоречия, присущие натуре Победоносцева, проявившиеся со всей остротой как в его политической деятельности, так и в идейно-теоретических воззрениях.

Глава семь

Стремясь укрыться от бурь современности в кабинете ученого, в храме, в монастыре, бежать от испорченного, по его мнению, общества на лоно природы, Победоносцев особенно ценил человеческие отношения, проникнутые патриархальной теплотой, основанные на родственных связях. Семья играла огромную роль в личной жизни Константина Петровича, рассматривалась им как важнейший элемент общественного порядка и даже (об этом будет сказано ниже) как образец для выстраивания всей системы государственного управления.

Будущий «некоронованный властитель России» и его супруга Екатерина Александровна (1848–1932), урожденная Энгельгардт, по происхождению принадлежали к разным мирам. Победоносцев вышел из разночинства, а Екатерина Александровна могла похвастаться весьма знатным родством. Ее предки еще в XIV веке переселились из Швейцарии в Силезию, оттуда в Прибалтику, а во второй половине XVI века и в XVII столетии оказались втянуты в водоворот событий, связанных с Ливонской войной и перипетиями Смутного времени в России. Один из Энгельгардтов, Роберт, был во время войны пленен русскими войсками и увезен в Московию. Его сын Вернер во время Смуты поступил на польскую службу, получил поместья на Смоленщине, а после возвращения этих территорий России присягнул царю и принял православие с именем Еремей. Потомки Вернера-Еремея особенно возвысились во второй половине XVIII века благодаря тому, что родная сестра всесильного фаворита Екатерины II Григория Александровича Потемкина (который был родом со Смоленщины) Елена вышла замуж за Василия Андреевича Энгельгардта. Их дети, племянники Потемкина, стали главными наследниками огромного состояния светлейшего князя^{63}.

Разумеется, предки Екатерины Александровны обрели известность не только благодаря богатству и знатному родству — многие из них прославились заслугами на самых разных поприщах: военном,

государственном, общественном. Так, сын Василия Андреевича, Василий (1755–1828) командовал крупными соединениями войск в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 годов, дослужился до чина генерал-поручика, а на статской службе — до действительного тайного советника, закончил карьеру сенатором. Его сын Андрей Васильевич (1785–1834) получил чин полковника, участвовал во всех военных кампаниях первой четверти XIX века, включая главные сражения Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии. Бравый офицер приходился Екатерине Александровне дедом. Отец же будущей жены Победоносцева, Александр Андреевич (1822–1887), хотя и начал службу офицером, но рано вышел в отставку и занимал пост мирового посредника^[6] в Смоленской губернии, полтавского вице-губернатора, а в начале 1880-х годов благодаря протекции зятя получил должность в таможенном ведомстве.

Хотя к середине XIX века огромное состояние Потемкина, унаследованное его племянниками, в значительной степени было раздроблено, разделено между многочисленными представителями разветвившегося рода Энгельгардтов, Александр Андреевич всё же был весьма состоятельным помещиком. Он владел (лично или совместно с родственниками) имениями в Смоленской, Черниговской и Калужской губерниях, в его собственности находилось свыше двух тысяч крестьян. Однако отмена крепостного права нанесла благосостоянию семейства непоправимый удар. «Мой отец нас совсем разорил», — сетовала в воспоминаниях Екатерина Александровна. По ее мнению, виной тому было чрезмерное народолюбие Александра Андреевича: желая помочь крестьянам, он размежевался с ними на максимально выгодных для них и, соответственно, невыгодных для себя условиях^[64]. Впрочем, причина материального упадка могла быть и гораздо более прозаической: тесть Победоносцева, как и многие русские бары, явно не отличался деловой хваткой и, по словам Константина Петровича, «проведя свою молодость в богатстве и роскоши в широкой помещичьей обстановке, он нажил себе совершенную беспечность характера»^[65]. Так или иначе, к середине 1860-х годов материальное положение семьи Энгельгардт заметно ухудшилось. В этих условиях отец семейства вполне мог счесть не слишком родовитого, но перспективного, успешно делавшего карьеру и близкого ко двору чиновника удачной партией для дочери.

Став супругом Екатерины, Константин Петрович, по сути, взвалил на свои плечи многочисленные проблемы ее родственников, и решать эти проблемы ему пришлось на протяжении десятилетий. Так, глава семейства,

пристроенный им в таможенное ведомство, оказался по беспечности втянут в мошеннические махинации, попал под суд и был помилован только благодаря слезному прошению, с которым Победоносцев обратился к Александру III. Сестра Екатерины Александровны Софья (1863–1896) во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов по собственному почину отправилась в качестве медсестры на театр военных действий, переболела тифом и, по словам жены обер-прокурора, «на всю жизнь потеряла здоровье». Не сложилась и семейная жизнь Софьи Александровны — она вышла замуж за полковника Алексея Андреевича Боголюбова, которого вылечила во время войны, однако в 1881 году тот всё же умер от последствий ранения. Оставшись одна, сестра до конца жизни жила в семействе Победоносцевых.

В доме обер-прокурора жил и брат Екатерины Владимир (1862–1910) с женой. Сделавший вполне успешную карьеру (он, как и шурин, окончил Училище правоведения, а затем Академию Генерального штаба, служил в Кавалергардском полку, а к 1905 году состоял чиновником особых поручений при министре внутренних дел), он тем не менее не спешил обзаводиться собственным хозяйством, видимо, предпочитая пребывать под крылом могущественного зятя. Победоносцевы поселили в своем доме и мать Екатерины Александровны Софью Никаноровну, урожденную Огонь-Догановскую (1822—?), заботились о ней во время ее многочисленных болезней. Судя по письмам Победоносцева, не отличалась крепким здоровьем и сама Екатерина Александровна. Однако, несмотря на все тяготы, вызванные проблемами в жизни близких, семья, безусловно, воспринималась Константином Петровичем как важнейшая опора всего жизненного уклада, играла для него роль отдушины, убежища от волнений окружающего мира. Особое значение имели для него отношения с женой.

История брака Победоносцева весьма примечательна и заслуживает того, чтобы рассказать о ней подробнее. С будущей женой молодой чиновник познакомился в 1855 году, когда гостил в имении ее дяди и своего товарища по Училищу правоведения Диодора Андреевича Энгельгардта^[7]. Будущей супруге обер-прокурора было в то время всего семь лет. Константин Петрович привязался к девочке, стал руководить ее чтением, помогать в учебе, подолгу беседовать с ней и, по его собственному выражению, «на своем сердце взрастил»^[66]. Когда девочка подросла, привязанность наставника переросла в любовь. Для будущего обер-прокурора такой поворот событий не был случайностью. Всё сильнее сторонившийся людей, к середине 1860-х годов он, видимо, только и мог до

конца доверять человеку, чей внутренний мир, склонности, пристрастия были почти целиком созданы им самим. Екатерина Александровна, в свою очередь, испытывала к нему искреннюю привязанность, ставшую залогом прочного брака. Несмотря на значительную разницу в возрасте (22 года), супругов связывало искреннее чувство, ярко отразившееся в воспоминаниях жены обер-прокурора.

Надо сказать, что в глазах современников Екатерина Александровна и Константин Петрович были необычной парой. По воспоминаниям очевидцев, жена обер-прокурора отличалась яркой красотой, а ее муж, как отмечалось выше, даже не достигнув преклонного возраста, производил впечатление мертвенности, «засушенности». Так, журналисту Г. К. Градовскому, встречавшему чету Победоносцевых в 1870-е годы, Екатерина Александровна — «молодая, красивая, статная дама» — показалась «чуть не втрое моложе своего благоверного»^[67]. На волне популярности романа «Анна Каренина», впервые опубликованного в «Русском вестнике» в 1875–1877 годах, у современников даже возникло предположение, что именно Екатерина Александровна и ее муж послужили Толстому прототипами супругов Карениных. Называли и кандидата на роль Вронского — им, по мнению знатоков светской жизни, был блестящий морской офицер Николай Михайлович Баранов (1837–1901), в конце 1870-х годов получивший известность благодаря своим смелым выступлениям против ошибочной, с его точки зрения, политики морского министерства и сблизившийся на этой почве с Победоносцевым. Баранов, по воспоминаниям современников, пользовался успехом у женщин, молва приписывала ему роман с женой будущего обер-прокурора. Впрочем, такой адюльтер едва ли имел место в реальности; во всяком случае, сама Екатерина Александровна в воспоминаниях решительно отрицала ходившие слухи, как и свое сходство с Анной Карениной^[8].

Близость, а то и абсолютное тождество взглядов Константина Петровича и его супруги послужили основой для их совместного участия в разного рода просветительских и благотворительных начинаниях, явившегося своего рода продолжением семейного союза. Важнейшим из этих начинаний стало создание в 1889 году Свято-Владимирской женской учительской школы, располагавшейся в петербургском Новодевичьем Воскресенском монастыре. Екатерина Александровна стала ее попечительницей. Чета Победоносцевых вложила в развитие школы немало собственных средств, содержала за свой счет часть учениц, даже отправляла некоторых из них для обучения за границу. Супруга обер-

прокурора заботилась об устройстве судьбы выпускниц школы, призванных по окончании курса стать образцовыми учительницами церковно-приходских школ, а в идеале — женами сельских батюшек, обеспечивала некоторых из них приданым. Окончив школу, воспитанницы, рассеянные по разным уголкам необъятной России, поддерживали переписку со своей бывшей благодетельницей. Эти письма, по признанию Победоносцева, служили для него, особенно в конце его пребывания на посту обер-прокурора, во второй половине 1890-х — начале 1900-х годов, важным источником сведений о положении дел в духовном ведомстве^{68}.

Педагог и чиновник Министерства народного просвещения И. Аралов вспоминал о посещении Победоносцевым Свято-Владимирской школы: «Мы наблюдали, как по-отечески ласково этот на вид сухой и апатичный старец обращался с ученицами из самых скромных слоев общества... Общая атмосфера бывала хороша, ибо вся обстановка располагала к незлобивости и искренности и он в то время отдыхал душой»^{69}. Школа и ее ученицы воспринимались обер-прокурором как своеобразный идеальный мир, в котором он с годами стремился проводить всё больше времени. Трудом главы духовного ведомства в школе была устроена домовая церковь, «вся какая-то радостно-светлая», с ликами святых детей (царевича Димитрия, Артемия Веркольского) в иконостасе^{70}. Лишь в этой церкви, по признанию Победоносцева, в конце жизни он мог молиться. При ней, согласно завещанию, в 1907 году сановник был похоронен, а в 1932-м там же упокоилась его жена.

Своих детей у Екатерины Александровны и Константина Петровича не было, что служило для них предметом глубокого горя. Своеобразным окном в мир детства стало для обер-прокурора общение с приемной дочерью Марфинькой, принятой в семью в 1897 году. О приемной дочери Победоносцевых известно сравнительно мало. Согласно воспоминаниям супруги обер-прокурора, новорожденную Марфиньку подбросили в дом ее двоюродной сестры Софьи Васильевны Ланской. Сама Екатерина Александровна предполагала, что подкидыш мог быть незаконнорожденным ребенком одной из дочерей Ланской, Веры^{71}. Так или иначе, девочка осталась в семье Победоносцева, который официально удочерил ее, дав свою фамилию. Приемная дочь заняла важное место в жизни обер-прокурора. В письмах доверенным собеседникам, прежде всего Рачинскому, он постоянно упоминал Марфиньку, сообщал о ее здоровье, а впоследствии и об успехах в учебе, рассказывал, как малышка привыкала к «дедушке», радовалась встречам с ним.

В целом при чтении корреспонденции консервативного сановника, отзывов современников о нем складывается впечатление, что у могущественного «тайного властителя России» то и дело возникало желание уйти в мир детства, навсегда остаться в нем. «Поистине, — писал Константин Петрович Рачинскому, — наболевшая душа от взрослых людей, от всяческой лжи, которой проникнуты все отношения, отрадно отдыхает на детях — и на природе»^[72]. Именно дети были воплощением таких ценных им качеств, как простодушие, наивность, невинность, непричастность к сложностям и противоречиям общественной жизни. Состояние длительного (в идеале — вечного) детства, по сути, рассматривалось Победоносцевым как оптимальная форма существования социального организма. Подобное мироощущение заметно влияло на деятельность обер-прокурора, отражалось в его сочинениях.

Не менее важное влияние на интеллектуальный облик Победоносцева оказали его научные исследования.

Историко-правовые труды

Известный прежде всего как государственный деятель, Константин Петрович сыграл значительную роль и в развитии историко-правовой науки. Главный труд Победоносцева-правоведа — «Курс гражданского права», составленный на основе лекций, прочитанных им в Московском университете, — стал заметным явлением научной жизни России и выдержал в 1868–1896 годах четыре издания. К числу научных трудов Победоносцева принадлежали также «Судебное руководство» (1872), «Исторические исследования и статьи» (1876), «Историко-юридические акты переходной эпохи» (1887), «Материалы для истории приказного судопроизводства в России» (1890), «Указатели и приложения к «Курсу гражданского права»» (1896). Ученые заслуги принесли ему звания почетного члена Санкт-Петербургской и Французской академий наук, Московского, Киевского, Казанского и Юрьевского университетов.

Изучение огромного количества материалов, связанных с историей судебных органов и судопроизводства, имущественных и иных правовых отношений России, позволяло Победоносцеву впоследствии в ходе политической борьбы заявлять о глубокой научной обоснованности своих суждений, подчеркивать их отличие от легковесных, по его мнению, заявлений оппонентов. Вместе с тем следует отметить, что основная часть выводов, к которым он пришел в ходе изучения особенностей

исторического развития России, носила в целом пессимистический характер. Главный из них касался глубоких отличий сформировавшегося в России общественного уклада от существовавшего на Западе. Основной причиной этих отличий были неблагоприятные природно-климатические и внешнеполитические условия. Самостоятельное гражданское общество в России так и не возникло, единственным исторически активным началом была государственная власть, которая часто выступала в качестве творца важнейших социально-политических институтов. В рамках сложившихся в стране порядков «все сословия почитались обязанными в отношении к государству, все тяготели к нему не только как к центральной власти, но и как к главному собственнику». То или иное имущество выделялось отдельным лицам и целым сословиям лишь для того, чтобы обеспечить отправление ими государственных обязанностей, и, «оставаясь в частном владении, представляло как бы капитал или фонд государственный»^{73}.

Подобная ситуация, разумеется, невыгодно отличала Россию от Запада, о высоком уровне культуры и прочности самостоятельных исторических традиций которого Победоносцев не раз писал со скрытой (а порой и открытой) завистью. Описание тягот, по воле судьбы выпавших на долю России, порой приобретало у него едва ли не апокалипсический характер. «Огромные, пустые, ровные пространства, — писал Победоносцев, — бедность промыслов, скудость населения — всё это препятствовало людям утвердиться на месте и устроить прочную организацию местных союзов». Рассуждения о хронической бедности и некультурности России, едва ли не полной неосвоенности обширных территорий, о непреодолимости этих недостатков со временем станут постоянно повторяющимся мотивом в письмах, статьях и публичных выступлениях Победоносцева. Страны Запада, по его мнению, находились в совсем ином положении: «Сословия рано получили оседлость, прочное корпоративное устройство с крепким сословным духом, сами выработали для себя сословную организацию, получили участие в государственных делах, явившись перед лицом государства в земских думах»^{74}.

Запад вообще играл в сознании Победоносцева роль своеобразного «друга-врага», в отношении к которому острая, доходившая подчас до ненависти неприязнь перемешивалась с восхищением. Он много писал о невозможности переноса в Россию европейских институтов, критически оценивал некоторые тенденции в современном ему развитии Запада. Резкий протест вызывала у него политика европейских государств по отношению к России в период Крымской войны, Польского восстания 1863–1864 годов, а

затем и Восточного кризиса второй половины 1870-х. И в то же время Константин Петрович не мог не сознавать, что самостоятельное развитие общественных сил, составлявшее характерную особенность западной цивилизации, придало тамошним консервативным началам значительно большую прочность, нежели в России. Бывая в Лондоне, Победоносцев восхищался древней, насыщенной событиями историей Англии, «которая в каждом углу, на каждом камне, в каждом учреждении положила могучие следы свои»^{75}. «Выросли же там веками подобные учреждения, и все на двух столбах — вере и послушании, — писал он в 1879 году Е. Ф. Тютчевой о французской общине сестер милосердия. — В результате выходит организм, который глубоко пускает корни в почву, привлекает, поглощает, разрастается»^{76}.

Разумеется, и у сложившейся в России социально-политической системы были не только минусы. Так, поскольку все сословия в той или иной мере наделялись имуществом для отправления обязанностей перед государством, людям не грозило полное обнищание и во взаимоотношениях между сословиями не было ожесточенности, характерной для стран Запада. Даже в недрах самого тягостного для большей части населения института — крепостного права — сохранялась память о его государственном, а не частном происхождении (крестьяне прикреплялись к поместьям дворян, чтобы последние могли исправно нести военную службу). В силу этого, утверждал Победоносцев, «политическое начало» крепостничества «никогда вполне не сливалось с началом юридическим, и потому строгое последовательное развитие идеи о рабстве как совершенном и безусловном уничтожении личности было невозможно». Однако все существовавшие в России социальные порядки оказывались так или иначе связаны с государством, а общество являлось ведомым. Институты, служившие на Западе опорой независимости и социальной активности общественных сил, в России практически не сложились, «вовсе не выработалась идея формального различия между вотчинными и личными правами... не выработалось и понятие о безусловном значении права собственности»^{77}.

В свете подобных рассуждений Победоносцев считал смертельно опасным после отмены крепостного права внедрять в совершенно неподготовленную для этого среду российского общества заимствованные с Запада «отвлеченные начала экономической свободы». В первую очередь это касалось самого многочисленного и в то же время самого уязвимого слоя населения России — бывших крепостных крестьян, которые для

Константина Петровича были вроде детей, нуждавшихся в постоянной опеке. В частности, он считал, что крестьянам нельзя было давать право свободно распоряжаться положенными им после отмены крепостного права земельными наделами, даже если они заплатили полную сумму выкупа, поскольку в большей части случаев в основе стремления стать самостоятельным хозяином будет лежать «произвольное желание отдельных личностей... по случайному побуждению». «Можно быть уверену, — твердо заявлял Победоносцев, — что в этих случаях отдельная личность останется беззащитной в нищете, без содействия и помощи». Объявить для крестьян землю «вольным товаром», утверждал он, значило бы «оставить их без всяких средств к удержанию земли, к поддержанию хозяйства, к обеспечению от нищеты и голода»^{78}.

Понятно, что в основе подобных заявлений лежали не столько конкретные экономические выкладки, сколько определенное умонастроение, общее отношение Победоносцева к действительности — его глубокое сомнение в способности русских людей выжить без опеки государственной власти, боязнь отпускать их одних в бурные волны рыночных отношений. Тревога за русских людей порой перерастала в острое чувство жалости с нотками безнадежности. «Бедный мы, бедный народ, сироты Господни, овцы без пастырей!.. — писал обер-прокурор Е. Ф. Тютчевой в 1881 году. — Есть что-то таинственное и роковое в этой нашей бедности, в отсутствии всяких у нас запасов и сбережений, кроме церковного предания». «Мы без власти пропали, вот почему необходимо держаться нам за власть», — заявлял он И. С. Аксакову в том же году, поминая «славянскую беду» — «бить своих», из-за которой славян «прижимают» немцы^{79}.

Победоносцеву приписывают и еще более резкое высказывание о России: «Это ледяная пустыня без конца-края, а по ней ходит лихой человек»^{80}. Можно, конечно, усомниться, что сказаны были именно эти слова, поскольку афоризм приводится по воспоминаниям известной писательницы Серебряного века Зинаиды Николаевны Гиппиус, а та слышала его от своего мужа Дмитрия Сергеевича Мережковского, причем оба могли добавить что-то от себя. Однако сходные фразы, пусть и не в столь резкой формулировке, довольно часто встречаются в письмах Победоносцева.

Выступая против предоставления бывшим крепостным права свободно распоряжаться их наделами, Константин Петрович поддерживал сохранение крестьянской общины, что отчасти сближало его со

славянофилами. С «московскими славянами», как отмечалось выше, правоведа связывали и многочисленные личные контакты, и, в некоторых случаях, дружеские отношения. Однако если Победоносцев и был славянофилом, то в сугубо охранительном духе и, по словам известного историка-богослова Георгия Васильевича Флоровского, «без всякой метафизической перспективы». Использование существующих институтов для конструирования каких-то широкомасштабных планов на будущее казалось ему опасным. Для него была неприемлема «политическая мечтательность, чающая обрести в общине какую-то нормальную (идеальную. — А. П.) форму хозяйственного быта». Данный институт Победоносцев поддерживал по чисто прагматическим соображениям — как дающий возможность предотвратить обнищание крестьянства, однако отказывался придавать ему какую-то этическую или идеологическую окраску, видеть в нем залог самобытности России. Общинная форма хозяйства, заявлял Победоносцев, была характерна в прошлом для многих стран мира и почти везде пережила процесс распада; та же участь «готовится, надобно полагать, общинному землевладению повсюду». Вместе с тем вмешиваться в действие безличных исторических процессов он считал самонадеянным и опасным: «Не настало еще время прямо или косвенно способствовать разложению общинного землевладения... Время это придет *само собой* (курсив мой. — А. П.), с естественным развитием производительных сил и с изменением хозяйственных условий»^{81}.

В целом консерватор весьма скептически относился к возможности воздействия человека на ход исторического развития, попыткам изменить его направление, всяким проявлениям инициативы в этой сфере. История сама, когда приходит время, всё расставляет по своим местам или, по крайней мере, дает обществу ясные сигналы для начала действий; дело людей — терпеливо ждать этих сигналов. Так, в начале XVIII века не было никаких симптомов начала разложения крепостнической системы, а потому прав был Петр I, когда не только не отменил этот институт, но и способствовал его усилению. При всей нравственной неприглядности крепостничества слепые, имперсональные силы истории еще не подготовили почву для его падения, а поэтому с ним надобно было мириться: «Эта форма, видимо, еще не одряхлела, еще не пережила своего содержания; в противном случае она распалась бы или под ней для нас заметны были бы в обществе следы того внутреннего брожения, под влиянием которого распадаются устаревшие формы»^{82}.

История представлялась Победоносцеву процессом, лишенным

морального измерения, который следовало не оценивать или переоценивать с позиций того или иного идеала, а принимать в сложившихся формах, пусть даже иногда они и шокировали наблюдателя своей неприглядностью. «Вообще нам кажется, — заявлял он, — что одно только признание той или другой политической меры насильственной само по себе еще недостаточно для того, чтобы осудить ее с исторической точки зрения. Нравственное чувство оскорбляется всяким насилием; но одно нравственное чувство не может служить надежным руководителем историку при обсуждении политической деятельности исторического лица: иначе придется осудить и признать пагубной всякую правительственную меру только потому, что она сопряжена с насилием; это было бы несправедливо. Царство духа, мира и любви покуда не от мира сего». Говоря об исторической роли Русской православной церкви, Победоносцев особо подчеркивал, что она «стремилась не к изменению политических учреждений и форм общественного быта», а старалась «распространять дух любви и мира» «в пределах учреждений существующих... твердо держась законных форм»^{83}.

При подобном подходе широкое применение властью принуждения вовсе не вызывало у Победоносцева протеста. Главное, чтобы оно совершалось во имя общегосударственных целей, а не «грубого, личного произвола». Придание самодержавию предельно жестких форм, характерное для деятельности Петра I и вызывавшее резкое осуждение со стороны славянофилов, Победоносцевым воспринималось спокойно: царь просто «воспользовался для своих государственных целей учреждением, которое нашел готовым в быте своего отечества»^{84}. Представления, которые вызревали у Победоносцева в ходе его академических штудий — своеобразный культ государственной власти, приписывание ей черт демиурга, — вместе с крайне скептическим отношением к свойствам человеческой природы впоследствии вошли в состав его политических воззрений и оказали значительное воздействие на его деятельность в качестве высокопоставленного сановника. Безусловно, очень значительное влияние на эту деятельность оказала и критическая оценка Победоносцевым реформ, демократических начал, подпитывавшаяся его впечатлением от общественно-политического развития как России, так и Запада.

Глава вторая

ОСНОВЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В борьбе против реформ

Негативное отношение к реформам, которое сложилось у Победоносцева в ходе разработки преобразований в рамках правительственных комиссий, еще углубилось под влиянием социально-политических потрясений, сопровождавших начало правительственной «оттепели» и ставших особенно заметными после отмены крепостного права. Замкнутый кабинетный труженик, во многом опиравшийся на прямолинейно-идеалистическое представление об общественных проблемах, схожее с наивным просветительством его отца, не был готов взвешенно, адекватно воспринять и осмыслить многочисленные конфликты, неизбежно связанные с процессом преобразований. «Боже! — писал он в дневнике об охвативших Петербург в 1862 году грандиозных пожарах, виновниками которых, по слухам, были революционеры. — Что за ад там!.. Плач, рыдание, жалость, горе! А злодеи торжествуют!» «У нас страшные дела происходят, — сообщал он брату четыре года спустя по поводу покушения террориста Дмитрия Каракозова на Александра II. — Страшно подумать, что было бы с нами, когда бы свершился преступный замысел. Страшно думать и теперь, что, может быть, среди нас находятся тайные враги, изменники, отступники от своей родины!»^{85}

Особенно тяжелым потрясением для будущего обер-прокурора стало Польское восстание. Родившийся и выросший в историческом центре страны, имевший преимущественно книжное представление о многообразии населявших ее народов, он, видимо, до конца не сознавал всей остроты и сложности национального вопроса. Внезапно открывшаяся — и казавшаяся вполне реальной — угроза дезинтеграции Российской империи, разрушения ее целостности по линиям национальных разломов во многом явилась для Победоносцева неожиданностью и стала тяжелым шоком. Отныне он едва ли не во всех социально-политических потрясениях будет видеть следы «польской интриги».

Попытки отдельных государственных деятелей восстановить политическую стабильность, пойдя на уступки окраинам (точнее, их

элитам), расценивались Победоносцевым крайне отрицательно. Так, острую неприязнь вызывал у него П. А. Валуев, занимавший в 1862–1868 годах пост министра внутренних дел. В нем воплощались все раздражавшие будущего обер-прокурора черты: неуместная, с его точки зрения, склонность к компромиссам, стремление в политике следовать западным образцам и даже внешне копировать манеры членов европейских правительственных кабинетов. «Он невероятно пуст — едва ли не до глупости, — писал Победоносцев о министре. — По речам можно бы назвать его шутком, если не актером»^{86}.

Работа в государственных органах в рамках курса, который представлялся Константину Петровичу ошибочным, угнетала и выматывала его. Это ощущение, накладываясь на общее представление о тотальной бессмысленности деятельности бюрократических структур, подпитывало всё более мрачное умонастроение Победоносцева. «Когда бы не работа, которая не дает мне много досуга, — писал он А. Ф. Тютчевой, — сердце наболело бы без меры... Я не могу не чувствовать всеобщего разложения и пустоты»^{87}. В такой атмосфере у Победоносцева вырабатывалась система социально-политических воззрений, которыми он будет руководствоваться в своей общественной и государственной деятельности.

В основе данной системы лежали рассуждения о причинах охвативших Россию потрясений. Главной из них Константин Петрович, разумеется, считал разрушение традиционного социально-политического уклада с его простотой, определенностью, четким распределением ролей, в рамках которого «так тихо и мирно» проходила его жизнь и который он мнил единственно подходящим и возможным для страны. «Жизнь наша, — в ужасе писал он об основных тенденциях развития современности, — стала до невероятности уродлива, безумна и лжива оттого, что исчез всякий порядок, пропала всякая последовательность в нашем развитии; оттого, что расслабла посреди нас всякая дисциплина мысли, чувства и нравственности. В общественной и семейной жизни попортились и расстроились все простые отношения органические, на место их протеснились и стали учреждения или отвлеченные начала, большей частью ложные или лживо приложенные к жизни... Самолюбия, выраставшие прежде ровным ростом в соответствии с обстановкой и условиями жизни, стали разом возникать, разом подниматься во всю безумную величину человеческого «я»... разом вступать в безмерную претензию отдельного «я» на жизнь, на свободу, на счастье, на господство

над судьбой и обстоятельствами»^[88].

Неосторожно и самонадеянно сдвинув с вековых основ сложившийся общественный уклад, реформаторы, полагал Победоносцев, открыли путь процессу бесконечных и главным образом деструктивных изменений в системе социальных отношений. Около каждого дела «образовалось великое множество невидимых течений, неуловимых случайностей, которых нельзя предвидеть и обойти... Отсюда — состояние неуверенности, тревоги и истомы, от которого все более или менее страдают». Процессы общественного развития в результате приобретали неконтролируемый характер, что не могло не привести к катастрофическим последствиям.

Реформы, которые ранее воспринимались им как ключ к решению большинства общественных проблем, теперь рассматривались главным образом как цепь ошибок, недоразумений и подтасовок, порождение низких моральных и интеллектуальных качеств тех, кто готовил преобразования. Разработка судебных уставов, в которой будущий обер-прокурор принял активное участие, через 20 лет сводилась им к простой формуле: «Граф Блудов, впавший уже в детство, легко дал себя уговорить легкомысленному и тщеславному Буткову. Кн[язь] Гагарин и барон Корф, люди умные, но легкие, провели это дело в Государственном совете совокупно с Бутковым^[9]»^[89]. В целом, по мнению Победоносцева, люди, пытавшиеся преобразовать исторически сложившийся уклад, чаще всего вдохновлялись морально ущербными стимулами — самомнением, верой в свое (как правило, мнимое) всемогущество, стремлением противопоставить свое «я» многовековым трудам предков. В основе всех подобных устремлений лежал тяжелейший порок — индивидуализм.

«Общая и господствующая болезнь у всех так называемых государственных людей, — доказывал консерватор, — честолюбие или желание прославиться... Скучно поднимать нить на том месте, на котором покинул ее предшественник, скучно заниматься мелкой работой организации и улучшения текущих дел и существующих учреждений. И всякому хочется переделать всё свое дело заново, поставить его на новом основании, очистить себе ровное поле, tabula rasa^[10]». Противоядием к данным устремлениям Победоносцев считал воспитание смирения, осознание ограниченности своих возможностей: «Делать — значит не теряться во множестве общих мыслей и стремлений, но выбирать себе дело и место в меру свою и на нем и копать, и садить, и возделывать»^[90].

Планируя и осуществляя преобразования, реформаторы утверждали,

что унаследованный от прошлого уклад, сложившийся во многом стихийно, под воздействием случайных факторов, требует рационального переустройства по четко обдуманному плану. Однако тут-то, по мнению Победоносцева, и таилась главная опасность. В том или ином учреждении, общественном институте, сложившемся в ходе многовековой эволюции, очень трудно было отделить случайное от существенного; пытаясь преобразовать их основы под лозунгом рационализации, можно было разрушить именно то, что жизненно необходимо для общества. «Старое учреждение, — доказывал консерватор, — тем драгоценно, потому и незаменимо, что оно не придумано, а создано жизнью, вышло из жизни прошедшей, из истории, и освящено в народном мнении тем авторитетом, который дает история и... одна только история. Ничем иным нельзя заменить этого авторитета, потому что корни его в той части бытия, где крепче всего связываются и глубже всего утверждаются нравственные узы — именно в бессознательной части бытия»^[91].

Победоносцев вообще считал опасным чрезмерное доверие к аналитической деятельности, так как человеческая мысль слишком слаба, не может охватить всей сложности реального бытия и неизбежно скатывается к формализации, абстрагированию: «Когда рассуждение отделилось от жизни, оно становится искусственным, формальным и вследствие того мертвым. К предмету подходят и вопросы решаются с точки зрения общих положений и начал, на веру принятых; скользят по поверхности, не углубляясь внутрь предмета и не всматриваясь в явления действительной жизни или даже отказываясь вглядываться в них». Реальность настолько сложна, что постигнуть ее суть можно лишь интуитивно, и такое интуитивное ощущение может оказаться более верным, чем сложные рационализированные теории. «Во всяком деле жизни действительной, — настаивал Победоносцев, — мы более полагаемся на человека, который держится упорно и безотчетно мнений, непосредственно принятых и удовлетворяющих инстинктам и потребностям природы, нежели на того, кто способен менять свои мнения по выводам своей логики»^[92].

Апология интуиции и недоверие к логике, рациональному началу, казалось бы, полностью противоречили самой сути научной деятельности, которой Победоносцев занимался в течение значительной части жизни. Однако следует отметить, что у него был весьма своеобразный взгляд на задачи научного исследования. По его мнению, ученый должен был, всячески избегая теоретизирования и обобщений, собрать максимальное

количество фактов, а этот материал сам скажет читателю о сути изучаемого явления. «Требуется, — утверждал правовед, — не бросить на факты тот или иной свет, а представить их в возможной полноте, чтобы они стали всякому ясны в своей совокупности»^[93]. Подобным установкам Победоносцев неукоснительно следовал в собственных научных штудиях. Его «Курс гражданского права» представлял читателю грандиозную по объему и едва ли не исчерпывающую картину действовавших в то время правовых норм.

Создавая «Курс...», будущий обер-прокурор не ограничился изучением десятого тома Свода законов Российской империи, где в основном были сосредоточены частноправовые постановления, а проработал и все остальные тома, извлекая из них всё, что касалось предмета его исследования. Привлекались и другие источники — материалы обычного права, данные судебной практики. В результате по богатству собранного материала труд Победоносцева долгое время не знал себе равных. В то же время решить с помощью «Курса...» вновь возникающие казусы было крайне сложно — в нем не было общей, теоретической части, отсутствовала четкая проработка основных юридических понятий, не был определен метод исследования.

Приступая к изучению русского права, утверждал Победоносцев, молодой юрист должен начать со сплошного чтения Полного собрания законов Российской империи^[11]. К этому следовало добавить проработку иных форм первичного материала: архивных актов, дел судебной практики. Теоретических же руководств, в особенности иностранного происхождения, предлагающих широкие концептуальные обобщения, следовало всячески сторониться. Правовед признавал, что рекомендованная им форма изучения права составляет «труд довольно сухой и тягостный», однако настаивал, что лишь она даст «драгоценнейший плод... здоровое и цельное знание». Сама увлекательность работ по теории права, подкупающих широтой подхода, представлялась ему подозрительной. «Опасны для начинающих, — утверждал маститый юрист, — сочинения, которые при всём блеске остроумия и множестве дельных мыслей представляют интерес преимущественно для чтения, а не для изучения и потому обманывают неопытного читателя той самой легкостью, с которой он, по-видимому, воспринимает идеи и выводы автора»^[94].

Победоносцева возмущало, что с развитием новых общественных отношений в России правоведение превращалось в массовую профессию, в связи с чем, по его мнению, недопустимо снижался уровень подготовки

юристов, страдала глубина их знаний. Он продолжал настаивать, что высокопрофессиональных правоведов в обществе должно быть немного, что каждый из них представляет собой «штучный» продукт, «созревающий» в результате долгой и трудной подготовки: «Сила действительная не вдруг возникает... Сила должна вырасти, знание должно быть куплено ценой труда»^[95].

Однако в бурно развивавшемся обществе, предъявлявшем всё больший спрос на юристов, попытка положить в основу их подготовки многолетний «сухой и тягостный труд» была явной утопией. С одной стороны, желающих обречь себя на подобный труд становилось всё меньше, что вызывало неизбежное раздражение Победоносцева. С другой стороны, не сокращалось и количество «архитекторов», ставивших перед собой задачи широкого переустройства исторически сложившегося общественного и политического уклада, вместо того чтобы осознать ограниченность своих возможностей и действовать «в меру сил своих» на «малом поле». Практически всё «образованное общество» оказывалось в той или иной степени заражено болезнью самомнения, индивидуализма и беспочвенной тягой к реформаторству, подрывавшими основу общественной стабильности. В этих условиях взор Победоносцева всё чаще обращался к тому слою, который в пореформенной России традиционно воспринимался как антипод «образованного общества», — к «простому народу».

По-видимому, исходным импульсом для обращения к теме «простого народа» стали для Константина Петровича события начала 1860-х годов, впервые заставившие его задуматься о прочности того фундамента, на котором покоились устои традиционного порядка в России. Вопрос о государственной роли народа будущий обер-прокурор затрагивал и в своих публицистических сочинениях, и — особенно — в переписке с наследником Александром Александровичем. В его письмах наследнику народ предстал нравственно здоровой средой, не испорченной чуждыми России веяниями и противостоящей в этом плане образованным верхам, пропитанным европейской культурой и утратившим духовную связь с теми основами, на которых зиждились монархия и все традиционные институты. Мотив противопоставления народа и верхов (интеллигенции, аристократии, бюрократии) звучал особенно отчетливо в периоды общественно-политических потрясений — Польского восстания, Русско-турецкой войны. В народе, писал Победоносцев наследнику в разгар войны, гораздо больше тревоги за судьбы страны, «нежели наверху, где чиновные люди по-прежнему подписывают свои бумаги и получают свои деньги». Описывая похороны погибшего на войне двоюродного брата цесаревича, герцога

Сергея Максимилиановича Лейхтенбергского, будущий обер-прокурор не преминул подчеркнуть сухость, неискренность официальной церемонии («собор наполнился сановниками в мундирах — похоже было на раут»); зато накануне, когда гроб встречали на станции, «собралось несметное множество народа — процессия была торжественная, невыразимо печальная, и тут пролито было много искренних и бескорыстных слёз»^[96].

Народ привлекал Победоносцева и тем, что был невосприимчив к логическим абстракциям, а следовательно, сохранил способность выступать в качестве консервативного начала, носителя «земляной силы инерции». По мнению сановника, народ негативно воспринимал все спускаемые сверху преобразования, включая большую часть Великих реформ; в связи с этим протест против реформирования начинал звучать как форма защиты основной массы населения от преобразований, полностью расходящихся с коренными устоями ее жизни. Особый ужас, считал Победоносцев, вызывали у народа планы введения в России представительства (то есть шаги к конституционному ограничению монархии), которые, по мнению либералов, должны были увенчать здание Великих реформ. В период кризиса власти конца 1870-х — начала 1880-х годов, когда верхи, пытаясь сбить накал революционной борьбы, стали обсуждать планы перехода к представительному правлению, такая перспектива обрела вполне реальные черты. В связи с этим Победоносцев в письмах наследнику описывал массы «простых людей», которые «по деревням и уездным городам», обсуждая «простым здравым смыслом и горячей душой нынешние события», с тревогой говорят о конституции: «... там уже знают, что такое конституция, и опасаются этого больше всего на свете». Здоровые настроения провинции консерватор противопоставлял оторванным от реальности мнениям Петербурга, «чиновных и ученых людей», от которых у него «душа... наболела, точно в компании полоумных людей и исковерканных обезьян»^[97].

Тяжесть потрясений, обрушившихся на Россию в пореформенный период и ставших, по мнению Победоносцева, результатом непродуманного реформирования страны, заставила консерватора поставить под сомнение практически всю совокупность явлений, связанных с миром высокой культуры, все приемы правительства, связанные с современной ему государственной деятельностью: рациональное конструирование, анализ, реформирование. Едва ли не единственным залогом общественной стабильности провозглашалась интуитивная верность историческим традициям, хранящаяся в народе,

поскольку он непричастен к современной рациональной культуре. Не желал ли Победоносцев, чтобы народ навсегда остался лишенным образования? Фактически таков был последний вывод из рассуждений консерватора, и когда ему приходилось отвечать на прямо поставленный вопрос, вынужден был не без раздражения отвечать, что необразованность народа — меньшее зло по сравнению с хаосом и катастрофой, которые характерны для современной Европы и начинают распространяться в России вследствие преобразования общественной жизни на рациональных началах. «И пусть! Что может быть прелестнее, завиднее невинного, неспорченного младенца!»^{98} Некоторые высказывания Победоносцева можно принять за открытую апологию безграмотности. Так, он утверждал: «Иной крестьянин, едва умеющий читать и писать, обладает в среде своей достоинством и умением; вся деревня его уважает, и точно вся природа, посреди коей он вырос, ему известна и его слушает... Он не проходил начальной школы рационализма и критики, и, может быть, благодаря тому поднялась в нем и развилась природная творческая способность»^{99}.

Цельность народного мировоззрения казалась Победоносцеву столь драгоценной, что представители мира образования и науки не должны были пытаться разрушить ее внедрением приемов и выводов, принятых в мире образованного общества. Даже если ученые в ходе аналитической работы пришли к умозаключениям, противоречащим содержанию хранимых в народе легенд, возможно, эти плоды научного анализа лучше скрыть во имя скромности и смирения перед высшей правдой, носителями которой являются простые люди. «Ученые не хотят понять, — упрекал Победоносцев, — что народ *чует душой*, что эту абсолютную истину нельзя уловить материально, выставить обязательно, определить числом и мерой, но в нее можно и должно *веровать*, и абсолютная истина доступна только вере»^{100}. (Свои взгляды на рациональный анализ и науку Победоносцеву доведется опробовать на практике. В бытность обер-прокурором он примет весьма суровые меры против слишком широкой, с его точки зрения, свободы научного поиска в духовных академиях, которая побуждала ряд профессоров делать в своих исследованиях выводы, противоречившие устоявшейся точке зрения на важнейшие события церковной истории.)

Здоровая природа народного мировоззрения выражалась, по мысли Победоносцева, и в том, что «простые люди» интуитивно тяготели именно к самодержавию как наиболее подходящей для них форме власти. «Все они ждут и жаждут крепкого и строгого правления и не понимают, в простоте

душевной, как может быть иначе в России»^{101}, — писал Победоносцев своему бывшему ученику Александру III после его вступления на престол. Именно среди народа, подчеркивал обер-прокурор, сохраняется спасительная вера в то, что «царь всё может сделать и что от его слова преобразится лицо земли русской». Сам он, конечно, понимал, что реальная ситуация в сфере управления уже существенно изменилась, но писал об этом с глубоким сожалением: «Простые люди не знают — и хорошо, что не знают еще, — что и в среде первых лиц государства, и в собраниях, обсуждающих законы, самые простые и здравые начала встречают упорное противодействие: до того перепутались мысли о правде и неправде даже у добрых и желающих добра людей»^{102}. Так или иначе, но именно воззрения «простого народа» и составляли, в представлении Победоносцева, наиболее прочную опору самодержавного строя в России. Однако «малых сих» можно было соблазнить, пообещав им непосредственное участие в делах управления посредством институтов политической демократии. Критике этих институтов — в публицистике, письмах наследнику, а затем царю — была посвящена значительная часть усилий Победоносцева.

«Великая ложь нашего времени»

Разоблачение тотальной дефективности институтов политической демократии, принятие всех возможных мер, чтобы не допустить их внедрения в России, — эти направления деятельности имели огромное значение для Победоносцева. Он стремился всесторонне и фундаментально обосновать свои начинания в этих сферах. Российский консерватор был хорошо знаком с политической жизнью Западной Европы, где в течение всего XIX века утверждение демократических институтов сопровождала острая борьба. Победоносцев внимательно следил за западной прессой, читал выходящие на Западе сочинения по политическим вопросам, состоял в переписке с европейскими политиками и учеными, сам, как упоминалось выше, не раз бывал в европейских странах. Картины разворачивавшихся там политических катаклизмов — крушение Второй империи и борьба вокруг утверждения республики во Франции, затяжная гражданская война в Испании, противоборство государства и Церкви («Культуркампф») в Германии — давали сановному публицисту обильный материал для рассуждений, доказывавший, с его точки зрения,

деструктивную природу политических институтов, основанных на принципах демократии и секулярного (свободного от церковного влияния) государства.

Критикуя утверждавшиеся на Западе институты политической демократии, Победоносцев прибегал к своеобразному приему — черпал свои аргументы из сочинений западных авторов, к числу которых, помимо упоминавшихся выше Карлейля и Ле Пле, принадлежали консервативные английские правоведы Генри Джеймс Самнер Мэн и Джеймс Фитцджеральд Стивен, французские педагоги и публицисты Эдмон Демолен и Этьен Лами и даже один из основателей сионизма — франко-германский публицист Макс Нордау (Симон Зюдфельд), критиковавший «слева» институты представительной демократии. Переводы и переложения сочинений этих авторов, информацию о них Победоносцев на протяжении второй половины XIX — начала XX века публиковал как отдельными изданиями, так и в виде статей в консервативных газетах и журналах («Гражданин», «Русское обозрение», «Московские ведомости»). Многие из этих материалов вошли в его главное публицистическое сочинение — «Московский сборник». Помимо собственно политических вопросов, российский консерватор большое внимание уделял борьбе против атеизма и секуляризма, требований отделения Церкви от государства и введения безрелигиозной системы образования, также получавших всё большее распространение в странах Европы.

Вся совокупность утверждавшихся на Западе новейших политических и идеологических принципов — демократии, секуляризма, идейно-политического плюрализма, введения или расширения избирательного права — подрывала, с точки зрения Победоносцева, стабильность европейских государств и вела большую часть их к гибели. Ярчайшим доказательством этого он считал судьбу Франции — родины или очага всех новейших европейских революций. Попытавшись после 1789 года положить в основу своей политической системы принцип «воли народа» — неопределенной, неуловимой и постоянно меняющейся, — эта страна никак не может выйти из череды кровавых катаклизмов (от революции к реставрации, от республики к монархии, от традиционной династии к империи и снова к республике, и так до бесконечности). Единственной опорой общественного порядка, по Победоносцеву, могла быть исторически сложившаяся государственность, унаследованная от предков, имеющая божественную санкцию и не зависящая от воли людей. «Как скоро власть, — писал он в 1873 году, вскоре после падения Второй империи во Франции, — сорвалась с основ своих и обществом овладело

недоумение о том, где власть законная и кто ее непрекаемый представитель, — всё общество выходит из своей орбиты и стремится в пространство блудящей кометой... мятется во все стороны, не находя уверенности и безопасности»^{103}.

Политическая демократия, с точки зрения Константина Петровича, являла собой типичный пример формально правильной, но по существу ложной конструкции, источником которой было абстрактное теоретизирование оторванных от жизни либеральных политиков и интеллигентов. Так, введение избирательной системы наделе вовсе не вверяло власть народу, как провозглашали вожди демократии, а лишь готовило почву для утверждения новой деспотии — значительно более жесткой, чем традиционная монархия. Власть в рамках избирательной системы оказывалась раздробленной на множество фрагментов, каждый в отдельности бессильный. Наделенная такими бесполезными обломками масса рядовых избирателей оказывалась беспомощной игрушкой в руках парламентских демагогов, теряла способность осмысливать свои истинные интересы и начинала действовать фактически себе в ущерб. Выбор в рамках демократической системы, утверждал Победоносцев, «должен бы падать на разумного и способного, в действительности падает на того, кто нахальнее суется вперед». Образование, опыт, добросовестность при избирательной системе вовсе не требовались — «тут важнее всего смелость, самоуверенность в соединении с ораторством и некоторой пошлостью, нередко действующей на массу»^{104}.

С точки зрения Победоносцева, попытка вверить сложнейшие вопросы государственного управления массе обычных людей ведет к недопустимой профанации всей сферы политической деятельности. Будучи втянут в политическую жизнь, народ может проявить себя лишь как «толпа»: «быстро увлекается общими местами, облеченными в громкие фразы, общими выводами и положениями, не помышляя о проверке их, которая для нее недоступна... слушает лишь того, кто кричит и искуснее подделывается пошлостью и лестью под ходячие в массе наклонности»^{105}. Чтобы избежать подобной ситуации, власть и опека над народом должны принадлежать узкому кругу мудрецов, наделенных солидным багажом практического опыта, прошедших долгую школу изучения механизмов управления и народной жизни. «Ясность сознания, — утверждал русский консерватор, — доступна лишь немногим умам, составляющим аристократию интеллигенции, а масса, как всегда и повсюду, состояла и состоит из толпы «vulgus»^[12], и ее представления по необходимости будут

«вульгарные»^{106}.

Для Победоносцева была характерна скептическая и главным образом пессимистическая оценка человеческой природы. Сознвая раздвоенность природы человека, борьбу в его душе доброго и злого начал, он в конечном счете всё-таки склонялся к мысли о преобладании последнего. «Печальное будет время, — писал Константин Петрович, — когда водворится проповедуемый ныне новый культ человечества. Личность человеческая немного будет в нем значить; снимутся и те, какие существуют теперь, нравственные преграды насилию и самовластию»^{107}. Скепсис, подозрительность, недоверие — эти его качества, с годами усиливаясь, всё больше бросались в глаза современникам. «В течение более 20-летних дружеских отношений с Победоносцевым, — вспоминал близко знакомый с обер-прокурором консервативный публицист князь Владимир Петрович Мещерский, — мне ни разу не пришлось услышать от него... прямо и просто сказанного хорошего отзыва о человеке»^{108}. Сходные отзывы содержатся и в мемуарах других людей, встречавшихся с Победоносцевым.

Читая сочинения западных консерваторов (в первую очередь англичан), российский сановник сочувственно отмечал в них пассажи, в которых говорилось о господстве силы в системе человеческих отношений, о невозможности полагаться только на добрые качества человеческой природы, о неизбежности проявлений неравенства и несправедливости. Важным эпизодом в публицистической деятельности Победоносцева стало подготовленное им в 1873 году для журнала «Гражданин» сообщение о книге английского юриста сэра Джеймса Фитцджереймса Стивена «Свобода, равенство, братство», содержавшей критику воззрений либеральных авторов — Огюста Конта, Джона Стюарта Милля, Генри Томаса Бокля. Будущий обер-прокурор, цитируя англичанина, акцентировал внимание русского читателя на том, что «и нравственное учение, и религия» обращаются к страху в душе человеческой «гораздо еще больше, чем к надежде», что «едва ли есть хоть один добрый навык, который можно было бы приобрести иначе как посредством стеснений, более или менее отяготительных». Встречались в книге Стивена и еще более резкие заявления: «Люди — это собаки на своре, вместе связаны и рвутся в разные стороны»; «сила повсюду предшествует праву»^{109}. Специально оговорив, что некоторые оценки британского коллеги звучат чересчур резко, сановный публицист всё же счел необходимым поддержать большинство их, отметив, что, к сожалению, они подтверждаются жизнью.

Все институты, которые втягивали народ в активную общественно-

политическую жизнь, портили его и превращали тем самым в «толпу», расценивались Победоносцевым крайне отрицательно, хотя раньше он нередко возлагал на них надежду в плане улучшения российских порядков. Адвокатов он считал алчной корпорацией, которой движет интерес «самолюбия и корысти» и которая «упражняется в искусстве софистики и логомахии для того, чтобы действовать на массу». Представители общества в зале судебного заседания — это «смешанная толпа публики, приходящей на суд, как на зрелище посреди праздной и бедной содержанием жизни». Наконец, присяжные — «пестрое, смешанное стадо... собираемое или случайно, или искусственным подбором из массы, коей недоступны ни сознание долга судьи, ни способность осилить массу фактов, требующих анализа и логической разборки»^{110}.

Пожалуй, наибольшее негодование из всех институтов современного общества вызывала у Победоносцева периодическая печать — именно потому, что была способна быстро оказать воздействие на значительные массы населения, самим фактом своего существования тревожила умственный покой «простого человека» и прививала ему нездоровую тягу к рассуждениям о политических вопросах. Наивно думать, заявлял Константин Петрович, что печать отражает общественное мнение; нет, она активно формирует его «под себя», подвергая разного рода манипуляциям. С появлением массовой прессы, полагал он, весьма широкий круг людей получил возможность доступа к рычагам идеологического воздействия на общество, однако из-за доминирования в человеческой натуре негативных начал большинство самозванных «властителей дум» использовали эту возможность во зло. «Любой уличный проходимец, — с возмущением писал Победоносцев, — любой болтун из непризнанных гениев, любой искатель гешефта может, имея свои или достав для наживы и спекуляции чужие деньги, основать газету, хотя бы большую, собрать около себя по первому кличу толпу писак... и он может с завтрашнего дня стать в положение власти, судящей всех и каждого, действовать на министров и правителей, на искусство и литературу, на биржу и промышленность»^{111}. В этих условиях власть просто не могла самоустраниться, в ее обязанности входило осуществление попечения над простыми людьми: «охранять «малых сих», верующих в нее, т. е. многомиллионный народ, от яда и соблазна»^{112}.

Фактически все институты современного общества, с точки зрения Победоносцева, оказывались тотально испорченными, в чем нельзя не увидеть опрошенной оценки сложной и неоднозначной реальности. Однако

в действиях Победоносцева была своя логика. В условиях, когда страна, как ему казалось, катилась в пропасть, и в суждениях о политике, и — особенно — в действиях тех, кто был облечен властью, должны были присутствовать определенность и однозначность, создающие основу для быстрых, решительных мер. В целом все попытки обратить внимание на сложный, противоречивый характер различных явлений социальной действительности вызывали у Победоносцева глубокое подозрение в стремлении уйти от ответственности, «размыть» четкую линию политического поведения в море отвлеченных рассуждений. Лучший деятель, заявлял консерватор, «не тот, кто, смешивая цвета и оттенки, способен доказывать, что в черном есть белое и в белом черное, но тот, кто прямо и сознательно называет белое белым и черное черным»^{113}.

Разумеется, настаивая на «черно-белой» оценке всех явлений, консервативный сановник не мог увидеть в столь ненавистной ему демократии каких-либо позитивных сторон, и все элементы этой политической системы оценивались им однозначно отрицательно. Победоносцев был глубоко убежден, что все государства, которые ввели у себя демократические институты, неудержимо валятся в пропасть. Избранные в парламент депутаты не представляют в нем население, как это предполагается теоретически, а лишь узурпируют волю народа в своих интересах. Так же по отношению к самим депутатам поступают министры, которым те вверяют задачи текущего управления. В самом парламенте демократия оборачивается полной фикцией — в том числе и потому, что никакие демократические институты не могут отменить извечного неравенства, основанного на различном распределении способностей, волевых качеств и дарований: «Люди по природе делятся на две категории: одни не терпят над собой никакой власти и потому необходимо стремятся господствовать... [другие] как бы рождены для подчинения и составляют из себя стадо, следующее за людьми воли и решения, составляющими меньшинство... Они как бы инстинктивно «ищут вождя» и становятся послушными его орудиями»^{114}. В результате партийные фракции, складывающиеся в парламенте, оказываются подчинены деспотической власти своих руководителей.

Подобная ситуация складывалась и в масштабах всего общества, демонстрируя, что демократические институты не только не закрепляют обещанные свободы, но парадоксальным образом способствуют их падению: «Вместо неограниченной власти монарха мы получаем неограниченную власть парламента с той лишь разницей, что в лице

монарха можно представить себе единство разумной воли, а в парламенте нет его... Политическая свобода становится фикцией, поддерживаемой на бумаге, параграфами и фразами конституции. Начало монархической власти совсем пропадает; торжествует либеральная демократия, водворяя беспорядок и насилие в обществе... Такое состояние ведет неотразимо к анархии, от которой общество спасается одной лишь диктатурой, т. е. восстановлением единой воли и единой власти в правлении»^{115}.

Вся история стран, пытавшихся в XIX веке ввести у себя институты политической демократии, показывала, по мнению Победоносцева, пример развития этой тенденции. Одной из жертв конституционных преобразований стали страны Балканского полуострова, куда «представительные учреждения внесли сразу разлагающее влияние народной жизни, представляя из себя в иных случаях жалкую карикатуру Запада». Парламент Испании, погруженной в пучину перманентной гражданской войны, являл собой «картину невообразимой, ни к чему серьезному не ведущей болтовни». Наконец, бывшие латиноамериканские колонии Испании демонстрировали еще одну тенденцию, порождаемую демократией, — перерастание последней через анархию в диктатуру. Победоносцев с ужасом писал о «том чудовищном и поучительном зрелище, которое представляют многочисленные республики Южной Америки», вся история которых «представляет непрестанную смену ожесточенной резни между народной толпой и войсками, прерываемую правлением деспотов, напоминающих Коммода или Калигулу»^{116}.

Главной жертвой политических пертурбаций, связанных с попытками введения демократии, оказывались, по мнению Победоносцева, простые люди, рядовые обыватели, хотя именно им поборники демократических начал собирались вверить государственную власть. «Замечательнее всего, — отмечал русский консерватор в статье про Францию, — что в этой политической игре, которую ведут между собой партии, хотя всё делается именем народа, до народа, в сущности, никому дела нет. Народ... сбит с толку и совсем не понимает, что делается наверху с его правительством». Подобное явление, на его взгляд, было глубоко закономерно: первая потребность массы — «это потребность в твердом, установленном правительстве, а когда его нет, положение массы печально». Инстинктивно пускаясь на поиски твердой власти и прочных основ духовной жизни, народ обращается к религии, и взрыв религиозных настроений во Франции в 1870-х годах, с точки зрения Победоносцева, об этом свидетельствовал: «В нем выражается вопль простого человека, потерянного в смятенном

своем отечестве и сбитою с толку, — вопль к Богу о судьбах своей несчастной родины»^[117].

Оказывая негативное влияние на политическую стабильность во всех государствах, институты демократии, по мнению Победоносцева, вели к особо разрушительным последствиям в государствах многонациональных. «Национализм в наше время можно назвать пробным камнем, на котором обнаруживается непрактичность и лживость парламентского правления»; в многонациональном государстве при введении парламентских учреждений «каждое племя из своей местности высылает своих представителей — не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти и к господствующему племени, и к другим племенам». «Монархия неограниченная, — утверждал консерватор, — успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы не одной только силой, но и уравнением прав и отношений под одной властью»^[118], демократия же не в силах с ними справиться; поэтому многонациональные державы, вводящие у себя демократические институты, стремительно идут к распаду, тенденции которого, по мысли Победоносцева, уже вполне отчетливо проявились в политической жизни западной соседки России — Австро-Венгрии.

Исключением из общемировой тенденции, связанной с развитием демократических институтов, казалось бы, служила родина парламентаризма — Англия. Однако для Победоносцева пример этой страны, которую он хорошо знал, не раз в ней бывал и внимательно следил за тамошней политической жизнью, не был доказательством, поскольку островное государство изначально развивалось в весьма специфических условиях, воспроизвести которые невозможно ни в одной из стран континентальной Европы, не говоря уже о неевропейской периферии. Центром общественного развития в Англии со времен раннего Средневековья служила независимая личность, все институты управления росли «снизу», а парламент стал их органичным завершением; в жизни же других европейских стран централизованная и зачастую авторитарная государственная власть служила стержнем общественного устройства, и все попытки «насадить» на эту структуру легкомысленно заимствованные парламентские институты могут привести лишь к разрушительным результатам.

Но даже в Англии, при всей важности для нее парламентских институтов, политическую стабильность, полагал российский консерватор,

обеспечивали не сами по себе представительные учреждения, а прочность исторических традиций, на которые опирались функционирование механизмов управления, признание народом безоговорочного авторитета своих элит, готовность повиноваться указаниям признанных правителей. «Сила закона (коего люди не знают) поддерживается, в сущности, уважением к *власти*, которая орудует законом, и доверием к разуму ее, искусству и знанию»^{119}, — утверждал Победоносцев.

Чрезвычайно цельный в убеждениях, Победоносцев, придя к выводу о тотально деструктивном характере парламентских институтов, не мог допустить ни одного исключения из выведенной им формулы — иначе рушилась бы вся система его взглядов. Поэтому в его представлении крах должен был постигнуть и парламентские институты Англии. «Всякая конституция, на представительстве основанная, есть ложь, — заявлял обер-прокурор в письме публицистке славянофильского направления Ольге Алексеевне Новиковой, проживавшей в Лондоне и служившей ему посредницей в общении с представителями английских элит. — Рано или поздно в этом убедятся все Европ[ейские] народы, не исключая и Британцев. У них держится порядок, можно сказать, вопреки форме правительства, сделками с ней — и силой характера народного и исторического смысла. Но и у них он изнашивается»^{120}. Значительным и безусловно негативным, с точки зрения Победоносцева, было воздействие демократических начал на религию и Церковь — те аспекты жизни общества, которые имели для консерватора особое значение.

Духовные основы консервативного порядка

Вопросы веры и религиозных институтов находились в центре внимания Победоносцева уже в силу того значения, которое он придавал механизмам интуитивного, непосредственного восприятия, безотчетной верности традициям, лежавшим, по его мнению, в основе спасительного для России народного консерватизма. На вере, заявлял он, «всё у нас держится», и ей «следует дорожить более всего, ибо отнимите эту веру, и всё рухнет»^{121}. Осознание важности социально-политической роли веры и Церкви в системе представлений Победоносцева тесно смыкалось с унаследованными от предков нормами, среди которых приверженность религиозным началам, благочестие играли огромную роль. Многие современники отмечали, что к своей деятельности на сугубо

бюрократическом посту обер-прокурора Синода он относился едва ли не с миссионерским пылом, сильно отличавшим его от большинства предшественников, в целом равнодушных к вопросам религии. Собеседникам Победоносцев нередко напоминал то средневекового монаха, то духовного иерарха, то проповедника, лишь по ошибке облаченного в чиновничий мундир. Не случайно на разных этапах биографии консервативного сановника его знакомые — иногда в шутку, а иногда и всерьез — прочили ему пострижение в монахи и посвящение в архиерейский сан.

Победоносцев был глубоко убежден, что секулярные тенденции, охватившие в XIX веке самые разные социальные сферы — от массового и индивидуального сознания до образования и государственных структур, — вкупе со столь же вредоносным, как он считал, процессом насаждения институтов политической демократии приведут общество к катастрофе. Попытки уменьшить значение религии или вовсе изъять ее из жизни общества неизбежно откроют путь деструктивным процессам, ибо общественная мораль — главная основа социальной стабильности — может базироваться только на религиозных началах. Без апелляции к высшим ценностям, настаивал Победоносцев, невозможно сформулировать идеалы, которые будут побуждать людей держаться вместе в рамках сколько-нибудь мирных, цивилизованных отношений. «Атеизм, — настаивал он в статье, основанной на материалах работ английского писателя и богослова Уильяма Харрела Мэллока, — не в силах выставить перед людьми ясный и действительный образ... счастья, да и немислим такой образ в круге земных вещей и в пределах земной жизни. Мы слышим от него только такие речи: разве добродетель не должна сама себе служить наградой? Разве люди должны быть добры, великодушны, правдивы, мужественны только из расчета на награду в будущей жизни или из страха наказаний? Разве не следует стремиться к этим качествам ради их самих?.. Но все эти речи и подобные им только рассыпаются звуком в пространстве, ничего не разъясняя, никого не убеждая»^{122}.

Лозунг разделения Церкви и государства, получавший во второй половине XIX века всё большую популярность на Западе, казался Победоносцеву нежизнеспособным, поскольку не учитывал абсолютной, всеохватной природы религиозных начал. «Церковь не может отказаться от своего влияния на жизнь гражданскую и общественную, — писал Победоносцев в статье, основанной на материалах еще одного западного автора, патера Гиацинта Луазона. — Чем она деятельнее, чем более ощущает в себе внутренней, действенной силы, тем менее возможно для

нее равнодушное отношение к государству». Сам по себе принцип разделения светского и религиозного начал казался консерватору еще одним, наряду с политической демократией, примером логической абстракции, которая может быть приемлема для интеллигенции, но которой «не удовлетворится простое сознание в массе верующего народа», поскольку «жизнь духовная ищет и требует выше всего единства духовного и в нем полагает идеал бытия своего»^{123}.

Скептически относясь к добрым свойствам человеческой природы, Победоносцев в целом не слишком верил в возможность любовного размежевания между Церковью и государством. Последнее, по его мнению, было не менее, чем Церковь, склонно к расширению сферы своего влияния, особенно если отказывалось от своих религиозных основ. «Не свободы ищет государство и не о совести хлопочет, — заявлял будущий обер-прокурор, описывая события борьбы государственной власти против католической церкви в Германской империи. — Оно добивается, в свою очередь, преобладания и тоже хочет связать — с другой стороны — совесть верующей массы»^{124}. Показательно, что в статьях, посвященных «Культуркампу», Победоносцев с одобрением писал о действиях католической церкви, хотя в целом — по крайней мере со времен Польского восстания — относился к этой конфессии крайне отрицательно. Упорное сопротивление католиков натиску секулярного государства, полагал он, заслуживает уважения, так как в данном случае они отстаивают свое неотъемлемое право на духовную независимость, сохранение своих традиционных порядков.

Оценивая значение религиозного учения для общества, Победоносцев главной в нем считал проповедь смирения перед высшим началом, преклонения перед силой традиций, служащую противовесом легкомысленным социальным экспериментам, необоснованной страсти к реформированию. «Что выше меня неизмеримо, — заявлял Константин Петрович, — что от века было и есть, что неизменно и бесконечно... вот во что хочу я верить как в безусловную истину, а не в дело рук своих, не в творение ума своего, не в логическую форму мысли». Наиболее полно идеалы смирения и простоты, по его мнению, воплотились в деятельности русского духовенства, в религиозной жизни русского народа, сумевшего сохранить «понятие о Церкви как о народном достоянии и общем собрании, полнейшее устранение сословного различия в Церкви»^{125}.

Еще в 1860-е годы будущий обер-прокурор писал о благотворном влиянии служителей Церкви на российскую провинцию — влиянии,

которому в специфических условиях России трудно было подобрать замену: «Духовенство наше при множестве неблагоприятных условий для своего развития и при отчуждении от высших классов общества всё-таки является еще во многих местностях России едва ли не лучшим представителем умственного образования и интересов, особенно в сравнении с классом уездных и земских чиновников»^{126}. Заслуги русского клира, утверждал Победоносцев, таковы, что заставляют мириться со многими его недостатками. Признавая, что «наше духовенство мало и редко учит», что зачастую лишь «служба церковная и несколько молитв... передаваясь от родителей к детям, служат единственным соединительным звеном между отдельным лицом и Церковью», он, однако, утверждал, что, несмотря на все изъяны, «во всех этих невоспитанных умах воздвигнут, неизвестно кем, алтарь неведомому Богу» — прежде всего, за счет житейской, социальной близости клира к народу^{127}.

Высоко оценивая заслуги Русской православной церкви, Победоносцев в то же время признавал, что с точки зрения внешнего благоустройства ей далеко до западных конфессий. По его словам, если западный христианин (особенно протестант) обратится к русскому с предложением: «Покажи мне веру твою от дел твоих», последнему придется «опустить голову»: «Чувствуется, что показать нечего, что всё не прибрано, всё не начато, всё покрыто обломками». Протестантская же церковь имела право сказать о себе: «Я не терплю лжи, обмана и суеверия. Я привожу дела в соответствие и разум в соглашение с верой. Я освятила верой труд, житейские отношения, семейный быт, верой искореняю праздность и суеверие, водворяю честность и правосудие и общественный порядок». Силу католической церкви, по мнению Победоносцева, составляли «верные полки» служителей («как один человек»), которых она на протяжении своей многовековой истории рассылала «на концы вселенной». Однако подоплека этих успехов, по мнению российского консерватора, делала бессмысленными попытки переноса западных порядков в Россию. Так, блестящие экономические и политические достижения Англии, благополучное состояние англиканской церкви (а по большому счету и других протестантских церквей) основывались, по мнению Победоносцева, на возвеличивании глубоко чуждых духу русского народа и Русской православной церкви начал — на культе жизненного успеха, силы, на недостатке сострадания к падшим, тогда как русская душа никогда не примет «сродного протестантству ужасного кальвинистского учения о том, что иные от века призваны к добродетели, к славе, к спасению, к

блаженству, а другие от века осуждены»^{128}.

Победоносцев считал, что англиканская церковь, освятив сословное разделение и связав свою судьбу в первую очередь с верхами общества, оторвалась от простого народа, который начал искать правду в многочисленных «вольных» религиозных союзах, что вело к хаосу в религиозной, а в конечном счете и в общественной жизни. Применительно к Англии сановник не без изумления писал про «множество самочинных церквей, посреди ее (англиканской церкви. — А. П.) образовавшихся и отвергающих или проклинающих англиканское церковное учение»: «Необычайная пестрота мнений и обрядов соединяется с раздражением против верующих иначе, заставляет людей соединяться в отдельные места богослужения, производит ожесточенную полемику между партиями и учениями»^{129}.

На этом фоне безусловно благодетельным казалось положение Русской православной церкви, служители которой «из народа вышли и от него не отделяются ни в житейском быту, ни в добродетелях, ни в самых недостатках, с народом и стоят, и падают»^{130}. Будущий обер-прокурор Синода считал чрезвычайно опасными попытки социально возвысить клириков, поставить их над народом под предлогом улучшения их материального положения, придания им, наподобие протестантских пасторов, более «респектабельного» общественного статуса. Потери от подобных посягательств на традиционный церковный уклад будут гораздо значительнее, чем преимущества, во многом иллюзорные. «Избави нас, Боже, — восклицал Победоносцев, — дожидаться той поры, когда наши пастыри утвердятся в положении чиновников, поставленных над народом, и станут князьями посреди людей своих в обстановке светского человека, в усложнении потребностей и желаний, посреди народной скудости и простоты!»^{131} Те негативные моменты, которые были связаны с низким общественным статусом и плохим материальным обеспечением клириков, следовало исправлять посредством медленных постепенных мер в рамках существующей социальной структуры, но главную роль вновь должно было сыграть смирение, ограничение собственных потребностей. Вместе с тем в представлениях Победоносцева о желаемом облике Церкви и духовенства таилось глубокое противоречие.

Дело в том, что общественно-политическая обстановка, в которой во второй половине XIX века приходилось действовать русским клирикам, давно уже была далека от патриархальной целостности, благообразия и простоты. Господствующей Церкви Российской империи всё чаще бросали

вызов не только антирелигиозные течения (агностицизм, атеизм), но и соперники на религиозном поле. К их числу принадлежали иноверие — неправославные исповедания (католицизм, протестантизм, ислам, буддизм), последователи которых оказались в свое время под властью Российской империи в результате ее территориального расширения, и инаковерие — течения, отколовшиеся от Русской православной церкви (старообрядчество, сектантство) и переживавшие в эпоху Великих реформ заметный подъем. Идеальный же, с точки зрения Победоносцева, клирик — «простой духом», непричастный к соблазнам высокой культуры, мало чем отличающийся от простолюдина, — перед лицом всех этих вызовов оказался бы попросту беспомощным.

Усиление иноверия и распространение религиозного инакомыслия в России вызывали сильнейший гнев Победоносцева, поскольку сам факт их существования разрушал идиллическую картину патриархального единения пастырей и паствы, которую столь любовно рисовал для себя российский консерватор. Поэтому искать какие-то глубокие причины для возникновения и развития в России религиозного разномыслия он решительно отказывался: «Этому бесконечному смещению мечтательных и самочинных верований невозможно полагать одну общую основу в убеждении: их порождает нервная сила воображения, их размножает подражательная восприимчивость того же нервного чувства... образуется психическое возбуждение, заражающее целую массу силой какого-то гипноза... и развивается фанатизм, нередко злобный и яростный»^{132}.

В основе действий вождей религиозного инакомыслия, создателей новых учений лежали, по мнению консерватора, морально ущербные мотивы, связанные с гордостью, самомнением, противопоставлением себя массе простых верующих. «Непризнанные учителя разных толков, — с возмущением писал он, — проповедуют с ревностью, доходящей до фанатизма и до глумления над всяким возражением, туманное, не приведенное в систему, но повелительное применение к жизни начал, произвольно извлеченных и произвольно истолкованных из Евангелия... всякий, сосредоточась на своем «я», всегда себялюбивом, самочинном, исключительном, отрешаясь в духе от мира своих собратий, приходит к отрицанию»^{133}. Обер-прокурор полагал, что, поскольку с историческими традициями России была связана именно Русская православная церковь, творцы новых религиозных учений должны были смиренно признать этот факт, склоняясь перед многовековой мудростью предков. «Простая душа, — заявлял консерватор, — была душа смиренная»; сектантство прививает

ей «бессмысленную гордость с уверенностью в своей правоте — перед кем? Перед целым народом, составляющим Церковь и живущим в смиренном сознании своей греховности перед Богом и в смиренной надежде прощения грехов»^{134}.

Победоносцев признавал, что в рамках сложившейся в России системы религиозных отношений обратить в инаковерие среднего православного обывателя достаточно нетрудно, ведь он представлял собой «простую душу, в которой есть только чистое, незанятое поле религиозного чувства»^{135}. Однако, разумеется, допускать это обращение ни в коем случае не следовало: «простые души», безусловно, должны были оставаться в ограде господствующей Церкви, находящейся под защитой государства, дабы ее служители имели возможность оказать на них духовное воздействие. Пользуясь своей близостью к народу, клирики-«простецы», безусловно, укрепят его преданность Церкви, однако осуществится это не иначе как посредством медленных постепенных мер, которые дадут прочный результат лишь впоследствии. «Стадо это — наша будущность, — писал Победоносцев Е. Ф. Тютчевой в 1881 году о православной пастве. — Что сегодня не может быть в нем возделано, то будет возделано через десятки лет, но покуда мы должны оберегать его от волков»^{136}.

Предложение снять напряжение, возникающее в обществе в связи с развитием инаковерия, путем уравнивания в правах всех исповеданий, составлявшее часть проекта разделения Церкви и государства, вызывало решительный протест обер-прокурора. Он утверждал: подобные проекты, наивно-идеалистические по своей природе, не учитывают ущербной природы человека. Избавившись от опеки государства в религиозной сфере, люди, как и в сфере политической, не смогут удержаться в рамках «терпимости» и взаимного уважения и немедленно перейдут к насилию. «Из-за свободы совести, — подчеркивал обер-прокурор, — веками велась кровопролитная брань, и гонимое вероисповедание завоевывало себе свободу. Но вскоре же оказывалось, что эта свобода превращалась на каждой стороне в свою исключительную свободу, переходя в стеснение свободы для партии противоположной»^{137}.

В силу ограниченности своих возможностей, утверждал Победоносцев, рядовой обыватель, будучи не в силах осмыслить разницу между собственно религиозным учением (догматом) и обрядом, воспринимает религию прежде всего с внешней стороны, которая практически всегда оказывается связана с особенностями национальной

культуры. Поэтому объявление неограниченной свободы совести откроет путь ожесточенной борьбе между национальными группами, ведущей к дезинтеграции общества. Подобный сценарий казался Победоносцеву особенно вероятным в условиях России с присущими ей слабостью исторических традиций и культуры, наивной целостностью народного мировосприятия, делающего «простых людей» крайне уязвимыми для внешнего воздействия. «Немецкие люди, — писал Константин Петрович в 1889 году О. А. Новиковой, — понять не могут того, что мы, русские люди, так живо чувствуем. У них, в Неметчине, лютеранин, католик, сектант не перестает быть немцем, англичанином и проч. А у нас, сделавшись протестантом или сектантом немецкой лютеранской окраски, немедленно перестает быть русским и становится немцем — отрицателем России и всего русского!»^{138}

Формальное уравнивание исповеданий, полагал Победоносцев, не обеспечит людям возможность свободного духовного выбора, а лишь откроет простор действиям наиболее агрессивных, склонных к насилию участников межрелигиозной борьбы: «При равенстве прав всех и каждого фанатик сектант может достичь властного положения и властного влияния на множество людей... и совершать над ними несправедливое давление в целях религиозного фанатизма»^{139}. В этих условиях не могло быть и речи о безразличии государства в религиозной сфере — оно должно было оказывать попечительное воздействие, ограждая «малых сих», «простых людей» от вредоносного внешнего влияния. «Церковь наша — одно с народом — не лучше его и не хуже, — вновь подчеркивал Победоносцев в письме Е. Ф. Тютчевой. — В этом ее великое качество. Но Государство обязано понять его и защитить ее. От кого? От целой армии дисциплинированных врагов ее и наших — всяких вероисповедных пропагандистов, которые, пользуясь простотой народной, бездействием правительства, условиями пространства и бедной культуры, врываются, как волки, в наше стадо, не имеющее достаточно пастырей»^{140}. Таким образом, он возлагал на государство практически всеобъемлющие функции. Чтобы их успешно выполнять, государство должно было обладать самыми широкими возможностями, выступать в качестве власти, максимально сконцентрированной в себе самой, ни с кем не разделяющей своих полномочий. В размышлениях о сущности и особенностях устройства подобной системы управления и рождались представления Победоносцева о самодержавии — единственной форме власти, которая, по его мнению, могла служить прочной основой порядка в России.

«Верховное воплощение порядка и справедливости»

В условиях, когда обществу грозила катастрофа, когда в сфере социальной жизни всё более неудержимо и бесконтрольно проступали темные стороны человеческой природы, настоятельно требовалось действие высшего упорядочивающего начала, способного приостановить нарастание хаоса. Таким началом могло быть лишь самодержавное государство. «В душевной природе человека... глубоко таится потребность власти, — утверждал Победоносцев. — С тех пор, как раздвоилась его природа, явилось различие добра и зла и тяга к добру и правде вступила в душе его в непрестанную борьбу с тягой ко злу и неправде, не осталось иного спасения, как искать примирения и опоры в верховном судье этой борьбы, в верховном воплощении властного начала порядка и справедливости»^{141}.

Поскольку задачи, возлагавшиеся на власть, носили прежде всего охранительный характер, законотворчество и вообще все меры по формально-административному регулированию общественных отношений казались Победоносцеву делом второстепенным, а то и бесполезным. Главное заключалось в личности правителя, его нравственных качествах и твердой приверженности изначально выбранным политическим принципам, суть которых ясна и не нуждается в дополнительных обсуждениях. «Я не придаю никакого значения конституции и вообще какого бы то ни было рода формам, — заявлял Константин Петрович высокопоставленному сановнику и своему товарищу по Училищу правоведения, сенатору Александру Александровичу Половцову в 1877 году, когда в обстановке начала Русско-турецкой войны и возможной смены царствований встал вопрос о разработке политической программы для наследника престола. — Надо, чтобы сам государь был человек, твердый на добро, разбирающий людей и т. д., а без этого всякие внешние перемены ни к чему не послужат». «Я убедился, — замечал Половцов, — что ясной политической мысли или программы у него нет, а что он ограничивается платоническими полурелигиозными пожеланиями нравственного совершенствования»^{142}.

Основой стабильности и благополучия общества представлялся Победоносцеву духовно-нравственный фактор — убежденность народа, что власть пребудет твердой и незыблемой. «Мое глубокое убеждение, — наставлял будущий обер-прокурор наследника Александра Александровича в 1877 году, — что у нас, в России, всего более дорожить надо нравственным доверием народа, верой его в правительство. Всевозможные

льготы и постановления — ничто перед этим чувством»^{143}. Консервативному сановнику было вообще не очень понятно, зачем нужно коллективное и тем более публичное обсуждение вопросов управления, чем оно может дополнить существующие представления о необходимой обществу государственной системе, порядке и принципах ее функционирования. В 1880 году он неодобрительно писал Ф. М. Достоевскому о получивших в это время широкое хождение (в том числе в консервативных и близких к славянофильству кругах) планах созыва Земского собора. Как будто «из этого нового смешения языков может возникнуть потерянная истина»! «Чего еще искать ее, — восклицал консерватор, — когда она всем давным-давно дана и открыта!»^{144} В переписке Победоносцева, касавшейся вопросов управления, постоянно встречаются рассуждения, что в дискуссиях лишь теряется смысл рассматриваемых вопросов и что обсуждение призвано касаться лишь технических вопросов исполнения той или иной меры, поскольку коренные принципы управления сомнению подвергаться не должны. Крайняя резкость выступления обер-прокурора в марте 1881 года против выборных органов самоуправления — земств и городских дум — объяснялась и тем, что данные учреждения представлялись ему бесполезными «говорильнями», в которых депутаты зачем-то дискутировали о вопросах, смысл которых был и так ясен.

Самодержавная власть, будучи простой с точки зрения принципов устройства, должна была нести ясность и простоту и в окружающую действительность, которая в пореформенные годы буквально терзала Победоносцева противоречивостью и неопределенностью. «Главная наша беда в том, — писал обер-прокурор Александру III, — что цвета и тени у нас перемешаны. Мне казалось всегда, что основное начало управления — то же, которое явилось при сотворении мира Богом. «Различа Бог между светом и тьмою» — вот где начало творения вселенной»^{145}. Безусловно, проводить в жизнь подобные принципы управления должен был человек, не знающий сомнений. «Власть как носительница правды, — настаивал Победоносцев, — нуждается более всего в людях правды, в людях твердой мысли, крепкого разума и правого слова, у коих *да* и *нет* не соприкасаются и не сливаются, но самостоятельно и отдельно возникают в духе и в слове выражаются»^{146}.

Усложнение устройства государственной машины, формализация системы управления, нараставшие на протяжении второй половины XIX века, казались консерватору непонятной и ненужной помехой,

препятствовавшей проявлению благодетельной силы самодержавия: «Закон становится сетью... для самих властей, призванных к применению закона, стесняя для них множеством ограничительных и противоречивых предписаний ту свободу рассуждения и решения, которая необходима для разумного действованиа власти»^{147}.

И из-за особенностей человеческой натуры, и, прежде всего, в силу специфических условий России состояние народа и страны являлось прямым отражением состояния верховной власти и буквально каждое действие правителя немедленно находило отзвук на всех уровнях социального организма. «Ваш труд, — писал Победоносцев цесаревичу Александру Александровичу, — всех подвинет на дело, Ваше послабление и роскошь зальют всю землю послаблением и роскошью»^{148}. В этих условиях, утверждал консерватор, наивно рассчитывать на то, что какие-либо слои российского общества — даже самые консервативные, лояльные к самодержавию, смогут свершить что-то полезное самостоятельно, без руководства со стороны власти. Касалось это и столь высоко ценимых Победоносцевым «простых людей». «Народ наш, — писал он наследнику престола, — способен творить чудеса всякой доблести, когда чувствует, что им правят и ведут его, а когда правящей силы нет или она отказывается править или уклоняется — тогда можно ожидать хаоса и гибели». Буквально каждая деталь управления должна была находиться под контролем власти. «У нас, в России... всякое дело надобно держать, не отпуская ни на минуту: как только отпустишь его в той мысли, что оно идет само собой, так дело разорвется и люди расходятся и опускаются»^{149}.

В подобной ситуации казались полным абсурдом попытки либерально настроенных государственных и общественных деятелей разделить власть с обществом, передать ему часть управленческих функций, к ужасу Победоносцева, становившиеся всё более частыми. Чем же были вызваны эти совершенно непонятные консерватору проекты? Он видел в них лишь проявление моральной ущербности — стремление малодушных людей сбросить с себя тяготы власти, прикрыть различными хитрыми фразами стремление к комфорту и покою. «Придет, может быть, пора, — обращался Победоносцев к цесаревичу, — когда льстивые люди — те, что любят убаюкивать монархов, говоря им одно приятное, — станут уверять Вас, что стоит лишь дать русскому государству так называемую конституцию на западный манер — всё пойдет гладко и разумно, и власть может совсем успокоиться. Это ложь, и не дай Боже истинно русскому человеку дожить до того дня, когда ложь эта может осуществиться»^{150}.

По мнению синодального обер-прокурора, стремление пойти на уступки обществу могло быть вызвано также несамостоятельностью отдельных государственных деятелей, их внутренней слабостью, зависимостью от внешних воздействий: «Люди эти тянут туда, где чувствуют силу. Теперь им чудится сила в каком-то фальшивом, придуманном общественном мнении. Разумеется, это доказывает, что у них нет живой веры в истину: в таком случае они сами в себе имели бы центральную, непреодолимую силу. И так эта слепая сила, которая для них сливается и с подлым страхом, и с личным интересом, господствует над ними и обессиливает в них всякую деятельность»^{151}.

Сам Победоносцев воспринимал все призывы пойти на уступки «духу времени», «сложившимся реалиям» крайне негативно. С его точки зрения, следовало не корректировать взгляды в соответствии с реалиями жизни, а, наоборот, жизнь подчинять воздействию принципов, верность которым рассматривалась им едва ли не как главное достоинство политика. Когда в обстановке общественно-политического кризиса рубежа 1870—1880-х годов власти, дабы снять напряженность, попытались несколько изменить направление правительственного курса (в частности, до определенной степени расширить свободу печати), обер-прокурор воспринял подобные маневры резко отрицательно. «Правительство, — с гневом писал он Е. Ф. Тютчевой, — отказывается от всякой борьбы за основные начала — именно от того, что вдохновляет и укрепляет человека и учреждение верой — на борьбу хотя бы с целой вселенной. Напротив того — всякое явление действительной жизни, хотя бы самое безобразное, выставляется существующим фактом, с которым надобно считаться, который остается урегулировать»^{152}.

Поскольку людей, готовых бросить вызов хоть «целой вселенной» ради того, чтобы отстоять изначально усвоенные принципы, становилось вокруг всё меньше, Победоносцев считал, что его едва ли не мессианское призвание — стоять на страже основ традиционного политического порядка. Это давало ему ощущение величайшей убежденности в своей правоте. «Меня обвиняют в том, — писал он в 1881 году Е. Ф. Тютчевой, — что я себя одного высоко ставлю и всех критикую; но разве могу я, веруя в Единого Бога, вступить в нравственное общение с теми, в ком вижу идолопоклонников?»^{153}

В мессианские представления Победоносцева входила вера в то, что он — едва ли не единственный, кто способен донести до верхов «народную правду», кто сохранил духовную близость с народом. «Я старовер и

русский человек, — провозглашал Победоносцев в письме С. А. Рачинскому в роковом для страны 1881 году. — Я вижу ясно *путь и истину*... Мое призвание — обличать ложь и сумасшествие»^{154}. Современники не случайно сравнивали обер-прокурора со средневековыми служителями Церкви, выступавшими в качестве наставников или обличителей государей, — святым преподобным Иосифом Волоцким, епископом Вассианом Топорковым, священником Сильвестром^{155}. Подобно им, Победоносцев готов был пожертвовать собой во имя торжества своих идей. «Я, — писал он Е. Ф. Тютчевой, — провижу... время когда придется отступить — не потому, что я избегал борьбы, но потому, что толпа завопит: распни его — и я предан буду на распятие!»^{156}

Быть государственным человеком, наставляя Победоносцев наследника, — значит «не утешаться своим величием, не веселиться удобством, а приносить себя в жертву тому делу, которому служишь, отдавать себя работе, которая сожигает человека, отдавать каждый час свой и с утра до ночи быть в живом общении с живыми людьми, а не с бумагами только»^{157}. И сам государь, и его приближенные должны были выстроить свою жизнь так, чтобы в ней не оставалось буквально ни одной свободной минуты для развлечения, удовольствий, чтобы все силы и время были обращены на дела управления. Само же управление должно было заключаться в непосредственном руководстве всеми аспектами государственной жизни, контроле за каждой ее деталью. Подобный образ действий был важен еще и потому, что позволял избежать бюрократизации системы управления, обойти тот самый формализм, который вел ее к отрыву от реальной жизни, заставлял выстраивать широкомасштабные абстрактные планы. Забвение подобных правил, по мысли Победоносцева, привело к развалу правительственной системы в конце царствования Александра II. «Все уверяли друг друга и старались уверить высшую власть, что всё пойдет отлично, лишь бы принято было такое-то правило, издано такое-то положение, и все под этим предлогом избавляли себя от заботы смотреть, надзирать и править»^{158}, — писал он по этому поводу своему воспитаннику цесаревичу Александру Александровичу.

Основой управления Победоносцев считал опору на «живых людей», действующих максимально небюрократическим путем, и в первую очередь на людей из провинции. Апелляция к провинции играла в воззрениях обер-прокурора совершенно исключительную роль. Эта малоизвестная столичному обществу, во многом загадочная среда, пребывавшая в отдалении от больших городов, не в последнюю очередь именно благодаря

такому отдалению смогла сохранить в своих недрах драгоценные качества — чистоту, простоту и смирение, — давно потерянные в столицах. «Впечатления петербургские тяжелы и безотрадны... — писал в духе подобных представлений Победоносцев наследнику Александру Александровичу. — Добрые впечатления приходят лишь изнутри России, откуда-нибудь из деревни, из глуши. Там еще цел родник, от которого дышит еще свежестью; оттуда, а не отсюда наше спасение»^{159}. Правителю, государственному деятелю следовало бы как можно плотнее общаться с этой провинциальной средой, встречаться с отдельными ее представителями, чаще ездить по стране, по возможности избегая использования «омертвелых» бюрократических механизмов.

Усердный, непрерывный труд царя, его советников и соратников, постоянное поощрение «усердных тружеников провинции», в представлении Победоносцева, со временем привели бы к установлению между такими тружениками прочных связей, существование которых позволило бы в благотворном духе воздействовать на ситуации в стране. Связи эти ни в коем случае не должны были подвергаться формализации, включаться в состав каких-либо учреждений, стимулом их возникновения и развития должны были служить исключительно личностные начала, прежде всего сила примера. «Хорошие люди, — внушал Константин Петрович цесаревичу Александру Александровичу, — идут на живую силу, и, как огонь от огня загорается, так и человек загорается от живого человека»^{160}. Начинания «скромных тружеников провинции», складывающиеся между ними неформальные отношения следовало оберегать и от омертвляющего воздействия бюрократических структур, и — особенно — от «грязи и рынка» публичной полемики, в связи с чем эти отношения с точки зрения обер-прокурора должны были приобретать едва ли не конспиративный характер. «Святое дело... лучше устоит на молве, из уст в уста передаваемой людьми добра и веры»^{161}, — писал Победоносцев об одном из привлечших его внимание мероприятий просветительской направленности.

В результате развития поощряемых сверху начинаний в провинциальной среде со временем должны были возникнуть группы единомышленников — «кружки русских людей», «дружно и плотно действующие». Именно им, по мысли Победоносцева, суждено было оказать благотворное воздействие на ситуацию в стране; рутинная же работа существующих бюрократических структур должна была сыграть в лучшем случае вспомогательную роль. Точечная, адресная поддержка

верхами каждого такого кружка и их отдельных представителей должна была обеспечить успех их деятельности. К принятию же мер общего характера, к широким организационным начинаниям и уж тем более к преобразованию учреждений Победоносцев относился скептически, поскольку «обобщение» и формализация могли омертвить, выхолостить самую благую инициативу. «Ведь если можно в отдельных случаях где-нибудь в углу поставить на ноги или ободрить зачинающуюся силу — разве это не много само по себе значит? — писал Победоносцев Рачинскому. — А поставить на ноги и ободрить всех — это мечтание и дело недоступное»^{162}.

Постоянные призывы к труду на благо родины; заявления, что в качестве главных тружеников, несущих на плечах все тяготы управления, должны выступать сам царь и его доверенный советник; рассуждения о необходимости опоры в системе управления на личностные начала в противовес «омертвевшим» официальным механизмам, ориентация на скрытые силы провинции, всемерная поддержка подвизающихся там «простых тружеников»; обещание изменить ситуацию в стране к лучшему путем мер прямого воздействия, минуя сложные и запутанные управленческие механизмы, — всё это делало программу Победоносцева привлекательной в глазах многих современников, контрастно выделяло его самого из массы бюрократов, защищавших существующий политический строй из соображений административной рутины. Самодержавие в рамках воззрений Победоносцева приобретало неожиданные, необычные черты, в известном смысле даже насыщалось демократическим содержанием.

Нельзя не заметить, что многие построения консервативного сановника — своеобразный культ «простого человека», призыв искать правду в «отдаленных углах», вне больших городов, подозрительное отношение к системе формальных норм и правил, сложных административных институтов, включая официальные бюрократические механизмы, — очень сильно пересекались с распространенными в то время умонастроениями, находили точки соприкосновения с такими течениями общественной мысли и духовной жизни, как народничество и «опростительство». Всё это также заставляло многих современников с вниманием и интересом относиться к идейным построениям Победоносцева. Главным же с точки зрения развития политической жизни России было то, что его взгляды привлекли внимание наследника престола, будущего императора Александра III, и в 1860—1870-х годах оказали очень сильное влияние на него. Очень многие наставления консервативного сановника, принятые близко к сердцу будущим царем, легли в основу

правительственной политики 1880-х.

Патриархальная идиллия

Вся совокупность описанных выше воззрений Победоносцева не оставляет сомнений в том, что идеальной формой устройства общества для него был патриархальный порядок. Культ патриархальности, наряду с превозношением достоинств сельской жизни, включал в себя и критику растущего индустриального уклада, быта больших городов. Он вновь и вновь с испугом описывал, как под влиянием развития современных отраслей промышленности «неестественно раздувается город, привлекая к себе массу сельского населения, растет то в праздной безработице, то в египетской работе изнывающая толпа людей, стремящихся неведомо куда, недовольных, раздраженных, бездомных»^{163}. В стремлении сохранить первозданную простоту и чистоту удаленных от современной цивилизации уголков провинции он, казалось, был готов даже остановить неудержимое шествие промышленного прогресса. Во всяком случае, к расширению в России железнодорожной сети он относился очень настороженно. В начале XX века ходил слух, что «Казань осталась без железной дороги ради Победоносцева, который сильно ратовал против железной дороги, приводя доводом, что он слишком любит этот город, чтобы допустить его соединение с рельсовым путем, который портит все те местности, по которым проходит»^{164}. Слух, видимо, имел под собой основания, потому что в личной переписке Победоносцев действительно высказывался против прокладки железной дороги через Казань^{165}.

Когда Победоносцев задумывался об идеальных формах устройства общества, его внутреннему взору представала величественная картина, где все исторически сложившиеся сословия занимали строго определенное место, предписанное заветами предков. К числу таких сословий относилось традиционное купечество, с представителями которого, особенно в Москве, у Победоносцева были прочные связи. О купцах консерватор с одобрением писал как о «среде самой русской, самой преданной государю, во имя русских и национальных интересов» и противопоставлял настроения этой социальной группы вечному брожению, беспрестанно возникающему «в жидких слоях интеллигенции, в среде журналистов или либеральных чиновников»^{166}. Вызывали его симпатию и те помещики, которые как представители «исконного боярства» жили в

своих имениях и занимались на местах исторически присущей им благотворительной деятельностью — «попечительством о нуждах простых и темных людей», позволяющим хоть сколько-нибудь сгладить разрушительные удары капитализма. Вместе с тем дворяне немедленно лишались симпатии Победоносцева, если утрачивали свой традиционный облик, вливались в испорченную среду городского общества, примыкали к интеллигенции или стремились пробиться к формализованным рычагам бюрократического управления. К тем представителям «благородного сословия», которые «толпятся в чиновничестве или празднуют за границей», обер-прокурор относился резко отрицательно^{167}.

Не приходится говорить о каких-либо особых симпатиях к дворянству у внука приходского священника — для него «благородное сословие» представляло ценность лишь постольку, поскольку занимало определенное место, выполняло четко обозначенные функции в традиционной системе сословных отношений. Действительно, дворянство, «по историческому своему положению, более, чем всякое иное сословие, привыкло, с одной стороны, служить, а с другой стороны — начальствовать»^{168}. Однако из этого вовсе не следовало, что «государевы служилые люди» имели право занять какое-то особое положение, выделявшее их из ряда других сословий, претендовать на что-то большее, нежели роль простого орудия в руках самодержавной власти. Победоносцев резко выступал против всех попыток оспорить эту точку зрения, даже если они предпринимались консерваторами. «Дворяне, — провозгласит он уже в конце XIX века, — одинаково со всем народом подлежат обузданию»^{169}. Забегая вперед скажем, что подобная смелость не пройдет ему даром. В рамках консервативной политики, во многом инициированной им самим при Александре III, постепенно сложится представление, что именно «благородное сословие» является главной социальной опорой самодержавия, и попытки неуступчивого обер-прокурора противостоять мерам, расширявшим прерогативы дворянства, будут стоять ему значительной части политического влияния.

Считая необходимым сохранить в максимально возможных масштабах патриархальную структуру общества, в сфере аграрных отношений Победоносцев выступал против ускоренного сосредоточения земли (неважно, крестьянской или дворянской) в руках относительно узкого круга крупных собственников. Государству, доказывал он, необходим тип «не широкого, но среднего владения, достаточного для удовлетворения нужд семьи, так, чтобы члены ее не вынуждены были добывать себе пропитание

отхожей работой». Мелкое или среднее хозяйство, ведущееся силами близких родственников, является опорой прочного семейного союза, а задача сохранения такого союза для государства гораздо важнее соображений экономической целесообразности. В аграрных отношениях, как и во многих других сферах, государство не должно быть бесстрастным свидетелем происходящих процессов, в частности разорения и обезземеливания бедной части населения. Задача власти — активно вмешиваться в эти процессы, следить, чтобы слабые были «защищены противу сильных, против кулаков и ростовщиков, которые пользуются невежеством и бедностью поселенца, чтобы обципать его до последней копейки»^{170}.

Протесты против хищничества городских и сельских буржуа, «кулаков, жидов и всяких ростовщиков», «несчастной жертвой» которых стали крестьяне, часто встречаются в переписке и высказываниях Константина Петровича. Из-за антибуржуазной окраски подобных выпадов против социального расслоения, благожелательного отношения Победоносцева к традиционным формам хозяйства (артель, община) некоторые историки считали, что по воззрениям российский консерватор был объективно близок к народникам-социалистам^{171}. Получалось, что один из властителей Российской империи разделял взгляды тех, кто стремился ее сокрушить!

С такой точкой зрения вряд ли можно согласиться. Социализм оставался для обер-прокурора подрывным, антиправительственным учением. Собственность была для него частью установленного порядка, и за ее неприкосновенность он выступал достаточно твердо (не считая, впрочем, эту неприкосновенность абсолютной и полагая, что во имя интересов государства она может быть в некоторых случаях ограничена). Критикуя язвы капитализма в странах Запада, он в то же время осуждал и «раздражительные и неумеренные протесты против всякой личной собственности», и возникшую на их основе «еще более тираническую одностороннюю теорию коммунизма». «Нет сомнения, — утверждал консерватор, — что начало личной собственности останется навсегда самым могучим двигателем гражданственности»^{172}.

Считая семью одной из прочнейших основ и общественного, и государственного порядка, Победоносцев ратовал за всемерное закрепление ее традиционно-патриархального облика. В частности, он протестовал против отделения внешних, формально-юридических аспектов брачных отношений от их нравственной стороны. Семейный союз в

представлении консерватора должен был обязательно носить церковный характер: «Гражданское действие в браке у нас слитно и нераздельно с таинством, и священник в совершении брака действует в одно и то же время и как служитель Церкви, и как исполнитель закона гражданского»^{173}. Обер-прокурор выступал и против расширения возможностей расторжения брака, в том числе против легализации разводов по взаимному согласию супругов. «Ныне, — писал он царю, — люди, легкомысленно женившись, вскоре, при малейшем несогласии, думают о разводе». Если бы супруги получили возможность разводиться, руководствуясь исключительно собственным желанием, «от этого еще более пострадала бы строгость и прочность брачного союза»^{174}.

Естественно, что при таких взглядах на семью и брак Победоносцев считал вредным расширение сферы общественной деятельности женщин. Борьба против лозунгов женского равноправия красной нитью проходит через его деятельность. Именно эта тема стала лейтмотивом важнейшей программной речи Победоносцева — одной из первых на посту обер-прокурора, — с которой он выступил в 1880 году, в разгар общественно-политического кризиса. Обращаясь к выпускницам Ярославского училища для девиц духовного звания, сановник заявил: «Не верьте, когда услышите нынешних льстивых проповедников о женской свободе и вольности... не место женщине ни на кафедре, ни в народном собрании, ни в церковном учительстве. Место ее в доме, вся красота ее и сила во внутренней храмине и в жизни, без слов служащей для всех живым примером»^{175}. Победоносцев последовательно выступал против допуска женщин к высшему образованию, настаивал на закрытии уже существующих учебных заведений и протестовал против создания новых. В стенах училищ для женщин, утверждал обер-прокурор, «в массе слушательниц происходило самое безобразное развращение понятий, и трудно исчислить, сколько их развратилось и погибло»^{176}.

Семейные порядки, основанные на патриархальных началах, представлялись Победоносцеву основой всей социальной структуры и своего рода прообразом идеальной системы государственного управления. В данном вопросе большое влияние на российского консерватора оказала концепция Ф. Ле Пле — видного французского философа и социолога, который выдвинул идею смягчения присущих капиталистическому обществу противоречий путем попечительства традиционных элит и государства над народными массами, рабочими и крестьянами. Так, согласно Ле Пле, в качестве организаторов общественной жизни на селе

должны были выступать «авторитетные люди» — представители знати и имущих слоев, очень напоминавшие патриархальных помещиков в представлении Победоносцева: «люди дела и опыта, проводящие жизнь в деревне, изо дня в день занятые заботами о воспитании семьи своей и об устройстве быта зависящих от него людей». Наряду с формально-контрактными отношениями в обществе должна была действовать система патриархального попечительства, патроната, когда несколько бедных семей группируются вокруг богатой и пользуются ее поддержкой. В сфере промышленности, по Ле Пле, контрактные отношения между хозяином и работниками также должны были дополняться патронатом — нравственной связью, не сводимой к погоне за экономической выгодой^{177}.

Практическую деятельность «авторитетных людей» на местах Победоносцев вслед за Ле Пле противопоставлял «измышлениям» кабинетных теоретиков, профессоров и бюрократов, пытавшихся подчинить общество абстрактным, искусственно сконструированным законам, не имеющим ничего общего с реальностью. Именно оторванные от жизни теоретики, доказывал российский консерватор, доминируют и в парламентах, где все дела решаются на основе формальных критериев, путем подсчета голосов, в то время как наладить подлинно эффективную систему управления, реально улучшить положение дел в государстве могут лишь начинания «авторитетных людей», связанные с повседневными запросами массы населения. Вся система управления, доказывал Победоносцев, вновь солидаризуясь с Ле Пле, должна вырастать органически, напоминать большую семью и увенчиваться властью правителя, призванного осуществлять свои полномочия на патриархальных, близких к семейным началах.

Многие из указанных принципов легли в основу наставлений, которые российский консерватор давал наследнику престола Александру Александровичу, и в значительной степени составили фундамент идеологических представлений российского монарха. Именно преподавание наследнику способствовало продвижению Победоносцева к вершинам политического влияния, стало тем ключом, который открыл для него дверь в коридоры власти.

Глава третья **В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ**

Наставник цесаревичей

Период с 1860-х до начала 1880-х годов стал временем подспудно зревших изменений в судьбе Победоносцева. В это время складывались предпосылки превращения скромного служащего Сената, внука приходского священника в сановника, которого современники зачастую называли «некоронованным властителем России». Отчасти основой этой трансформации было постепенное продвижение его по официальной служебной лестнице, однако всё же не оно было определяющим фактором. В России в силу особенностей самодержавной политической культуры рычаги закулисных влияний играли в возвышении того или иного политического деятеля зачастую не меньшую, а то и большую роль, нежели формальные карьерные успехи. К середине XIX века сложилась весьма разветвленная сеть механизмов подобного влияния, своего рода неформальных центров власти. Заметное место среди них занимали разного рода придворные и великосветские салоны и кружки, тесно смыкавшиеся со средой правительственной бюрократии. Причастность к миру негласных закулисных связей, кружков и салонов немало способствовала политическому возвышению Победоносцева.

Получив известность благодаря публикациям и участию в правительственных комиссиях по разработке судебной реформы, Победоносцев, несмотря на незнатное происхождение, оказался вхож к тем, кто вершил судьбы «большой политики», опираясь главным образом на неформальные рычаги влияния. Одной из «властительниц умов» нового поколения бюрократии во второй половине 1850-х — 1860-е годы была тетка Александра II великая княгиня Елена Павловна, собиравшая вокруг себя и продвигавшая во власть молодых образованных чиновников — сторонников реформ. Будущий обер-прокурор довольно быстро попал в сферу внимания августейшей покровительницы чиновных талантов и стал играть в ее окружении заметную роль, что, безусловно, способствовало укреплению его позиций в правительственных и придворных кругах.

Относясь к Елене Павловне с большим пиететом, Победоносцев

впоследствии именовал ее двор «средоточием культурного общества в Петербурге, центром интеллектуального его развития, школой изящного вкуса и питомником талантов»^{178}. Здесь он встретил фрейлину великой княгини баронессу Эдиту Федоровну Раден, которая стала одним из его близких друзей и доверенных собеседников. Преклонение Победоносцева перед великой княгиней и людьми ее круга может показаться странным, учитывая преимущественно либеральную репутацию ее салона. Однако надо отметить, что для многих лиц из окружения Елены Павловны либерализм в социальной сфере вполне уживался с ориентацией на жесткий курс в национальном вопросе. Таковы были, в частности, установки знаменитого «триумvirата», сыгравшего ключевую роль в подготовке Крестьянской реформы 1861 года: Николая Алексеевича Милютина, Юрия Федоровича Самарина, Владимира Александровича Черкасского. Взгляды именно этих людей (в особенности Самарина) были близки к воззрениям Победоносцева и оказали на него заметное влияние.

Если с окружением Елены Павловны у будущего обер-прокурора и могли быть расхождения, то позицию лиц, близких к супруге Александра II Марии Александровны, он разделял безоговорочно. Глубоко религиозная императрица во второй половине 1850-х — 1860-х годах была, по словам современников, окружена «славянофильским кольцом» фрейлин, среди которых главную роль играли графиня А. Д. Блудова, А. Ф. Тютчева и ее сестра Дарья Федоровна. Салон Блудовой, дочери известного сановника эпохи Николая I, служил центром притяжения сил, после подавления Польского восстания 1863 года ратовавших за активное распространение в западных губерниях православия, русского языка и русской культуры. Через сестру фрейлин Тютчевых, Екатерину Федоровну, жившую в Москве, окружение императрицы было связано с московскими дворянскими кружками, выступавшими против чрезмерно либеральной и космополитической, как считали их члены, политики официального Петербурга. Победоносцев, всегда подчеркивавший свою духовную близость к Первопрестольной, чувствовал себя в этой среде чрезвычайно органично. Он состоял в созданном Блудовой в 1865 году Кирилл о-Мефодиевском православном братстве, развернувшем просветительскую и благотворительную деятельность на Воляни, с огромным уважением относился к императрице, поддерживал дружбу с сестрами Тютчевыми, особенно с Екатериной Федоровной, ставшей одной из самых доверенных его корреспонденток.

Появление в придворно-правительственных сферах человека образованного, энергичного, имевшего опыт разработки важнейших

государственных реформ и в то же время отличавшегося искренним благочестием, интересом к вопросам веры и Церкви, было немедленно замечено консервативными деятелями, находившимися в той или иной степени в оппозиции курсу правительства. Константина Петровича начали прочить на разные должности — прежде всего, в сфере образования или в духовном ведомстве, наиболее соответствовавших его наклонностям. «В нем, видимо, готовился тот борец за всё нам родное и священное, с чем мы росли и жили», — вспоминал близкий к консервативным дворянским кругам Москвы граф Сергей Дмитриевич Шереметев. Победоносцеву начали поступать конкретные предложения занять тот или иной государственный пост. В 1862–1865 годах рассматривались варианты его назначения на одну из ответственных должностей в Министерстве народного просвещения, директором Духовно-учебного управления и даже обер-прокурором Святейшего синода. Однако он отвечал отказом, полагая, что предлагаемые должности не могли обеспечить ему необходимой свободы рук в правительстве. «В такой обстановке действовать невозможно, — писал он А. Ф. Тютчевой в 1865 году. — Своей силой можно взять только тогда, когда есть сочувственные силы, которые она привлечь может»^{179}.

В условиях, когда правительство, при всех оговорках и колебаниях, всё же продолжало проводить неприемлемую для Победоносцева либерально-реформаторскую политику, ему, видимо, более реальной казалась возможность влиять на положение дел косвенным образом — с помощью мер, которые дадут результаты не сразу, но зато создадут прочную основу для долговременных изменений политического курса. Одним из важнейших направлений такого рода деятельности стало для Победоносцева преподавание членам царской семьи, в первую очередь цесаревичам: вначале Николаю Александровичу, затем его младшему брату Александру.

Приглашение преподавать гражданское право восемнадцатилетнему наследнику престола Николаю поступило Победоносцеву в 1861 году. Связано оно было, видимо, как с литературной известностью 34-летнего юриста, так и с его участием в разработке судебной реформы. Соприкоснувшись с ранее чуждыми ему придворными сферами, молодой правовед попал в самую гущу споров о том, на каких началах должно строиться воспитание будущего самодержца. Каким по характеру должно быть обучение цесаревича, призванного со временем продолжить реформы отца, столь радикально изменившие облик страны? На какие предметы обратить внимание в первую очередь? Какие педагогические приемы

применять? По всем этим вопросам шли напряженные дискуссии, острота которых была вызвана еще и тем, что на Николая Александровича возлагались большие надежды — о его остром уме, врожденном такте, обаянии, умении схватывать новые сведения буквально на лету, производить на людей благоприятное впечатление писали все современники.

Каким же образом построить обучение столь одаренного молодого человека? Воспитатели царских сыновей генерал-майор Николай Васильевич Зиновьев и его преемник с конца 1860 года генерал-майор Борис Алексеевич Перовский стояли за сохранение традиционной военной системы воспитания будущего самодержца. Императрица Мария Александровна предлагала уделить больше внимания преподаванию гражданских предметов (политических и экономических наук, права, истории). Однако какова будет идеологическая основа преподавания наук? Одни, как пользовавшийся значительным авторитетом в глазах императрицы глава внешнеполитического ведомства России канцлер Александр Михайлович Горчаков, считали необходимым подчеркивать в первую очередь единство путей развития России и Европы. Другие полагали, что во главу угла следует поставить своеобразие России, ее самобытность, проявившиеся в ее духовной жизни, основных событиях ее прошлого^{180}. Победоносцев полностью разделял последнюю позицию; возможно, в преподаватели к наследнику он попал благодаря консервативным славянофилам из окружения Марии Александровны. Важную роль в назначении Победоносцева сыграл граф Сергей Григорьевич Строганов, в 1859 году ставший попечителем (руководителем воспитания и образования) Николая Александровича после достижения наследником совершеннолетия. Строганов в 1840-е годы состоял попечителем Московского учебного округа и с того времени знал Константина Петровича. Впоследствии Победоносцев в воспоминаниях особо подчеркивал, как важно было то, что в окружении цесаревича в начале 1860-х оказались «люди, которые способны были привлечь его внимание к явлениям русской жизни, к сокровищам духа народного и к истории народа»^{181}, имея в виду прежде всего себя, а также своих коллег по Московскому университету — историка Сергея Михайловича Соловьева и филолога Федора Ивановича Буслаева.

По замыслу императрицы и ее окружения огромную роль в воспитании наследника призваны были, наряду с обучением, сыграть его поездки по стране. В ходе этих путешествий, по словам Победоносцева,

«изо дня в день одушевляемый встречавшим его повсюду народным движением, цесаревич успел узнать и полюбить народ свой и проследить ход его истории на памятниках древности»^{182}. Особое значение имело традиционное для наследников престола большое путешествие по России, которое Николай совершил после окончания курса обучения летом 1863 года. Маршрут поездки, проходивший в основном по рекам, каналам и побережью Черного моря, охватывал значительную территорию: Олонецкую и Вологодскую губернии, всё Поволжье вплоть до Астрахани, область Войска Донского, Крым, Закавказье. В духе новой эпохи путешествие было организовано так, чтобы дать цесаревичу возможность встретиться с максимально широким кругом людей и ознакомиться с жизнью провинциальной России в ее практических, повседневных аспектах.

Поездка цесаревича широко освещалась в печати, причем особо выделялись путевые заметки, написанные Победоносцевым в соавторстве с другим наставником наследника — экономистом Иваном Кондратьевичем Бабстом. Опубликованные в одной из самых популярных газет того времени — «Московских ведомостях» М. Н. Каткова — и вышедшие затем отдельным изданием «Письма о путешествии государя наследника цесаревича от Петербурга до Крыма», по свидетельству современников, «читались нарасхват» и принесли будущему обер-прокурору известность за пределами придворных, бюрократических и академических кругов. В «Письмах» уже начали просматриваться очертания идеологии, позднее составившей основу воззрений Победоносцева, важнейший элемент которых заключался в том, что «простой народ» внутренне, духовно предан самодержавию и управление страной должно строиться на основе некой прямой связи самодержца с народом. По мнению Победоносцева, о существовании подобной связи и необходимости всемерно укреплять ее свидетельствовало повсеместно выказываемое массами подданных желание увидеть цесаревича. Трудно сказать, конечно, насколько в реальности глубоки и серьезны были мотивы этого желания простолюдинов, но будущий обер-прокурор безоговорочно воспринял его как искреннее проявление монархических чувств народа. Стремление увидеть наследника, подчеркивал Победоносцев, выражается «с такой младенческой простотой», «оно так просто и бескорыстно и так соответствует естественной потребности души, что нельзя не дорожить им, нельзя не уважать его»^{183}.

Размышляя над увиденным и услышанным в поездке, Константин

Петрович сопоставлял новую для него информацию с впечатлениями, вынесенными из детства и юности, с памятью о старомосковской патриархальной среде, в которой происходило становление его личности, с опытом приходской жизни, общения с народом в церкви и приходил к определению ключевых черт мировоззрения русского народа. По мнению Победоносцева, «простые люди», при всей их «младенческой простоте» (а может быть, благодаря ей), были наделены даром безошибочно отсеивать второстепенное в политической повестке дня и решать ее важнейшие вопросы в духе истинного патриотизма. Именно это, во многом таинственное по истокам, свойство «простого народа» являлось важнейшей опорой государственного порядка в России. «Простые люди» совсем не случайно искали встречи с наследником летом 1863 года — подобный порыв, считал Победоносцев, был отражением чрезвычайной ситуации, связанной с разразившимся Польским восстанием, и должен был еще раз подчеркнуть единство народа с верховной властью: «Не бессознательное чувство влечет толпы народные в несметном количестве навстречу юному Наследнику Русского Престола, заставляет их с какой-то жадностью искать его всюду, где он может появиться. Народ знает и чувствует, какое наступило время; он слышит отовсюду о врагах России, об угрозах единству ее и государственной целостности — и осознание единства государственного пробудилось в нем с такой силой, какой давно уже не ощущало настоящее поколение»^{184}.

Столь популярные в начале 1860-х лозунги о необходимости учитывать запросы «простого народа», опираться на подъем национального самосознания вовсе не обязательно должны были иметь консервативную окраску. Им было легко придать и либеральное, и даже демократическое звучание. Можно предположить, что либеральные веяния довольно сильно влияли на воспитание наследника; их источником, скорее всего, служили деятели из окружения великой княгини Елены Павловны. Преподавая наследнику право, Победоносцев с тревогой замечал в его воззрениях следы чуждых влияний: его подопечный в ходе занятий затрагивал «вопросы о конституции, об ответственности министров», выступал против излишнего государственного регулирования экономики и общественной жизни («ограничения свободы ему не по нраву»). «Он очень мил, — отметил Победоносцев в дневнике, — интересно знать, насколько у него характера, насколько твердой воли?.. Неужели и это будет человек фразы — а не дела — смутного понятия — а не идеи, проникающей волю?»^{185}

Будущий обер-прокурор, естественно, стремился «развернуть»

внимание наследника в сторону консервативных ценностей и традиционализма. Он, в частности, ратовал за то, чтобы цесаревич как можно меньше времени проводил за границей, чтобы его свадьба состоялась в Москве — историческом центре России. Безусловно, все эти маневры имели политическую и идеологическую подоплеку, были нацелены на воспитание наследника в консервативном духе. «На него была надежда — мы в нем видели противодействие, искали другого полюса», — напишет впоследствии Победоносцев А. Ф. Тютчевой. Можно предположить, что старания Константина Петровича и его единомышленников принесли плоды. После нескольких лет занятий с наследником и по итогам путешествия 1863 года Победоносцев с удовлетворением констатировал: «Отрадно было видеть, как поднимало ему душу вольной волной чувства народного»^{186}. Однако каковы бы ни были надежды консервативных кругов на дальнейшую эволюцию взглядов наследника, им не суждено было сбыться. Здоровье Николая Александровича начало слабеть, и в 1865 году, накануне женитьбы на датской принцессе Дагмар, он скончался от туберкулезного менингита.

Смерть цесаревича стала для его наставника не только крушением политических планов, но и личной потерей — он успел искренне привязаться к подопечному. Вскоре правовед был приглашен преподавать новому наследнику, двадцатилетнему Александру Александровичу, с которым ему еще предстояло сблизиться. «Я радуюсь, — писал Победоносцев А. Ф. Тютчевой, — но — признаюсь — до сих пор радуюсь как-то машинально. Для меня всё он еще, всё покойник представляется наследником, и другого я всё еще не понимаю, не могу себе представить»^{187}.

Общение преподавателя с новым воспитанником было достаточно частым (три часовых занятия в неделю), однако поначалу ограничивалось только классной комнатой. Содержание лекций и педагогическое мастерство Константина Петровича были по достоинству оценены цесаревичем Александром — не случайно по завершении учебного курса в конце 1866 года правовед получил от императора «за преподавание его высочеству законоведения» орден Святой Анны 1-й степени, а от самого цесаревича — золотую табакерку, украшенную бриллиантом и вензелем царственного ученика^{188}. Однако поначалу у педагога с его подопечным отсутствовал прочный духовный контакт. Победоносцева в первые дни буквально шокировали «бедность сведений или, лучше сказать, бедность идей» у нового ученика, его неспособность быстро усвоить преподанный

материал и «вовсе детские» ответы на вопросы наставника^{189}. Удрученный смертью Николая, Константин Петрович в это время, видимо, не скрывал скептического отношения к новому наследнику. (Записи подобных отзывов, которыми Победоносцев делился с адмиралом И. А. Шестаковым, будут найдены при разборе бумаг адмирала после его смерти в 1888 году, что немало поспособствует охлаждению отношений между царем и его бывшим наставником.) Впрочем, первоначальная напряженность в отношениях постепенно начала сглаживаться и сошла на нет, уступив место взаимопониманию и даже духовной близости.

Напряженно-скептическое отношение к Александру Александровичу разделяли в 1860—1870-х годах очень многие в придворных кругах и даже в царской семье. Второго сына Царя-освободителя считали ограниченным, неразвитым, недостаточно одаренным для того, чтобы занять трон. У наследника не сложилось тесных личных контактов с кем-либо из крупных государственных деятелей того времени, в его окружении не доставало людей, способных ознакомить его со всем многообразием аспектов правительственной деятельности. Александр Александрович достаточно поздно (в 20 лет) начал получать более обширное образование, необходимое главе государства, и в его подготовке к управленческой деятельности остались серьезные пробелы, да и навыки общения в правительственных сферах формировались у него с трудом. Всё это зачастую делало будущего царя беспомощным при контактах с сановниками или просителями, при решении деловых и официальных вопросов. И здесь поистине незаменимым для цесаревича оказался Победоносцев, быстро почувствовавший, какие возможности открываются для него в этой связи в придворной и правительственной среде.

Будущий обер-прокурор фактически стал негласным советником цесаревича и сохранял за собой эту роль и после того, как в 1869 году его официальное наставничество закончилось^[13]. Победоносцев составлял для цесаревича официальные бумаги (рескрипты, ответы на обращения), давал советы, рекомендовал, как вести себя в разных ситуациях, как относиться к просителям. «Я решительно один не берусь решить это дело и поэтому прошу Вас откровенно высказать Ваше мнение», «Я решительно не знаю, к кому обратиться, а у Вас есть опытность в подобных делах, и Вы можете мне дать совет»^{190} — подобные фразы то и дело повторялись в письмах наследника бывшему преподавателю.

Фактически с самого начала своего наставничества будущий обер-прокурор не только оказывал своему августейшему ученику помощь в

делах, но и влиял на его мировоззрение. Победоносцев, по сути, определял круг чтения Александра Александровича — как художественной литературы, так и сочинений, посвященных злободневным политическим вопросам. Будущий царь не просто читал книги, присланные наставником, но зачастую знакомился лишь со специально отмеченными им фрагментами (осилить большие тексты цесаревичу было сложно). В результате к концу 1870-х годов Александр Александрович во многом смотрел на мир глазами Победоносцева. Именно поступающая от Константина Петровича информация воспринималась как истинная, способная служить альтернативой сведениям, исходившим от бюрократического аппарата и несшим на себе печать заведомой недостоверности. «К сожалению, в официальных отчетах так часто приукрашивают, а иногда просто врут, что я, признаюсь, читаю их с недоверием»^{191}, — писал цесаревич своему наставнику.

Разумеется, сановники, занимавшие в 1860—1870-х годах ключевые посты и входившие в ближайшее окружение Александра II, быстро заметили, что Победоносцев занимает при наследнике особое место. Результатом стал рост недоброжелательства к будущему обер-прокурору. Его блестяще начавшаяся карьера существенно замедлилась. «Я попал в число тех, кому положено мешать и загораживать всячески дорогу»^{192}, — жаловался Победоносцев А. Ф. Тютчевой в 1868 году. Парадоксальным образом это обстоятельство способствовало дальнейшему укреплению его позиций в окружении наследника: тот из принципа поддерживал всех, кто из-за близости к нему в той или иной степени подвергся опале. В характере Александра Александровича, вспоминал хорошо знавший его С. Д. Шереметев, «был некий дух противоречия, и он, может быть, оттого еще более приблизил к себе человека, многим неугодного»^{193}. При этом полностью перекрывать Победоносцеву возможности карьерного роста власти всё-таки не считали возможным, и его служебное возвышение, пусть медленно, продолжалось. В 1868 году он стал сенатором, в 1872-м — членом Государственного совета, во второй половине 1870-х годов входил в ряд комиссий по делам Министерства народного просвещения и Министерства юстиции. Вместе с тем на ответственный правительственный пост министерского уровня ему до конца царствования Александра II рассчитывать не приходилось.

Соблюдая должную осторожность и стремясь сохранить занятые позиции в государственном аппарате, которыми он дорожил, Победоносцев тем не менее считал необходимым выступать против правительственных

мер, которые в его представлении были ошибочными. Так, в 1873 году в Государственном совете он высказался против введения всеобщей воинской повинности, специально подчеркнув, что делает это не во имя защиты интересов дворянства, а исключительно потому, что принцип всеобщности, по его мнению, не отвечает историческим реалиям России и вводится исключительно в подражание Европе. В следующем году Победоносцев протестовал против сокращения, ради экономии государственных средств, числа православных приходов и против узаконения браков старообрядцев, в 1876-м — против допущения евреев в состав присяжных в западных губерниях. «Дело это приводит меня в негодование, — писал будущий обер-прокурор цесаревичу касательно закрытия приходов. — Как мало нужно было знать Россию, дух народный и нужды народные, чтобы предпринять его»^{194}.

Уже в это время в выступлениях Победоносцева звучали мессианские нотки, которые станут характерными для него впоследствии, когда он будет воспринимать свою деятельность как непрерывное самопожертвование в служении высшим началам. Приходится, писал он брату Александру о своих речах в Государственном совете, «вести борьбу упорную и крепкую... возвращаешься измученный и уже не в силах... ни с кем говорить от нервного истощения»^{195}.

Мессианство в речах будущего обер-прокурора услышали и его оппоненты, разумеется, придав ему отрицательный смысл. Победоносцев «выступил с своим многоглагольством в смысле историческом», «семинарски витийствовал, конечно, в смысле ретроградном», «говорил средневековым языком» — так оценили его выступления в Государственном совете либеральные министры Дмитрий Алексеевич Милютин и Петр Александрович Валуев. Постепенно в правительстве всё более отчетливо формировалось представление о Победоносцеве как политике, исповедующем консервативные взгляды и всячески стремящемся провести их в жизнь. И, разумеется, важнейшим инструментом реализации этих воззрений стало воздействие на наследника престола.

В декабре 1866 года правовед в дополнение к преподаванию цесаревичу Александру начал заниматься с его женой Марией Федоровной — урожденной датской принцессой Дагмар, которая первоначально была просватана за цесаревича Николая, но после его безвременной кончины стала невестой, а затем и женой его младшего брата. Предметом занятий стала русская история, которая вовсе не была его специальностью. «Но тут, видно, не в специальности дело», — многозначительно писал

Победоносцев Е. Ф. Тютчевой. Ему было поручено подготовить великую княгиню к поездке в Первопрестольную в духе тех идей, которые имели хождение в консервативных кругах, «чтобы Цесаревна въехала в Москву... с живым чувством интереса... к ее древностям и ее святыням... чтобы она полюбила Москву»^{196}.

Рассуждения об историческом значении старой столицы не раз звучали в переписке будущего обер-прокурора с августейшим учеником. Один из первых значимых эпизодов, касавшихся этой темы, был связан с событиями, разворачивавшимися после смерти митрополита Филарета (Дроздова) в ноябре 1867 года. Знаменитый иерарх, занимавший московскую кафедру более полувека, воспринимался многими современниками как символ церковного консерватизма. Победоносцев считал критически важным, чтобы на похоронах митрополита, служившего воплощением единства Церкви и государства, присутствовал царь или его старший сын. «Весь народ считает погребение Филарета делом всенародным, — писал наставник Александру Александровичу, — он ждет и жаждет приезда в Москву государя». В отсутствие царя, считал он, «лучшим удовлетворением народных желаний было бы присутствие Вашего Высочества. Оно засвидетельствовало бы пред всеми полноту участия, принимаемого царским семейством в народной и государственной утрате, и заставило бы сердце народное забиться еще сильнее любовью к государю и к Вам»^{197}. Наследник престола с энтузиазмом принял предложение Константина Петровича, однако встретил резкую отповедь отца, не любившего Филарета за его критическое отношение к церковным реформам и, видимо, считавшего, что планируемый цесаревичем демонстративный шаг будет идти вразрез с тогдашним общим секуляризационным курсом правительства. Разумеется, для Александра II не было секретом, кто в данном случае давал советы его сыну, что не способствовало укреплению в верхах симпатий к Победоносцеву.

Еще более настороженное отношение к себе в верхах будущей обер-прокурор почувствовал после того, как стало известно, что лица, приближенные к наследнику, активно обсуждают национальные проблемы Российской империи. В окружении Александра II с большим недовольством относились к славянофильским кругам, выступавшим за ужесточение правительственной политики на окраинах, а Победоносцев в трактовке этого вопроса тесно смыкался именно со славянофилами. Он рекомендовал Александру Александровичу газету «Москва», издававшуюся его однокашником И. С. Аксаковым (вскоре, в 1868 году, она

была закрыта за критику действий правительства в Царстве Польском и западных губерниях). В 1867 году Победоносцев передал цесаревичу запрещенную в России книгу «Письма из Риги», принадлежащую перу другого славянофила — Ю. Ф. Самарина, в которой подвергались критике чрезмерные, с точки зрения автора, привилегии немецкого дворянства в Прибалтике. Из-за книги Самарина Константин Петрович попал в неприятную историю. Письмо наследника с просьбой прислать ему книгу, отправленное обычной почтой, подверглось жандармской перлюстрации, после чего высшие сановники и сам царь стали видеть в Победоносцеве едва ли не организатора конспиративной деятельности в окружении наследника.

И в связи с дискуссиями по национальному вопросу, и при обсуждении других злободневных проблем общественного развития России Победоносцев с большим пиететом (по крайней мере внешним) относился к славянофилам, со многими из которых его, коренного москвича, связывала не только идейная, но и личная близость. Как упоминалось выше, среди его друзей и знакомых были сестры Тютчевы, их отец, а также муж А. Ф. Тютчевой И. С. Аксаков. Особое уважение, граничившее с благоговением, Победоносцев выказывал Ю. Ф. Самарину — прежде всего за его бескомпромиссную защиту государственной целостности империи. «Ум, каких мало, — напишет он Е. Ф. Тютчевой после смерти Самарина в 1876 году, — душа возвышенная, крепкая воля — и боец, какой сильный боец с русской душой — за Россию. Он мог дать отпор и направо, и налево — и русской беззаботности и бессознательности — и немецкому сознательному презрению... Он держался сам собой и держал многих, которые останутся теперь без опоры и без оглядки на человека, в которого верили и которого боялись!»^[198]

В письмах наследнику престола, а затем императору Александру Александровичу и публицистических статьях Победоносцев часто упоминал славянофилов, само существование которых служило в его глазах доказательством прочности русского духа, способного «пробиться» даже через европейскую культуру и оказать мощное влияние на мировоззрение лучших представителей образованного общества. Славянофилы, писал Победоносцев в статье, посвященной памяти И. С. Аксакова (1886), — «честные и чистые русские люди», которые, «перегорев в горниле западной культуры», «остались плотью от плоти, костью от кости русского своего отечества и правду... искали не в отвлеченных теориях и принципах, но в соответствии вечных начал правды Божией с основными условиями природы русского человека». Сохранить подобные возвышенные качества

Аксаков и его единомышленники смогли, поскольку были близки к народной культуре с ее простотой и чистотой воззрений. «Они были люди цельные, нераздвоенные... — писал о славянофилах Победоносцев (разумеется, сильно стилизуя действительность в соответствии со своими взглядами). — Все стояли вне официального мира... оберегали тщательно скромную обстановку своего быта и простоту своих потребностей»^[199].

В то же время подлинно глубокого единства между Победоносцевым и славянофилами быть не могло. В глазах консервативного сановника «московские славяне представляли наивными идеалистами, слишком оптимистично оценивавшими добрые свойства человеческой природы и даже сходящиеся в этом с идеологами европейских революций. Представления о необходимости динамичного взаимодействия государственной власти с «землей» и обществом, обеспечения известной автономии «земли» от государства, лежавшие в основе воззрений славянофилов, были ему глубоко чужды. В частности, он не одобрял защиту славянофилами свободы печати, видя в последней исключительно западный институт, органически чуждый России и способствующий разрушению традиционного порядка.

Иным, по сравнению со славянофилами, содержанием наполнялся у Победоносцева вопрос об отношении к Церкви. Он резко выступал против всякого расширения независимости церковных институтов от государственной власти. Тем не менее в конкретных условиях 1860-х годов интерес Победоносцева к церковным вопросам сам по себе выделял его на фоне большинства сановников и придавал его взглядам и деятельности определенный славянофильский оттенок. Вопросы веры и Церкви играли важную роль и во взаимоотношениях будущего обер-прокурора с наследником престола. Почувствовав интерес Александра Александровича к русской истории и культуре, наставник старался обращать его внимание на всё, что было связано с религией: передавал ему иконы, подносимые частными лицами и монастырями (в частности, Свято-Успенской Почаевской лаврой), знакомил с известными представителями духовной иерархии. В число последних входила энергичная игуменья Костромского Богоявленского монастыря Мария (Давыдова), организовавшая при своей обители сеть лечебниц и иных благотворительных заведений, а также выдающийся миссионер, просветитель Японии епископ Николай (Касаткин). Круг чтения наследника благодаря Победоносцеву включал в себя произведения, так или иначе касавшиеся вопросов веры и Церкви: сочинения Павла Ивановича Мельникова-Печерского «В лесах», Николая Семеновича Лескова «Соборяне», «На краю света», публицистику

Константина Николаевича Леонтьева и Федора Михайловича Достоевского. Взаимоотношения с последним составили особую страницу в биографии Победоносцева, на которой следует остановиться подробнее.

Будущий обер-прокурор познакомился с великим писателем в 1871 году в салоне князя В. П. Мещерского — молодого аристократа, чиновника и публициста, входившего в ближайшее окружение великих князей Николая и Александра Александровичей. Когда спустя два года Мещерский начал издавать журнал «Гражданин», задуманный как один из центров объединения консервативных общественных сил, и пригласил Достоевского в качестве редактора, Победоносцев принял самое активное участие в новом начинании. Он опубликовал в журнале свыше двадцати статей, в основном посвященных культурной, политической и религиозной жизни стран Запада, а также помогал Достоевскому в редактировании журнала: правил материалы, консультировал по политическим вопросам, сообщал о веяниях в верхах.

Победоносцев, человек книжной культуры, причастный к миру науки, литературы и публицистики, при всей неприязни к периодической печати прекрасно понимал ее огромное общественное значение и, видимо, собирался использовать новый журнал для усиления влияния консервативных идей на общество. Роль Достоевского в этом плане было трудно переоценить, и Победоносцев отчетливо сознавал, насколько уникально то место, которое великий писатель занимал в общественно-политической и духовной жизни России. «Многие несчастные молодые люди, — напишет уже после смерти Достоевского российский консерватор Александру Александровичу, — обращались к нему, как к духовнику, словесно и письменно... несчастное наше юношество, блуждающее, как овцы без пастыря, к нему питало доверие»; при этом «в среде литераторов он — едва ли не один — был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к отечеству»^{200}. В подобной ситуации сотрудничество с Достоевским приобретало для Победоносцева огромное значение. После ухода писателя из журнала и возобновления его самостоятельной публицистической деятельности Константин Петрович внимательно следил за его «Дневником писателя» и давал советы по ведению этого издания. Со временем между Достоевским и будущим «русским Торквемадой» сложились едва ли не дружеские отношения. Показателен факт, что после смерти писателя (1881) обер-прокурор организовал его похороны в Александро-Невской лавре, выхлопотал пенсию вдове и стал опекуном его детей.

Достоевский охотно принимал помощь консервативного сановника —

и потому, что во многом их взгляды были близки, и потому, что, видимо, испытывал потребность в поддержке человека, безоговорочно уверенного в своей правоте, избавленного от сомнений, которые постоянно мучили его самого. «Я... всегда нуждаюсь в ободрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю», — напишет Достоевский Победоносцеву в августе 1880 года, за несколько месяцев до смерти. Писатель посылал ему на отзыв отдельные разделы «Братьев Карамазовых» — книги «Русский иннок», «Pro и contra» с «Легендой о великом инквизиторе», а также знаменитую Пушкинскую речь. «Мою речь о Пушкине я приготовил... в самом крайнем духе моих (наших, то-есть, осмелюсь так выразиться) убеждений»^{201}, — сообщал писатель обер-прокурору в мае 1880 года.

Победоносцев, в свою очередь, видимо, стремился воздействовать на Достоевского, пытаясь скорректировать те аспекты его творчества, которые звучали слишком амбивалентно, выглядели не вполне приемлемо для консервативного сановника. Так, давая оценку «Легенде о великом инквизиторе», он сожалел, что не нашел в этом произведении прямого опровержения изложенных в нем заблуждений. Одобрив в целом Пушкинскую речь, обер-прокурор в то же время без комментариев переслал Достоевскому статью К. Н. Леонтьева «О всемирной любви», где писатель обвинялся в излишне «легком», оптимистическом и неканоническом понимании христианства. Видимо, Победоносцев надеялся, что со временем взгляды Достоевского примут менее «беспокойный» характер, в большей степени согласующийся с его собственными воззрениями.

Победоносцев прилагал немало усилий, чтобы сблизить Достоевского с живым воплощением власти — членами августейшей фамилии. Будущий обер-прокурор рекомендовал Александру Александровичу и другим великим князьям сочинения писателя — «Бесов», «Братьев Карамазовых», очередные выпуски «Дневника писателя». С 1878 года не без его участия Достоевский получил доступ в императорское семейство, встречался и беседовал с великими князьями, родными братьями наследника престола Сергеем и Павлом Александровичами и их кузенами Константином и Дмитрием Константиновичами. В декабре 1880 года состоялась встреча писателя с самим цесаревичем Александром и его супругой.

Опираясь на авторитет великого писателя, Победоносцев укреплял свое положение в царской семье не только в качестве преподавателя и делового сотрудника цесаревича, его помощника в общении с людьми, составлении рескриптов и прочих официальных бумаг, но и в качестве

духовного наставника Александра Александровича и всего молодого поколения августейшей фамилии. В ходе бесед и обмена письмами, на основе чтения рекомендованных Победоносцевым сочинений и общения с людьми, которых тот вводил в окружение будущего царя, исподволь сплеталась сеть неформальных отношений, закладывались основы для последующего взлета бывшего профессора к вершинам власти. Особая роль Победоносцева при цесаревиче была, конечно, замечена представителями высшей бюрократии. Вместе с тем его стремительное политическое возвышение в начале 1880-х годов оказалось для многих современников, в том числе хорошо осведомленных о ситуации в «закулисных» сферах, полной неожиданностью, произвело впечатление радикального переворота. Чтобы понять, почему и как этот переворот произошел, нужно перенестись в мартовские дни 1881 года, знаменовавшие апогей политического кризиса в Российской империи, вызванного гибелью императора Александра II от руки террориста.

«Пламя апокалиптического пожара»

Восьмого марта 1881 года, спустя неделю после начала нового царствования, в Малахитовом зале Зимнего дворца собрался Совет министров — совещание высших сановников империи под председательством молодого царя Александра III. Его членам предстояло определить политический курс нового царствования, направление развития России на десятилетия. Главным был вопрос о реформе государственного строя России. Обсуждали проект министра внутренних дел Михаила Тариеловича Лорис-Меликова, предложившего в разгар общественно-политического кризиса дополнить самодержавную систему правления элементами представительства: привлечь депутатов от земств и городских дум к решению отдельных государственных вопросов. Именно на этом заседании Победоносцев — уже ставший обер-прокурором Синода, но еще далекий от вершины власти — выступил с программной речью, сделавшей его известным всей России. Начав ее с возгласа «Finis Rossiae!»^[14], бывший наставник царя в сжатой форме высказал аргументы против представительства и всех либеральных институтов, ставшие главным ориентиром его дальнейшей политической деятельности и во многом составившие основу идеологии самодержавия вплоть до революции 1905 года.

Характерной чертой противостояния, развернувшегося весной 1881

года, была глубокая рознь между Победоносцевым и его либеральными оппонентами — противники не просто различались взглядами, но придерживались диаметрально противоположной логики, говорили «на разных языках», зачастую просто не понимая друг друга. Либеральные Лорис-Меликов, военный министр Д. А. Милютин, министр финансов А. А. Абаза, отчасти председатель Комитета министров П. А. Валувев исходили из того, что для прекращения кризиса следовало расширить социальную базу самодержавия, укрепить его опору в лице умеренных, «благочестивых» слоев общества. Победоносцеву такая логика была совершенно чужда. С его точки зрения, не прочность власти зависела от ее опоры на те или иные социальные слои, а, наоборот, общественная стабильность определялась твердостью власти, ее верностью изначально избранным и неизменным принципам управления.

Поскольку, считал Победоносцев, фундаментальные начала правильной организации власти и общества были давно и хорошо известны, не существовало никакой необходимости дополнительно обсуждать их с кем бы то ни было. В связи с этим терял смысл и призыв «узнать мнение общества» через печать и выборные учреждения, столь популярный среди либералов, а отчасти и среди консерваторов, в том числе близких Победоносцеву славянофилов. Таким образом, причин для существования большинства органов печати и представительных учреждений попросту не существовало, а потому их деятельность носила деструктивный характер: они были вынуждены заполнять пустоту своего бытия разного рода интригами, беспринципной борьбой за власть, разжиганием страстей «между людьми мирными, честными». Предоставленные самим себе, заявлял консерватор, либеральные учреждения «не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкрявь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих мнению говорящих»^[202].

Самодержавию в его идеальном состоянии, считал обер-прокурор, в принципе не о чем было беспокоиться — в него безоговорочно верила основная масса населения, «простые люди», обладающие высокой моралью: «Народ наш есть хранитель всех наших добродетелей и добрых наших качеств; многому у него можно научиться». Вместе с тем, с его точки зрения (и здесь проходила четкая грань, отделявшая обер-прокурора от сторонников демократического переустройства общества), народ сохранял добрые качества и способность морально «подпитывать» власть, лишь находясь под строгой опекой «сверху». Все его добродетели — это добродетели детей, которые восхищаются своей чистотой,

неиспорченностью, целостностью взглядов, однако немедленно утратят их, оставшись без родительского попечения. В речи 8 марта Победоносцев сокрушался, что над крестьянами после отмены крепостного права не было устроено новой «надлежащей власти», благодаря чему «бедный народ, предоставленный сам себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться»^{203}. В свете подобных рассуждений получалось, что подлинно «народной» властью является именно самодержавие, опекающее «простых людей»; институты же, основанные на принципах формального представительства, — земства и городские думы — лишь разобщали царя с народом.

Многое из того, о чем говорил Победоносцев, коллеги-сановники слышали от него в той или иной форме, в виде разрозненных замечаний по отдельным вопросам, однако в целостном виде это прозвучало впервые, и эффект от речи был чрезвычайно силен. «Вы можете представить, каким громом упали слова мои»^{204}, — не без самодовольства писал Победоносцев Е. Ф. Тютчевой. Военный министр Милютин отметил в дневнике, что многие из присутствующих «не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика-реакционера». Фактически вставал вопрос об отказе от принципов, которые определяли правительственную политику предыдущих десятилетий и успели, как казалось современникам, достаточно прочно войти в идейный арсенал пореформенной монархии. «Это было, — писал Милютин о речи Победоносцева, — уже не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое, огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование... всего, что составляет основу европейской цивилизации... Он осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступной ошибкой!»^{205}

Либеральные оппоненты Победоносцева сразу уловили в его рассуждениях влияние чуждой им политической культуры, логика которой была для них абсолютно неприемлема, казалась «дикой», но отличалась своеобразной изощренностью и могла в известных условиях звучать убедительно. Так, Милютин называл наставления, с которыми обер-прокурор обращался к молодому царю, «фарисейскими поучениями и иезуитскими советами»^{206}. Валуев обращал внимание на опасность призывов Победоносцева опереться на настроения простолюдинов, которыми тот, как тараном, разбивал все построения оппонентов. Либеральный сановник считал недопустимыми звучавшие в речи обер-прокурора «фразы о народе, о единении царя с народом»; под последним

понимались исключительно социальные низы. Валуеву это казалось отказом от важнейших традиций, закрепившихся в идейном, политическом и духовном обиходе России со времен Петра I. «Московская волна в ходу в верхнем течении... — записывал он в дневнике. — Mot d'ordre^[15] теперь — русские начала, русские силы, русские люди, одним словом — руссизм во всех видах... Дикая допетровская стихия взяла верх. Разложение императорской России предвещает ее распадение»^{207}. В целом звучавшие в речи Победоносцева тезисы, по мнению его оппонентов, задавали вектор движения государственной политики России в сторону опасного утопизма, неприемлемой и немыслимой в конце XIX века архаизации. Каким же образом стал возможен подобный политический поворот? Какими факторами он был обусловлен, каков был его механизм?

Важнейшим обстоятельством, исподволь создававшим условия для переориентации правительственного курса, было постепенное изменение представлений в верхах о месте России в мире, подготовленное в том числе рассуждениями по «славянскому вопросу», игравшему в мировоззрении Победоносцева чрезвычайно важную роль. Интерес консерватора к судьбам зарубежного славянства определялся его вниманием к проблеме национальных отношений в Российской империи, особенно обострившейся после Польского восстания 1863 года. Подчинение южных и западных славян власти турецких элит в Османской империи, немецких и венгерских — в Австро-Венгрии казалось Победоносцеву столь же несправедливым, как и доминирование на окраинах Российской империи элит польско-католических (в землях бывшей Речи Посполитой) и немецко-лютеранских (в Прибалтийском крае). «Он (Адольф Иванович Добрянский, один из лидеров закарпатских русинов, посетивший Россию в 1875 году. — А. П.), — писал будущий обер-прокурор Е. В. Тютчевой, — рассказывает ужасные повести о преследованиях, которым то и другое (религия и народность русинов. — А. П.) подвергается». В своем краю, писал Победоносцев цесаревичу, Добрянский вынужден служить «защитником языка и православной веры от ужасных притеснений католического мадьярского правительства»^{208}. Зарубежные славяне представлялись Победоносцеву еще одним воплощением столь значимого для него социального явления — гонимых, зачастую беззащитных «малых сих», которым непременно следовало оказать покровительство, взять под опеку.

Характерной особенностью зарубежных славян, в его представлении, была интуитивная, врожденная симпатия ко всему русскому, ощущаемая буквально на каждом шагу. «Подлинно были мы точно между братьями, и

все выражения сочувствия были так просты, без малейшей аффектации, которая всякое дело портит», — писал в 1874 году будущий обер-прокурор цесаревичу о своих впечатлениях от присутствия на освящении русского храма в Праге. Подобное инстинктивное тяготение к России, полагал Победоносцев, побуждало зарубежных славян с интересом и одобрением относиться ко всему, что исходило от самой крупной славянской державы и потенциально обеспечивало самодержавию и Русской православной церкви широкий круг сторонников за рубежом. «Представьте себе этот народ, — писал он цесаревичу о чехах, — который у себя в Католической церкви не слышит ни одного понятного звука, и тут в первый раз в православном храме слышит молитвы — понятные, славянские, слышит такое чудное пение... Видно было на лицах, как все поражены тем, что видят и слышат... Можно было совсем подумать, что стоишь у себя в России, между своим народом»^{209}.

В силу того, что контакты с зарубежным славянством играли столь заметную роль в мировоззрении Победоносцева, он в период своего преподавания в царской семье стремился всячески приобщить ее членов — прежде всего, конечно, цесаревича — к кругу проблем, связанных со славянским вопросом. По представлению своего наставника Александр Александрович в 1868 году встретился с протоиереем русской посольской церкви в Вене Михаилом Федоровичем Раевским, имевшим широкие связи среди ученых, публицистов, общественных деятелей славянского мира, а в 1875-м — с Добрянским. В круг чтения цесаревича благодаря Победоносцеву входили публикации славянских комитетов, а также работы крупных русских славистов — сочинение Нила Александровича Попова о Сербии, записка Антона Семеновича Будиловича о Галичине и Закарпатской Руси. Наконец, в 1876 году благодаря усилиям будущего обер-прокурора при дворе прочел лекции по славянскому вопросу профессор Владимир Иванович Ламанский, один из наиболее видных участников «славянского движения» в России. Организация лекций Ламанского была непосредственно связана с началом Восточного кризиса, вызванного массовыми выступлениями балканских славян против Турции, завершившегося Русско-турецкой войной (1877–1878).

Само начало Восточного кризиса Победоносцев воспринял как закономерное следствие угнетенного положения, в котором повсюду в Европе находились славяне, а возможно, и как первый шаг к изменению несправедливого миропорядка. «Дело, которое теперь завязывается, — писал он Е. Ф. Тютчевой, — страшное дело, и пожар может, при попутном

ветре, захватить полвселенной и принять апокалиптические размеры»^{210}. Первые же события Восточного кризиса, с точки зрения наставника наследника, высветили фундаментальную особенность системы международных отношений, в существовании которой он был убежден со времен Крымской войны и особенно Польского восстания 1863 года, — ненависть Запада к славяно-православному миру. Подтверждением ее было более чем скептическое отношение значительной части европейского общества к выступлениям балканских славян против Турции. «Бедная Сербия, — вздыхал Победоносцев в письме, адресованном Е. Ф. Тютчевой после начала Восточного кризиса, — как трудно устоять в этой борьбе — с турецкими силами, со свистом, ненавистью и науськиванием Западной Европы. Боже мой! Как в иные минуты просыпается в этой Европе бес ненависти к нам и ко всему славянскому»^{211}.

В целом события Восточного кризиса убеждали Победоносцева в глубокой порочности попыток урегулирования международных противоречий путем вступления России в разного рода альянсы со странами Запада. «Как давно, — писал он бывшему ученику, — нам надо было понять, что вся наша сила в нас самих, что ни на одного из так называемых друзей и союзников нельзя нам положиться, что всякий из них готов на нас броситься в ту же минуту, как только заметят нашу слабость и ошибку»^{212}. Однако подобные заявления вовсе не означали, что общественно-политические процессы в странах Запада не привлекали внимания Победоносцева. Бывший профессор, литератор, публицист прекрасно понимал, насколько велико в европейских странах влияние общественного мнения на политику правительств. В связи с этим воздействие на идейное противоборство, разворачивавшееся в Европе в связи с Восточным кризисом, встало в повестке дня Победоносцева в число первоочередных задач.

Разумеется, при всей неприязни к Западу, делая заявления о его тотальной враждебности России и славянству, будущий обер-прокурор прекрасно понимал, что общественность европейских стран вовсе не едина в отношении к Восточному кризису. Культурой, общественной и политической жизнью Европы он интересовался с достаточно давних времен, поэтому с самого начала выступлений славян против Турции на Балканах начал налаживать каналы взаимодействия с общественным мнением Европы. Важнейшим его сотрудником на данном направлении стала постоянно проживавшая в Англии О. А. Новикова, в салоне которой собирались видные представители английской интеллигенции, так или

иначе сочувствовавшие России: философ Томас Карлейль, его ученики, историки Джеймс Энтони Фруд и Эдуард Фримен, знаменитый политик Уильям Гладстон и др. Посетители салона Новиковой (Победоносцев называл их «английскими славянофилами») немедленно попали в сферу внимания консервативного сановника.

Сразу после начала Восточного кризиса он перевел и опубликовал в журнале «Гражданин» памфлеты Гладстона «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» и «Черногория», ставшие знаменем прославянского движения в Англии. На страницах того же «Гражданина» будущий обер-прокурор подробно знакомил русского читателя со всеми перипетиями идейной борьбы в Англии по Восточному вопросу: созданием Национальной конференции в поддержку славян, проводимыми ею митингами, публикациями Гладстона, Карлейля и других авторов в поддержку славян и России. Часть поступавших из Англии материалов о движении в поддержку славян Победоносцев передавал представителям верхов — цесаревичу и возглавлявшему в то время Министерство иностранных дел канцлеру Александру Михайловичу Горчакову, стремясь, таким образом, воздействовать не только на общественное мнение, но и на политику правительства России.

Развернувшиеся на Западе дискуссии вокруг Восточного кризиса служили для Победоносцева доказательством важности «славянского дела» во всемирном масштабе, ведь даже в Англии, враждебной России, значительная часть «властителей дум» вынуждена была признать правоту движения за освобождение славян. «Разумеется, — писал будущий обер-прокурор в «Гражданине», — справедливость англичанина к России может быть только относительная, вследствие национального предрассудка, но и то уже много значило, что сила истины... заставила оценить по достоинству, во имя правды и человеколюбия, права угнетенных и правду того дела, на защиту коего поднялось в России народное движение и высказалось русское правительство»^[213]. При этом, разумеется, русский консерватор стремился всячески воздействовать на английское общественное мнение. Он оказывал давление на Министерство иностранных дел, если оно не выступало с опровержением появлявшихся в зарубежной печати ложных, с его точки зрения, сведений или не предавало гласности официальные материалы, которые могли бы помочь в развернувшейся идейной борьбе.

Через Победоносцева Новиковой присылались для перевода и публикации в Англии материалы, демонстрировавшие, насколько широка поддержка «славянского дела» в России: речи И. С. Аксакова, издания

славянских комитетов, «Дневник писателя» Достоевского, газета «Современные известия» близкого к славянофилам Никиты Петровича Гилярова-Платонова. Победоносцев стремился создать режим наибольшего благоприятствования для английских и американских литераторов и журналистов, благожелательно, с его точки зрения, относившихся к России: известного ученого и публициста Дональда Маккензи Уоллеса, корреспондентов газеты «Дейли ньюс» Януария Алоизия Мак-Гахана и Арчибальда Форбса и др.

После начала Восточного кризиса Победоносцев принял активное участие в работе российских общественных организаций, выступавших в поддержку балканских славян и на первых порах действовавших значительно более энергично, нежели правительство. В данном случае консерватор признавал, что тот самый «народный дух», единство с которым составляло силу правительства, мог начать действовать и помимо официальных властей, если они почему-то отставали от хода событий. Так, в статье, опубликованной в «Гражданине», Победоносцев считал необходимым особо отметить речь И. С. Аксакова на заседании Славянского комитета в поддержку Сербии в 1877 году, которая «заявила вне всякого сомнения, что движение в России по поводу сербских событий было подлинно самобытным явлением, независимо... от приказаний правительства»^[214]. В период Восточного кризиса будущий обер-прокурор содействовал благотворительной деятельности славянских комитетов и Красного Креста, вошел в Главное управление последнего. Летом 1877-го Победоносцев перевел и издал на свои средства сочинение XVI века «Приключения чешского дворянина Братислава в Константинополе в тяжелой неволе у турок»; эта публикация была призвана укрепить в обществе симпатии к славянству.

Помимо поддержки речей, с которыми в 1876-м и начале 1877 года выступал Аксаков (и за которые он не раз подвергался взысканиям со стороны правительства), Победоносцев в это время пытался — правда, безуспешно — помочь бывшему однокашнику с учреждением в России особой «славянской газеты». В течение 1877 года будущий обер-прокурор выступал даже за некоторое расширение свободы печати и приостановку цензурных преследований, считая в условиях мощного подъема в поддержку славян в России несравненно более опасным «раздражение, которое произойдет в умах от совершенного прекращения журнальных статей мерами правительства». «В то время, когда происходит борьба титанов и подземные силы поднимаются», правительство, лишь усиливая

недовольство общества, «с огромным молотом гоняется за мухами»^{215}, писал он Е. Ф. Тютчевой. Обстановка необычайного, давно не случавшегося в России общественного подъема заставляла его вновь и вновь задаваться вопросом, почему в условиях, когда контуры предстоящего противоборства четко определились, когда перспективы развития международного конфликта ясны, правительство не решается принять простую и ясную меру — открыто выступить в поддержку балканских славян, немедленно объявив войну Турции. Размышления над этим вопросом существенно повлияли на идейную эволюцию русского консерватора в конце 1870-х годов.

Упорное и совершенно непонятное Победоносцеву нежелание начать войну служило в его глазах концентрированным выражением всех пороков, присущих правительству в 1860—1870-е годы и фатально обессиливавших его деятельность: формализма, тяги к комфорту, нежелания брать на себя ответственность. «Повсюду, — с раздражением писал он цесаревичу, — встречаешь людей, только желающих как можно скорее успокоиться и готовых для этого уверять всех и каждого, что мы все никуда не годимся и что всё у нас никуда не годится»^{216}. Сыграл свою роль и такой роковой, по мнению Константина Петровича, изъян правительства Александра II, как стремление на всё испрашивать согласие Европы, в том числе и таких явно враждебных России стран, как Англия и Австро-Венгрия: «Россия слишком дорожит тем призраком дружбы и согласия, которым манит ее австрийская политика, всегда лживая, всегда ходящая в маске и скрывающая под ней глубокую ненависть к России и к славянству»^{217}.

В условиях, когда, по мнению Победоносцева, необходимость и неизбежность войны давно стали очевидны, дипломатические маневры официальных властей, стремившихся обеспечить России по возможности благоприятную обстановку в рамках надвигающегося конфликта, казались ему ненужной и неуместной эквилибристикой. Подобная политика, писал он О. А. Новиковой, «не по сердцу Русскому человеку, который не понимает в общем деле извилистых путей»^{218}. Когда же в апреле 1877 года война, наконец, была объявлена, он воспринял это событие как симптом выхода на поверхность и утверждения в сфере «большой политики» тех самых исконных здоровых настроений, которые были характерны для основной массы народа и до времени подавлялись малодушием властей. «Свершилось нечто священное и торжественное... — писал Победоносцев Е. Ф. Тютчевой после объявления войны. — Но наверху, в расфранченных слоях общества — какое клянчанье, какая

кислятина»^{219}. Казалось, признание правительством справедливости требований основной массы народа после долгих проволочек должно способствовать быстрому разрешению Восточного кризиса.

В реальности, однако, дела пошли совсем не так, как ожидал консервативный сановник, но и для этого он подобрал объяснение: военные неудачи, которые после первых успехов начали преследовать русскую армию, прежде всего затяжная осада крепости Плевна, служили доказательством провала именно либерального, реформаторского компонента политики правительства Александра II. Это звучало тем более убедительно, что военное и морское министерства возглавляли видные правительственные либералы — соответственно Д. А. Милютин и брат царя, великий князь Константин Николаевич. Именно на два эти ведомства наставник цесаревича и направил острие своей критики. «Рассказывают, — писал он Александру Александровичу в октябре 1876 года, еще до начала войны, — поразительные, превышающие всякое вероятие истории о систематическом грабеже казенных денег в военном, морском и в разных других министерствах, о равнодушии и неспособности начальствующих лиц и проч.»^{220}. Константин Николаевич обвинялся им в неправильном выборе приоритетов при определении программы военного судостроения, в неготовности флота к войне, в отказе принять решительные меры против Турции из-за боязни уронить репутацию в глазах Европы. Милютин, по словам Победоносцева (получавшего информацию с театра военных действий по линии Красного Креста), совершенно развалил систему снабжения армии одеждой, продовольствием и медикаментами, не мог организовать помощь раненым. Ситуация, по мнению консерватора, достигла такой остроты, что вот-вот должны начаться массовые волнения в войсках.

Проблемы, выявившиеся в ходе войны, резко усилили присущие Победоносцеву нервозность и пессимизм, погрузив его в состояние неизбывной паники. «Я живу здесь в каком-то кошмаре, — писал он Е. Ф. Тютчевой, — от которого лишь изредка как будто просыпаешься, а потом опять что-то ложится на грудь и давит». «Со времен Крымской кампании я не испытывал такого волнения и стеснения духа — никого бы не видел, ни о чем бы не говорил; точно жизнь пропала и испаряется в воздухе»^{221}. Его панические настроения нарастали из-за того, что его августейший ученик, как и другие взрослые великие князья, должен был отбыть на театр военных действий (цесаревичу предстояло возглавить Рущукский отряд), что было небезопасно для жизни. Кроме того, отъезд наследника престола

был чреват разрушением столь тщательно выстраивавшейся Победоносцевым системы неформальных отношений с ним. «Зачем пускают его командовать — неопытного еще человека, и его следовало бы побережь и устранить от фальшивого положения»^{222}, — с раздражением писал Константин Петрович в июле 1877 года С. Д. Шереметеву, в то время состоявшему адъютантом наследника. Вскоре, однако, Победоносцев понял, что новая ситуация не только не опасна для него, но и открывает новые, значительно более широкие перспективы для воздействия на Александра Александровича.

Причина заключалась в том, что характерная для многих великих князей и царедворцев тенденция относиться к цесаревичу неприязненно, держать его в стороне от серьезных государственных дел не исчезла с началом войны. Наследник пребывал в немилости у своего дяди-главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, был фактически отрезан от информации о политических событиях в России. «Я решительно ничего не знаю о намерениях государя и вообще что творится в главной квартире его, потому что ничего мне не сообщают, кроме как о военных распоряжениях, до нас касающихся, — жаловался Александр Александрович осенью 1877 года бывшему наставнику. — Я решительно ничего не знаю, что делается у нас на родине»^{223}. Понятно, что в подобной ситуации цесаревич оказывался в высшей степени зависимым от того, кто стал для него источником необходимых сведений, и Победоносцев в полной мере воспользовался открывшимися возможностями.

Константин Петрович в письмах не просто рисовал картину едва ли не полного развала российской системы управления (в особенности ведомств, возглавляемых либералами), но и вел масштабную и весьма опасную политическую игру, подвергая нападкам ближайших родственников цесаревича — великих князей, его дядьев. Так, администрация кавказского наместника Михаила Николаевича стала, по словам Победоносцева, «клоаком всяческих нечистот, беспорядков, интриг, хищений». Про Николая Николаевича, по его сообщению, все говорили, что «он упорен невыразимо, что не хочет слушать разумных советов, не хочет видеть ошибок и ради упорства шлет даром на смерть полки героев»^{224}. Источником сведений, как правило, служили «слухи», «толки», частная корреспонденция, впечатления от личных, часто случайных встреч; однако именно эта информация преподносилась им как истинная и достоверная, в отличие от ложных данных официальных докладов. Разумеется, всеобщая критика нисколько не касалась цесаревича — все его распоряжения являли

счастливого исключение на фоне всеобщей дезорганизации, вызванной применением ложных административных принципов, которыми власти руководствовались еще со времен Великих реформ. «Ваша добрая слава растет по всей России, — многозначительно писал Победоносцев Александру Александровичу в ноябре 1877 года. — Ах, это большая сила Вам на будущее, нравственный капитал, который дай Боже Вам сохранить и приумножить!»^{225}

Война, по мнению Победоносцева, еще раз и с предельной резкостью выявила ставшее характерным для пореформенной России противостояние испорченного мира верхов и «простого народа». Победой в ней, по мнению консерватора, Россия была обязана исключительно второй силе, в то время как первая в годы великих потрясений выказала свою полную пустоту и никчемность. «И, не правда ли, во всей этой долгой, долгой военной истории всего краше является русский солдат, во всей простоте русской души, в которой, кажется, сосредоточилось всё, что мило и дорого в родной земле русскому человеку... Всё дело, по-моему, выносят на плечах своих солдаты»^{226}, — писал он бывшему ученику. Цесаревич в представлении Победоносцева был воплощением и едва ли не неформальным вождем этой реальной, «народной» России, голос которой стал почти не различим за официальной ложью официальных отчетов. Именно этой России предстоит со временем сказать свое веское слово, и на нее в своей деятельности и должен ориентироваться цесаревич. «Об Вас, — писал ему Победоносцев, — не трубят слава, но передаются из уст в уста тихие речи, и все радостные... во всей России честные люди, преданные отечеству, понимают труд Ваш, глубоко сочувствуют Вам и следят за Вами с любовью и крепкой надеждой»^{227}.

Не приходится сомневаться, что наследник престола одобрял подобные рассуждения. Его собственные взгляды на роль верхов и народа были к этому времени во многом сформированы самим же Победоносцевым, а пренебрежение, которому он подвергался со стороны родственников, и испытываемое им в связи с этим раздражение заставляли его особенно внимательно прислушиваться к словам бывшего наставника. То, что сообщал ему Победоносцев, зачастую воспринималось как истина в последней инстанции. «Благодарю Вас, добрейший Константин Петрович, за Ваши длинные и интересные письма, которые меня очень интересуют... В частных письмах не все решаются передавать правду», — писал цесаревич. Их духовная близость в годы войны еще укрепились, что было особенно важно в свете того, что внешнеполитические потрясения,

связанные с событиями на Балканах, очень скоро сменились внутривластными. В стране разразился кризис, связанный с подъемом революционного движения. Результатом этого кризиса стали гибель Александра II и вступление на престол его сына, вознесшее Победоносцева на вершину власти.

Начало царствования Александра III

Первые проявления общественно-политического кризиса, которому суждено было кардинально изменить направление правительственной политики и дать начало новому царствованию, поначалу не казались консервативному сановнику опасными. При всей неприязни к антиправительственным идеям он не считал серьезной угрозой, исходившую от русских революционеров. Когда осенью 1877 года правительство решило организовать большой судебный «процесс 193-х» над участниками состоявшегося за три года до этого «хождения в народ», эта затея была воспринята Победоносцевым как совершенно неуместная. «Достойным властью актом было бы — ради настоящей войны — всё это бросить и выпустить всё это стадо заблудших овец: не до того теперь, чтобы с ними возиться»^{228}, — писал он Е. Ф. Тютчевой. Однако после покушения народницы Веры Засулич на петербургского градоначальника Трепова и особенно после ее оправдания судом присяжных Победоносцев осознал драматичность ситуации, грозившей самодержавию самими тяжелыми потрясениями, значительно более опасными, чем военные поражения. «Другая Плевна выросла, — писал он наследнику в апреле 1878 года, вскоре после суда над Засулич, — и причины открываются те же самые, и открывается бездна еще грознее, еще ужаснее прежней... мы спим; надобно проснуться, иначе всё пропало»^{229}.

Опасность, по мнению Победоносцева, заключалась в том, что власть вместо подавления революционного движения быстрыми и жесткими мерами почему-то проявляла нерешительность и колебания, что, в свою очередь, провоцировало революционеров на новые выступления. «Потому страшно, — писал он наследнику престола, — что хотя поток невелик и грязен — гнила плотина, которая должна удерживать его». Вялость правительства доводила Победоносцева буквально до иступления. В письме Александру Александровичу он заявлял: «Правительства нет, как оно должно быть, с твердой волей, с явным понятием о том, чего оно хочет,

с решимостью защищать основные начала управления... Люди дряблые, с расколотой надвое мыслью, с раздвоенной волей... равнодушные ко всему, кроме своего спокойствия и интереса. Середины нет. Или такое правительство должно проснуться и встать, или оно погибнет»^{230}.

Победоносцев считал, что следствием недостаточно энергичной деятельности правительства могли стать народные бунты в защиту самодержавия, и не переставал пугать цесаревича этой перспективой. «Может прийти минута, — писал он бывшему ученику в апреле 1879 года, после покушения народника Александра Соловьева на Александра II, — когда народ, в отчаянии, не узнавая правительства, в душе от него отречется и поколеблется признать своей ту власть, которая, вопреки писанию, без ума меч носит»^{231}. Однако в глубине души консерватор, видимо, сознавал, что массы вряд ли поднимутся на бунт, а вот перспектива того, что пробравшиеся в коридоры власти изменники или просто легкомысленные люди навяжут народу чуждые ему политические принципы, в частности конституционное устройство, казалась вполне реальной. «Здоровое, но смутное и сбитое с толку негодование масс на правительство»^{232} не могло послужить надежной гарантией против подобного рода нововведений. Победоносцев очень боялся, что «конституция» (то есть ограничение царской власти какой-либо формой представительства) станет реальностью, и бдительно отслеживал все симптомы, которые могли указывать на то, что в верхах началось обсуждение каких-либо проектов с «конституционным» оттенком. Борьба против подобных проектов составит стержень политической деятельности консервативного сановника в период кризиса рубежа 1870—1880-х годов.

Какие меры предлагал Победоносцев для борьбы с революционным движением? Главное в этой сфере, с его точки зрения, зависело от личностного фактора. На ключевые посты вместо нынешних «евнухов» и «скопцов» следовало назначить наиболее решительных администраторов и максимально развязать им руки, дать возможность свободно действовать в рамках самых широких полномочий для подавления революционного движения. Необходимо, писал консерватор, «объединить власть, вооружив ее средствами для быстрой и решительной кары. Надобно, чтобы казнь следовала как можно скорее за преступлением»^{233}. (Частичной реализацией его чаяний стало последовавшее вскоре назначение временных генерал-губернаторов с чрезвычайными полномочиями в ряд крупных городов России.) Попытки сбить накал кризиса путем какого-либо преобразования учреждений казались Победоносцеву делом абсолютно

бессмысленным: «Когда у человека острая болезнь, например воспаление, которое угрожает в несколько дней унести его совсем, надобно тотчас же лечить болезнь; безумно рассуждать, что вместо сильных средств следует иначе расставить мебель в комнате»^{234}.

Принципы, которыми государство со времен реформы 1864 года стремилось руководствоваться в судебной-карательной деятельности (и которые когда-то вызывали у самого Победоносцева сильную симпатию), теперь воспринимались Константином Петровичем с крайним раздражением. Он негодовал, что в деле Засулич председатель суда — его бывший студент А. Ф. Кони, — следуя принципу формальной законности, допустил оправдание обвиняемой. «Правду — существенную и вечную, — писал Победоносцев Е. Ф. Тютчевой, — он перепутал с соблюдением форм, в которых полагает свободу и равенство, и боится в чем-нибудь преступить эту формальную правду»^{235}. В условиях кризиса, настаивал консерватор, требуется сосредоточить как можно больше власти в руках решительных правителей, которые безошибочно определяют правильный образ действий, опираясь на свою духовную близость к самодержавию и интуитивное понимание того, в чем заключается «существенная и вечная» правда. По мере нарастания в верхах противоречий и споров о дальнейшем политическом курсе Победоносцев всё более напористо продвигал свою программу, опираясь как на крепнущие контакты с наследником, так и на оказавшиеся в его собственных руках инструменты неформального политического влияния. Одним из таких инструментов стал Добровольный флот — морская судоходная компания. Руководство ею сыграло важную роль в возвышении Победоносцева.

Создание весной 1878 года Добровольного флота явилось результатом не слишком удачного для России завершения войны с Турцией, результаты коей под давлением великих держав, прежде всего Англии, пришлось пересмотреть на Берлинском конгрессе. Под впечатлением от выявившейся в ходе войны военно-технической слабости России представители московских патриотических кругов решили собрать деньги по подписке и закупить на них пароходы, которые в случае войны можно было бы переоборудовать в крейсера. Инициаторы предприятия обратились за поддержкой к цесаревичу, а он попросил взяться за дело Победоносцева. В результате с апреля 1878 года тот стал ведать сбором средств для высочайше утвержденного Комитета по устройству Добровольного флота, а в 1879-м возглавил правление общества.

Первоначально воспринявший московскую инициативу весьма

скептически, подозревая в ней попытку косвенным путем добиться влияния на Александра Александровича, Победоносцев вскоре понял, что новая структура открывает ему значительные возможности в плане разворачивавшейся в то время борьбы в верхах. Прежде всего, вмешательство в дела, связанные с флотом, было дополнительным оружием против одного из столпов правительственного либерализма — великого князя Константина Николаевича. После того как Победоносцев занялся делами судоходной компании, в его переписке с цесаревичем всё чаще стали встречаться упоминания о преимуществе ее пароходов перед кораблями морского министерства, о пренебрежении, с которым великий князь Константин относится к своим прямым обязанностям, о том, что Добровольный флот вынужден брать на себя функции, от которых фактически отреклось министерство (в частности, организацию бесперебойной морской связи Центральной России с Дальним Востоком).

Руководство Добровольным флотом давало Победоносцеву возможность вмешиваться в самый широкий круг дел в различных сферах государственного управления. Здесь особенно ярко стали проявляться примечательные качества консерватора, которые и раньше были заметны в его отношениях с наследником престола, — стремление высказываться по самым разным административно-политическим вопросам и безусловная вера в свою способность эти вопросы решить. Еще в годы Русско-турецкой войны Константин Петрович авторитетно высказывался и о воспитании детей цесаревича, и о правильных, с его точки зрения, способах ведения военных действий. Теперь же, полемизируя со своим тезкой, великим князем, он подробно рассуждал о сравнительной пригодности для России различных типов крейсерских кораблей и грузовых судов; в письмах цесаревичу давал безапелляционные оценки администраторам, руководившим важными для Добровольного флота регионами (Таврической губернией, Одессой, Сахалином). Будущий обер-прокурор, не имевший никакого отношения ни к военной, ни к технической сфере, попытался заняться даже перевооружением русской армии и флота. Он руководил опытами по созданию «воздухоплавательных снарядов» (с целью поставить под удар Англию, недостижимую с суши), а также поддерживал инженера С. К. Джевецкого, занимавшегося созданием первых моделей подводных лодок.

Встав у руля Добровольного флота, Победоносцев впервые после 1869 года, когда прекратилось его наставничество в царской семье, смог занять официальное положение при наследнике, стать, по словам историка Ю. В. Готье, «его формальным сотрудником в деле, требовавшем определенных

докладов, распоряжений и выбора людей»^{236}. В определенной степени флот рассматривался им и как резервуар кадров, которые можно было использовать в борьбе за власть.

Одним из выдвиженцев Победоносцева, прошедшим через Добровольный флот, был упоминавшийся выше морской офицер, участник Русско-турецкой войны Николай Михайлович Баранов, прославившийся в 1877 году после сообщения, что находившийся под его командованием пароход «Веста», переоборудованный в крейсер, сумел выдержать неравный бой с турецким броненосцем. Впоследствии Баранова обвинили во лжи, он попал под суд и даже был уволен со службы, однако вину не признал и продолжал пользоваться доверием Победоносцева. В глазах бывшего профессора лихой капитан был воплощением излюбленного им типа администратора — «живого человека», способного действовать «с огнем», с энергией, не обращая слишком большого внимания на бюрократические формальности. «Есть в этом человеке огневая жилка, — писал Победоносцев Александру Александровичу, — и натура у него, при всех недостатках, бесспорно русская»^{237}.

За пределами Добровольного флота будущий обер-прокурор также был склонен поддерживать тех администраторов и военачальников, которые проявляли качества «живых людей», были известны прославянскими симпатиями и в той или иной степени находились в оппозиции правительству Александра II. К их числу относились бывший посол в Константинополе Николай Павлович Игнатъев, выступавший в свое время за более решительную политику России на Балканах, генералы Михаил Дмитриевич Скобелев и Михаил Григорьевич Черняев.

В условиях кризиса близость к наследнику престола способствовала укреплению позиций Победоносцева в верхах. Когда после очередного террористического акта — взрыва в Зимнем дворце, устроенного народовольцем Степаном Халтуриным в феврале 1880 года, — к власти был призван генерал М. Т. Лорис-Меликов, получивший диктаторские полномочия, он включил консервативного сановника в состав Верховной распорядительной комиссии — чрезвычайного органа, призванного координировать деятельность всех государственных ведомств по борьбе с революционным движением. По представлению Лорис-Меликова бывший воспитатель цесаревича в апреле 1880 года был назначен на пост правительственного чиновника, ведавшего делами Русской православной церкви, — обер-прокурора Святейшего синода, а в декабре вошел в состав Комитета министров. Возвышая консерватора, генерал, безусловно, шел на

политический маневр, рассчитывая таким образом укрепить отношения с цесаревичем, близость к которому Победоносцева была общеизвестна.

Сам же бывший наставник наследника поначалу воспринимал деятельность новоявленного диктатора достаточно благосклонно, видя в нем воплощение «сильной личности», способной решительными мерами подавить крамолу. Отношение начало меняться после того, как выяснилось, что генерал задумал изменить направление правительственной политики, намереваясь сочетать репрессии против революционеров с отдельными уступками «благочестивым» слоям общества, апогеем которых должно было стать введение в России представительства. Подобная политика в глазах Победоносцева была совершенно недопустима, и борьба против Лорис-Меликова стала с конца 1880 года важнейшим направлением его правительственной деятельности.

Введение в России представительства, по мнению обер-прокурора, было мерой совершенно абсурдной и не только не положило бы конец кризису, но и довело бы его до предельной остроты. Он считал, что сторонники либеральных мер, вместо того чтобы заботиться об укреплении дисциплины, собирались «пустить куда-то — в свободное пространство — в так называемое общество важнейшие функции государственной власти»^{238}. Не находя разумного объяснения появлению подобных проектов, Победоносцев делал вывод, что на ключевые посты в правительстве проникли изменники, которые исподволь готовят крушение государства. Измена, по его мнению, свила гнездо в святой святых государственного аппарата — Третьем отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Изменником он считал и великого князя Константина Николаевича. «Все простые русские люди, — написал Победоносцев Александру Александровичу уже после 1 марта, — говорят со страхом и ужасом о Мраморном дворце (резиденции Константина. — А. 77.). Мысль эта вкоренилась в народе»^{239}.

Обер-прокурор отчаянно, используя все доступные средства, пытался предотвратить нарастание неприемлемых для него тенденций в правительственной политике. Его помощником в этом деле оказался М. Н. Катков — редактор-издатель газеты «Московские новости» и журнала «Русский вестник», один из лидеров консервативной журналистики. Крайне негативно относившийся к периодической печати в целом и уж тем более отрицавший за ней право вмешиваться в политические вопросы, Победоносцев в данном случае счел возможным опереться на поддержку Каткова, активно (хотя и тайно) поощряя кампанию, которую тот вел

против либеральных тенденций в верхах. Он детально информировал московского публициста обо всех перипетиях внутриправительственной борьбы, содержании проводившихся совещаний и своих беседах с министрами, сообщал о готовившихся правительством мерах. Своеобразным каналом связи с консервативной Москвой — с тем же Катковым, а также с И. С. Аксаковым — служили, видимо, письма Победоносцева Е. Ф. Тютчевой, которые именно в это время становятся особенно подробными и резкими.

Однако ничего не помогало — либеральные тенденции в верхах продолжали нарастать. Планировавшиеся правительством в начале 1881 года меры — легализация студенческих сходок и корпоративных прав студентов, введение судебного преследования органов печати вместо административного — должны были, как прекрасно понимал Победоносцев, подготовить почву для введения «конституции» и, естественно, вызывали его резкий протест. Ссылка на то, что они лишь закрепили бы уже укоренившиеся в общественной жизни объективные явления, нисколько на обер-прокурора не действовала. Сам факт зарождения и развития в общественном укладе новых явлений вовсе не должен был служить основанием для пересмотра правительственной политики. «Есть запахи, — писал Победоносцев Тютчевой, — коих ни за что на свете перенести невозможно. Есть идеи и стремления, коих невозможно признать. А с этой (либеральной. — А. П.) точки зрения нет ничего невозможного, ничего отрицаемого — со всем можно примириться». Противостояние консервативного сановника с либералами приняло в эти дни особенно острые формы, а сам он придавал своей борьбе значение едва ли не религиозной миссии. «Поймите, — взывал он (по его собственным словам) к Лорис-Меликову, — что я в положении верующего, который не может сойтись с идолопоклонниками. Вы все... поклоняетесь идолам разной свободы»^{240}.

К этому времени достигла апогея крайняя, доходившая едва ли не до ненависти, неприязнь Победоносцева к Царю-освободителю, от которого он уже не ожидал никаких полезных для России мер. «Нас тянет это роковое царствование, — писал обер-прокурор Е. Ф. Тютчевой, — тянет роковым падением в какую-то бездну, прости Боже этому человеку — он не ведал, что творит, и теперь еще менее ведает... Судьбы Божии послали его нам на беду России. Даже все здоровые инстинкты самосохранения иссякли в нем; остались инстинкты тупого властолюбия и чувственности. Мне больно и стыдно, мне претит смотреть на него, и я чувствую, что он

меня не любит и не доверяет мне»^{241}. Чувства его не обманули. Александр II, по воспоминаниям Лорис-Меликова, действительно не любил Победоносцева, называл его ханжой и обскурантом и с большой неохотой согласился назначить его на пост обер-прокурора^{242}. К концу февраля 1881 года противостояние бывшего воспитателя наследника престола с правительственными либералами приобрело предельно острые формы. В обществе и правительстве сложилась крайне напряженная обстановка, развязкой которой стала гибель Александра II 1 марта.

Убийство Царя-освободителя и вступление на престол его сына — воспитанника и единомышленника Победоносцева — сразу резко изменили обстановку в верхах. В тот же день обер-прокурор был в Зимнем дворце, где «бедный сын и наследник» «с рыданием» обнял его. Бывший профессор в полной мере воспользовался ситуацией — начал забрасывать нового царя письмами и записками с требованием решительного изменения правительственной политики. В этот момент, считал Победоносцев, Александр III остро нуждался в его поддержке. «Боже! — писал обер-прокурор Е. Ф. Тютчевой. — Как мне жаль его, нового Государя. Жаль как бедного, больного, ошеломленного ребенка»^{243}. Разумеется, в число первых рекомендаций входило требование «покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходов, о представительном собрании», отбросить «ложь пустых и дряблых людей» «ради правды народной и блага народного»^{244}. Одновременно последовали призывы укрепить консервативную основу государственной политики: оградить народную нравственность от растлевающего влияния секулярных тенденций посредством закрытия театров в Великий пост, ужесточить надзор над университетами путем расширения власти попечителей учебных округов, ограничить приток простолюдинов в высшую школу, а начальную перестроить на церковных началах.

Безусловно, важнейшее место в письмах Победоносцева Александру III сразу же заняло требование отстранить от власти тех, кто вершил правительственную политику в последние годы прошлого царствования. «Нельзя их оставлять, Ваше Величество, — твердо заявил уже в одном из первых посланий обер-прокурор бывшему ученику. — Не оставляйте графа Лорис-Меликова... он фокусник и может еще играть в двойную игру». В качестве альтернативы генералу назывался граф Игнатъев: «Он имеет еще здоровые инстинкты и русскую душу, и имя его пользуется доброй славой у здоровой части русского населения — между простыми людьми»^{245}. Креатуры Победоносцева немедленно начали проникать на важные

государственные посты. Уже спустя неделю с начала нового царствования бывший моряк Баранов, почти не имевший опыта в сфере гражданской администрации, стал столичным градоначальником, а в конце месяца Игнатьев возглавил Министерство государственных имуществ с перспективой назначения на более влиятельную должность. Произошли перемены в руководстве Министерства народного просвещения и цензурного ведомства. Фактически был решен вопрос об отстранении от власти великого князя Константина и председателя Комитета министров П. А. Валуева.

Большие изменения в составе правительства, начавшиеся сразу же после 1 марта, безусловно, отражали тот факт, что царь и его бывший наставник давно уже были единомышленниками по большинству политических вопросов. Кроме того, они несли явную печать чрезвычайных обстоятельств, сопровождавших начало нового царствования. Потрясенный гибелью отца молодой царь был далеко не в полной мере подготовлен к делам государственного управления и поначалу нередко терялся в запутанных коридорах власти. Здесь поддержка опытного бюрократа Победоносцева была для него поистине незаменима. «Пожалуйста, любезный Константин Петрович, исполните мою просьбу и облегчите мне мои первые шаги»; «давно с Вами не видался и желал бы переговорить с Вами», «прошу всегда, когда Вы найдете нужным, писать мне с той же откровенностью, как и всегда»^[246] — эти и подобные высказывания, в изобилии рассыпанные по страницам корреспонденции царя, ярко свидетельствуют, сколь сильна была его зависимость от бывшего наставника.

Духовная близость между Александром III и Победоносцевым создавала основу для дальнейшего крутого поворота в правительственной политике; однако для его осуществления необходимо было покончить с пребыванием у власти наиболее влиятельных либеральных сановников — Лорис-Меликова, Милютина и Абазы. Для этого царь и его бывший наставник прибегли к изданию особой официальной декларации — Манифеста о незыблемости самодержавия.

Выбор именно этой меры был обусловлен рядом причин. Прежде всего нельзя сбрасывать со счетов личные пристрастия Победоносцева, в частности особенности понимания им сути самодержавной власти, заставлявшие его верить, что «твердое слово», в переломный момент произнесенное царем с высоты престола, внесет решающий вклад в прекращение смуты. Здесь, видимо, сказывались и опыт профессорства, и глубокая — в духе XVIII века — вера в могучую силу поучений,

назиданий, с которыми к обществу должны обращаться его вожди. В духе подобных представлений обер-прокурор убеждал бывшего ученика «обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия», уверяя, что именно это действие будет способствовать делу «успокоения умов»^{247}. Кроме того, Победоносцев и Александр III понимали, что публикация манифеста вызовет отставку либеральных сановников.

Вероятно, руководствуясь именно этими соображениями, обер-прокурор выстраивал тактику своего поведения весной 1881 года. Выступив 8 марта с, казалось бы, безоговорочным осуждением либеральных принципов, он вскоре постарался сгладить произведенное его речью впечатление и, явившись к Лорис-Меликову, стал уверять, что его неправильно поняли. Победоносцев не пытался противиться и выдвинутому либералами требованию заранее обсуждать все важнейшие государственные меры в общем собрании министров, прекрасно понимая, что в рамках самодержавного правления и на фоне прочных неформальных связей, сложившихся у него с Александром III, это ограничение не будет иметь никакого значения. Видимо, так же смотрел на ситуацию и сам царь. Сразу после правительственного совещания 21 апреля, на котором было решено ввести принцип «единства правительства», он написал письмо Победоносцеву о своем недоверии министрам-либералам, хотевшим, по его словам, довести Россию до «представительного правительства», повторявшим «заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма»^{248}. Естественно, что после получения этого письма Победоносцев немедленно начал подготовку текста Манифеста о незыблемости самодержавия, который был издан 29 апреля 1881 года без обсуждения с министрами.

Безусловно, публикация манифеста — важнейшего правительственного сообщения — «через головы» министров, занимавших в правительстве ключевые посты, была открытым знаком недоверия к ним и закономерно повлекла за собой их уход в отставку. Претензии относительно нарушения договоренности о «единстве правительства», которые теоретически могли бы предъявить Александру III министры-либералы, не имели бы, как и предвидел Победоносцев, никакой реальной силы. «Вы не конституционные министры, — писал обер-прокурор царю, как бы набрасывая черновик речи, с которой тот мог выступить перед Лорис-Меликовым и его единомышленниками. — Какое право имели бы вы требовать, чтобы государь обращался в важных случаях к народу не иначе

как через вас... Он считает себя самодержавным государем и хочет иметь к народу прямую волю и прямое слово».

Отставка либеральных членов правительства в ответ на издание Манифеста о незыблемости самодержавия, заявлял Победоносцев, свидетельствовала о том, что эти люди на самом деле подкапывались под основы самодержавной власти, хотя всеми силами старались это скрыть. «Что вы находите, — продолжал обер-прокурор воображаемую речь, обращенную к либералам, — в этом обращении государя к народу, кроме того, что в народе само собой разумеется, что составляет связь его с государем?»^[249] Выказав недовольство манифестом, утверждал Победоносцев, Лорис-Меликов и его единомышленники сами сделали невозможным свое пребывание в правительстве. Они утратили власть не в результате чьей-то интриги (а в ее организации обвиняли, разумеется, обер-прокурора — и в 1881 году, и много позже, вплоть до конца его карьеры), а лишь потому, что их несовместимость с самодержавием объективно и неизбежно вышла на поверхность.

События весны 1881 года знаменовали изменение политики самодержавия, один из решающих поворотов политической истории России XIX — начала XX века. Огромный вклад в этот поворот внес Победоносцев, продемонстрировав еще раз, насколько значительна может быть роль личности в истории. Проявлением поворота стал отказ от многих принципов, давно и, казалось, прочно закрепившихся в обиходе российской монархии. Вместе с Победоносцевым в правительственную политику вошли ранее не допускавшиеся в нее принципы самобытности (отчасти пересекавшиеся со славянофильством), неприязни к образованной верхушке общества и даже отчасти к официальной бюрократии, непосредственной опоры монархии на «простой народ». Последующие события показали, что для обер-прокурора все эти принципы вовсе не были тактическим приемом в борьбе за власть. Он искренне верил в них и достаточно настойчиво пытался провести их в жизнь, сделав основой своей правительственной деятельности.

Борьба у престола

После издания 29 апреля Манифеста о незыблемости самодержавия, добившись отставки министров-либералов, Победоносцев приложил все усилия, чтобы полностью отсечь этих людей от всякого влияния на власть и по возможности удалить их из политической жизни. «Ваше Величество, не

извольте обманываться, — писал обер-прокурор Александру III сразу после выхода манифеста. — С 29 апреля эти люди — враги Ваши... Если они заговорят о желании отойти от дел, ради Бога, Ваше Величество, не удерживайте их... Важнее всего, чтобы поле было расчищено, чтобы не было людей с раздраженным и раздраженным самолюбием и властолюбием»^{250}. Максимализм, бескомпромиссность российского консерватора, его нетерпимость к тем, кого он считал своими врагами (а значит, и врагами государства), проявились здесь в полной мере. После отставки Лорис-Меликова он потребовал немедленно пресечь инициативу Санкт-Петербургской городской думы по составлению благодарственного адреса опальному сановнику. По некоторым данным, Победоносцев даже предлагал лишить бывшего «диктатора», вскоре после отставки выехавшего за границу, государственного жалованья и земельных владений в России^{251}.

Отставка Лорис-Меликова и его единомышленников означала отстранение от власти самых ярких представителей правительственного либерализма, однако на министерских постах всё еще оставались люди, в какой-то мере близкие по взглядам к недавнему «диктатору». Борьба против них — министра финансов Николая Христиановича Бунге, отчасти министра юстиции Дмитрия Николаевича Набокова — составила важное направление деятельности обер-прокурора в 1880-е годы. Немало сил он приложил и к тому, чтобы по возможности понизить политическую роль, ограничить влияние законосовещательного органа империи — Государственного совета. По традиции в совет пожизненно назначались все отставные министры; в результате он к тому времени стал буквально средоточием утративших власть реформаторов 1860—1870-х годов и уже в силу этого не мог вызывать у Победоносцева ничего, кроме раздражения.

Неприязнь консервативного сановника к Государственному совету определялась и соображениями более глубокого, концептуального характера. Победоносцеву в силу его мировоззрения было в целом не очень понятно, зачем существует специальное учреждение, предназначенное для предварительного обсуждения правительственных мер. Те меры, которые соответствовали «здравым началам» и «исконным основам» государственной жизни, можно было вводить в действие и без длительных обсуждений, лишь условившись о технических деталях их реализации, а все прочие начинания вовсе не имели права на существование. Обер-прокурор регулярно настаивал, чтобы важные, с его точки зрения, нововведения проводились в жизнь по прямым распоряжениям царя либо

чтобы тот непосредственно указывал председателю Государственного совета (своему дяде, великому князю Михаилу Николаевичу) сворачивать дискуссии и голосовать так, как требует высшая власть. В целом же, «если бы это зависело от него, он сократил бы до minimum'a деятельность Государственного совета: к чему перемены, к чему новые узаконения, когда еще неизвестно, будет ли от них прок!»^{252}.

Стремясь оказать давление на «окопавшихся» в Государственном совете либералов, обер-прокурор, обычно не жаловавший независимую общественную инициативу, на сей раз прибегнул к помощи знаменитого журналиста М. Н. Каткова, к тому времени окончательно перешедшего на консервативные позиции. После воцарения Александра III Катков в своих изданиях развернул резкую критику правительственной политики предшествовавших десятилетий, настаивая на необходимости кардинального пересмотра наследия Великих реформ. Дабы сделать удары Каткова более действенными и целенаправленными, Победоносцев не останавливался перед тем, чтобы тайно сообщать ему самую последнюю конфиденциальную информацию о событиях в верхах. Когда же московский публицист в нападках на Государственный совет и отдельных сановников явно выходил за рамки приличия или же вторгался в сферы, которые царь считал своей безусловной прерогативой (например, внешнюю политику), именно Победоносцев спасал его от правительственных кар и монаршего гнева.

Разумеется, обер-прокурор не мог не понимать ненормальности сложившейся ситуации, когда, по словам главы канцелярии Государственного совета А. А. Половцова, «рядом с законным государевым правительством создавалась какая-то новая, почти правительственная сила в лице редактора «Московских новостей», который окружен многочисленными пособниками на высших ступенях управления... открыто толкует о необходимости заменить такого-то министра таким-то лицом, в том или другом вопросе следовать такой или иной политике... и в конце концов достигает своих целей»^{253}. Такое положение дел, безусловно, противоречило принципу неограниченного самодержавия, рьяным ревнителем которого выступал Победоносцев. Однако и менять что-либо в сформировавшейся системе негласных политических отношений он вовсе не собирался. В разговорах с коллегами по правительству и письмах царю он, по сути, уходил от ответа на вопрос о причинах «катков-ской аномалии», сводя всё к случайным и второстепенным обстоятельствам (издателя якобы «испортили» отдельные

сановники своим подобострастным отношением, так что никто не решался говорить с ним «властным тоном и властной речью»^{254}, и т. д.). Очевидно, обер-прокурор явно выводил единомышленника-журналиста из-под удара, считая полезным сохранять его политическое влияние и использовать его для борьбы против либеральной бюрократии.

Сам по себе бюрократический принцип управления вызывал у консервативного сановника неприязнь — тот зачастую отождествлял его с ненавистным либерализмом. Кроме того, присущее бюрократии требование соблюдать разного рода правила и регламенты, по мнению Победоносцева, грозило парализовать благодетельное воздействие личной воли царя и отдельных энергичных администраторов, близких по духу к народу и «здравым началам» государственной жизни. Обер-прокурор считал, что наделенный «правильными» государственными качествами сановник должен быть как можно меньше связан формальными ограничениями. На местах, особенно в «проблемных» регионах вроде Польши или Кавказа, основные рычаги управления следовало сосредоточить в руках генерал-губернаторов, способных править без постоянной оглядки на министров, засевавших в «испорченном» Петербурге. По возможности таких администраторов не следовало заменять «обычными» губернаторами, ибо власть последних «вся связана узами, их распоряжения — в зависимости от министерских канцелярий, их воля не имеет твердости и единства, если ими не управляет твердая воля главного начальника, имеющего особые полномочия, облеченного особым монаршим доверием и дающего отчет и ответ непосредственно государю»^{255}.

Неприязненно относясь к министерскому принципу, положенному с начала XIX столетия в основу административного устройства Российской империи и справедливо считавшемуся основой бюрократической системы управления, Победоносцев пытался — правда, не очень последовательно — нащупать пути отхода от него. В начале 1880-х годов он предлагал подчинить на местах органы политического сыска (жандармерию) власти губернаторов, дабы превратить последних в подлинных «начальников губерний», в центре же, наоборот, намеревался вывести политический сыск из ведения Министерства внутренних дел, стремясь ослабить влияние этого бюрократического Левиафана.

В 1880-е годы обер-прокурор принял участие в разработке ряда общегосударственных мер, призванных, по мысли консервативного окружения Александра III, покончить со слишком большой независимостью бюрократической корпорации и отдельных введенных в

предшествующее царствование институтов. Консервативный сановник поддержал проект создания могущественной Канцелярии прошений, которая на основе подаваемых жалоб могла бы отменять решения большинства государственных, в том числе судебных, органов империи (проект был реализован в 1884 году, но в значительно более скромном, по сравнению с первоначальным замыслом, масштабе). «Победоносцев, — отмечал по этому поводу Половцов, — хочет устроить верховный тайный совет, который именем государя будет ломать всякое судебное и административное распоряжение, которое ему не понравится, т. е. внесет произвол туда, где желательны правильность и законность»^{256}. Благосклонно встретил обер-прокурор и намерение властей (так и не осуществленное) отменить введенную еще Петром Великим Табель о рангах и ликвидировать тем самым систему чинопроизводства, в конце XIX века действовавшую во многом автоматически и в некоторых случаях не позволявшую самодержцу эффективно регулировать состав чиновничества.

В течение всего пребывания у власти Победоносцев пытался, более или менее интенсивно, найти возможность выхода за рамки бюрократической системы управления, ставшей к концу XIX века привычной для самодержавия, однако зачастую, по его мнению, искажавшей истинный смысл монархии и стеснявшей «благодетельную свободу личного распоряжения» царя. Подобные попытки, особенно настойчивые в начале царствования Александра III, стали одним из факторов сотрудничества Победоносцева с Н. П. Игнатьевым, которого обер-прокурор продвинул на пост министра внутренних дел после отставки Лорис-Меликова. Недолгий, но оставивший заметный след в истории альянс двух государственных деятелей — примечательная страница в политической биографии Победоносцева.

Игнатьев, знаменитый дипломат, подвизавшийся в Средней Азии и Китае, а затем в течение двенадцати лет занимавший пост посла в Константинополе, привлек внимание Победоносцева еще в 1860—1870-е годы. С воспитателем наследника его сближали враждебное отношение к политике европейских государств на Балканах, стремление к защите интересов славянства, а в период Восточного кризиса — критика колебаний и чрезмерно вялых, как казалось обоим, действий официальных властей. Стремление поставить интересы славянства во главу угла правительственной политики, призывы к решительным мерам — всё это побуждало Победоносцева видеть в знаменитом дипломате администратора, действующего в соответствии с требованиями «народного духа». «Он имеет еще, — писал обер-прокурор Александру III об Игнатьеве

в марте 1881 года, — здоровые инстинкты и русскую душу, и имя его пользуется доброй славой у здоровой части русского населения — между простыми людьми»^{257}.

Для бывшего профессора знаменитый дипломат, действовавший «в зоне высокого риска» — на окраинах России или за ее пределами, — был примером любимого им типа государственного деятеля — волевого, «с огнем», способного направлять подчиненных живым примером, а не формальными инструкциями. «Я, — сообщал Победоносцев наследнику Александру Александровичу в 1879 году, — всегда знал его за живого человека и слышал про него, что он умеет сам работать и возбуждать к работе других»^{258}. Это «драгоценное качество», с его точки зрения, было настолько важным, что искупало в его глазах многочисленные и хорошо известные недостатки бывшего посла в Константинополе: самоуверенность, бахвальство, склонность к рискованным, зачастую плохо просчитанным поступкам и разного рода закулисным маневрам. Качества «живого человека», по мнению Победоносцева, делали Игнатьева незаменимым в накаленной обстановке весны 1881 года, а потому после отставки Лорис-Меликова обер-прокурор рекомендовал ему в преемники бывшего дипломата, не имевшего сколько-нибудь значительного опыта управления во внутривластной сфере.

Заняв министерский пост, Игнатьев выдвинул весьма радикальную программу с сильным налетом авантюризма, опирающуюся на некоторые идеи славянофильства, переплетенные с консервативными и националистическими принципами. Главными виновниками революционного кризиса в России, по мнению нового министра, были «инородцы». «В Петербурге, — писал он в программной записке царю 12 марта 1881 года, — существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами они имеют громадное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дел... Эта группа соприкасается с развившимся расхищением казны и крамолой»^{259}. У Победоносцева, глубоко убежденного, что все внутривластные потрясения в России были связаны прежде всего с внешними подстрекательствами, в том числе исходившими от «инородцев», подобные заявления не могли не вызвать одобрения.

Враждебно относясь к чиновничеству, в первую очередь столичному, считая, что оно в силу «бюрократизма» и оторванности от народа оказалось

подвержено влиянию чуждых России политических учений, новый министр внутренних дел планировал, ни много ни мало, широкомасштабную чистку правительственного аппарата. В отставку мог отправиться любой государственный служащий, от министра до уездного чиновника, причем основанием для нее могли послужить такие зыбкие критерии, как критика и разбор чиновником правительственных распоряжений не там и не тогда, где и когда указано, попытки изменять распоряжения вышестоящих властей в соответствии с собственными воззрениями и пр. Всё это звучало весьма авантюристично; но нельзя сказать, что Победоносцев был абсолютно чужд взглядам, лежавшим в основе подобных прожектов. «Всё зло у нас шло сверху, из чиновничества, а не снизу... Чистить надобно сверху»^{260}, — безапелляционно утверждал обер-прокурор в 1881 году в письме Александру III. В целом идеи, высказывавшиеся в программных записках нового министра внутренних дел и до известной степени разделявшиеся Победоносцевым, создавали основу для достаточно резкого изменения правительственного курса предшествующих десятилетий, проведения весьма жесткой репрессивной политики. Подобная политика и стала основой для сотрудничества Игнатьева и Победоносцева.

Продвинув бывшего дипломата, обер-прокурор, убежденный в своей правоте, пытался напрямую и детально руководить его деятельностью в течение всего периода его пребывания во главе Министерства внутренних дел. За год с небольшим Победоносцев направил ему 79 писем (в среднем по письму в пять дней) в основном директивного характера. Кого из чиновников уволить, кого наказать, а кого назначить на должность, как организовывать поездки царя по стране, как относиться к тем или иным обсуждаемым законопроектам — по всем этим вопросам обер-прокурор давал своему протеже строгие инструкции. Особенно много было требований подвергнуть репрессиям печать, ибо, был убежден обер-прокурор, она, нарушая умственное спокойствие «простого человека», несла значительную долю вины за разразившийся в стране кризис. «Невозможно ничему положить доброго начала, покуда не будут обузданы газеты»^{261}, — писал Победоносцев Игнатьеву.

Тот, в свою очередь, прекрасно понимая, кому обязан своим назначением, всячески старался продемонстрировать, что целиком следует в русле указаний, даваемых ему «душевно уважаемым Константином Петровичем». «Я, — писал Игнатьев Победоносцеву в 1882 году, когда между ними уже пробежала черная кошка, — продолжаю твердо верить в

наше единомыслие, т. е. что Вы и я — прирожденные союзники в деле русских и православных интересов и что мне с Вами всегда легко будет сговориться по общности цели и точки отправления»^{262}. Министр обсуждал с обер-прокурором предстоявшие государственные назначения, отчитывался перед ним о важнейших делах по своему ведомству. На редактирование Победоносцеву был отправлен разработанный в Министерстве внутренних дел проект «Положения о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» — важнейшего документа, обобщавшего все правительственные шаги по борьбе с революционерами на рубеже 1870—1880-х годов. С одобрения обер-прокурора Игнатъев разработал и представил в правительство на обсуждение проект создания Верховной комиссии по печати, значительно ужесточивший политику в отношении прессы. Эти и другие меры, казалось бы, свидетельствовали о слаженной работе тандема «Игнатъев — Победоносцев». Однако сотрудничество двух государственных деятелей не было ни долгим, ни прочным.

С точки зрения славянофильской идеологии — даже самого консервативного его варианта, на который ориентировался Игнатъев, — пресловутый «народный дух», в верности коему клялись и славянофилы, и Победоносцев, должен был всё-таки найти воплощение в каком-то конкретном государственном институте, обрести рычаги влияния на политику правительства. Обер-прокурору же подобный подход был совершенно чужд, поскольку, как отмечалось выше, с его точки зрения, народ мог сохранять свои добрые качества, лишь будучи полностью отделен от вмешательства в политику и общественную жизнь, а всю политическую активность должно было взять на себя самодержавие. «Тут запас сил — а не органы правительства», — писал Победоносцев Е. Ф. Тютчевой относительно роли народа в сохранении основ самодержавия. Все попытки как-то институционализировать монархическую настроенность народа казались ему совершенно бесполезной утопией, которая не могла иметь никакого практического значения. «Все говорят: *мы* будем защищать его! — писал обер-прокурор Тютчевой в ответ на предположение славянофилов, что переезд царя в Москву сам по себе, в силу консервативно-патриотической настроенности Первопрестольной, обеспечит ему безопасность. — Но увы! Это патриархальное *мы* ничего не значит»^{263}.

Между тем, согласно постулатам славянофильства, правительство всё-таки должно было расширить возможности для самостоятельной

общественной деятельности социальных слоев, служивших опорой самодержавия, и Игнатъев постепенно начал двигаться в этом направлении, чем немедленно вызвал тревогу Победоносцева. Уже в первом циркуляре губернаторам от 6 мая 1881 года министр внутренних дел заявил, что правительству необходимо «содействие всей земли», что права земств и городов останутся неприкосновенными, а правительство постарается найти подходящую форму для участия местных деятелей в решении общегосударственных задач^{264}. За словами последовали дела. Министр организовал привлечение представителей земств и городов — правда, не выборных, а подобранных правительством — к обсуждению отдельных административных мер. Был поставлен вопрос о реформе местной администрации с расширением участия в ней органов местного самоуправления.

Считая «простой народ» наиболее надежной опорой правительства, Игнатъев и служащие его министерства разработали (зачастую — в продолжение курса Лорис-Меликова) ряд мер по улучшению материального положения народных масс. Был осуществлен перевод крестьян на обязательный выкуп, то есть юридически ликвидировались последние элементы зависимости бывших крепостных от помещиков. Началась ликвидация подушной подати, для борьбы с малоземельем был создан Крестьянский банк, выдававший ссуды на покупку участков. У Победоносцева все эти меры вызывали неприязнь, так как качества, особенно ценимые им в народе, — благочестие, преданность царю и историческим основам русской государственности — были, с его точки зрения, явлениями сугубо духовного порядка и никак не зависели от материального положения, улучшение которого могло даже разрушить пресловутую народную «простоту». «Я, — писал Победоносцев Игнатъеву, — считаю его (Крестьянский банк. — А. П.) фальшивым учреждением, одним из звеньев той фальшивой цепи, которую заплела политика Л[орис]-Меликова и Абазы... Это трата даром государственных] денег и внесение в народное сознание начал развращающих»^{265}. Постепенно между министром внутренних дел и его покровителем начали углубляться разногласия. Однако окончательно несовместимость воззрений двух государственных деятелей выявилась в связи с попыткой Игнатъева созвать Земский собор, в конечном счете приведшей к отставке министра-славянофила.

Созыв Земского собора, по мысли Игнатъева и поддерживавшего его И. С. Аксакова, должен был увенчать проводившуюся в 1881–1882 годах

«народную политику» и воплотить в конкретные институциональные формы ту самую поддержку самодержавия народом, которая, по мысли славянофилов, и составляла основу существовавшего в России государственного порядка. При посредстве Земского собора — органа сугубо совещательного, многолюдного (три тысячи депутатов), состоящего преимущественно из крестьян, — царь должен был вступить в непосредственное общение с народом через голову «испорченных» интеллигенции и чиновничества, а российская государственность вернулась бы на исторический самобытный путь развития. У Победоносцева подобные прожекты не могли вызвать ничего, кроме отторжения. Славянофильский Земский собор был в его глазах обычной формой представительства — столь же неприемлемой, как и план Лорис-Меликова. По мнению консервативного сановника, несмотря на весь «самобытный» антураж, собор, будь он созван, привел бы Россию к развалу столь же быстро, как и собственно конституционные проекты. «Если, — писал обер-прокурор царю, — мысль... не определится в самом правительстве — никакое собрание ее не выработает и не даст правительству твердой воли, без которой невозможна деятельность. А если воля и распоряжение перейдут от правительства на какое бы то ни было народное собрание — это будет революция, гибель правительства и гибель России»^{266}.

Времена, когда правительство действительно могло опираться на свободное выражение «народного духа», оформленное в виде особых государственных институтов, давно прошли, заявлял обер-прокурор, и попытка возродить их выдает в славянофилах неисправимых утопистов. «Древняя Русь, — писал царю Победоносцев, — имела цельный состав, в простоте понятий, обычаев и государственных потребностей, не путалась в заимствованных из чужой, иноземной жизни формах и учреждениях, не имела газет и журналов, не имела сложных вопросов и потребностей»^{267}; после реформ Петра I и особенно Александра II былая цельность оказалась потеряна, «простота» раздроблена и хранилась «по дальним углам», воплощаясь в деятельности отдельных усердных тружеников. Объединяющим началом для них может быть лишь самодержавие, а не какая-либо форма представительства. В силу этого проект Игнатьева-Аксакова, с точки зрения Победоносцева, был однозначно неприемлем, а сам министр не заслуживал поста в правительстве. Столкнувшись с его попытками вести двойную игру (весной 1882 года Игнатьев вознамерился повторить маневр самого Победоносцева годичной давности, попытавшись

добиться от Александра III утверждения своего проекта без совета с министрами), обер-прокурор настоял на отставке своего недавнего протеже. В результате проект введения в России представительства, отвергнутый весной 1881 года в либерально-западнической форме, спустя год потерпел поражение и в форме «самобытной».

В 1881–1882 годах, еще до возникновения планов созыва Земского собора, Победоносцев, размышляя над политической злобой дня, тесно общался еще с одним известным общественным деятелем, Б. Н. Чичериным — выдающимся ученым, историком-правоведом, активистом земского движения. Обер-прокурора связывали с ним давние и тесные отношения: в 1860-е годы они были коллегами по Московскому университету, преподавали наследнику престола Николаю Александровичу. В воззрениях Чичерина, стоявшего на правом фланге западнического либерализма, Победоносцева могли привлекать неприязнь к демократии, апология сильной власти и государственного единства России. В период общественно-политического кризиса конца 1870-х — начала 1880-х годов Чичерин, отчасти сходясь в этом с Победоносцевым, выступал против планов правительства Лорис-Меликова расширить свободу печати, закрепить права студенческой молодежи и ограничить административные репрессии, полагая, что все эти инициативы лишь расширят возможности для революционно-социалистической пропаганды. Не одобрял консервативный западник и меры по повышению материального благосостояния народа — нарушая помещичьи права собственности, они должны были лишь возбудить в крестьянах несбыточные надежды на дальнейшие льготы. «В действительности, — уверял Чичерин в составленной для Александра III записке «Задачи нового царствования», — этот грозный крестьянский вопрос не что иное, как миф, созданный воображением петербургских либералов, не без значительного влияния социалистов»^{268}.

Реальной опорой царской власти, настаивал Чичерин, являются вовсе не неопределенные «самобытные начала» социальной и политической жизни и еще менее уловимые монархические настроения «простого народа», а вполне осязаемые материальные интересы имущих слоев, в первую очередь земельных собственников. Именно на них, по мнению историка-правоведа, и следовало ориентироваться правительству. Однако для сплочения этих слоев вокруг престола, а главное, для привития им навыка самостоятельной политической деятельности какая-то форма умеренного представительства всё же понадобится. Создав такое представительство, полагал Чичерин, «правительство не будет уже

чувствовать себя бессильным в своем одиночестве; собрав вокруг себя все охранительные элементы страны, оно может смело вступить в борьбу с крамолой»^{269}. Именно по этому пункту Победоносцев, доселе благосклонно внимавший рассуждениям бывшего коллеги по Московскому университету, высказал решительное несогласие. Обер-прокурор мог лишь повторить Чичерину свою давнюю мысль, что источник прочности правительства — не в какой-либо социальной опоре, а в нем самом. «Вы сами пишете, — указывал Победоносцев, — что предлагаемое Вами учреждение необходимо предполагает твердое правительство; но этого данного не имеется, и Вы же хотите, чтобы поср[еди] этого учреждения прав[ительст]во стало твердым. Тут есть круг, в котором мысль безысходно вращается»^{270}. По просьбе Чичерина Победоносцев передал составленную тем записку царю и его брату, великому князю Владимиру Александровичу, но в дальнейшем отказался поддерживать недавнего единомышленника.

В начале 1882 года Чичерин — в том числе и для реализации намеченной им программы — избрался на пост московского городского головы, а в мае 1883-го во время коронации Александра III выступил с программным заявлением. Он высказал надежду, что правительство в скором времени так или иначе осознает необходимость опереться на консервативные слои общества и само привлечет их к отправлению государственной власти. Речь была воспринята как требование конституции, и Чичерину по настоянию царя пришлось подать в отставку. Подобному итогу, безусловно, способствовало влияние идей, проповедовавшихся Победоносцевым.

Вслед за выступлениями против Игнатьева и Чичерина обер-прокурор сыграл заметную роль в срыве еще одной попытки разбудить самостоятельную консервативную инициативу общества, поспособствовав в конце 1882 года ликвидации так называемой Священной дружины. Данная структура, при всей экстравагантности ее замысла (разгромить революционеров их же средствами, создав из числа сторонников монархии, прежде всего представителей великосветских кругов, тайную организацию для борьбы с крамолой), всё же исходила из обоснованной мысли, что правительство, действуя лишь собственными силами, не сможет изменить ситуацию к лучшему. Победоносцев же увидел в дружине лишь абсурдную попытку «раздвоить» власть на открытую и тайную, неформальную.

Обер-прокурору, стороннику неограниченных прерогатив самодержца, казалось неприемлемым одновременное существование «законного

правительства» и «правительства дружины», при котором частным лицам «дана власть повелевать, производить аресты, требовать насильственных мер, составлять политические совещания». Главным мотивом основателей Священной дружины, в том числе личного друга царя, министра императорского двора и уделов графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, была, по Победоносцеву, лишь одержимость «бесом политического честолюбия»^[271]. В результате создания дружины, утверждал обер-прокурор, царю стала грозить смертельная опасность, ибо в ситуации «раздвоения властей» со временем окончательно должно было исчезнуть представление о том, кто по праву осуществляет управление, а кто не имеет для этого никаких оснований, но сумел проникнуть во власть, прикидываясь защитником монархии. Доводы Победоносцева возымели действие, его демарш способствовал роспуску дружины. Воронцов-Дашков сохранил дружеские отношения с царем и остался в его ближайшем окружении, но лишился возможности играть самостоятельную политическую роль, на что, вероятно, рассчитывал.

Устранив или оттеснив от власти политических конкурентов, сорвав реализацию проектов, альтернативных его собственным, Победоносцев в начале 1880-х годов вознесся на вершину политического влияния, сосредоточив в своих руках такую власть, что с ним едва ли мог соперничать кто-либо из явных или тайных советников монархии, в былые времена стоявших у престола. Авторитет бывшего профессора в глазах молодого царя был поистине безграничен. Это немедленно отразилось на положении обер-прокурора в рядах правительственных сановников. «Победоносцев, — писал А. Ф. Кони, — не кичился и не рисовался своим влиянием, но все немедленно почувствовали, что это «действительный тайный советник» не только по чину...^[16] Большинство говоривших в [Государственном] Совете стало постоянно смотреть в его сторону, жадно отыскивая в сухих чертах его аскетического лица знак одобрения или сочувствия тому, что они говорили, подделываясь под взгляды *eminence grise*^[17] или «великого инквизитора», как они его заочно называли»^[272].

Влияние Победоносцева было настолько значительным, что в ряде случаев ему действительно трудно было подобрать аналог в истории самодержавия. Обер-прокурор не просто имел регулярный прямой доступ к царю — а эта привилегия составляла тогда важнейшую пружину власти, и за обладание ею боролись все политические честолюбцы; он еще и сам решал и сообщал Александру III, когда и по каким вопросам тот должен его принять. «Когда происходит что-то весьма безобразное, — писал в конце

1881 года Победоносцев Е. Ф. Тютчевой, — я пишу к нему со всей откровенностью. Тогда он обыкновенно... благодарит и зовет к себе»^{273}. Стоит отметить, что для молодого государя в первые годы его царствования общение с бывшим наставником стало насущной потребностью, без его поддержки он чувствовал себя буквально беспомощным. «Да ведь ты не знаешь, какие были прежде отношения, — говорил Победоносцев Половцову в 1889 году, когда бывшая близость к царю уже начала уходить в прошлое. — Когда я не видал его недели две, то он писал мне записки в таком роде: «Я Вас давно не видел, заходите, я хочу с Вами переговорить о многих делах»^{274}.

В некоторых случаях воля обер-прокурора, казалось, почти до неразличимости сливалась с волей его августейшего воспитанника и едва ли не подменяла ее. Победоносцев, в частности, сам решал, что имел в виду царь, когда давал то или иное распоряжение, и в каких случаях его приказ подвергся влиянию «толков и перетолкований»; брал на себя смелость судить, в какой степени то или иное решение царя было самостоятельным или принятым под нажимом чужой (как правило, злонамеренной) воли. По поводу одного из законопроектов, вызвавших его недовольство, он написал Александру III: «Не сомневаюсь, что от Вас исходит верная и вполне справедливая мысль общая. Но едва ли все подробности применения возможно признавать исходящими от Вас лично»^{275}. Разумеется, даже применительно к началу 1880-х годов нельзя говорить, что царь полностью лишился индивидуальности, оказавшись целиком в тени Победоносцева, но всё же влияние последнего действительно было беспрецедентно велико. Как же сам обер-прокурор обосновывал подобное положение дел, объяснял себе и окружающим свое исключительное положение в рамках правительственного аппарата самодержавного государства?

Важнейшим аргументом, использовавшимся Победоносцевым, прежде всего в письмах царю, была его ссылка на уникальные качества, которые он почти чудесным образом сумел сохранить, пройдя все ступени бюрократической лестницы. Обер-прокурор считал, что ему присущи свойства, вовсе не характерные для основной массы чиновников, — прямота, искренность, бескорыстие, умение отречься от эгоистических интересов во имя потребностей страны и народа. Это, по мнению Победоносцева, давало ему право вмешиваться в решение любых государственных вопросов. «Я не могу молчать, — писал обер-прокурор Александру III в одном из первых писем начала нового царствования, —

долг мой говорить Вам... Вы, конечно, чувствовали, при всех моих недостатках, что я при Вас ничего не искал себе и всякое слово мое было искреннее. Бог меня так поставил, что я мог говорить Вам близко, но, поверьте, счастлив бы я был, когда бы не выезжал никогда из Москвы и из своего маленького дома в узком переулке»^{276}.

Победоносцев усиленно создавал легенду о себе как о человеке, равнодушном к соблазнам власти, попавшем на вершину государственной пирамиды почти случайно, едва ли не против собственной воли и пребывающем на этой вершине исключительно ради исполнения верноподданнического долга — обязанности весьма тягостной, требующей постоянного самоограничения. Интересно, что многие современники воспринимали царского наставника через призму именно этих воззрений. Подобное отношение к обер-прокурору отразилось в потоке писем от многочисленных просителей и прожектеров, принадлежавших к разным слоям общества, буквально накрывшем его с начала нового царствования. «Вы известны России из ее сановников как коренной русский, шедший прямым путем учености и упорного труда, — писали Победоносцеву. — Вы человек честный, верноподданный не на словах. За популярностью никогда не гонялись, и за эту-то честность Вас большинство преданных государю людей любит и уважает»; «Вы, по слухам, человек русский и православный, говорят, Государь любит Вас, и Вы можете приносить ему величайшую пользу, открывая ему глаза и говоря правду»^{277}.

Представление о «прямоте» и «искренности» консервативного сановника, судя по всему, достаточно широко распространившееся и в обществе, и в верхах, породило интереснейшее явление — адресованные Победоносцеву письма политических оппонентов, в которых те пытались напрямую объяснить с ним, повлиять на него и, возможно, даже переубедить. Создаваемый самим государственным деятелем образ «бескорыстного» и «беспристрастного» советника власти, видимо, давал надежду на это. «Я особенно дорожу Вашим мнением, потому что Вы высказываете оное прямо», — писал обер-прокурору в 1883 году бывший министр народного просвещения Александр Васильевич Головнин, антипатичный ему и как один из столпов правительственного либерализма 1860-х, и как приближенный великого князя Константина Николаевича. «Вы вызвали меня на откровенность, потому-то считаю Вас человеком искренним»^{278} — с такими словами незадолго до своей отставки обратился к Победоносцеву министр финансов Н. Х. Бунге, пытавшийся в меру сил отстаивать в правительстве Александра III либеральные

принципы государственной политики. Известный журналист Григорий Константинович Градовский, видимо, надеясь быть услышанным, пытался в середине 1890-х годов убедить обер-прокурора смягчить цензурные гонения и оказать тем самым услугу «той самой печати, к которой Вы так отрицательно относитесь, но с которой Вы всё же связаны своими публицистическими трудами»^{279}. Все подобные обращения показывали, что Победоносцева, при всей непримиримости его политики, всё же не воспринимали как «обычного» реакционера. Для современников он явно выделялся на общем фоне высокопоставленных правительственных чиновников. Самого же обер-прокурора шедший в его адрес поток обращений еще раз убеждал в его особой миссии, уникальной роли.

Консервативный сановник был убежден, что одна из важнейших задач, которую он призван выполнить, — служить связующим звеном между царем и народом, доносить до высот престола подлинные нужды и настроения подданных. Победоносцев не сомневался, что именно в его руках сосредоточивается информация, адекватно отражающая ситуацию в стране, и что именно он может точно ее истолковать благодаря верности «народному духу». «С утра и до вечера вижу я людей, отовсюду приезжающих, всякого чина и звания; до меня доходит много известий о явлениях, совершающихся в местной жизни», — писал он Александру III в конце 1881 года. Критикуя в 1886 году политику Бунге, Победоносцев обосновывал свой демарш тем, что в протесте против курса, проводимого либеральным министром финансов, «сходятся все сословия — и государственные люди, и дворянство, и коммерческий люд, и крестьянство», о чем ему, Победоносцеву, доподлинно известно. «Каждый день приносит мне новые свидетельства о том, какое волнение в умах возбуждено этим делом во всей России»^{280}, — писал обер-прокурор в том же году касательно еще одного экономического вопроса — введения государственной нормировки производства сахара, — по которому у него также было собственное мнение. Представление о себе как уникальном носителе единственно правильной информации, освещающей обстановку в стране, служило для Победоносцева еще одним предлогом для вмешательства в дела, весьма далеко отстоявшие от сферы его компетенции.

Диапазон вопросов, для решения которых бывший наставник царя обращался непосредственно к своему августейшему воспитаннику, поражает как разнообразием, так и отсутствием какой-либо иерархии, структуры. Речь шла и о крупных, стратегических вопросах, и о мелких и

даже мельчайших частных случаях, и об устройстве судеб отдельных, часто совершенно случайных людей. За обсуждением перспективы отношений больших профессиональных групп в западных губерниях Российской империи следовал протест против передачи части здания Адмиралтейства под размещение канцелярских служащих. Снабдив царя указаниями относительно стратегии России на международной арене, обер-прокурор переходил к устройству судьбы некой герцогини де Феррари (урожденной Анненковой), а от него — к организации лечения жителей уездного города Белого, покусанных бешеным волком. Регулярно объезжая регионы страны^[18] в качестве руководителя духовного ведомства, Победоносцев посылал царю подробные репортажи, стремясь выявить и пресечь все нарушения государственного порядка. Так, побывав в 1887 году в Смоленской и Витебской губерниях, он считал необходимым особо известить царя, что один из смоленских частных приставов вымогает у отставных солдат взятки, удерживая у себя их пенсионные книжки.

По каждому из многочисленных вопросов, затрагивавшихся Победоносцевым, у него было твердое мнение, и практически во всех сферах он считал себя авторитетом. Рассуждая об экономике, он уверенно указывал на причины падения курса рубля и давал рекомендации по исправлению ситуации. Обсуждение тем, касавшихся искусства, сопровождалось указанием, каковы должны быть содержание и композиция тех или иных художественных произведений (в частности, памятника Александру II в Кремле). В сферу внимания обер-прокурора попадали планы тайного приобретения правительством железнодорожных концессий в Персии и на Балканах, учреждение элеваторов и зерновых складов, принадлежавших смешанной российско-американской компании, организация международного транзита по Тифлисско-Бакинской железной дороге, устройство судьбы некоего индийского принца, бежавшего в Россию от преследований англичан... Разумеется, Победоносцеву могли указать — и очень часто это делали, — что он, мягко говоря, слабо разбирается в тех предметах, о которых берется судить. Однако для него подобные заявления большого значения не имели. Консервативный сановник был убежден, что как раз вмешательство такого человека, как он — честного, благонамеренного, хранящего верность «народному духу», — позволит разрешить многие сложные вопросы, оказавшиеся не под силу узким специалистам с их формализованным, догматическим мышлением.

Близость к царю и опора на «народные начала», считал Победоносцев, давали ему право выступать в некоторых случаях в качестве неформального первого министра, в той или иной степени объединять

деятельность руководителей правительственных ведомств, — словом, выполнять ту функцию, в которой остро нуждался российский государственный аппарат с его далеко зашедшей к концу XIX века разобщенностью отдельных бюрократических структур. Обер-прокурор существенно влиял на деятельность ряда министерств — народного просвещения, юстиции, внутренних дел, отчасти — иностранных дел: по своей инициативе давал министрам инструкции относительно решения различных вопросов их компетенции, сообщал доходившую до него информацию о состоянии дел в их ведомствах, а главное — снабжал подробными характеристиками служивших у них чиновников, указывал, кого следует уволить, наказать или наградить, повысить. Выезжая на места (особенно в такие «проблемные» регионы, как Кавказ), обер-прокурор нередко собирал там совещания местных светских и духовных деятелей, стремясь обеспечить координацию и определить направление их трудов. В столице же бывший наставник царя не останавливался даже перед тем, чтобы властным тоном давать указания самым высокопоставленным должностным лицам, включая родственников царя, в частности его дядю, председателя Государственного совета великого князя Михаила Николаевича.

Разумеется, и в царской семье, и среди сановников образ действий Победоносцева не мог не вызвать протеста. Обер-прокурора всё чаще обвиняли в том, что он «занимается всем, кроме своего духовенства, столь нуждающегося в управлении»^[281]. Однако до тех пор, пока глава духовного ведомства пользовался доверием царя, он мог не обращать внимания на любые проявления недовольства. В глазах Победоносцева его образ действий был единственно возможным. Он, видимо, полагал, что любая попытка как-то структурировать его общение с царем, встроить его в рамки определенной иерархии задач или ведомственной специализации внесет в этот процесс ненавистные ему «канцелярщину» и «формализм» и тем самым на корню сгубит тот самый «живой дух», который должен был являть собой отличительную черту самодержавной формы правления.

Понятно, что главным носителем «живого духа» в рамках правительственного аппарата должен был наряду с царем стать сам Победоносцев. Здесь ему пришлось нелегко: на него, в силу избранной им управленческой концепции, обрушился колоссальный поток дел, проблем и посетителей. Груз забот, который добровольно принял на себя трудолюбивый сторонник «живого самодержавия», с трудом поддавался описанию. «Удивляюсь, — писал Победоносцев Е. Ф. Тютчевой уже в конце 1881 года, — как голова моя выдерживает такой напор с утра до

ночи. Иногда в середине дня я не в силах припомнить отдельно, кто был у меня и кто о чем говорил мне»^[282]. Близкие и сослуживцы обер-прокурора, учитывая его не слишком крепкое здоровье, уговаривали его хотя бы на время дать себе отдых, но он считал это совершенно невозможным, учитывая и обстановку в стране, и особый, как он считал, характер лежавшей на нем миссии. «Ах, где тут отдых! Когда в Севастополе борцы стояли на бастионах, валялись в казематах, разве кто озабочивался тем, что они себя изнуряют?»^[283] — отвечал Победоносцев доброхотам, которые, глядя на его «страшно изморенное лицо», рекомендовали ему работать поменьше.

Все приемы управленческой деятельности обер-прокурора соответствовали избранному им основному стилю поведения. У него не было секретаря («на мою руку трудно прибрать человека»), фактически не существовало четко установленных приемных часов. «Я себе не принадлежу вовсе, — писал глава духовного ведомства О. А. Новиковой, — и пришедший ко мне человек нередко должен ждать долго и уступить место другому»^[284]. Схожими принципами руководствовались в работе и его ближайшие сотрудники, прежде всего Владимир Карлович Саблер (1847–1929), с 1883 года занимавший должность управляющего канцелярией Синода, а с 1892-го — товарища (заместителя) обер-прокурора. «Подвижен страшно, всюду успеваешь, и без него я, конечно, не знал бы, как быть и что делать, — все личные сношения на нем»^[285], — писал о нем глава духовного ведомства Рачинскому в 1899 году. Не щадил себя, занимаясь административной деятельностью, и сам Константин Петрович — часто проводил целый день в работе, с утра не имея во рту маковой росинки. Случалось, во время совещаний он падал в обморок от усталости.

Подобный режим работы не мог не сказаться на ее качестве, но Победоносцев, видимо, считал, что иначе преодолеть застарелый бюрократизм государственного аппарата просто не получится. В борьбе против «гидры бюрократизма» он вмешивался во все новые сферы государственной деятельности, расширяя едва ли не до бесконечности сферу своих интересов. Однако особое внимание обер-прокурора привлекали как государственное управление в сферах религии, культуры и образования, а также тесно связанная с ней духовно-идеологическая деятельность на международной арене, так и борьба с революционным движением.

Пристальный интерес обер-прокурора к данной области

правительственной политики диктовался, прежде всего, его убеждением, что все проявления общественной нестабильности связаны с подстрекательствами извне. Он полагал, что внутренних источников у антиправительственных выступлений быть попросту не могло, ибо население, если его не «смущали» противники государственного порядка, склонно было хранить спокойствие. «И здесь, как всюду, главным источником порчи служат состоящие вне семинарии агитаторы, устранение коих необходимо для водворения порядка в учебных заведениях», — писал обер-прокурор директору Департамента полиции В. К. Плеве по поводу волнений в духовно-учебных заведениях в начале 1880-х годов.

Поскольку источники подстрекательств, находившиеся вне социального организма, по определению не могли быть многочисленны, возникала надежда обеспечить обществу вожделенные «спокойствие» и «тишину», выявив и устранив всех злоумышленников. Поэтому Победоносцев настаивал на крайне жестких мерах против любых проявлений недовольства, полагая, что устранением конкретных подстрекателей обществу обеспечивается стабильность на будущее. Так, в случае с беспорядками в духовных учебных заведениях он требовал от гражданских властей не ограничиваться внутрисеминарскими дисциплинарными взысканиями и не перекладывать наказание на семинарское начальство, а подвергнуть зачинщиков аресту без дополнительного расследования, по прямым указаниям властей духовного ведомства, причем дела арестованных не должны были впоследствии пересматриваться в судебном порядке. «Не есть ли нелепость, — вопрошал Победоносцев в письме Плеве, — что для всех этих случаев одно орудие деятельности есть юстиция, со всеми ее формальностями?»^[286]

Мысль о возможности утверждения в обществе прочного порядка только в случае устранения всех злоумышленников подталкивала обер-прокурора к поиску всё новых источников крамолы. Постепенно это начинало напоминать попытку вычерпать море решетом; однако Победоносцев, видимо, полагал, что он, с его трудолюбием и целеустремленностью, в духе возложенной на него особой миссии, сможет решить любые задачи, в том числе и эту. Трудолюбивый сановник буквально забрасывал администраторов, ведавших политическим сыском, — министра внутренних дел, его товарищей (заместителей), директора Департамента полиции — информацией, которая, по его мнению, могла способствовать поимке опасных революционеров. Полицейским властям немедленно отсылались все сведения, касавшиеся обер-прокурору достойными внимания: почерпнутые из частных писем, случайных

разговоров, недавно вышедших книг, газетных и журнальных статей и пр.

Руководители сыскных органов, зная, каким авторитетом пользовался обер-прокурор у царя, старались максимально вежливо относиться к его указаниям и всячески подчеркивали, что строго следуют намеченной им политике. На все письма главы духовного ведомства давался ответ, из Департамента полиции ему присылались отчеты по борьбе с подпольем и ведомственные обзоры истории революционного движения. Вместе с тем, пусть и в подчеркнуто тактичной форме, руководители полицейских ведомств вынуждены были намекать Победоносцеву, что информация, которую он присылает, либо уже известна им, либо не представляет оперативной ценности. «В статьях о крамоле, — писал обер-прокурору Плеве, — истина перемешивается с вымыслом так тесно, что на непосвященного они нагонят лишь туман»^{287}. Бурная деятельность, развернутая Победоносцевым на ниве борьбы с крамолой, по большей части вместо пользы приносила вред, отвлекая полицейских от их прямых обязанностей.

Современников поражало стремление Победоносцева следить едва ли не за всем происходившим в Российской империи. Он пытался лично прочитывать массы выходящих в стране периодических изданий, обращая внимание на все детали их содержания, вплоть до публикуемых в них объявлений. Показателен эпизод, относящийся к 1886 году. Обер-прокурор настоятельно рекомендовал министру внутренних дел обратить внимание на поступившую в продажу почтовую бумагу «с конвертами отвратительного красного цвета» и водяным знаком в виде красного петуха, в котором он усмотрел одновременно и призыв к революционным беспорядкам, поджогам, и намек на республиканскую Францию (одним из ее символов был галльский петух). Вполне могло быть, считал консервативный сановник, что посредством распространения такой бумаги злоумышленники подавали сигнал к восстанию или, по крайней мере, давали понять публике, что речь идет о его неизбежности^{288}.

Со стороны подобное поведение не могло не показаться странным, однако в поступках Победоносцева была своя логика: если устранение социальной нестабильности зависело от выявления и пресечения всех внешних подстрекательств, следовало обращать внимание абсолютно на всё, в чем эти подстрекательства могли выражаться. Со временем управленческая деятельность обер-прокурора, перегруженная массой мелочей, не могла не потерять эффективность, что неизбежно вело к потере политического влияния. Однако в начале 1880-х годов постоянная забота

Победоносцева о безопасности государства, его непрерывный усердный труд производили на многих впечатление и до поры способствовали укреплению его авторитета, особенно в глазах царя. Опора на этот авторитет, в свою очередь, позволяла консервативному сановнику напористо действовать в тех сферах, которые он считал для себя важными. Одной из таких сфер были начинания — в первую очередь касавшиеся духовно-идеологических вопросов — на международной арене.

«Волим под царя восточного православного»

Отношение Победоносцева ко всему, происходившему на международной арене, вплоть до конца его карьеры во многом определялось впечатлениями от событий конца 1870-х — 1880-х годов — противоречивых, неоднозначных и завершившихся по большей части неблагоприятно для России. Тяжелые потери в войне с Турцией, уступки, на которые, несмотря на победу над противником, пришлось пойти по итогам Берлинского конгресса 1878 года, начавшаяся сразу после войны переориентация славянских стран Болгарии и Сербии на союз с Западом — всё это побуждало консерватора с крайней осторожностью относиться к перспективе втягивания России в какие-либо масштабные предприятия, чреватые международными конфликтами. «Невольно думаешь, — писал обер-прокурор в 1885 году, после начала очередного политического кризиса в Болгарии, министру народного просвещения Ивану Давыдовичу Делянову, — не ловушка ли это, устроенная для несчастной России, и вспоминаются все увлечения минувшей сербской войны и следовавших за ней событий. Неужели и на сей раз будем повторять прежнее? Прежняя история закончилась так жалостно, что больно думать, — Берлинским трактатом и Болгарской конституцией!»^{289}

Впечатления консервативного сановника от Восточного кризиса и его последствий были настолько тяжелы, что, по мнению некоторых историков, навсегда отвратили его от интереса к внешней политике. «С этого времени, — писал американский биограф Победоносцева Р. Бирнс, — он повернулся внутрь, а не наружу». По мнению исследователя, окончательно выявилось, что в основе воззрений обер-прокурора лежал изоляционизм, вера в то, что Россию можно оградить от влияния извне и что сама она на внешний мир влиять не должна^{290}. Однако такая оценка представляется чересчур категоричной.

Прежде всего надо отметить, что, несмотря на всё разочарование в политике славянских стран, внедривших у себя конституционные начала и «изменивших» России с Западом, обер-прокурор продолжал верить, что в среде зарубежного славянства по-прежнему живут, пусть и подспудно, симпатия к России, тяготение к ней. В один прекрасный день эти тенденции, по мнению Победоносцева, должны были выйти на свет и способствовать восстановлению исторической справедливости, помочь славянским странам отбросить наносное и противоестественное для них стремление к сближению с Западом. Обер-прокурор внимательнейшим образом наблюдал за всем происходившим в славянском мире, стараясь выявлять тенденции, соответствовавшие интересам России, и поощрять славянских деятелей, занимавших прорусскую позицию. В связи с этим он, в частности, рекомендовал своему царственному воспитаннику проявить максимальную учтивость и благожелательность к князю Николаю Черногорскому: «Едва ли это не единственный в настоящее время князь славянского племени, на верность которого Россия может положиться. Он знает хорошо и Австрию, и Сербию, и его политическая деятельность в отношении к этим обеим державам имеет для нас, кажется, важное значение»^[291].

В самой России обер-прокурор в начале 1880-х годов продолжал энергично поддерживать ярко проявивших себя во время недавнего Восточного кризиса активистов «славянского движения», видимо, полагая, что в недалеком будущем им предстоит сыграть значительную роль. Особым его вниманием пользовался знаменитый генерал М. Д. Скобелев — герой покорения Средней Азии и Русско-турецкой войны, исповедовавший взгляды, близкие к славянофильским. В 1881 году Победоносцев настойчиво советовал своему августейшему ученику изменить отношение к знаменитому полководцу (Александр III недолго любил Скобелева, считая его авантюристом). Пусть генерал, как говорят, безнравственный человек, заявлял обер-прокурор государю; «можно быть лично и безнравственным человеком, но в то же время быть носителем великой нравственной силы и иметь громадное нравственное влияние на массу». В глазах бывшего профессора бравый генерал являлся воплощением столь любимого им типа энергичного руководителя, «с огнем», чьи решительные (и не обязательно опирающиеся на формальную законность) действия помогут распутать многие узлы, перед которыми бессильно останавливаются «вялые», «трусливые» официальные лица. «Теперь или никогда, — наставлял Победоносцев царя, — привлечете Вы к себе и на свою сторону лучшие силы в России, людей, способных не только говорить, но самое главное —

способных действовать в решительные минуты»^{292}.

Консервативный сановник внимательно следил за действиями Скобелева, видимо, рассчитывая в «решительную минуту» использовать его на внешне-или внутривосточной арене. Когда в феврале 1882 года опальный генерал произнес в Париже перед сербскими студентами зажигательную речь с призывом к освобождению славян из-под «германского ига», встревоженный Победоносцев начал переписку с близкими к Скобелеву Аксаковым и Игнатьевым, видимо, опасаясь, как бы излишняя воинственность не стала для генерала причиной неприятностей. Внезапная смерть полководца в июне того же года глубоко потрясла Победоносцева. «Видно, Бог прогневался на нас, что отнимает у нас лучших людей, одного за другим, людей с головой и сердцем, — писал он Александру III. — Враги наши будут рады, что Скобелева нет. Это было военное имя, это было ручательство, что в случае войны будет кому командовать и вести полки к победе»^{293}.

Установившуюся на международной арене после завершения Русско-турецкой войны относительную тишину Победоносцев считал обманчивой, полагая, что под ее покровом назревают новые катаклизмы, значительно более масштабные. «Как бы мы ни успокаивались надеждой на мир, — делился в 1888 году обер-прокурор своими соображениями с венценосным учеником, — вся почва, на которой мы стоим, изрыта военными приготовлениями, и нет сомнения, что мы окружены недоброжелательными соседями»^{294}. Подготовка к столкновениям уже шла, и выражалась она прежде всего в мерах идеологического характера, осуществлявшихся, по мнению Победоносцева, западными государствами в союзе с католической церковью — исконным врагом России. «До очевидности ясно, — указывал обер-прокурор Александру III в первые месяцы его царствования, — что противу России и русского дела предпринят теперь с Запада систематический поход, которым руководит католическая церковная сила в тесном союзе с австрийским правительством и польской национальной партией». «На западную границу нашу, — писал он, — выслана целая армия ксендзов, тайных и явных, действующая по искусному плану для окатоличения и ополячения и пользующаяся искусно всеми ошибками и слепотой наших государственных деятелей, которые с улыбкой готовы уверять, что всё спокойно»^{295}.

Какую же позицию следовало занять России в развернувшемся глобальном противоборстве? Что нужно было предпринять, чтобы не оказаться беззащитными перед походом, развернутым против России

враждебными силами Запада?

Поскольку противник использовал в первую очередь идеологическое оружие и стремился нанести удар прежде всего по религиозной сфере, которая, по мнению Победоносцева, составляла наиболее прочную основу государственного порядка, то и бороться с ним предстояло аналогичными средствами: продемонстрировать верность русского народа самодержавию, приверженность русских (и славян в целом) православию. Средством наглядного воплощения указанных идей стало для Победоносцева проведение массовых церковно-общественных торжеств, среди которых выделялись празднование тысячелетия кончины святого равноапостольного Мефодия (1885) и девятисотлетия крещения Руси (1888).

Первое торжество, состоявшееся в Петербурге, было задумано как противовес аналогичному празднеству под эгидой католической церкви, проведенному в чешском Велеграде. Для Победоносцева мефодиевское празднование, сопровождавшееся торжественными богослужениями, крестными ходами, массовой раздачей народу религиозной литературы, стало, помимо прочего, способом до известной степени изменить, «перекодировать» облик и повседневный уклад Северной столицы, сблизить его с теми началами, которые воспринимались как исконно русские, самобытные. «При виде всего происходившего на площади и в соборе можно было подумать, что всё это происходит в Москве, — писал обер-прокурор царю после празднества. — Петербург, конечно, очень давно не видал ничего подобного»^[296]. По настоянию Победоносцева сам Александр III принял участие в массовых мероприятиях, что должно было наглядно подчеркнуть единение царя с народом.

Состоявшееся в Киеве празднование девятисотой годовщины крещения Руси, по мнению Победоносцева, в еще большей степени выявило исконный, органический характер единения народа с Церковью и царем, уходящего корнями в далекое прошлое. Особенно важным обер-прокурор считал тот факт, что решение провести праздничные мероприятия было во многом спонтанным, опиралось на инициативу общества, а состоялись они едва ли не вопреки местным властям, опасавшимся «до болезненности, чтобы не вышло каких-нибудь манифестаций по поводу славян и славянского вопроса». И киевское, и петербургское торжества, как специально подчеркнул Победоносцев, были отмечены широким присутствием гостей из славянских земель. Празднование дня памяти святителя Мефодия сопровождалось поставлением в епископы черногорского архимандрита Митрофана (Бана), который, писал обер-прокурор, во время церемонии «произнес речь на сербском языке, так

внятно, что почти всё было можно понять»^{297}. На киевские торжества явились — некоторые тайно, вопреки воле своих правительств — гости из Румынии, Сербии, Черногории, Словакии и Галиции. В ходе этих мероприятий, по мнению обер-прокурора, ярко выявилось внутреннее духовное родство зарубежных славян с Россией. В письме Александру III он упоминал, как галичане, взирая на памятник Богдану Хмельницкому, «пожирали глазами» надпись: «Волим под царя восточного православного», и даже сербы, проходя мимо, говорили: «Вот наша программа, зачем нам искать другую»^{298}.

Победоносцев до конца своего пребывания на государственном посту стремился так или иначе влиять на ситуацию в славянских землях, поддерживать деятелей прорусской ориентации и те тенденции, которые способствовали усилению влияния России. В 1881 году обер-прокурор выступил в защиту главы Сербской церкви митрополита Михаила (Йовановича), смещенного с поста за симпатии к России и сопротивление натиску светской власти на прерогативы Церкви. Спустя год Победоносцеву пришлось оказывать поддержку своему давнему знакомому А. И. Добрянскому и его единомышленнику, священнику Иоанну Наумовичу, обвиненным австрийскими властями в государственной измене и отданным под суд якобы за попытку отторгнуть Галицию от Австрии.

Поднять авторитет России в зарубежных славянских землях должна была, по мысли Победоносцева, и работа с особой этнической группой на территории Российской империи — чехами-колонистами, с 1860-х годов проживавшими на Волыни. Путем усиления внимания к преподаванию русского языка в чешских школах, более тесного знакомства колонистов с русской культурой и православием глава Синода намеревался «воспитать и утвердить в чехах действительное расположение и приязнь к объединению с нашим могучим русским православным] государством»^{299}. С учетом их связей с исторической родиной, многочисленных контактов с соотечественниками сближение колонистов с русской культурой должно было укрепить симпатии к России в славянских землях Центральной Европы.

Однако всё большее место в замыслах Победоносцева и других консерваторов начинают занимать иные направления внешнеполитической деятельности, в первую очередь связанные с отдаленными регионами вне Европы.

Одним из мотивов подобной переориентации — не всегда четко выраженным, но всё же вполне различимым в рассуждениях обер-

прокурора и других представителей консервативного лагеря — было представление о безнадежной испорченности большинства народов Старого Света, включая славян, деструктивным влиянием западной культуры, успевшей пустить в их сознание слишком глубокие корни, проявлением чего было утверждение парламентско-конституционных институтов во всех молодых государствах Балканского полуострова. Зрела мысль, что более восприимчивыми к духовному, культурному, да и политическому влиянию России могут оказаться малочисленные и относительно малоизвестные этнические и религиозные общины в регионах, еще не затронутых «развращающим» влиянием Запада. Там, вдалеке от традиционных центров европейской политики, российская дипломатия сможет начать действовать более вменяемо и целенаправленно, ориентироваться на отстаивание реальных интересов России, а не заниматься «одним барским делом бумагописания и салонной учтивости»^{300}, писал Победоносцев И. С. Аксакову.

Стремлением активизировать деятельность России в регионах, не пользовавшихся особым вниманием официального внешнеполитического ведомства, а также придать ей максимально живой, неформальный характер был продиктован замысел учреждения общественной организации, которая отстаивала бы религиозные, духовные и культурные интересы России в средоточии святынь христианского мира, на Святой земле, прежде всего в Сирии и Палестине. Предполагалось, что эта организация не просто займется научным изучением древностей и оказанием помощи русским паломникам, но и возьмет на себя заботу о духовных и культурных нуждах местного православного арабского населения, пребывавшего, считали в России, в преступном небрежении у своей официальной церковной иерархии, состоявшей почти исключительно из греков. Обер-прокурор энергично способствовал учреждению в 1882 году Православного Палестинского общества, защищал его от натиска Министерства иностранных дел, встревоженного вторжением новоявленной структуры в вопросы, которые оно привыкло считать сферой своей безусловной компетенции. Примечательно, что председателем общества стал брат Александра III Сергей Александрович, как и сам монарх, бывший ученик Победоносцева.

Деятельность Палестинского общества, по мнению главы духовного ведомства, была абсолютно необходима с точки зрения обеспечения внешнеполитических интересов России, ибо позволяла внести «живой дух» в ту сферу, которая из-за действий официальной дипломатии давно подверглась удушающему влиянию формализма. «В настоящее критическое

время, — писал Победоносцев Александру III в 1883 году, — когда на Востоке ослабела, по милости западных интриг, материальная сила России, всего важнее охранять там источник нашей нравственной силы, незаметно для глаз, но существенно привлекающей к нам сочувствие местного населения. Этого нельзя достигнуть формальным действием бюрократических властей... Поистине скажу, что в иерусалимском деле, имеющем для нас большую важность, только Палестинское общество принялось делать и делает настоящее дело... потому что взялось за дело не по-чиновничьи»^{301}.

Кроме того, деятельность Палестинского общества была важна для Победоносцева в связи с тем, что в ее рамках переживала возрождение после тяжелых потрясений и разочарования Восточного кризиса столь близкая ему идея моральной миссии России, ее особого призвания, заключавшегося в том, чтобы оказывать помощь всем угнетенным и обездоленным в разных уголках мира. В данном случае в роли таких обездоленных выступали православные арабы Сирии и Палестины, ставшие для Победоносцева в некоторой степени заменой «неблагодарных» южных и западных славян, отравленных влиянием европейской культуры. Забота о материальных, церковных, образовательных нуждах православных арабов представляла их защитой от угнетения со стороны «испорченной» элиты (применительно к Ближнему Востоку — греческой церковной иерархии). В письмах Александру III глава духовного ведомства не скрывал своей неприязни «к патриарху [Иерусалимскому] и грекам, ненавидящим всё то, что идет мимо их кармана»: «Всякая новая арабская школа, новый приют, новая русская церковь — возбуждают со стороны греков сплетни, клеветы, жалобы, пререкания о власти и компетенции местного греческого духовенства»^{302}.

Относясь к греческой иерархии в целом негативно, обер-прокурор всё же не разделял мнения некоторых горячих голов, что Россия должна вытеснить греков с руководящих постов чуть ли не во всех восточных патриархатах или «переформатировать» их структуру, способствуя выходу из-под их власти славянских церквей. Так, проявившееся с 1860-х годов настойчивое стремление болгар выйти из-под власти константинопольского патриарха не вызывало у Победоносцева, в отличие от И. С. Аксакова и Н. П. Игнатьева, особого одобрения — он видел в этом стремлении влияние современных тенденций национализма, шедших вразрез с нормами канонической традиции. Вместе с тем мысль, что Россия начинает замещать в «библейском регионе» традиционных лидеров местного

христианства и выполняет, таким образом, определенную «вселенскую» функцию, безусловно, воспринималась обер-прокурором положительно.

Стремлением придать духовно-идеологическим начинаниям России на международной арене «вселенский» размах во многом определялись и инициативы Победоносцева на таком новом для российской внешней политики направлении, как контакты с Абиссинией (Эфиопией) — единственной страной Черного континента, чье население издревле исповедовало христианство. Исходным стимулом для зарождения у Победоносцева да и у всего русского общества интереса к далекой африканской стране стало появление в Петербурге авантюриста Николая Ивановича Ашинова (1856–1902), выдававшего себя за атамана «вольных казаков» (сообщества потомков выходцев из России, якобы скрывавшихся в труднодоступных горных районах Северной Персии и Восточной Турции). Тот заявил, что в 1886 году ему удалось побывать в Абиссинии и тамошнее население, исповедовавшее монофизитский вариант христианства, было готово сблизиться с русским православием; правитель же страны негус Йоханныс («царь Иван», как называл его Ашинов) желал стать союзником и чуть ли не подданным русского царя, дабы получить от него помощь в борьбе против наседавших с разных сторон мусульман и западных колонизаторов.

Рассказы «атамана вольных казаков» (пусть и украшенные массой фантастических подробностей) о народе далеком, малоизвестном и в силу этого сохранившем духовную чистоту, изнемогавшем в борьбе против агрессивных соседей и взывавшем к России о помощи, безусловно, не могли не оказать влияния на российских консерваторов, включая Победоносцева. Поняв это и стремясь привлечь к своей аванюре внимание высокопоставленных сановников, Ашинов организовал проезд двух абиссинцев в Киев на торжества в честь годовщины крещения Руси, рассудив, что их присутствие на празднестве послужит еще одним доказательством и всемирно-исторического предназначения России, и притягательности для иных народов русской религии и культуры. Расчет был верен — именно так воспринял проезд посланцев африканской страны обер-прокурор. Он с умилением описывал царю, как во время богослужения в Софийском соборе абиссинцы «стояли с достоинством и усердно молились, держа в руках свои книжки, с серьезными лицами — видно было, что они в изумленном восторге ото всего, что видят». «Бесспорно то, — писал глава духовного ведомства Александру III, — что это народ дикий, но издревле удержавшийся в христианстве восточном... издавна питал сочувствие к России и добивался отзыва и духовного

содействия от нас. Думаю, что полезно и благоразумно было бы не отталкивать их при этом случае»^{303}.

Дополнительным обстоятельством, подталкивавшим Победоносцева к активным действиям на абиссинском направлении, был, бесспорно, интерес к личности Ашинова — человека «с огнем», способного увлечь людей за собой и действовать без излишней оглядки на формальности. «Атаман вольных казаков» сильно напоминал любимых обер-прокурором героев вроде Игнатьева, Баранова и Скобелева. «По всем признакам, — писал Победоносцев царю о задуманной Ашиновым экспедиции, — оно (Красное море. — А. П.) может иметь для нас немалую важность, и, по всей вероятности, в таких делах удобнейшим орудием бывают подобные Ашинову головорезы»^{304}.

Зачарованный кипучей энергией самозванного атамана обер-прокурор совместно с Православным Палестинским обществом в 1888–1889 годах поддержал организованную Ашиновым экспедицию с целью проникнуть к берегов Красного моря в Абиссинию. Как и предупреждало нелюбимое Победоносцевым за «формализм и излишнюю осторожность» Министерство иностранных дел, плохо просчитанное и вдохновленное в основном идеологическими мотивами предприятие «вольного казака» закончилось трагедией. Уже на побережье Красного моря Ашинов и его соратники вступили в конфликт с французскими властями, считавшими эту территорию владением Франции, были обстреляны корабельной артиллерией, арестованы и вывезены в Россию. Следует отметить, что, несмотря на провал экспедиции «вольных казаков», попытки завязать отношения с Абиссинией в России не прекратились, и в конце 1890-х — начале 1900-х годов между странами были установлены дипломатические отношения, хотя надежды на переход абиссинцев в православие, разумеется, не оправдались. А вот на репутацию Победоносцева в глазах царя неудача ашиновской экспедиции, которую обер-прокурор так активно поддерживал, безусловно, бросила тень, и уже тогда прошла одна из первых трещин в дотоле монолитном духовном единстве монарха и его бывшего наставника.

Однако при всём интересе к народам отдаленных и малоизвестных регионов Победоносцев не забывал и о важности контактов с западными христианами. При этом наибольшим вниманием с его стороны пользовалась англиканская церковь. Крайне негативно относясь к внешней политике Великобритании, российский консерватор, как отмечалось выше, с большим уважением и не без зависти относился к особенностям

английской общественно-политической и духовной жизни (господству в ней традиционных, консервативных начал, прочности политических институтов, религиозности общества). Все проявления интереса английских христиан к Русской православной церкви, религиозному развитию России, довольно многочисленные в начале 1880-х годов, встречали живейший отклик обер-прокурора, он всячески стремился подхватить и укрепить тенденции такого рода. Усиление среди западных христиан (в первую очередь англикан) симпатий к России — «дело первой важности»; в этой сфере «горизонт открывается широкий»^[305], писал Победоносцев в 1881 году епископу Амвросию (Ключареву).

Одним из англичан, способствовавшим укреплению в конце XIX — начале XX века религиозных и культурных контактов между Британией и Россией, был видный представитель англиканской церкви Уильям Джон Биркбек (1859–1916), с которым у российского сановника сложились наиболее тесные деловые отношения. Глубоко религиозный человек, сторонник консервативных начал в общественной и политической жизни, Биркбек в 1888 году прибыл на торжества в Киев в качестве личного посланника духовного главы англиканской церкви, архиепископа Кентерберийского, и был поражен красотой русских церковных церемоний, картинами развернувшихся перед его глазами массовых проявлений народного благочестия. После этого англичанин много раз бывал в России, с энтузиазмом знакомился с памятниками ее истории и культуры, основными чертами ее религиозной жизни и старался через прессу донести до британского общества свое видение особенностей политического строя и церковного уклада в России, не всегда воспринимавшихся с симпатией.

Биркбеку не раз приходилось защищать от нападок английской прессы политику Победоносцева и его самого. Обер-прокурор прекрасно понимал, насколько ценным с точки зрения влияния на общественное мнение Великобритании является поддержка со стороны видного представителя английского истеблишмента. В силу этого начинаниям консервативного англичанина в России предоставлялось максимальное благоприятствование: обер-прокурор содействовал организации его многочисленных поездок по стране, способствовал его знакомству с высокопоставленными сановниками и видными деятелями Церкви. Разумеется, «сверхзадача» Биркбека — добиться сближения, а то и объединения Русской православной и англиканской церквей — не была реализована, однако в целом деятельность консервативного англичанина и протекция, оказываемая ему Победоносцевым, способствовали более благосклонному отношению к России на Британских островах.

В сферу внешнеполитических интересов обер-прокурора, отличавшихся поистине мировым размахом, входили и две столь разные и отдаленные друг от друга общины, как христиане-ассирийцы (айсоры) в Северной Персии и славяне, эмигрировавшие в конце XIX века из Центральной Европы в США. Внимание Победоносцева к ассирийцам было во многом вызвано тем, что в их среде с середины 1880-х годов работала англиканская миссия, с которой был связан Биркбек. В 1890-е годы в Северной Персии появилась и миссия Русской православной церкви, а в конце десятилетия значительная часть проживавших там ассирийцев, исповедовавших несторианский вариант христианства, обратилась в православие. Что же касается славян, перебравшихся в США, то желание обер-прокурора побольше узнать о них было связано с развернувшимся в конце XIX — начале XX века процессом перехода многих иммигрантских религиозных общин под власть русской православной епархии, действовавшей на территории Северной Америки после продажи Аляски США.

Славяне, в конце XIX столетия десятками тысяч переселявшиеся в США, были в основном выходцами из австро-венгерских владений — Галиции и Закарпатской Руси, где действовали давние знакомые Победоносцева Добрянский и Наумович. На территории Нового Света галицкие и закарпатские русины, исповедовавшие униатскую веру, столкнулись с позицией католических иерархов США, требовавших от них принять этнически чуждых священников (поляков, венгров) и подчиниться латинскому обряду. Результатом стали переход многих русинов под власть русского епископа и присоединение их к православию.

Для Победоносцева события, разыгравшиеся в Западном полушарии, полностью вписывались в картину того вселенского противостояния между православием и католицизмом, которым, по его мнению, определялись ведущие процессы мирового религиозного, культурного, а возможно, и политического развития. «Простые люди», чьи взгляды и чаяния служили ориентиром для обер-прокурора, воплотились теперь в лице иммигрантов-русинов, которые не просто проявили искони присущее всем славянам интуитивное тяготение к России, но и оказались в положении «малых сих», страдающих от угнетения и нуждающихся в помощи. Неудивительно, что их движение к православию вызвало у главы духовного ведомства самый живой отклик. «Какое свежее движение начинается у нас в Америке!.. — восклицал обер-прокурор в письме Рачинскому. — Вообще, просыпающееся всюду сочувствие к нашей Церкви и богослужению паразитально»^[306].

Присоединение униатов к православию на территории Северной Америки встречало благожелательное отношение местной Епископальной церкви (североамериканская ветвь англиканства), которая тоже стремилась до известной степени использовать поддержку со стороны православия в противостоянии с католицизмом. В решении разных спорных вопросов, касавшихся деятельности Русской православной церкви на территории США, Победоносцеву оказывал помощь американский посланник в Петербурге Эндрю Диксон Уайт — «очень милый и образованный человек», с которым обер-прокурор имел «приятные беседы»^[307]. Российская же дипломатия, по словам главы духовного ведомства, вновь отнеслась совершенно индифферентно к разворачивавшимся на территории Северной Америки религиозным процессам, что дало Победоносцеву повод еще раз обвинить ее в равнодушии к задачам усиления духовного и культурного влияния России за рубежом. В целом к концу существования Российской империи прихожанами Русской православной церкви за океаном стали около ста тысяч славян-иммигрантов, что до известной степени способствовало укреплению позиций России в отдаленных регионах мира.

Конечно, нельзя отрицать, что российского консерватора страшила перспектива усиления зарубежного — прежде всего западного — духовно-культурного влияния на Россию. С опаской он воспринимал и возможность втягивания государства в крупные международные конфликты. В то же время и духовная, и общественно-политическая жизнь зарубежных стран продолжала привлекать пристальное внимание Победоносцева. Прекрасно сознавал он и необходимость усиления идеологического влияния России за рубежом. Из сочетания и переплетения этих противоречивых тенденций и родилась своеобразная внешнеполитическая стратегия обер-прокурора, стремившегося действовать на международной арене прежде всего средствами, относящимися к сферам религии и культуры. Разумеется, во многом подобный образ действий определялся тем, что обер-прокурор по должности должен был заниматься церковными вопросами, в том числе и за пределами Российской империи. Однако здесь сказался и повышенный интерес сановника ко всему, что было так или иначе связано с духовной жизнью общества: прессе, просвещению, художественной культуре и т. п. Начинания во всех этих сферах составили важнейшую часть деятельности обер-прокурора, оказали сильное, хотя и неоднозначное влияние на общественное и политическое развитие России конца XIX — начала XX века.

Глава четвертая

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАСТАВНИК

«Люди, а не учреждения»

Характерной чертой правительственного курса, проводимого в России после прихода Победоносцева к власти, была, по оценке многих современников, его отчетливая идеологическая окраска, связанная со стремлением верхов наполнить его определенным символическим содержанием. Значительно более заметной, чем ранее, стали роль церковных институтов в общественной жизни, настойчивая апелляция к религиозным ценностям и традициям исторического прошлого. По словам современника описываемых событий историка Бориса Борисовича Глинского, противники Победоносцева в эти годы с неудовольствием заявляли, что «в воздухе запахло ладаном и постным маслом и московско-византийские идеалы начали вытеснять идеалы западноевропейские»^{308}. Вернуть общество к «московско-византийским идеалам» должны были развернувшиеся при Победоносцеве наращивание численности приходского духовенства, строительство новых храмов и основание монастырей, поощрение создания братств — союзов клириков и мирян с просветительскими, благотворительными и миссионерскими целями. Священникам вменялось в обязанность чаще произносить проповеди, проводить с мирянами внебогослужебные беседы. Синодальные типографии, деятельность которых была существенно реорганизована обер-прокурором, издавали миллионы экземпляров книг, брошюр и «листов» назидательного содержания, предназначенных главным образом для народа^{309}.

Повседневная жизнь больших городов, подвергшаяся далеко зашедшей секуляризации, вновь должна была подчиниться строгим церковным правилам. Касаясь этой стороны деятельности Победоносцева, один из современников заметил, что тому «хотелось бы видеть Россию громадной обителью, где жизнь прилежно и строго налажена суровой властью благопристойных старцев»^{310}. С 1885 года вводились дополнительные торжественные вечера по праздникам и воскресеньям, хозяева промышленных предприятий под страхом наказания не могли требовать от

православных работы в эти дни. По настоянию обер-прокурора были запрещены музыка, венки и знаки на похоронах как «обычай, чуждый уставам Православной церкви... соблазнительный для религиозного чувства и народной нравственности»^{311}. Вблизи храмов воспрещалось открывать питейные заведения и даже строить здания мирского назначения. Победоносцев настаивал на отмене общественных увеселений и театральных пьес — формально не запрещенных, но нарушавших, как ему казалось, правила благочестия; требовал (правда, не всегда успешно) переноса государственных мероприятий в случае их совпадения с датами, отмечаемыми Русской православной церковью.

Особую страницу деятельности Победоносцева составила его борьба за запрет театральных представлений в Великий пост, разрешение на которые было дано в русле общего курса секуляризации 1870-х годов. Убежденный, что устои государственного порядка уходят корнями в таинственную сферу народного самосознания, а последняя напрямую связана с церковными принципами, консервативный сановник полагал, что даже незначительное отступление от церковных правил может привести к роковым последствиям, в том числе и в политической сфере, усматривая, в частности, связь между трагедией 1 марта 1881 года с бездумной отменой традиционных церковных запретов. «Всему православному миру, — писал обер-прокурор Александру III через три недели после гибели его отца, — показалось очень горько и даже страшно распоряжение об открытии театров в Великий пост... Добрые люди качали головами и говорили про себя: быть бедам»^{312}. Само по себе требование об открытии театров, по мнению Победоносцева, исходило от развратной, праздной и пресыщенной столичной публики, которая в его глазах выступала антиподом «простого народа», воспринималась как один из главных источников вредоносных тенденций в общественной жизни и подлежала всемерному обузданию. Закрывать театры, полагал обер-прокурор, необходимо, невзирая на убытки: «Что значит денежная сумма в сравнении с народным соблазном!» Обратившись непосредственно к царю, глава духовного ведомства добился восстановления запрета на театральные представления в Великий пост и бдительно пресекал все попытки обойти его, в том числе исходившие от личного друга Александра III, влиятельного министра императорского двора и уделов И. И. Воронцова-Дашкова.

Колоссальная энергия Победоносцева, его непоколебимая уверенность в своей правоте послужили основой для ряда других мер, с помощью которых он стремился повлиять на массовое сознание, духовную и

культурную жизнь страны. К числу таких мер относилось проведение массовых церковно-общественных празднеств, наподобие уже упоминавшихся торжеств в честь святого равноапостольного Мефодия и девятисотлетия крещения Руси, строительство храмов, архитектурным обликом воспроизводивших русскую церковную старину, и многое другое. Осуществление всех этих мер побуждало сторонников Победоносцева говорить о возвышении в его обер-прокурорство общественной роли Церкви, воплощении в жизнь идеалов, близких к воззрениям Достоевского и славянофила Алексея Степановича Хомякова. Противники же российского консерватора обвиняли его в намерении «вернуть современную жизнь в узкое и уже заросшее русло учреждений и образа мыслей Московии XVII столетия»^{313}. Однако как бы ни оценивалась деятельность Победоносцева на посту главы духовного ведомства, неоспоримо, что она оставила весьма глубокий след в истории России. При этом его начинания, касавшиеся духовной и культурной жизни страны, отнюдь не ограничивались церковной сферой.

Деятельность Константина Петровича на этом поприще поражала размахом и одновременно скрупулезностью, стремлением вникать в мельчайшие детали всего, что попадалось ему на глаза. Этим обер-прокурор приводил в недоумение коллег по правительству, в том числе людей весьма консервативных, вовсе не склонных пускать развитие духовной жизни общества на самотек. «Я всегда изумлялся, — вспоминал Е. М. Феокистов, который на посту главы цензурного ведомства сотрудничал с обер-прокурором в сфере контроля над прессой, — как у него хватало времени читать не только наиболее распространенные, но и самые ничтожные газеты... подмечать такие мелочи, которые не заслуживали бы ни малейшего внимания»^{314}. В адрес министров и руководителей цензуры непрерывно летели письма обер-прокурора с требованиями закрыть газеты и журналы, которые он счел вредными, затруднить открытие новых, наложить на печатные органы те или иные взыскания, воспретить обсуждение в прессе некоторых вопросов. В 1882 году при его активном содействии была учреждена Верховная комиссия по печати (в нее, кроме министров внутренних дел, юстиции и народного просвещения, вошел сам глава духовного ведомства), получившая право административным путем закрывать любое неудобное властям издание. Опираясь в том числе и на этот институт, неутомимый обер-прокурор в первой половине 1880-х годов сильно «проредил» и без того не слишком густую поросль российских периодических изданий.

Достаточно жесткие меры по отношению к периодической печати всё же казались Победоносцеву недостаточными, и даже весьма суровый режим в этой сфере, утвердившийся в 1881 году после отставки Лорис-Меликова, он воспринимал как недопустимое попустительство чрезмерно разнузданному, как он полагал, миру прессы. В конце года обер-прокурор назидательно писал Игнатьеву, всё-таки решившемуся удовлетворить одно из ходатайств об открытии новой газеты: «Вспоминаю притчу о кудеснике, который заклятием вызвал множество бесов из бездны, но потом, забыв формулу заклятья, был сам растерзан разъяренными бесами»^{315}. Даже весьма умеренные либеральные органы — газета «Русский курьер», журнал «Вестник Европы» — были в глазах Победоносцева носителями крайне опасной подрывной идеологии: первый — «с наглостью выставляет свое безверие и ругается надо всем священным», второй — сеет «великую смуту в умах»^{316}. В результате усилий Победоносцева в 1883 году перестали выходить ведущие либеральные газеты «Голос», «Московский телеграф», «Страна», а деятельность «Русского курьера» была серьезно затруднена. В следующем году правительство закрыло административным путем один из наиболее влиятельных оппозиционных журналов «Отечественные записки», причем постановление о его ликвидации обер-прокурор редактировал лично.

Периодическая печать, книги и иные издания не переставали привлекать внимание бдительного сановника. Он прекрасно понимал, что оказать воздействие на общественное мнение в нежелательном для правительства духе можно путем особой подборки материалов, которые по отдельности не вызвали нареканий цензуры. В связи с этим вставал вопрос о надзоре за публикацией рекомендаций для пополнения библиотек, а также списков изданий для народного чтения. Сами библиотеки и читальные залы (прежде всего те, которые были предназначены для «простого народа») также должны были находиться под всеобъемлющим контролем, поэтому в 1890 году по настоянию Победоносцева была принята правительственная инструкция для учреждения бесплатных народных читален, значительно ужесточившая надзор властей над этими заведениями.

Во многих случаях обер-прокурора совершенно не устраивало то, как осуществлялись функции надзора и над периодической печатью, и над книгоизданием, и над библиотеками. Деятельность официальных властей в этой сфере казалась ему бездушной, механической, проникнутой духом формализма. Так, по мнению главы духовного ведомства, члены ученого

комитета при Министерстве народного просвещения, от которых зависел допуск изданий в народные библиотеки, вместо того чтобы самолично просматривать списки публикуемой литературы и отбирать из них то, что подходило бы народу, слепо доверяли рецензиям, написанным чиновниками того же министерства. Примером для обленившейся и закосневшей в формализме бюрократии обер-прокурор неизменно выставлял себя: «Неужели это так трудно, особливо для специалистов — не говоря о людях общего образования; ведь вот и я слежу по возможности за списком книг в «Правительственном] вестнике» и в библиографии «Русского вестника»^{317}.

Победоносцев, помимо попыток собственноручно составлять списки рекомендуемой для библиотек литературы и отслеживать в периодической печати всё, что могло идти вразрез с видами правительства, пытался личным почином восполнить изъяны недостаточно, по его мнению, активной, целеустремленной и одушевленной деятельности властей на идеологическом поприще. Об этом, в частности, свидетельствовали многочисленные брошюры и статьи, в которых консервативный сановник высказывался по вопросам народного образования и воспитания, отстаивал перед лицом западного общественного мнения меры, принимаемые духовным ведомством, и деятельность тех сановников, чью позицию и воззрения одобрял.

У многих современников, в том числе у соратников Победоносцева по консервативному лагерю, такой образ действий вызывал глубокое недоумение. Обер-прокурор предстал в их глазах «вечным профессором», который просто не сознавал, что на вершинах государственной власти нужно вести себя иным образом, нежели в учебной аудитории или редакции журнала, и занимался вопросами, которые ни по существу, ни по масштабу не должны были входить в его компетенцию. Согласны с этой точкой зрения и некоторые историки. Виды интеллектуальной деятельности и интересы Победоносцева показывают, подчеркивал Р. Бирнс, что по характеру и темпераменту ему предназначалось быть ученым^{318}. Вместе с тем очевидно, что сам обер-прокурор придавал своим начинаниям в сфере духовной жизни общества, культуры, массового сознания именно государственное значение, да и последствия этих действий были столь весомы, что невозможно считать их результатом некоего «недоразумения», ошибки недалекого деятеля, не ведавшего, что творит.

Чем же определялся подобный образ действий Победоносцева? Какое

содержание он вкладывал в них? Как они соотносились с общей системой взглядов консервативного сановника?

Для ответа на эти вопросы нужно мысленно вернуться в переломные дни весны 1881 года, когда после гибели Александра II определялся курс нового царствования, решался вопрос о выборе пути развития страны на десятилетия. Победоносцев должен был в эти дни изложить все аргументы в защиту своей позиции, сделать ее максимально убедительной в глазах окружающих, и прежде всего — нового царя. Ареной противоборства стало, помимо прочего, правительственное совещание 21 апреля, на котором обер-прокурор выступил с речью, чрезвычайно удивившей присутствовавших. «Все беды нашего времени, — заявил обер-прокурор, — происходят от страсти к легкой наживе, от недостатка нравственности и веры в высших слоях общества, от распущенности молодежи, от пьянства в простом народе»^{319}.

Содержание речи, с которой выступил сановник, претендовавший на роль главного советника молодого царя, повергло присутствовавших если не в изумление, то уж точно в глубокое недоумение. В их представлении оно разительно не отвечало задачам, стоявшим перед страной в ситуации, когда на повестке дня стоял вопрос о коренных преобразованиях государственного устройства, радикальном изменении правительственного курса. Некоторым показалось, что, выступив с подобными заявлениями, Победоносцев признал свое поражение. «Речь Константина Петровича, — заявил либеральный министр финансов А. А. Абаза, — скорее произведение моралиста, чем программа государственного деятеля»^{320}. Между тем для самого обер-прокурора его декларации были исполнены глубокого смысла. Достаточно вспомнить «позитивную» часть манифеста от 29 апреля, который был составлен Победоносцевым как программа нового царствования: манифест призывал подданных «к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищений»^{321}.

Думается, что речь 21 апреля и формулировки манифеста как раз и отразили основные аспекты той программы, которой Победоносцев собирался следовать. Суть этой программы выражалась формулой «люди, а не учреждения». Российский консерватор, судя по всему, действительно считал, что состояние общества напрямую зависит от моральных качеств составляющих его людей, которые влияют на социальную реальность помимо разного рода административных, политических и иных институтов. Соответственно, изменить ситуацию в обществе предполагалось путем

непосредственного воздействия на умы и души людей, минуя громоздкую омертвевшую оболочку «учреждений». Подоплекой такого подхода, безусловно, было сильнейшее, на грани безнадежности, разочарование Победоносцева в благотворности каких-либо «внешних», административно-законодательных переустройств, во многом связанное с неудачным, с его точки зрения, опытом реформ 1860—1870-х годов.

Особенности подхода консервативного сановника к общественно-политическим вопросам, видимо, были также связаны с идеями и впечатлениями, которые он вынес из родительского дома: влиянием присутствующего его отцу духа просветительства, привычек и навыков, связанных с его многолетней профессорской деятельностью. Искренняя вера в то, что общество должно являть собой объект научения, воспитания и перевоспитания, что ситуацию в стране можно изменить с помощью внушения правильных идей и «очищения» нравов, — всё это несло на себе явную печать наивного просветительства XVIII века, той идеологии, которой отец будущего обер-прокурора придерживался в течение всей жизни. К этому следует добавить, что сам Константин Петрович по складу личности, видимо, был предрасположен именно к преподавательской, наставнической деятельности и даже по внешнему виду напоминал современникам «педагога с уверенными, но простыми манерами», говорившего «с растяжкой, с привычкой втолковывать, что надлежит ведать и что значится в учебниках»^[322]. Педагогические наклонности, коренившиеся глубоко в подсознании Победоносцева, побуждали его постоянно выступать с назиданиями и поучениями по самым разным поводам, воспринимать страну как огромную классную комнату, а общество — как незрелых, несамостоятельных учеников, нуждающихся в опеке и руководстве.

При этом консервативный сановник крайне болезненно относился к деятельности любых структур, стремившихся играть роль центров альтернативного идейного влияния на общество, стать средоточием независимой от властей гражданской активности. К числу таких структур он, безусловно, относил добровольные организации научного и культурно-просветительского характера — Общество любителей российской словесности, Юридическое и (с 1885 года) Психологическое общества при Московском университете. Особую неприязнь Победоносцев испытывал к Юридическому обществу, в котором, по его мнению, верховодили сплошь «заядлые позитивисты». Прикрываясь академическими лозунгами, добровольные организации, считал обер-прокурор, легально получали в свои руки мощное идеологическое оружие — право чтения публичных

лекций, становившееся в их руках средством подрывной пропаганды. «С какой целью они (лекции. — А. П.) публично читаются и действуют на легкомысленную публику? — вопрошал Победоносцев министра народного просвещения Делянова, в ведении которого находились добровольные организации. — Конечно, не с доброй целью. Я слежу за этими явлениями и замечаю в последнее время, как они умножаются и систематизируются»^{323}. Особую тревогу у него вызывали лекции, в которых речь шла о творчестве Льва Николаевича Толстого, о развитии в России религиозного инакомыслия и т. п. Обер-прокурор энергично (хотя и безуспешно) пытался предотвратить открытие Психологического общества, настаивал на строгом контроле добровольными организациями.

В зоне особого внимания Победоносцева находились просветительские мероприятия общественных структур, нацеленные на «простой народ»: публикация каталогов для народного чтения, учреждение бесплатных библиотек и читален, массовое издание дешевой литературы, развитие системы начального образования. Чрезвычайно тревожной тенденцией обер-прокурор считал широкое распространение «народных чтений» для массовой, как правило, неграмотной аудитории. Мощным потенциалом воздействия на общество обладало и искусство, переживавшее в пореформенную эпоху широкомасштабную демократизацию. Воздействие на сферу искусства, художественной культуры стало еще одним, притом весьма специфическим, направлением деятельности Победоносцева, оставившим весьма заметный след в истории России второй половины XIX — начала XX столетия, и закрепило за ним предельно мрачную репутацию «гонителя» и «душителя» всех свободных стремлений.

Действительно, репрессивные меры занимали в арсенале обер-прокурора заметное место. Однако только гонениями дело всё же не ограничивалось. Имея достаточно широкие знакомства в художественной и литературной среде, в целом представляя себе специфику творчества, Победоносцев стремился воздействовать на эту среду изнутри, противопоставляя неприемлемым для него тенденциям те явления, которые он считал доброкачественными, соответствовавшими истинному духу русской культуры, ее многовековым историческим традициям. Так, ополчившись против «вольной» трактовки канонических церковных сюжетов, представленных, в частности, в живописи Николая Николаевича Ге («Что есть истина?», «Голгофа»), он поощрял те творческие поиски, которые, по его мнению, в новом облике возрождали традиции церковной старины, стремились осмыслить культурную самобытность России.

Воплощением последней тенденции стала, в представлении Победоносцева, религиозная живопись Виктора Михайловича Васнецова, в частности его росписи Владимирского собора в Киеве, над которыми он вместе с Михаилом Васильевичем Нестеровым и другими художниками начал работать с 1885 года. Впервые с росписями Васнецова обер-прокурор ознакомился спустя три года, во время торжеств в честь юбилея крещения Руси, и они произвели на него огромное впечатление. «Что я видел, то поистине выше всего, виденного мною до сих пор где бы то ни было, — сообщил он Александру III — Думаю, что эти работы составляют эпоху в искусстве и что Васнецов — гениальнейший из русских художников в этом роде»^{324}. В письме царю обер-прокурор предрекал, что храм с росписями знаменитого живописца станет главным художественным памятником его царствования, а спустя восемь лет, уже после смерти самодержца, в письмах доверенным корреспондентам в возвышенных тонах описывал церемонию освящения собора — «красоту, едва ли имеющую себе подобную», которую «невозможно было видеть без слез»^{325}.

Александр III и Победоносцев стремились всячески поощрять характерные для 1880—1890-х годов тенденции к развитию неорусского стиля в изобразительном искусстве и архитектуре, преследуя тем самым политико-идеологические цели. Император, по словам обер-прокурора, требовал, «чтобы фасады и планы проектируемых к постройке церквей были представлены на Его воззрение, и охотно одобрял те проекты, которые воспроизводили русскую церковную старину»^{326}. В официальном «Обзоре деятельности ведомства православного исповедания за время царствования Александра III» Победоносцев особо отметил все храмы в неорусском или близком к нему неовизантийском стиле, которые были освящены или к строительству которых приступили в 1880-е — начале 1890-х годов, среди них храм Спаса на Крови в Петербурге в память гибели императора Александра II и Спасов скит у станции Борки под Харьковом в честь спасения царской семьи во время железнодорожной катастрофы в 1888 году^{327}.

Оживлению интереса к русской церковной старине должна была способствовать и развернувшаяся реставрация памятников церковной архитектуры: Успенских соборов во Владимире и Москве, митрополичьего двора в Ростове, Софийского собора в Новгороде, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. В письмах царю Победоносцев всячески стремился привлечь его внимание к памятным местам русской истории и православия: Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю, Владимиру, Пскову,

Херсонесу. «Для Вас, — уговаривал обер-прокурор Александра III посетить Владимир, — я уверен в том, было бы делом самого живого интереса посмотреть на этот срединный пункт земли русской — на гнездо Москвы и русского государства — и видеть эти храмы, единственные по своему значению»^[328].

В вопросах музыкального искусства, прежде всего касавшихся церковного пения, обер-прокурор также выступал за восстановление исторических традиций, «гармонизацию церковного обихода... в строгой церковной и народной гамме». Здесь он активно сотрудничал с композитором М. А. Балакиревым, занимавшим пост директора Придворной певческой капеллы. Сфера церковного искусства, в том числе вокала, вообще пользовалась повышенным вниманием главы духовного ведомства, поскольку, по его мнению, именно эстетические, рассчитанные на непосредственное восприятие аспекты богослужения оказывали наибольшее влияние на душу «простого народа». При Победоносцеве были реорганизованы Московский синодальный хор и Училище церковного пения. Санкт-Петербургское епархиальное братство Пресвятой Богородицы, заседавшее в доме обер-прокурора и фактически работавшее под его руководством, занималось в том числе восстановлением древнерусского строя церковного пения и изданием переложений древних церковных напевов.

Поощряя позитивные, с его точки зрения, тенденции в развитии русской культуры, Победоносцев в то же время крайне резко выступал против всего, что в эти тенденции не вписывалось.

Оценивая произведение литературы и искусства, обер-прокурор обращал внимание не только на содержащуюся в нем трактовку вопросов политического значения, но и на общий дух произведения, на его возможное влияние на разные аудитории читателей, зрителей или слушателей. Для Победоносцева совершенно неприемлемым в искусстве было отсутствие идеала. В частности, по этой причине он в 1889 году критиковал постановку оперы Антона Григорьевича Рубинштейна «Купец Калашников» (следует отметить, что собственно к творчеству композитора Победоносцев относился весьма положительно и даже водил с ним близкое знакомство). «История представляет нам страшную драму в жизни Грозного, с великой борьбою, которую один суд Божий решит по правде... — писал обер-прокурор царю о спектакле. — А тут, в опере, ничего нет, кроме гнусностей, собранных в один момент, на одну сцену». Его протест был вызван даже не самим по себе показом злодейств Грозного, а тем, что им не было противопоставлено никакого светлого начала: «Царь —

чудовище; все около него — развратные, пьяные разбойники; народ — несчастные холопы; и Церковь, и вера — одно кощунство над верой. Как будто нарочно искусство хотело втоптать в грязь все идеалы русской земли — царя, Церковь, народ!»^{329}

Еще больше нареканий вызвала у Победоносцева появившаяся двумя годами ранее пьеса Л. Н. Толстого «Власть тьмы». «Искусство писателя замечательное», — вынужден был признать консерватор; однако именно это обстоятельство, с его точки зрения, и делало воздействие пьесы на общество особенно разрушительным. Самую большую опасность обер-прокурор видел в том, что главным героем пьесы представал «простой народ» — та самая среда, которая служила отправной точкой для многих его собственных идеологических построений. При этом выводы, которые делал великий писатель, были полной противоположностью взглядам Победоносцева. Толстой считал, что ни приверженность церковному благочестию, ни исторические традиции духовности не уберегли «простой народ» от невежества, дикости, безнравственности в повседневной жизни. Фактически эти утверждения грозили обрушить всю тщательно выстроенную и настойчиво пропагандировавшуюся обер-прокурором (в том числе в письмах царю) систему представлений о народе, его роли нравственно здоровой среды, главной опоры всего традиционного порядка в России. Художественные построения Толстого, разумеется, были частью его духовно-религиозных исканий, неумолимо отдалявших писателя от официальной Церкви, и на это обстоятельство обер-прокурор тоже не преминул указать в письме царю. Изображение «простых людей» в пьесе, подчеркивал глава духовного ведомства, «согласуется со всей новейшей тенденцией Толстого — народ-де у нас весь во тьме со всей своей верой, и первый он, Толстой, приносит ему новое свое евангелие».

Особо опасался Победоносцев, что представленные в пьесе картины народного невежества и насилий благодаря мощному непосредственному воздействию на зрителей дадут неожиданный эффект: безграмотная толпа примет их едва ли не за образцы поведения. «Тут, — делился он своими страхами с царем, — люди, живущие инстинктом, без идеи, возле всюду сущего кабака, увидят воочию, как просто и с какой легкостью совершаются в этой среде преступления»^{330}. Особенно вероятным такой результат казался в условиях стремительно развивавшейся демократизации сценического искусства, появления новых театров в провинциальных городах, в том числе дешевых, доступных для народа и сознательно ориентированных на массовую аудиторию. В силу этих обстоятельств

обер-прокурор решительно выступил за запрет пьесы — не только ее постановки на сцене, но и издания.

Руководствуясь теми же соображениями, Победоносцев настоял в 1885 году и на снятии с выставки картины И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван», усмотрев в ней «художество без малейших идеалов, только с чувством голого реализма и с тенденцией критики и обличения»^{331}.

Зачастую протест Победоносцева вызывали произведения абсолютно невинные в идейно-политическом отношении, но нарушавшие, по его мнению, правила благочиния и благопристойности и тем самым представлявшие опасность для общества, которое, как отмечалось выше, воспринималось обер-прокурором как среда незрелая, несамостоятельная, неспособная отличить добро от зла. Так, совершенно невинная в политическом отношении постановка оперы Петра Ильича Чайковского «Пиковая дама» (1890) вызвала неудовольствие консервативного сановника тем, что в ней по ходу действия происходило целых три убийства; этот факт, с его точки зрения, мог негативно воздействовать на нравственность зрителей^{332}.

Было очевидно, что роль, которую Победоносцев стремился играть в идейно-политической и духовной жизни общества, выходила далеко за рамки и его служебных обязанностей на посту главы духовного ведомства, и вообще всех сфер деятельности, которые в конце XIX века мог избрать «обычный» высокопоставленный бюрократ. Миссия «всероссийского наставника», которую взял на себя обер-прокурор, ставила перед ним ряд непростых задач. В условиях неуклонного усложнения духовной жизни и социальной структуры он должен был попытаться найти какие-то особые средства воздействия на массовое сознание, донести свои мысли до каждого конкретного «слушателя» в той огромной учебной «аудитории», каковой ему представлялась Россия. В рамках этих установок общественное мнение и периодическая печать становились одной из главных сфер интересов обер-прокурора.

Обер-прокурор и общественное мнение

Воспринимая себя «всероссийским наставником», носителем истинных знаний о принципах устройства власти и общества, Победоносцев видел свою миссию в том, чтобы прочно утвердить эти знания в умах людей. Он стремился выстроить с обществом особо

доверительные отношения, свободные как от бюрократического официоза, так и от неблагообразия тех форм публичных дискуссий, которые получили широкое распространение к концу XIX века. Традиционная форма обращения к обществу через печать для этой цели не вполне годилась, поскольку, по мнению Победоносцева, вела к огрублению, опошлению даже правильных по сути идей. Именно такая участь, считал он, постигла его однокашника И. С. Аксакова, основавшего в 1880 году газету «Русь». «Ах, и Иван Сергеевич должен был бы понять, — сокрушенно писал обер-прокурор Е. Ф. Тютчевой, — что поприще, на к[ото]ром он подвизается, есть рынок с гамом и шумом: как бы чисты ни были его побуждения и намерения, всякое слово его проносится по рынку... получает оттенок пошлости»^{333}. Необходимы были иные, более прямые и непосредственные средства воздействия на общественное мнение, которые позволили бы избежать «рынка» и «грязи» газетно-журнальной полемики. Одним из таких средств стали для царского советника публичные речи, как правило, морально-назидательного характера, с которыми он выступал в связи с крупными событиями в жизни государства и Церкви.

Само по себе произнесение торжественных речей, по духу сильно напоминавших проповеди, идеально соответствовало возвышенным представлениям сановника о своем предназначении как духовного наставника, воспитателя общества. Потребность в подобных выступлениях, по мысли обер-прокурора, становилась в 1880-е годы особенно насущной, ибо они происходили на фоне пассивной или уклончивой позиции многих церковных иерархов, коим, казалось бы, по сану пристало поучать общество. Архиереи предпочитали хранить молчание, выражая таким образом скрытый протест против подчинения Церкви государству, а некоторые просто боялись навлечь на себя взыскание, если их речь кому-то из власть имущих покажется неуместной. Победоносцеву же эта позиция казалась недопустимой, и он пытался восполнить возникавший духовный вакуум произнесением собственных речей. «Замечаю, — писал он Е. Ф. Тютчевой, — что некоторые духовные особы как будто морщатся от речей моих и ворчат — на сторону... Но кто же мешает им говорить?.. А я считаю себя вправе говорить в подобных случаях, хотя и без рукоположения»^{334}.

В самом начале своего обер-прокурорства Победоносцев задумал произнести речь, которая имела бы символическое значение, прозвучала бы до известной степени как программа его деятельности на посту главы духовного ведомства. Именно таков был смысл его выступления перед выпускницами Ярославского училища для девиц духовного звания,

посвященного памяти императрицы Марии Александровны и состоявшегося 9 июня 1880 года, на следующий день после знаменитой Пушкинской речи Достоевского. Свою речь обер-прокурор не без умысла противопоставил слишком шумным и суетным, с его точки зрения, столичным торжествам, собравшим крупнейших представителей российской интеллигенции. «Я... хотел, — писал Победоносцев Достоевскому, — сказать слово... не на журнальных столбцах, которые опротивели мне своей ложью, а на чистом месте простым душам, способным любить и верить»^{335}.

Мероприятия, посвященные открытию памятника Пушкину, обер-прокурор раздраженно описывал в послании епископу Амвросию (Ключареву) как «какой-то вселенский собор литераторов», «новый Вавилон», который «совсем не приличествует Москве православной»^{336}. Наиболее чуткие современники немедленно уловили смысл, заложенный в выступлении Победоносцева, до известной степени скрыто полемизировавшего с идеями Достоевского. К. Н. Леонтьев в статье «О всемирной любви» превознес выступление обер-прокурора, воспевавшее смирение, самоотречение и простоту как главные христианские добродетели, и критически отозвался о речи Достоевского, слишком тесно, по его мнению, увязывавшего христианство с принципами светского гуманизма.

Не ограничиваясь публичными речами, глава духовного ведомства избрал для воздействия на общественное мнение и такой способ, как издание малым тиражом «для немногих» записок и брошюр, посвященных волновавшим его вопросам. Подобная форма, по мысли обер-прокурора, позволяла ему донести свою точку зрения до более широкого круга единомышленников, чем тот, что собирался на его выступления, и в то же время избежать огрубления, профанации, неизбежно связанной с обнародованием своих идей путем публикации в многотиражных изданиях. «Время такое, — писал Победоносцев по поводу одного из своих изданий, — что в публику пускать разумное слово небезопасно: все газеты встретят его пошлыми ругательствами. Пусть идет книжка к тем, кто понял, — может, так, распространяясь от одних [к] другим, она произведет больше действия»^{337}. В таком виде обер-прокурором были изданы в 1881 году записка профессора Московской духовной академии Николая Ивановича Субботина о старообрядцах, в 1887-м — брошюра сотрудника духовного ведомства Евфимия Михайловича Крыжановского о так называемых предбрачных подписках, касавшаяся взаимоотношений православия и

лютеранства в Прибалтике, в 1901 году — сочинение С. А. Рачинского «Absit omen^[19]», посвященное вопросам народного образования, и др.

Публичные речи перед избранной аудиторией, издание записок «для немногих», надеялся обер-прокурор, помогут ему наладить эффективный механизм воздействия на общественное мнение. Однако, видимо, всего этого ему не хватало и он вынужден был искать всё новые способы донесения до общества своих воззрений. Победоносцев стремился встречаться с широким кругом людей, бывать там, где собирались «властители дум», чтобы оказать на них влияние. Обер-прокурор был всегда популярным в столице книжного магазина Маврикия Осиповича Вольфа, игравшего роль своеобразного политического салона: несмотря на занятость, «засиживался по целым часам», высказывая в беседах с посетителями свои излюбленные мысли, «как будто желая, чтобы они получили широкое распространение»^[338]. Средством донесения его взглядов до зарубежной общественности обер-прокурору, видимо, служили многочисленные неофициальные встречи с послами европейских государств, которых он очень любил включать в круг своих собеседников, а иногда — как в случае с послом Франции в России Морисом Бомпаром — фактически сам напрашивался на общение с ними. Однако какие бы индивидуализированные и доверительные способы взаимодействия с обществом ни пытался найти (и даже изобрести) Победоносцев, было ясно, что в этой сфере он не мог обойтись без опоры на периодическую печать, при всей своей неприязни к ней.

Разумеется, выстраивая отношения с периодическими изданиями, глава духовного ведомства в первую очередь ориентировался на те, которые имели консервативный характер или хотя бы консервативный оттенок: газеты «Московские ведомости» и «Новое время», журналы «Русский вестник», «Гражданин», «Русский архив», а позднее, в 1890-е годы, — «Русское обозрение». Все эти издания обер-прокурор стремился использовать, если иные способы обнародования своих взглядов и воздействия на общественное мнение по каким-то причинам казались ему неподходящими. Так, когда Победоносцеву потребовалось «непрямым» способом заявить, на каких принципах, с его точки зрения, должно базироваться церковное управление, он организовал публикацию в бартеневском «Русском архиве» давнюю (относящуюся к 1850-м годам) записку известного церковно-общественного деятеля Андрея Николаевича Муравьева. Журнал Бартенева, формально посвященный лишь вопросам истории, мог, по мысли обер-прокурора, рассматриваться как подходящая

«нейтральная почва» для обсуждения церковных вопросов^{339}. В дальнейшем — видимо, с той же целью — Победоносцев организовал в «Русском архиве» публикацию ряда статей сотрудника духовного ведомства Игнатия Климентьевича Зинченко по злободневным вопросам (о женском образовании, начальной школе и др.).

Вынужденно обращаясь к органам периодической печати, российский консерватор в соответствии со своими воззрениями стремился влиять на их деятельность, максимально отдалив их от всего, что было связано с полемикой, «бранью и криком», усиливая в них элемент поучительный, назидательный. «Вот что следовало бы перепечатывать нашим духовным журналам, а они сочиняют передовые статьи, наполняя их дребеденью»^{340}, — писал Победоносцев епископу Амвросию (Ключареву) по поводу присланной последним биографии сельского священника, одного из тех, кто являл в глазах обер-прокурора идеал «скромного работника», трудящегося «в узком кругу». То, что приличествовало духовным журналам, вполне могло (и должно было, считал Константин Петрович) стать основой для публикации в журналах светских. Милый сердцу консервативного сановника назидательный облик предстояло, в частности, обрести журналам, находившимся в особо сильной зависимости от него: «Гражданину» в 1880-е годы и «Русскому обозрению» в 1890-е. Оба издания должны были, по предложению обер-прокурора, регулярно перепечатывать статьи из церковных журналов и газет, подробно сообщать о важных событиях в церковной жизни, публиковать проповеди духовных лиц, жизнеописания священников, учителей и миссионеров — особенно тех, кто трудился в глубинке, «в безвестности».

Считая себя вправе определять, в рамках воздействия на духовную жизнь общества, характер консервативных периодических изданий, Победоносцев властно вмешивался в их деятельность, стремясь в некоторых случаях влиять на детали редакционной политики. Консервативным журналистам, в частности, ни в коем случае не следовало проявлять сочувствие принципу веротерпимости, выказывать симпатии представителям инаковерия, прежде всего старообрядцам. Деятельность духовного ведомства требовалось освещать именно в указанном обер-прокурором духе. По команде Победоносцева консервативные издания должны были начинать кампании в поддержку мероприятий Синода: учреждения церковно-приходских школ, борьбы с неправославными исповеданиями в рамках миссионерской деятельности и др. В издания

консервативного толка направлялись для публикации сочинения самого Победоносцева и разнообразные материалы, освещавшие различные стороны деятельности церковных институтов. Особое значение для обер-прокурора имели взаимоотношения с двумя ведущими органами консервативного направления — «Московскими ведомостями» и «Гражданином».

Контакты Победоносцева с М. Н. Катковым, редактором «Московских ведомостей» и «Русского вестника», начавшиеся еще во второй половине 1850-х годов, стали особенно тесными к концу царствования Александра II. В период общественно-политического кризиса рубежа 1870—1880-х годов Константин Петрович тесно сотрудничал с Катковым на поприще борьбы против либеральных бюрократов и, как отмечалось выше, делился сведениями о происходящем в правительственном «закулисье». Подобным же образом и в то время, и позднее поступали многие сановники, стремившиеся с помощью прессы подорвать позиции своих конкурентов. Это привело к тому, что в 1880-е годы редактор «Московских ведомостей», наиболее искусно маневрировавший в мире околоправительственных интриг после низвержения Лорис-Меликова и других либеральных бюрократов и обретший репутацию «оракула», получил немалый вес в правящих сферах: иной раз в соответствии с его рекомендациями смещались и назначались высокопоставленные чиновники, принимались различные правительственные меры и даже определялся курс властей на тех или иных направлениях государственной политики.

Разумеется, подобная ситуация в корне противоречила воззрениям Победоносцева и на роль прессы в обществе, и на сущность самодержавной власти и, казалось бы, должна была вызвать его протест. Однако он мирился с ней, рассчитывая использовать московского публициста в качестве оружия против всё еще остававшихся в правительстве либералов. Кроме того, консервативный сановник не мог не сознавать идеологической, пропагандистской роли катковских изданий. «Катков, — писал он Александру III, — очень дорог своей газетой именно теперь, в эпоху смуты... когда его не будет, решительно некем будет заменить его в нашей распущенной и бедной серьезными талантами печати»^[341]. Обер-прокурор всячески оберегал московского публициста от неприятностей, которые тот навлекал на себя всё более напористым, подчас бесцеремонным вмешательством в высшую политику. Так, именно Победоносцев спас «Московские ведомости» от вынесения в 1887 году правительственного предостережения (фактически — официального выговора), после того как Катков, не довольствуясь своим влиянием на

внутриполитическую деятельность власти, попытался воздействовать и на внешнеполитическую. Предостережение, наставлял обер-прокурор царя, «будет истолковано в смысле поворота нашей политики... Это будет крайним смущением для массы читателей русских... будет утратой для правительства силы весьма значительной, силы нравственной»^{342}.

Защищая Каткова от недовольства царя и сановников, Победоносцев в то же время пытался в меру сил сдерживать напор консервативного журналиста, не допустить складывания ситуации, когда решение важнейших политических вопросов слишком явно переместилось бы в редакцию «Московских новостей». «Потерпите еще несколько времени и воздержитесь от решительных заявлений», — писал обер-прокурор Каткову в мае 1882 года касательно готовившейся отставки Игнатьева. Ранее, в марте, он рекомендовал московскому публицисту «отнестись как можно скромнее» к назначению на должность министра народного просвещения Делянова — катковского выдвигенца, на государственном поприще во всём следовавшего указаниям своего патрона. «Мне как-то болезненно думать, что этот, в сущности, ничтожный случай может быть поводом к столкновению с властью»^{343}, — писал Победоносцев Каткову в 1884 году, убеждая не раздувать разногласия с Министерством внутренних дел по одному из спорных вопросов. Большого влияния на консервативного публициста эти увещевания не оказали. Не меньше Победоносцева убежденный в собственной правоте, он продолжал напористо расширять сферу своего влияния в правительственных кругах и с нарастающим раздражением воспринимал предостережения соратника по консервативному лагерю. В дальнейшем это будет способствовать углублению непреодолимых разногласий в консервативном лагере.

По схожему с катковским сценарию разворачивалось взаимодействие Константина Петровича с другим видным публицистом-консервативом — В. П. Мещерским, хотя отношения с ним и имели заметную специфику. Мещерский, по возрасту близкий к Александру III, был другом его юности и входил в то время в его ближайшее окружение. Победоносцев как воспитатель Александра Александровича, разумеется, хорошо знал князя и до известной степени симпатизировал ему, помогал в издании учрежденного в 1872 году журнала «Гражданин», публиковал там собственные статьи. Вместе с тем экстравагантное, на грани эпатажа поведение Мещерского, его бестактность, граничившая с безнравственностью, вызывали неудовольствие консервативного сановника, и он не раз предостерегал цесаревича от слишком тесных

контактов с князем. Лишь чрезвычайные обстоятельства общественно-политического кризиса рубежа 1870—1880-х годов, требовавшие, по мнению Победоносцева, консолидации вокруг престола всех консервативных сил, побудили обер-прокурора взять «проказника» под свое покровительство. Константин Петрович помог князю восстановить разорванные отношения с Александром III (в начале 1880-х годов тот общался со старым другом исключительно через обер-прокурора) и улучшить репутацию «Гражданина» в литературном мире. Разумеется, взамен глава духовного ведомства стремился как можно шире использовать страницы «Гражданина» в своих интересах.

Мещерский прекрасно понимал, кому обязан улучшением своего положения и в литературном мире, и в придворных сферах, и относился к Победоносцеву подобострастно. «Обнимаю Вас, Бог с Вами, милый, дорогой и родной, — писал он обер-прокурору в 1881 году. — Вы всегда были моим другом, наставником... Будьте мне отцом в этом деле (взаимоотношениях с Александром III. —А. П.)»^[344]. Победоносцев, считавший, что «проказник» полностью от него зависит, вел себя с ним бесцеремонно, жестко одергивая при любых попытках выйти из-под контроля. «Попридержите теперь перо»; «Что вы пишете, есть вздор»; «Что, Вы объявляете, что ли, Высочайшие] пов[еления]?»; «Хотел прочесть Вам целую лекцию о том, как надо возражать автору письма в защиту судебного] ведомства»^[345] — эти и другие фразы свидетельствуют о довольно невысокой оценке им Мещерского. Очевидно, обер-прокурор считал свою власть над консервативным публицистом безграничной. В этом вопросе, как и во многих других, ему впоследствии доведется пережить разочарование, однако в начале и середине 1880-х годов его позиции в отношении воздействия на консервативную прессу казались чрезвычайно прочными.

Подводя итог обзору деятельности Победоносцева в идеологической сфере, нужно подчеркнуть, что распространенная среди историков и современников точка зрения, будто он был слабым политиком, полностью лишенным позитивного начала, представляется не вполне обоснованной. Стремление оказать воздействие на общественное сознание, духовно-идеологическую жизнь общества, выступить своеобразным «наставником» составляло суть программы консервативного сановника, которую он совершенно сознательно противопоставлял административно-законодательной деятельности, преобразованию учреждений. Эта программа, в целом очень архаичная, была в то же время далеко не

однозначным явлением. Возможно, придавая столь большое значение вопросам воздействия на общественное сознание, обер-прокурор в какой-то степени предвосхитил повышенную идеологизацию всех сторон общественной жизни, характерную для наступавшего XX века. Не случайно Р. Бирнс заметил, что характерное для обер-прокурора стремление сделать свою точку зрения максимально широко известной, донести ее до разных слоев общества — это манера поведения, типичная для политика XX столетия^{346}. Так или иначе, повышенный интерес обер-прокурора именно к вопросам идеологии, его стремление занять по отношению к обществу позицию «воспитателя» действительно делали его в глазах современников весьма колоритной фигурой, достаточно резко выделявшейся на фоне большинства сановников. Одним из последствий предпринятой Победоносцевым попытки играть роль «всероссийского наставника» стало его неизбежное столкновение с теми выдающимися современниками, которые также претендовали на эту роль. Наиболее известными из них были Лев Николаевич Толстой и Владимир Сергеевич Соловьев.

«Битва пророков»

«Решаюсь еще раз (хотя бы только для очищения своей совести, но и не без некоторой надежды на лучший успех) обратиться к Вам как к человеку рассудительному и не злонамеренному... Видит Бог, теперь я отрешаюсь от всякой личной вражды, отношусь к Вам как к брату во Христе»^{347} — с такими словами в 1892 году обратился к Победоносцеву знаменитый философ В. С. Соловьев, давно разошедшийся с ним во мнениях по основным мировоззренческим вопросам и посвятивший в 1880-е годы едва ли не основную часть своих работ резкому обличению политики, проводимой духовным ведомством во главе с обер-прокурором. Письмо Соловьева, конечно, не приведшее ни к каким результатам, стало одним из ярких проявлений сложившейся к этому времени своеобразной традиции личных обращений к обер-прокурору, в рамках которой оппоненты пытались переубедить консервативного сановника, раскрыть ему глаза на изъяны проводимой им политики, убедить его от этой политики отказаться.

За 11 лет до обращения Соловьева, в марте 1881 года, письмо Победоносцеву направил Л. Н. Толстой, тогда еще не ставший его

непримиримым врагом, но, безусловно, уже чувствовавший разделявшую их дистанцию. Письмо касалось вопроса, волновавшего в то время многих в России: возможного помилования организаторов убийства Александра II (с подобным призывом в те дни выступал и Соловьев). «Я знаю Вас за христианина, — писал Толстой, — и, не помяная всего того, что я знаю о Вас, мне этого достаточно, чтобы смело обратиться к Вам с важной и трудной просьбой»^{348}.

Излишне говорить, что обращение великого писателя, как и написанное годы спустя письмо Соловьева, последствий не имело, а надежда на диалог с сановником, которой тешил себя Толстой, вскоре сменилась ожесточенным противостоянием. И всё же сам факт обращений великого писателя и философа к «русскому Торквемаде» нельзя сбрасывать со счетов. Он свидетельствует, что наиболее вдумчивые современники, даже относившиеся резко критически к воззрениям обер-прокурора, по словам современных ученых Р. А. Гальцевой и И. Б. Роднянской, не просто видели в нем «душителя свободы, внутренне монолитного и закостенелого», а признавали «трагическую, всё же, личность»^{349}. При всей жесткости применявшихся консервативным сановником репрессивных мер историю его взаимоотношений с великим писателем и философом нельзя воспринимать исключительно как процесс полицейских гонений. Скорее, это была своеобразная «битва пророков» — противоборство различных идейно-религиозных концепций, каждая из которых имела свою логику и претендовала на целостное видение и указание путей решения стоявших перед страной проблем.

Концепции Толстого и Соловьева уходили корнями в переломный, во многом катастрофический для России период конца 1870-х — начала 1880-х годов с его многочисленными потрясениями на внутри-и внешнеполитической арене. Следовавшие друг за другом масштабные катаклизмы, после Великих реформ наложившиеся на трансформацию глубинных основ российского жизнеустройства, побуждали современников ставить и пытаться решать вопросы глобального характера, касавшиеся судеб России и всего мира. Владимира Соловьева эти размышления подтолкнули к мысли о вселенском предназначении России и Русской православной церкви, реализовать которое, однако, удастся лишь при условии введения в стране максимальной свободы совести. Церковь, по мысли Соловьева, должна была, сбросив оковы государственной опеки, вступить в свободный диалог с неправославными конфессиями (прежде всего с католицизмом), начать активно взаимодействовать со светской

культурой, что позволило бы преобразовать жизнь общества на подлинно религиозных началах.

Иным был ход духовной эволюции Льва Толстого, в исканиях которого главными движущими мотивами были крайне резкая критика лицемерия, неискренности всей современной цивилизации, стремление переустроить жизнь общества на началах, которые казались ему простыми, понятными и «разумными», отбросить всё, что эту «разумность» затемняло. В числе институтов, с точки зрения писателя, мешавших обществу устроиться на «разумных» началах, очень скоро оказалась и традиционная Церковь с ее иерархией, обрядностью, верой в чудесное и непознаваемое. Неудивительно, что трактаты и брошюры по религиозным вопросам, которые Толстой стал публиковать с начала 1880-х годов, очень быстро вошли в противоречие с официальным церковным учением, что не могло не вызвать крайне негативной реакции Победоносцева. Таким образом, религиозные учения великого писателя и выдающегося философа были совершенно неприемлемы для консервативного сановника. Вместе с тем отношение обер-прокурора к двум «пророкам» менялось в разные периоды его деятельности.

Выступления и статьи Владимира Соловьева бывший наставник царя воспринимал на первых порах благожелательно, поскольку философ на заре своей деятельности (вторая половина 1870-х годов) был достаточно близок к консервативным и славянофильским кругам, примыкал к движению в поддержку балканских славян, сотрудничал с журналом «Гражданин». Стремление молодого магистра философии поставить в центр своих рассуждений вопросы религиозного свойства в целом совпадало с намерениями Победоносцева, готовившегося занять пост главы духовного ведомства, возвысить роль религии и Церкви в жизни общества. Побывав в 1878 году вместе с Достоевским на соловьевских «Чтениях о богочеловечестве», Победоносцев оценил их весьма высоко, усмотрев в них «возбуждение интереса к идеальным предметам и понятиям». Отметив в письме Е. Ф. Тютчевой, что «Соловьев, неоспоримо — молодой человек с талантом и знаниями», будущий обер-прокурор подчеркнул важнейшую, с его точки зрения, особенность лекций философа: «До сих пор ни разу не вырвалось у него ни одно из тех бестактных выражений, которые слышатся у нас всякий раз, когда бывает попытка секуляризовать в аудитории для публики священные предметы».

Безусловно, концепция Соловьева, до известной степени нацеленная именно на «секуляризацию священных предметов», рано или поздно должна была столкнуться с взглядами Победоносцева. И такое

столкновение произошло уже в ходе «Чтений о богочеловечестве»: после того как философ назвал учение о вечных муках грешников в аду «гнусным догматом», консервативный сановник расценил подобный выпад как «болезненное бесстыдство самолюбия», увидел в нем проявление самочинных умствований, нежелание подчиняться традиционным воззрениям, далеко не во всём постижимым человеческим умом^{350}. В дальнейшем обер-прокурор не раз заявлял, что на ложный путь Соловьева увлекли чрезмерное самомнение, гордыня и индивидуализм, недостаток смирения. «Вот до какого безумия, — писал Победоносцев Александру III в 1888 году по поводу книги философа «Русская идея», — мог прийти русский умный и ученый человек... Гордость, усиленная еще глупым поклонением со стороны некоторых дам, натолкнула его на этот ложный путь»^{351}.

Если в деятельности Соловьева консервативный сановник поначалу усматривал здоровые начала, которые впоследствии были испорчены самолюбием, то к духовным исканиям Толстого сразу же отнесся резко отрицательно. С его точки зрения, никакой серьезной основы под этими исканиями не просматривалось. «Художник в душе с сильным воображением, — писал Победоносцев епископу Амвросию, — он в течение всей своей жизни перебрасывался от одного дела к другому, от одной странной мысли к другой, еще более странной, и всему, за что брался, отдавался со страстным увлечением»^{352}. Очередным (и, по мнению обер-прокурора, не менее легковесным, чем все остальные) увлечением Толстого стало стремление переосмыслить религиозное учение, причем опять же, как и в случае с Соловьевым, решающую роль сыграло самолюбие: писатель «вообразил, что первый из смертных уразумел Евангелие, и начал толковать его с цинизмом, отвергая всю историческую часть и отрицая Церковь»^{353}. И писатель, и философ в силу гордыни и самомнения оказались, по мнению Победоносцева, повинны в тяжелейшем грехе — стремлении противопоставить себя массе «простых людей», смиренно следующих традиционному учению Церкви и составляющих в силу этого наиболее здоровую часть социума, залог общественной стабильности. В подобной ситуации борьба против самозванных пророков приобретала характер не примитивных полицейских гонений, а битвы за будущее России, каким оно виделось главе церковного ведомства.

Применительно к Владимиру Соловьеву ситуация для Победоносцева осложнялась тем, что философ, изначально входивший в круг консервативной, религиозно настроенной интеллигенции, стремился по-

своему истолковать ряд близких обер-прокурору идей, которым тот желал придать собственную трактовку. Так, в 1881–1883 годах Соловьев выступил с тремя речами в память Достоевского, интерпретируя взгляды великого писателя в духе своих воззрений на религиозную свободу и вселенское предназначение Русской православной церкви. Надо отметить, что для подобных интерпретаций у философа были определенные основания. По мнению современных исследователей, некоторые его умозаключения, в частности относительно догмата о муках грешников, повлияли на воззрения Достоевского, отразившиеся в «Дневнике писателя» и «Братьях Карамазовых». Показательна и полемика — отчасти открытая, отчасти опосредованная — между консерваторами по поводу Пушкинской речи Достоевского. Победоносцев, по сути, примкнувший к весьма критической оценке идей Достоевского, высказанной К. Н. Леонтьевым, без комментариев переслал писателю статью Леонтьева, таким образом, солидаризовавшись до известной степени с ее основными положениями. Соловьев же защищал идеи Пушкинской речи на страницах аксаковской «Руси»^{354}.

Подобное положение дел представлялось Победоносцеву чрезвычайно опасным, поскольку он прекрасно сознавал значение духовного наследия писателя и для культурной, и для идейно-политической жизни страны и сам претендовал на роль монопольного истолкователя его идей — в духе представлений о спасительности «простоты», необходимости смирения и покорности, а вовсе не призывов к переосмыслению традиционных духовных начал. По поводу второй речи Соловьева о Достоевском Победоносцев с возмущением писал Е. Ф. Тютчевой: «Ведь они подлинно думают и проповедуют, что Достоевский создал какую-то новую религию любви и явился новый пророк в русском мире и даже в русской Церкви!»^{355} — указывая местоимением «они» на крайне опасный круг единомышленников, складывающийся вокруг Соловьева. Стремясь, чтобы этот круг не достиг сколько-нибудь широких размеров, глава духовного ведомства стал налагать самые жесткие ограничения на все публичные выступления философа, в частности, в 1883 году пытался воспрепятствовать произнесению им третьей речи в память Достоевского.

Что касается Толстого, то в его творчестве, помимо неприемлемых для обер-прокурора религиозных идей, особенно опасным казалось обращение к теме «простого народа», изображение его духовного мира и повседневной жизни совсем не в тех тонах, как они виделись Победоносцеву. Это грозило подорвать основы всей идейно-политической концепции консервативного

сановника, который обосновывал существование в России самодержавия и традиционной церковности тем, что эти институты полностью соответствовали духовным потребностям «простых людей», а сами эти люди составляли наиболее здоровую часть русского общества. Широкое распространение сочинений Толстого при равнодушии или даже попустительстве правительства было опасно, полагал обер-прокурор, и тем, что могло привести к отчуждению народа от власти. «Лучшие, здоровые, честные представители народа, — писал Победоносцев Александру III по поводу толстовской «Власти тьмы», — будут оскорблены в лучших своих ощущениях»^{356}. В связи с этим глава духовного ведомства, как отмечалось выше, принял особенно строгие меры к тому, чтобы пьеса не дошла до зрителей и читателей.

Победоносцев стремился держать все публикации Толстого и Соловьева под строгим надзором. По его настоянию в 1883 году была запрещена книга Толстого «В чем моя вера?» — несмотря на то, что жена писателя лично просила обер-прокурора разрешить выпуск сочинения. Впоследствии запрету подверглись также «Народные рассказы» и «О жизни». Нарекания обер-прокурора вызвала и «Крейцера соната». Когда Софья Андреевна Толстая, добившись в 1891 году аудиенции у Александра III, сумела получить от него разрешение на публикацию этого произведения, Победоносцев, уже несколько лет не пользовавшийся прежним расположением царя, счел необходимым обратиться к нему с длинным письмом, детально описав, какой вред наносят обществу сочинения писателя^{357}. В том же году в письме начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову обер-прокурор призывал удвоить бдительность относительно произведений великого писателя в связи с тем, что тот дал разрешение всем желающим свободно переиздавать их^{358}.

Что касается Соловьева, то значительная часть его сочинений, вышедших в свет в 1880—1890-е годы — книга «Русская идея», статьи «О духовной власти в России», «Немецкий подлинник и русский список», «О подделках», «Наш грех и наша обязанность» и др., — так или иначе привлекала внимание Победоносцева, который требовал принятия репрессивных мер по отношению к опубликовавшим их изданиям. После выступления Соловьева в 1891 году в Московском психологическом обществе с рефератом «О причинах упадка средневекового миросозерцания» различные ученые организации и добровольные общества получили предписание не предоставлять трибуну ему, Толстому и

председателю Психологического общества Николаю Яковлевичу Гроту. В данном случае сработала уже утвердившаяся в консервативных кругах тенденция усматривать в каждом выступлении философа политическую подоплеку. Хотя реферат в целом был посвящен достаточно отвлеченным вопросам — критике ритуализма и догматизма средневекового христианства, присущего ему чрезмерного акцентирования на обрядности и недостаточного внимания к преобразованию общественных порядков, — в нем был усмотрен выпад против Церкви в современной России и политики духовного ведомства во главе с Победоносцевым.

Начало 1890-х годов, отмеченное новым обострением общественно-политической ситуации в стране, стало во многих отношениях апогеем противостояния Победоносцева с Толстым и Соловьевым. В обстановке ужесточения национальных и религиозных гонений (к примеру, выселения евреев из Москвы в 1891 году), недорода, голода и последовавшей за ними эпидемии холеры в выступлениях «пророков», воспринимавших социально-политические события как предзнаменования глобальных потрясений, начали звучать особенно напряженные, апокалиптические ноты. У обер-прокурора они вызывали резкое неприятие. Дело было не только в содержании статей и публичных выступлений писателя и философа — хотя, безусловно, протесты против гонений на евреев и призывы к обществу самостоятельно, вне правительственного контроля, заняться решением проблемы голода были для Победоносцева неприемлемы. Обер-прокурора беспокоило, что ложные, сего точки зрения, пророки в обстановке общественной нестабильности обретают новые возможности для своего «учительства» и могут вытеснить его с кафедры «всероссийского наставника». «Толстой по поводу голода пишет свои полоумные воззвания, — возмущенно сообщал глава духовного ведомства Рачинскому, — Соловьев пророчески завывает вслух народа (так в тексте. — А. П.) — и масса безумной, ошалевшей молодежи на всё это отзывается. Опять раздаются крики — идти в народ — затем, чтобы просвещать и звать его — куда?»^{359}

Эсхатологические искания, в 1890-е годы особенно характерные для Соловьева, казались Победоносцеву чем-то непонятным и даже опасным, грозящим подрывом устоев существующего порядка. «Вокруг — кажется, сплошное царство полоумных»^{360}, — писал обер-прокурор О. А. Новиковой в 1900 году по поводу соловьевских «Трех разговоров о войне, прогрессе и всемирной истории». В преддверии XX века, большинство культурных новаций которого было глубоко чуждо российскому

консерватору, деятельность Толстого и Соловьева воспринималась в духе стремительно распространявшегося в то время учения о «сверхчеловеке». Писатель и философ с их страстью к учительству, претензиями на способность прозревать будущее человечества, стремлением открыть обществу некую новую истину казались Победоносцеву воплощением именно этого, «сверхчеловеческого» типа. «Знаменательное это явление, — делился обер-прокурор своим мнением с Рачинским, — что к исходу XIX столетия стал у нас выступать и входить в моду тип человека *Übermensch*'a^[20] и пошли подражатели и пророки, сами не ведающие, что проповедают»^{361}. Безусловно, обвинение Толстого и Соловьева в стремлении играть роль «сверхчеловеков» еще раз подчеркивало глубокое неприятие Победоносцевым и их учения, и общественно-политической позиции.

И всё же, как ни парадоксально, обер-прокурор не смог ограничиться отрицательным отношением к писателю и философу. В письмах единомышленникам он постоянно поминал его таланты, как будто надеясь, что они изменят свою позицию и их дарования будут направлены на достижение «правильных» целей. «Жаль человека, — писал Рачинскому о Соловьеве глава духовного ведомства в 1898 году, — что, как не тщеславие пустое, вздорное побуждает его выходить на подмостки и рисоваться перед невежественной толпой... А сколько было у этого человека способности и учености». Весть о смерти философа, по словам Победоносцева, «глубоко опечалила» его: «Так-то смерть уносит у нас людей с духом и силой таланта. В этом человеке была живая душа, и горячая»^{362}.

Создается впечатление, что сами по себе попытки Соловьева (а отчасти и Толстого) обратиться к осмыслению религиозных вопросов в некоторых случаях всё же вызывали у Победоносцева положительную реакцию, особенно на фоне широко распространявшихся во второй половине XIX века тенденций неверия и религиозной индифферентности. В 1890-е годы глава духовного ведомства одобрительно или, по крайней мере, без явной враждебности воспринял и некоторые произведения Толстого — к примеру, статью «Религия и нравственность», сочинение «Три притчи»^{363}. Но, пожалуй, ярче всего противоречия в позиции Победоносцева выявились в его оценке «Крейцеровой сонаты».

Обер-прокурор, видимо, долгое время не знал, как отнестись к этому сочинению Толстого. Колебания его были не случайны. Мучительный поиск спасительной «простоты» (пусть и понимаемой по-разному) в общественных отношениях и духовной жизни, острая неприязнь к

«развращенным» нравам высшего общества служили основой для морализма, явно сближавшего сановника с писателем, хотя во многих других отношениях они были антиподами. «И всё-таки правда, правда в этом негодовании, с которым автор относится к обществу и его быту, узаконяющему разврат в браке, — сообщал обер-прокурор Феоктистову по поводу «Крейцеровой сонаты». — Произведение могучее. И когда я спрашиваю себя, следует ли запретить его во имя нравственности, я не в силах ответить: да»^{364}.

По сути, и Победоносцев, и Толстой, каждый по-своему, отразили в своих воззрениях глубокий духовный кризис пореформенной России, выразившийся в охватившем многих образованных людей недоверии к цивилизации и высокой культуре, в восприятии их как чего-то лишнего, «грязного», несущего опасность, в стремлении укрыться от этой опасности в народной «простоте», отыскать в ней подлинные начала нравственной жизни. Проблема заключалась в том, что писатель и обер-прокурор понимали эту «простоту» по-разному. Для Толстого истинные начала народной жизни могли быть открыты миру лишь после того, как с них спадет всё внешнее, наносное, в том числе «суеверия», вера в чудеса, в которых он видел обман и предрассудки. Для Победоносцева же именно вера в сверхъестественное, приверженность «простых людей» исконному благочестию и основам традиционной (самодержавной) государственности и были наилучшими гарантами сохранения «естественного» уклада народной жизни от разрушительного влияния современности. Провозглашая этот уклад основой общественной стабильности, обер-прокурор в то же время не мог не видеть, что в пореформенную эпоху тот подвергается всё более тяжелым испытаниям, что предоставленные самим себе народная «естественность» и «простота» обрекаются на разрушение. Требовалось всячески укрепить спасительные свойства, хранящиеся в недрах духовной жизни народа, в том числе и применением новейших средств идеологической, культурной, просветительской работы. Подобные соображения легли в основу разработанной Победоносцевым программы развития церковных школ для народа, которая стала одним из самых заметных его начинаний на посту главы духовного ведомства.

«Школа, выросшая корнями в народ»

Создание церковных школ для народа (в рамках этого понятия объединялись церковно-приходские школы и более простые по

содержанию образования школы грамоты) явилось одним из тех начинаний консервативного сановника, благодаря которым он получил особенно широкую известность. Эти учебные заведения, к началу 1880-х годов пребывавшие в глубоком упадке, в период обер-прокуратуры Победоносцева пережили колоссальный рост: в 1881 году их насчитывалось всего 4440 с 106 385 учащимися, а к 1903 году их количество было доведено до 44 421 с 1 909 684 учащимися. Причем численность школ духовного ведомства росла опережающими темпами по сравнению со светскими — прежде всего, земскими школами, создававшимися органами местного самоуправления, а также «образцовыми» школами, учреждавшимися непосредственно Министерством народного просвещения^[21]. В 1903 году церковные школы для народа составляли около половины всех начальных учебных заведений России, в них обучалась примерно треть российских детей, получавших начальное образование^[22]. Что касается финансовой поддержки церковных школ со стороны государства, то увеличение этого показателя, видимо, вообще не имело аналога ни в российской, ни в мировой истории. Стартовав в 1881 году со скромной суммы 18 290 рублей, этот показатель к 1903 году вырос в 365 раз, достигнув астрономической величины — 10 341 916 рублей^{365}.

Создание и развитие церковных школ для народа были для Победоносцева не просто одним, пусть и очень важным, пунктом программы его деятельности на посту руководителя духовного ведомства, но и глубоко личным делом, в которое он вкладывал массу эмоций и душевных сил. «Среди множества государственных дел, — вспоминал об обер-прокуроре один из его подчиненных, — Константин Петрович никогда не мог удержаться, чтобы не делать распоряжения о благоустройстве школ непосредственно от себя, помимо высшей инстанции церковно-школьного управления»^{366}. Упомянувшееся выше Санкт-Петербургское братство во имя Пресвятой Богородицы, работавшее под непосредственным руководством обер-прокурора, не только занималось совершенствованием церковного пения, но и ведало созданием и поддержкой церковных школ для народа в столичной епархии.

Важнейшей составляющей церковной системы начального обучения стала Свято-Владимирская женская учительская школа при Воскресенском Новодевичьем монастыре, готовившая учительниц для начальных церковных училищ исключительно из крестьянских девочек, рекомендованных местными священниками. Ее выпускницы, по словам

самого обер-прокурора, воспитывались «как миссионерки». Помимо общих знаний, необходимых для учительской профессии, они должны были владеть основами иконописи и церковного пения. С годами Свято-Владимирская школа всё больше становилась для главы духовного ведомства не просто одним из элементов образовательной системы, но и своеобразным убежищем от бурь современности, воспринималась Константином Петровичем как «единственное идиллическое затишье», «из атмосферы нравственной и умственной чистоты» которого ему удавалось выносить «утешительное успокоение духа»^{367}.

Несомненно, создание и развитие системы церковных школ для народа рассматривалось Победоносцевым как одно из важнейших дел его жизни, главное наследие, которое он хотел оставить стране. Не случайно он завещал похоронить себя при храме Свято-Владимирской школы. Какой же смысл, какое содержание вкладывал Победоносцев в свою образовательно-воспитательную программу? Почему именно этот компонент играл в его воззрениях столь важную роль?

Значение «школьного» направления деятельности российского консерватора определялось той ролью, которую играл в его построениях «простой народ», а также пониманием, что столь ценимая им «простота», которая в его глазах была главным залогом нравственного здоровья народа, могла не выдержать столкновения с разлагающим влиянием современности. Необратимый характер перемен в традиционном укладе народной жизни, связанный с последствиями Великих реформ 1860-х годов, был для обер-прокурора очевиден. В письмах царю и другим адресатам он писал о «громкости поднявшихся в последнее время духовных и материальных запросов и потребностей», о том, что «народ шевелится повсюду и всюду ищет инстинктивно выхода из своей темноты и из бед своих»^{368}. Становилось понятно, что народные массы, разбуженные отменой крепостного права, будут всё более активно выходить на общественно-политическую арену, приобщаться к образованию и культуре, знакомиться с новым для них кругом идей и знаний. По мнению Победоносцева, от того, какие именно идеи и знания войдут в этот круг, во многом зависели и прочность государства, и перспективы развития страны.

Тот вариант массового обучения, который предлагали народу деятели светской педагогики, работники земств и добровольных просветительских организаций, вызывал у Победоносцева резкий протест. Подобное обучение, на взгляд обер-прокурора, абсолютно не учитывало духовных

потребностей народа, подменяло задачу морального совершенствования человека сообщением ему определенного набора искусственно скомпонованных знаний, оставляло в небрежении такую важную задачу школы, как воспитание. «Это, — писал он Рачинскому о деятелях светской педагогики, — слепые фанатики знания, на котором они помешаны, сами в сущности ничего не зная, и в особенности народа»^{369}. Навязывая народу образование светское, слабо связанное с религией, работники земств и добровольных обществ как раз и проявляли насилие, нарушали свободу народа, о которой на словах так пеклись, и тем самым обрекали на непрочность собственные педагогические начинания. «Школа, — заявлял обер-прокурор, — становится одной обманчивой формой, если она не выросла самыми корнями своими в народ... Только та школа прочна в народе, которая любима ему, которой просветительское значение он видит и ощущает»^{370}.

Считая систему образования, проповедуемую деятелями светской педагогики, глубоко вредной для народа, обер-прокурор всячески пресекал попытки расширить ее действие. В 1882 году фактически благодаря его усилиям было сорвано избрание видного деятеля либеральной педагогики барона Николая Александровича Корфа на пост заведующего московскими городскими училищами, находившимися в ведении Московской городской думы. Обер-прокурор настаивал на изъятии из начальных школ учебников, основанных на началах светской науки и принципах общего образования, — в частности знаменитого «Родного слова» К. Д. Ушинского. Заметным эпизодом деятельности Победоносцева стала его борьба против выдвинутого либеральными кругами в середине 1890-х годов проекта создания Общества ревнителей просвещения народа — общественной организации, которая независимо от правительственных структур ведала бы распространением в народе начального образования вплоть до придания ему всеобщего характера. Хотя проект имел немало сторонников в бюрократических и придворных кругах (в частности, на пост главы общества выдвигался двоюродный дядя Николая II великий князь Константин Константинович), по настоянию Победоносцева он был в конечном счете отвергнут царем, а Московский и Санкт-Петербургский комитеты грамотности, выдвинувшие его, фактически лишились автономии.

Негативно относясь к просветительским начинаниям земств и общественных организаций, глава духовного ведомства, как ни парадоксально, весьма скептически воспринимал и деятельность их

антиподов — бюрократов из Министерства народного просвещения, усматривая в ней то же недостаточное внимание к религиозному компоненту обучения, высокомерное отношение к главным духовным потребностям народа. «Всякий раз, — писал он Рачинскому в 1880 году по поводу министерских отчетов, — меня возмущает тон, которым говорится о народе как о материи, подлежащей просвещению посредством науки в усовершенствованном методе обучения»^{371}. В письмах обер-прокурора на протяжении многих лет встречались выпады против «ужасного Министерства Нар[одного] Просвещения и его деревянных агентов», сетования на то, что все сотрудники этого ведомства — «деревянные и бумажные люди»^{372}. Понятно, что при таком отношении к министерству не приходилось особенно рассчитывать на его помощь. Действительно, явное и тайное противодействие министерских чиновников станет одним из главных препятствий развитию начальных церковных школ. Однако дело здесь было не только в ведомственных амбициях светских бюрократов и их обиде на несдержанного Победоносцева. Тот тип школы, который, надеялся обер-прокурор, со временем станет самым массовым в системе российского начального обучения, отличался большим своеобразием и довольно сильно расходился с основными постулатами педагогической науки, сложившимися ко второй половине XIX века.

Идеальная школа, какой она виделась обер-прокурору, должна была как можно меньше отличаться от семейной среды ученика; от учителя требовалось максимально избегать всех формальных приемов: оценок, экзаменов, использования в преподавании учебных книг. Знания и умения должны были накапливаться как бы сами собой, а усердие, проявленное учениками в процессе обучения, должно было цениться не ниже, чем объем заученных фактов. По Победоносцеву, личность учителя, его нравственный авторитет имели для успеха обучения гораздо большее значение, нежели применение учебников и специально разработанных методик. Чувство долга, привычка к послушанию, считал сановный педагог, формировались у ребенка главным образом в семье, незаметным, естественным путем, а школа должна была лишь продолжать линию этого органического, почти бескнижного воспитания.

Полагая, что школа должна как можно меньше отрывать ребенка от семейной среды, обер-прокурор, разумеется, выступал и против перемещения с помощью образования «простых людей» за пределы того социального слоя, к которому они принадлежали по рождению. В связи с этим Победоносцев протестовал и против введения в стране всеобщего

начального обучения, и против внедрения в школьную систему общеобразовательных предметов, не носящих прикладного характера: «Отрывая детей от домашнего очага на школьную скамью с такими мудреными целями, мы лишаем родителей и семью рабочей силы, которая необходима для поддержания домашнего хозяйства, а детей развращаем, наводя на них мираж мнимого или фальшивого и отрешенного от жизни знания, подвергая их соблазну мелькающих перед глазами образов суеты и тщеславия»^{373}.

Подобные заявления можно было истолковать как защиту привилегий имущих классов в сфере образования, проявление социального эгоизма. Противники обер-прокурора очень часто именно так и оценивали его высказывания. Однако сторонником каких-то особых прав для элиты Победоносцев, плебей по рождению, всё-таки не был. Выступая за ограничение образования для массы народа начальной стадией, консервативный сановник вновь действовал как охранитель народной «простоты», старавшийся предотвратить ее разрушение, которым грозило слишком широкое приобщение масс к миру высокой культуры.

Сохранению народной «простоты» должна была способствовать еще одна особенность начальной школы — ее учреждение на церковных началах, — без которой, по мнению Победоносцева, немыслимо развитие системы народного образования в России. Только представители приходского клира, сами близкие к народу в быту и по мировоззрению, могли вывести его из мрака невежества, не разрушив в то же время искони присущих ему чувств смирения и благочестия. «Если в среде этого сословия, — писал Победоносцев еще в 1860-е годы, — не найдется готовых народных учителей, то едва ли можно будет надеяться, что какое-либо другое сословие в состоянии будет выставить надежных учителей, которые в одинаковой мере пользовались бы и доверием правительства, и народным доверием»^{374}. Именно приходские клирики и члены их семей, выпускники духовно-учебных заведений, а также сельские грамотеи, благочестивые прихожане из крестьян должны были составить основные кадры преподавателей в сельской школе. Специальную же подготовку учителей для такой школы глава духовного ведомства оценивал крайне негативно, считая, что она вносит элемент формализма в естественно вырастающую на местах систему образования. Создаваемые Министерством народного просвещения учительские семинарии воспринимались обер-прокурором как «чудовищные, противоестественные учреждения». «Половину учительских семинарий, — писал он Рачинскому,

— я бы совсем уничтожил, ибо постановка фальшивая, и иная быть не может»^{375}.

Основанная на принципах, которые казались Победоносцеву подлинно народными, церковная начальная школа должна была, подхваченная волной народного энтузиазма, развиваться даже без особого поощрения со стороны правительства. «Православный русский человек, — писал обер-прокурор Александру III в 1883 году, — мечтает о том времени, когда вся Россия по приходам покроется сетью таких школ, когда каждый приход будет считать такую школу своей и заботиться об ней посредством приходского попечительства и повсюду образуются при церквях хоры церковного пения»^{376}. Уже первые шаги по созданию народной школы на «правильных» началах — принятие правительством Правил о церковно-приходских школах 1884 года — такую реакцию, полагал Победоносцев, вызвали: «Сочувствие к новым правилам чрезвычайное... и в духовенстве, и в народе»; «Силы явно поднимаются из-под земли». При этом, поскольку рост церковных школ мыслился как естественный процесс, происходить он должен был медленно, почти незаметно: «В России всё движется понемногу»^{377}.

Рагуя за близость к жизни, максимальный уход от всякого «формализма», делая акцент на значении для учительской профессии практических навыков в противовес разработке формальных методов, консервативный сановник выступал против теоретического осмысления основ педагогической деятельности, выстраивания широких обобщений, массовой подготовки преподавательских кадров на этой основе: «Пусть собираются конференции педагогов и специалистов, пусть придумывают лучшие способы обучения, пусть пишут и печатают томы своих протоколов и мнений. Напрасный труд...» В представлении Победоносцева антиподом всей этой суеты выступала сильно идеализированная и мифологизированная фигура «старого учителя педагога, издавна сидящего на своем месте... где-нибудь в глухой деревне», работающего «в голоде и холоде из любви к детям»^{378}. Безусловно, образцами такого подвижничества были для обер-прокурора его старые знакомые С. А. Рачинский и Н. И. Ильминский, отказавшиеся от блестящей академической карьеры и посвятившие жизнь поприщу начального образования; основную же массу подлинно близких к народу преподавателей должны были составить, как отмечалось выше, клирики и члены их семей. Однако даже тот уровень «простоты», который был присущ представителям сельского духовенства, казался обер-прокурору недостаточным, в связи с чем им

были задуманы далекоидущие преобразования во внутреннем быте духовного сословия.

При всех особенностях житейского уклада и социального статуса (проживание на селе, отсутствие твердого денежного оклада, во многих случаях вынужденное занятие земледелием), объективно сближавших их с крестьянской средой, сельские клирики всё же резко выделялись из массы их прихожан наличием формального образования. Именно на этом направлении и решил нанести удар Победоносцев, под влиянием социальных потрясений второй половины XIX века начавший с опаской относиться даже к тому образованию, которое давалось в духовных школах. Не приведет ли построенное на рационалистических принципах обучение в семинарии к умалению благочестия клириков? Не станет ли оно основой слишком формализованного подхода к вере, чуждого массе крестьян с их целостным, нерасчлененным восприятием всего относящегося к миру сверхъестественного? Все эти вопросы звучали для Победоносцева чрезвычайно остро и болезненно. По его мнению, выгоды формального образования на пороге XX столетия не искупали тех опасностей, которые оно с собой несло. В связи с этим у обер-прокурора возник по-своему дерзкий, едва ли не революционный план: постепенно сократить поставление на приходы образованных священников и организовать приток в ряды клира простолюдинов без специальной подготовки (начетчиков). «Моя мечта, — сообщил он Рачинскому в 1881 году, — священники из народа, миновавшие сословную школу»^{379}.

Изменение социального облика духовенства, задуманное обер-прокурором, преследовало и сугубо практическую цель: снять остроту вопроса о материальном обеспечении приходского клира, который неизбежно вставал в связи с увеличением численности духовенства. Предполагалось, что простолюдины-начетчики будут обладать гораздо более скромными житейскими потребностями, чем образованные священники, во многом стремившиеся приобщиться к образу жизни «культурного общества». Однако за замыслом консервативного сановника просматривалась и определенная идеологическая сверхзадача: погасить рост индивидуализма, самомнения, стремления к самочинным умствованиям по вопросам веры, проникшие во второй половине XIX века и в среду приходского духовенства.

Именно эту сверхзадачу Победоносцев имел в виду, когда писал, что «пастыри церковные для народа всего проще могли бы... образовываться из той же среды народной, не возвышая в себе чрез меру ни потребностей,

ни ученого высокого мнения»^{380}. В октябре 1880 года, вскоре после вступления Константина Петровича на пост обер-прокурора, епископ Амвросий подготовил по его поручению записку с проектом изменения социального облика клира, которая была разослана для отзыва архиереям. Проект одобрен не был, однако приток простолюдинов в ряды клира всё же поощрялся вплоть до конца пребывания Победоносцева во главе духовного ведомства. В частности, было официально разрешено поставлять в священники кандидатов без специального образования, начетчики широко привлекались к одобрявшейся обер-прокурором полемике против старообрядцев.

С опаской относясь к образованию, получаемому будущими клириками в духовных академиях и семинариях, Константин Петрович, естественно, не мог не затронуть вопрос об организации этих учебных заведений. Предусмотренное принятыми в 1860-х годах уставами семинарий и академий относительно широкое общее образование, проводившийся в то время курс на сближение духовной школы со светской культурой вызывали недовольство Победоносцева. «Ныне профессора, — писал он епископу Амвросию относительно духовных академий, — ставят себя так, что читают лишь свои лекции... большей частью с мыслью о своей науке, коей якобы служат. До общего направления, до духа нравственного им дела нет»^{381}. По его настоянию в 1884 году были приняты новые уставы духовных академий и семинарий, существенно изменявшие порядки в этих учебных заведениях.

Помимо общего ужесточения дисциплинарного режима, расширения прерогатив администрации и ограничения прав преподавательской корпорации, в систему духовного образования вводились новшества, призванные приблизить подготовку клириков к тому идеалу «простого душой» пастыря, на который ориентировался Победоносцев. Усиливался прикладной характер образования, сокращалось преподавание светских общеобразовательных предметов, в духовных академиях ограничивалась свобода студентов в выборе научной специализации. Воспитанники семинарий в повседневной жизни и круге чтения жестко отгораживались от окружающего мира. Если в эпоху реформ допускалось, что сыновья клириков после окончания семинарии могут поступить в светское учебное заведение и избрать мирское поприще, то с 1880-х годов главным (если не единственным) призванием для них признавалось церковное служение.

Участие в богослужении должно было стать важнейшим источником знаний и для учеников начальных церковных школ. Постигать основы

вероучения, полагал Победоносцев, крестьянским детям следовало в первую очередь не по специально написанным пособиям, а через присутствие в храме. Именно «храм Божий с его богослужением, чтением и пением» расценивался Победоносцевым как «первая, основная, живая и действенная школа Закона Божия». Скептически относился обер-прокурор и к изучению русского и церковнославянского языков по учебным книгам. Здесь главную роль, по его мнению, опять-таки должен был сыграть практический навык. По словам обер-прокурора, ему пришлось выдержать «войну из-за грамматик» с представителями педагогической общественности. Преподававшаяся в семинариях дидактика вызывала протест Победоносцева как дисциплина искусственная, «на ходулях построенная с чужих голосов». Даже небольшое расширение программы отдельных приходских школ с превращением их в так называемые второклассные школы для подготовки учителей воспринималось им скептически: не нарушится ли при этом органический, самопроизвольный характер постепенного «вызревания» народных педагогов в естественной школьной среде?^[382]

Понятно, что попытки выстроить массовую систему народного образования на подобных началах вызвали у большинства специалистов недоумение и протест, причем эти чувства разделяли не только оппозиционно настроенные деятели либеральной педагогики, но и вполне лояльные чиновники Министерства народного просвещения — последние выступали против проектов Победоносцева не столько по идеологическим, сколько по профессиональным соображениям. Сам же обер-прокурор отметал нарекания на его систему как домыслы оторванных от народа людей, не способных понять истинные потребности народной педагогики. Сознавая, что преодолеть сопротивление министерского чиновничества ему будет крайне трудно, Победоносцев добился в 1884 году принятия Правил о церковно-приходских школах, полностью выведивших эти учебные заведения из ведения Министерства народного просвещения. Подобный оборот дел еще больше озлобил бюрократов, которые начали всеми силами чинить препятствия развитию церковных школ.

Сталкиваясь с сопротивлением чиновничества, обер-прокурор попытался задействовать всё свое административное влияние, которое в начале и середине 1880-х годов достигало значительных размеров, и оказать воздействие на министра народного просвещения И. Д. Делянова, назначенного во многом благодаря усилиям главы духовного ведомства. Однако демарши Победоносцева не имели заметных последствий — в первую очередь из-за далеко зашедшей к тому времени бюрократизации

правительственного аппарата, в русле которой чиновники зачастую предпочитали отстаивать самодовлеющие интересы своего ведомства, а не следовать указаниям влиятельных царедворцев и даже собственного министра. Сам Делянов, прекрасно знакомый с внутренними закономерностями функционирования управленческого механизма, предпочитал лавировать между течениями и не ссориться с подчиненными. «При всем благодушии Делянова, — с негодованием писал Победоносцев Рачинскому, — его чиновники — центральные и местные — все шипят и подставляют ногу». Ильминскому он жаловался: «Иван Давыдович всё обещает, но всё делает или не делает его канцелярия»^{383}. Стремясь повлиять на внешне мягкого и податливого министра, энергичный обер-прокурор забрасывал его письмами с претензиями к чиновникам его ведомства, требовал воздействовать на тех, которые не благоволят церковным школам, давал рекомендации по увольнениям и назначениям отдельных лиц и др. Но большая часть этих писем не давала результатов.

Наряду с сопротивлением сотрудников Министерства народного просвещения глава Синода столкнулся с еще одной, во многом неожиданной для него проблемой: система церковных школ, которая, по его замыслу, должна была развиваться естественным путем, уже в процессе своего создания начала неуклонно бюрократизироваться, обретая пугавшие его черты «механизма», «машины». Представление о самопроизвольном росте церковных школ, на который Победоносцев возлагал столь большие надежды, во многом оказалось утопией. Чтобы обеспечить системе вновь заводимых учебных заведений хотя бы внешнюю целостность, властям духовного ведомства пришлось скреплять ее сетью административных органов, наращивать этажи управленческого аппарата. В 1885 году для управления церковными школами при Синоде был учрежден Училищный совет, которому подчинялись соответствующие епархиальные советы с наблюдателями, а в 1888-м им в помощь созданы уездные училищные советы с окружными наблюдателями. Все подобные учреждения просто не могли функционировать иначе, нежели на бюрократических началах, и Победоносцев вынужден был это констатировать. «Епарх[иальные] советы, — сообщил он Рачинскому в 1897 году, — стремятся во многих местах вступать в роль бюрократического начальства и над уезд[ными] отделениями, и над наблюдателями... Располагают переписку, сидят на формальностях. Иные Епарх[иальные] советы складываются на манер консисторий»^{384}.

Стремясь сохранить «живой», «неформальный» характер церковной

школы для народа, Победоносцев, как мог, сопротивлялся бюрократизации находившейся под его руководством системы. Он, как отмечалось выше, старался как можно чаще ездить по стране, непосредственно знакомиться с ситуацией на местах, находить и поощрять отдельных усердных деятелей, надеясь, что их пример постепенно вдохнет в систему живой дух. Характерной была реакция обер-прокурора на начавшееся с середины 1890-х годов выделение действительно крупных — по несколько миллионов рублей в год — государственных ассигнований на начальные школы духовного ведомства (это решение было принято под влиянием министра финансов С. Ю. Витте, видимо, надеявшегося таким образом укрепить контакты с Победоносцевым и тем самым усилить свои позиции в правительстве). Глава духовного ведомства воспринял эту инициативу, казалось бы, полностью соответствовавшую его интересам, весьма настороженно, ибо она, с его точки зрения, неизбежно должна была усилить формализм школьного дела. «Теперь, — сокрушался он в письме Рачинскому, — нам с нашими школами угрожает... машинное производство. Выпросили деньги (ах, эти деньги) — люди же на них повсюду машины устраивают... Но вместе с тем — не пропадет ли правда?»^{385}

По сути, вся деятельность Победоносцева на поприще начального образования являла собой грандиозную попытку изжить наиболее одиозные стороны народной «темноты», не разрушив в то же время драгоценную, но чрезвычайно хрупкую «простоту» народных масс. Для этого требовалось уберечь от натиска времени те начала, которые консервативный сановник считал воплощением цельности, «естественности», в которых видел противовес «формализму», искусственному характеру цивилизации. В конечном счете подобные попытки были обречены на провал, однако выявилось это далеко не сразу. В количественном плане дело развития церковного начального образования двигалось успешно, и Победоносцеву, как и многим его современникам, вполне могло казаться, что реализация его планов не за горами. Однако под покровом внешних успехов накапливались противоречия, постепенно подрывавшие начинания обер-прокурора и в церковной, и в общеполитической сферах.

Глава пятая

ВРЕМЯ КОНФЛИКТОВ

Во главе духовного ведомства

Вторую половину 1880-х годов можно назвать апогеем влияния обер-прокурора и на правительственную политику, и, в известной степени, на общественную жизнь. Победоносцев продолжал пользоваться значительным авторитетом в глазах царя, а облик общества, казалось, неуклонно перерождался под влиянием идей, которые считал необходимым внедрять благочестивый глава духовного ведомства. Росли численность духовенства и количество церковных школ для народа, строились новые храмы и основывались монастыри, создавались братства — союзы клириков и мирян с просветительскими и благотворительными целями. По стране прокатилась волна масштабных церковно-общественных празднеств, влияние деятельности духовного ведомства чувствовалось и за рубежом — на Балканах, на Ближнем Востоке и в других регионах. Будучи связаны в первую очередь с официальной сферой, эти явления и процессы отчасти опирались и на изменения в сфере общественной — рост консервативных настроений, усиление внимания к Церкви. «Время для делателей на ниве Божией было на редкость благоприятное, — писал об этих годах историк и современник событий Стефан Григорьевич Рункевич. — Все интересовались церковными делами, вместе со знакомством с Церковью повысилась религиозность... само духовенство как-то воспрянуло»^{386}.

Стремясь активизировать деятельность Церкви, усилить ее влияние на жизнь общества, Победоносцев, разумеется, не мог обойтись без содействия административных структур духовного ведомства, прежде всего — Святейшего синода. Высший церковный орган управления, учрежденный еще в 1721 году после отмены патриаршества, официально считался постоянно действующим церковным собором, на деле же представлял собой бюрократическую структуру. Члены Синода, высшие духовные лица, вызывались к присутствию и увольнялись из него по повелению монарха. В руках представителя светской власти, обер-прокурора, первоначально призванного лишь контролировать законность

решений Синода и определять их соответствие интересам государства, к середине XIX века сосредоточилась основная часть управленческих функций в рамках духовного ведомства. С 1830-х годов Синод располагался в величественном здании на Сенатской площади, перестроенном по проекту Карла Росси, составляя единый комплекс со зданием Сената, с которым был соединен триумфальной аркой. Окруженное внешним почетом, в реальности духовное ведомство всё в большей степени превращалось в ширму, скрывавшую всевластие светского чиновничества, из-за кулис руководившего церковными делами и державшего духовную иерархию под жестким контролем.

Нет необходимости объяснять, какой ущерб такое положение дел наносило Церкви. Деятельность высшего церковного управления, призванного быть для верующих непререкаемым духовным авторитетом, постепенно приобретала формальный характер, бюрократизировалась. Сам же этот орган, а вместе с ним и церковные иерархи утрачивали влияние на общество. Среди архиереев росло недовольство своим принижением, по сравнению со светской бюрократией, положением, в том числе и тем, что многие из занимавших пост обер-прокурора позволяли себе весьма бесцеремонно обращаться с иерархами. К концу XIX века не было недостатка в проектах, нацеленных на преобразование церковной системы управления, в том числе и исходивших от близких по духу к Победоносцеву славянофилов. Предполагалось перестроить эту систему на началах выборности, самоуправления и децентрализации, свести функции светской бюрократии исключительно к надзору за законностью действий духовной иерархии. Константин Петрович, всей душой преданный Церкви, тем не менее в силу своего консерватизма настороженно относился к проектам преобразования ее управленческих институтов. И всё же после назначения Победоносцева в духовное ведомство у архиереев, наслышанных о его благочестии, возникли надежды на изменения к лучшему: возможно, новый обер-прокурор именно благодаря собственной религиозности сможет решить застарелые церковные проблемы.

По словам одного из видных духовных деятелей, архиепископа Тверского Саввы (Тихомирова), Победоносцев в 1880 году «встретил во всех слоях общества самое живое горячее сочувствие; во весь голос превозносили его похвалами во всех отношениях и все ожидали от его просвещенной и вполне христианской деятельности на новом поприще самых благих плодов»^{387}. Однако влияние факторов, благоприятствовавших начинаниям нового обер-прокурора, довольно быстро исчерпалось. Связано это было в том числе и с последствиями

действий самого обер-прокурора, утопичностью многих его идейных установок, касавшихся как вопросов управления духовным ведомством, так и других направлений государственной и церковной политики. Может быть, наиболее отчетливо эта утопичность проявилась в его попытке придать самодержавию «живой» и «неформальный» характер собственным напряженным трудом и личным вмешательством во все вопросы, попадавшие в сферу его внимания. «Мне кажется, — замечал Половцов, оценивая управленческий стиль Победоносцева, — его самолюбию очень льстит то, что к нему обращаются по делам, не имеющим ничего общего с его официальными обязанностями»^[388].

Дело здесь было главным образом не в лести и самолюбии, хотя их значение для обер-прокурора тоже нельзя сбрасывать со счетов. Решение самых разнообразных дел, в том числе не входивших в его компетенцию, было принципиально важно для Победоносцева, считавшего, что самодержавие должно зиждиться на «небюрократических», «живых» началах; поток обращений к обер-прокурору по разным вопросам служил в его глазах доказательством успешной реализации этих принципов. В реальности же, конечно, исправить пороки сложившейся к тому времени системы управления такими методами было нельзя. Пытаясь браться абсолютно за всё, Константин Петрович оказался буквально затоплен морем людей и бумаг, вынужден был импровизировать, не мог сосредоточиться на действительно важных, крупных вопросах, что, безусловно, отрицательно сказывалось на качестве его управленческой деятельности.

Обуревавшее Победоносцева искреннее желание справиться с застарелыми проблемами государственной политики путем привлечения людей со стороны, стремление увидеть эти проблемы глазами человека честного, духовно близкого народу, пусть и не обладающего специальными знаниями, в большинстве случаев давали обратный эффект и нередко имели разрушительные последствия для государственной политики, ставили страну на грань серьезных кризисов, в том числе международных. Именно таков был результат описанного выше «дела Ашинова», в котором обер-прокурор принял непосредственное участие. «Достаточно подлой интриги мерзкого Победоносцева, — раздраженно писал по этому поводу в дневнике советник министра иностранных дел Владимир Николаевич Ламздорф, — чтобы сбить его (Александра III. — А. П.) с правильного пути и заставить броситься в какое-нибудь рискованное мероприятие»^[389].

В правительственных кругах у бывшего воспитателя императора

складывалась репутация человека странного, склонного вмешиваться в компетенцию других ведомств даже в ущерб собственному, причем мотивы этого вмешательства многим коллегам-сановникам были не очень ясны. «Своими церковными делами мало занимается, больше чужими, и часто невпопад»^[390], — записала в дневнике хорошо информированная хозяйка великосветского салона генеральша Александра Викторовна Богданович. В делах же духовного ведомства постепенно становился всё более заметен явный разлад. В хаотическом состоянии нередко пребывали даже его столичные учреждения. Сам царь, явившись дважды — в 1887 и 1888 годах — в Александро-Невскую лавру, застал там беспорядок и даже не был никем встречен. К подобным результатам, безусловно, вела присущая Победоносцеву манера заниматься всем сразу. Однако у проблем руководства Синодом были и более глубокие причины. В сущности, здесь начали выходить на поверхность заложенные в системе взглядов обер-прокурора противоречия, которые неуклонно подтачивали изнутри его программу оживления общественной деятельности Церкви.

Созданный Победоносцевым идеал «скромного труженика» провинции, пастыря и учителя, работающего «в меру сил своих» «в своем углу», не задающегося вопросами общего характера, — идеал, на котором во многом основывалась система воззрений, — был в значительной степени вымыслом, идеологическим конструктом, крайне редко встречающимся в действительности. Более или менее полно этому идеалу соответствовали два главных советника обер-прокурора в вопросах педагогики — С. А. Рачинский и Н. И. Ильминский. Однако оба деятеля — крупные ученые, профессора — ушли из мира науки, культуры, из жизни образованного общества в сферу начального образования, руководствуясь определенным идеологическим посылом, были людьми не столько «простыми», сколько «опростившимися». Что же касается основной массы провинциальных тружеников — сельских педагогов, клириков, членов их семей, — то они, как правило, были совсем не против своего подъема по социальной лестнице и приобщения к сфере высокой культуры, искусства которой пугали российского консерватора. Более того, многие из тех, кто, по Победоносцеву, «смирненно работал в своем углу», выступали и за сближение со светским обществом (по мнению обер-прокурора — испорченным, несшим в себе семена разложения), и за улучшение своего материального положения, и за расширение своих личных и общественных прав. У главы духовного ведомства все эти явления вызывали настороженность, а то и откровенное неприятие.

Вообразив себе, по словам журналиста и историка Бориса Борисовича

Глинского, «идеал пастыря Церкви, стойкого в вере, в исторических национальных традициях, скромного и тихого»^{391}, Победоносцев с большой опаской относился к перспективе улучшения материального быта таких людей, грозившей, по его мнению, разрушить присущую им простоту воззрений и образа жизни, своеобразный аскетический настрой. Активно обсуждавшиеся в прессе на рубеже 1870—1880-х годов проекты повышения оплаты труда белого (приходского) духовенства вызывали у консервативного сановника неприкрытое раздражение. «Ни к какому делу не дают приложить мерку духа, — высказывал он свое возмущение Е. Ф. Тютчевой, — ибо повсюду известна одна только мерка, пошлая, фальшивая мерка — улучшение быта!»^{392}

Еще больший гнев консерватора вызывали выступления за расширение общественных прав белого духовенства, в которых он видел недопустимые проявления «поповского самолюбия». «Надутое понятие о свободе повсюду и во всём, искаженное из духовного в материальное, — писал Победоносцев в 1879 году о газете «Церковно-общественный вестник», особо активно отстаивавшей права духовенства, — раздражение противу всего, что не подходит под это понятие, с самым легкомысленным, чудовищным обобщением выводов из сплетен и скандальных историй»^{393}. Конечно, до назначения на пост обер-прокурора и особенно до воцарения Александра III Победоносцев ничего не мог с этим поделать, но после 1 марта 1881 года для всех выступавших в защиту «поповского самолюбия» настали тяжелые времена. «Церковно-общественный вестник», в частности, оказался подчинен духовной цензуре и в 1885 году вынужден был закрыться.

Требования расширения общественных прав духовенства, переустройства внутрицерковных порядков на основе выборных и представительных институтов были неприемлемы для обер-прокурора, даже если исходили от духовно близких ему людей, в частности славянофилов. Все формы общественного устройства, хоть как-то соприкасавшиеся с ненавистной Победоносцеву демократией, обладали, с его точки зрения, столь разрушительным потенциалом, что грозили до неузнаваемости переродить и исказить облик даже самых консервативных социальных институтов, включая духовенство. «Идеалисты наши, — раздраженно писал обер-прокурор в начале 1880-х годов Е. Ф. Тютчевой о славянофилах, — проповедуют... соборное управление Церковью посредством иерархов и священников. Это было бы то же самое, что ныне выборы земские и городские, из коих мечтают составить представительное

собрание для России»^{394}.

Духовенство с точки зрения возможного участия в общественно-политической деятельности, в выборных институтах представляло собой, по мнению Победоносцева, «почву дряблую, сырую», и вверять таким людям какие-либо серьезные права в рамках системы управления значило бы полностью эту систему разрушить. Соприкосновение с институтами демократии лишь испортит духовных лиц, внесет в их среду разногласия, раздоры. «Какой сон они (славянофилы. — А. П.) видели в глубине веков о соборном самоуправлении! — возмущался обер-прокурор в письме епископу Амвросию. — Попробовали бы они хоть на неделю это самоуправление, коего зерно видят в съездах [епархиального духовенства]! Закаялись бы просить!»^{395} Руководствуясь подобными соображениями, Победоносцев на посту главы духовного ведомства не только не расширил корпоративные права белого духовенства, но и заметно их сократил. Упомянутые в письме Амвросию епархиальные съезды — органы самоуправления клира, существовавшие с 1860-х годов, — он предполагал ликвидировать, и, хотя в конце концов решил не прибегать к столь решительной мере, их компетенция всё же была существенно ограничена. Отменялась выборность благочинных — священников, надзиравших за церковными округами в составе епархии. Значительно ограничивалась возможность епархиального духовенства влиять на управление духовно-учебными заведениями.

При этом, конечно, нельзя сказать, что Победоносцев не понимал необходимости повышения роли духовенства в общественной жизни, активизации его социальной деятельности. Те духовные лица, которые, как считал обер-прокурор, достойно действовали на общественном поприще и взгляды которых соответствовали его собственным воззрениям, получали от него адресную поддержку. Однако без мер общего характера, которые обеспечили бы клиру достойный социальный статус, закрепили бы его корпоративные права, активизировать его деятельность, видимо, было невозможно. Духовенство всё чаще жаловалось на свою социальную приниженность, вяло и неохотно подключалось к мероприятиям, инициированным Победоносцевым. Последнему же оставалось лишь сетовать на пассивность священнослужителей, причин которой он, видимо, искренне не понимал. «Много тяжкого, — писал он Рачинскому, — в инерции или даже в глухом противодействии нашей духовной среды — и Боже! Какие крепкие нервы надо иметь и сколько терпения, чтобы в ней вращаться и действовать»^{396}.

Если на ограниченность своих общественных прав белое духовенство отвечало пассивным сопротивлением политике обер-прокурора, то материальное положение становилось для него предметом крайнего раздражения, а то и озлобления. Традиционный способ обеспечения клира — плата за требы — в силу ряда причин в пореформенную эпоху уже не срабатывал. Духовные лица, стремившиеся дать детям лучшее образование, повысить собственный культурный уровень, нуждались в дополнительных средствах и всё чаще жаловались на «скупость» прихожан (в основном крестьян). Последним же зачастую был непонятен смысл завышенных, с их точки зрения, запросов духовных лиц. Возможно, сгладить напряженность помогло бы назначение клиру постоянного обеспечения от прихода с введением выборности клириков прихожанами, как предлагали славянофилы. Однако для обер-прокурора этот путь решения проблемы был совершенно неприемлем. По его мнению, как дела управления церковными институтами нельзя было вверять самим духовным лицам, так и в рамках прихода решение важных вопросов невозможно было передать рядовым прихожанам. Соприкосновение с выборными, представительными механизмами немедленно вывело бы на первый план все худшие качества этого социального слоя. Немыслимо, заявлял глава духовного ведомства, допустить принцип выборности «в такую среду, где за ведро водки можно собрать какую угодно заручную, где всем на селе орудует мошенник-писарь, жид-кабатчик или мужик-миroeд»^{397}.

Проект перевода духовенства на казенное жалованье, особенно популярный среди самого клира, также воспринимался обер-прокурором без энтузиазма. Наличие казенного оклада казалось ему признаком чиновничьего статуса, что противоречило исконной патриархальной простоте и доверительности отношений между клиром и мирянами. Вообще все хлопоты об улучшении быта провинциальных тружеников Церкви воспринимались Победоносцевым как нечто избыточное, излишнее — для него бедность вовсе не была пороком, ведь она гарантировала «чистоту» и «простоту» воззрений, ассоциировалась с такими возвышенными качествами, как идеализм и подвижничество. В письмах Константина Петровича часто мелькали едва ли не идеализация материальной скудости, любование неприхотливостью провинциального быта. «В нищете, в бедности, в лишениях — вот где надо искать их (подлинных подвижников. — А. П.), а не в чиновных рангах!»^{398} — восклицал Победоносцев в письме Рачинскому. Дабы уберечь таких провинциальных тружеников от полной материальной деградации, он

использовал свой излюбленный прием — стремился отыскать и индивидуально поощрить каждого усердного работника. Прибегать же к мере общего характера обер-прокурор явно считал излишним, поскольку это якобы придаст религиозной деятельности характер «машинного производства».

Однако в рамках функционирования крупных социальных организмов, институтов общегосударственного масштаба, к числу которых, безусловно, относился приходской клир, радикально изменить ситуацию путем точечных действий было невозможно. Неизбежным становилось ее законодательное изменение, и во второй половине 1880-х годов Победоносцев был вынужден заявить о необходимости такого шага — перевода духовенства на казенное жалованье. С 1893 года на эти цели начали перечисляться ассигнования из государственного бюджета, и к 1904-му их сумма была доведена до 11 744 435 рублей. Однако решить материальные проблемы приходского духовенства таким образом было невозможно. К концу обер-прокуратуры Победоносцева дотации от казны получали лишь около 60 процентов клириков, причем на причт (священно- и церковнослужителей) каждого храма приходилось в среднем около 430 рублей, что было совершенно недостаточно для сколько-нибудь обеспеченного существования^{399}.

Ситуация осложнялась тем, что многие инициированные Победоносцевым начинания — развитие проповедничества и миссионерской деятельности, учреждение церковных школ для народа и др. — ложились всей тяжестью именно на приходское духовенство, требуя от него значительно более напряженного труда, почти не стимулировавшегося материально. Духовенство отвечало пассивным сопротивлением, которое обер-прокурор пытался переломить прямыми административными предписаниями, наказаниями, ужесточением дисциплинарных мер, что, в свою очередь, вызывало еще более негативную реакцию со стороны клириков. Таким образом закручивалась спираль взаимного недовольства. Многие современники отмечали, что за внушительным официальным фасадом церковной политики, проводимой Победоносцевым, всё чаще скрывалась крайне неприглядная реальность. «Говоря во всеподданнейших отчетах в возвышенных выражениях о Церкви Божией и ее служителях, — писал А. Ф. Кони, — он (Победоносцев. — А. П.) допускал существование условий, в которых росли среди духовенства чувства обиды и ненависти к светской власти»^{400}. Неудивительно, что в 1905 году, когда в России разразится

революция и власть обер-прокурора ослабнет, белое духовенство (по крайней мере, его столичная верхушка) немедленно выступит против режима Победоносцева и потребует переустройства внутрицерковных порядков именно на тех началах, которые он отрицал.

Сталкиваясь с недовольством массы рядовых клириков, обер-прокурор постепенно втянулся и в конфликты с архиереями, хотя к этой части церковной иерархии он поначалу относился с гораздо большим пиететом, чем к белому духовенству. Если последнее у обер-прокурора попадало (нередко небезосновательно) под подозрение в стремлении к «обмирщению», расширению своих корпоративных прав путем введения элементов самоуправления, то архиереи уже в силу своего монашеского статуса были, по мнению главы духовного ведомства, невосприимчивы к подобным соблазнам. «Владыки» в глазах Победоносцева являли собой воплощение начал власти, церковности, аскетизма и строгой иерархической дисциплины — всего того, что противостояло индивидуализму, самомнению и погоне за материальными благами, охватившим, с его точки зрения, пореформенную Россию. Именно к архиереям отошло большинство компетенций, которых в процессе проведенных по инициативе Победоносцева преобразований лишились приходское духовенство и корпорации духовно-учебных заведений: выборы благочинных, созыв епархиальных съездов, определение их состава и повестки дня, назначение большинства начальствующих лиц и решение ключевых вопросов по управлению духовными академиями и семинариями. На должности ректоров духовно-учебных заведений при Победоносцеве начали назначаться преимущественно монахи, с 1883 года прекратилось присутствие в Синоде представителей белого клира^[23].

Расширяя власть иерархов над белым духовенством и духовно-учебными заведениями, обер-прокурор осуществил ряд мер для укрепления их позиций. Наиболее решительным шагом в этом направлении был созыв архиерейских соборов, который ранее отвергался светской бюрократией как недопустимое покушение на основы системы церковно-государственных отношений, введенной в России при Петре I. В 1884 году по инициативе Победоносцева состоялись съезды епископов в Киеве и Санкт-Петербурге, спустя год — в Казани и Иркутске. Предметами обсуждения на них служили главным образом вопросы активизации миссионерской деятельности, борьбы с иноверием и религиозным инакомыслием.

Созыв архиерейских соборов встревожил представителей светской бюрократии, увидевшей в нем «клерикальные» тенденции и едва ли не

попытку подчинить государство Церкви. Министр внутренних дел Дмитрий Андреевич Толстой, ранее в течение долгого времени занимавший пост главы духовного ведомства, негодовал по поводу окружного послания Киевского собора, которое начиналось словами «Божьей милостью», но ни слова не говорило о царской власти. «Победоносцев — делегат попов или, правильнее, монахов, перед правительством, а не правительства у духовной власти, — заявил Толстой. — Не так определяется власть синодального об[ер]-прокурора в Духовном регламенте»^{401}. Во многом по настоянию архиереев Победоносцевым было принято большинство мер, нацеленных на подчинение церковным нормам быта, нравов, повседневной жизни. Подобные тенденции, вместе с проглядывавшими в облике обер-прокурора «монашескими» чертами, его страстью к произнесению речей-проповедей побуждали многих современников видеть в нем не просто правительственного чиновника, а некоего неформального главу церковной иерархии, едва ли не «русского папу», претендующего на особое положение в рамках системы церковно-государственных отношений. Что же касается самих архиереев, то в их среде политика Победоносцева вызвала поначалу самое жаркое одобрение, однако вскоре между ними и обер-прокурором начали нарастать разногласия, а затем и открытая неприязнь. С чем это было связано?

Прежде всего, следует отметить, что епископы, почувствовав рост внимания к ним со стороны государственной власти, немедленно начали требовать всё большего расширения своих полномочий, заявляя, что им надо дать право самостоятельно распоряжаться государственными средствами, ассигнованными на жалованье духовенству их епархий, формировать свой управленческий аппарат без контроля сверху. Некоторые епископы требовали ввести систему митрополичьих округов с автономным управлением. Подобные предложения, грозившие подорвать основы сложившейся в России со времен Петра I синодальной системы, испугали Победоносцева, и он начал ограничивать активность чересчур, с его точки зрения, активных епископов: без объяснения причин удалять их из Синода, пресекать их общение с царем.

Защита Победоносцевым основ синодальной системы, противоречившая, казалось бы, его многочисленным апелляциям к самобытным началам русской истории, в том числе и к допетровской старине, не была случайностью. При всём своеобразии его церковно-политической концепции он всё-таки был не «русским папой», а государственным чиновником и поступиться прерогативами светской власти не мог. Однако дело было не только в чиновничьем статусе

Победоносцева. Крайне скептически относясь к свойствам человеческой натуры, к возможности всякой самостоятельной, неподконтрольной деятельности, консервативный сановник должен был распространить подобный подход и на архиереев — самую, казалось бы, духовно близкую ему группу служителей Церкви. «Владыки» в его представлении в конечном счете ничем не отличались от остального русского общества — незрелого, нуждающегося в постоянной опеке и указаниях. Они ни в коем случае не могли действовать без внешнего руководства, были неспособны сами защитить себя от натиска извне и, получив свободу, попросту погубили бы себя, не сумев воспользоваться ею. По словам Победоносцева, относительный мир в Синоде царил только благодаря обер-прокурору. Освободившись же из-под его опеки, архиереи немедленно начали бы «изводить друг друга наветами, интригами и враждой» и попали бы, «уже незаконно, под длительную опеку — всякой власти, всякого министра и губернатора, под опеку каждого ведомства, под опеку бесчисленных газет и журналов»^{402}.

Предоставленные иерархам в 1880-е годы привилегии, в частности право собираться на соборы, во многом оказались — и это вскоре стало ясно им самим — фикцией, фасадом, за которым скрывалось традиционное всевластие обер-прокурора. Искренне не понимая необходимости сопоставления разных точек зрения, коллективного обсуждения принципиально важных вопросов, Победоносцев стремился ограничить задачу архиерейских соборов выявлением тех способов и средств, с помощью которых будут осуществлены им самим заранее намеченные цели. Так, при организации Киевского собора он жестко определил повестку дня (принятие пастырского послания о сектантстве), отвергнув все попытки архиереев поставить вопросы более общего характера: об отношении к иноверию (католицизму), о взаимоотношениях православной паствы и духовенства и уж тем более об основах синодальной системы. Внешне обер-прокурор своей цели добился — по словам одного из участников собора, близкого к Победоносцеву архиепископа Херсонского Никанора (Бровковича), архиереи в ходе собора обсуждали церковные проблемы, «заботливо обходя, к счастью, устройство Св[ятейшего] Синода и вообще устройство управления русской Церковью»^{403}. Однако результаты такого обсуждения оказались ничтожны: подготовленное архиереями послание, по словам самого обер-прокурора, ограничивалось общими местами и перекладывало всю ответственность в сфере борьбы с сектантством на светскую власть и высшее церковное управление. Вскоре

Победоносцеву стало ясно, что его замысел архиерейских соборов закончился неудачей, и после 1885 года их созыв прекратился.

Сталкиваясь с нежеланием обер-прокурора вернуть им реальную власть, расширить их управленческие прерогативы, архиереи, как и белое духовенство, перешли к тактике пассивного сопротивления начинаниям Победоносцева, что вызвало у него недоумение, раздражение, а затем и сильнейший гнев. Стремясь сломить сопротивление церковных иерархов, обер-прокурор вел себя с ними всё более бесцеремонно — переводил из одной епархии в другую без объяснения причин, удалял из Синода, подвергал негласному контролю со стороны своих доверенных лиц.

Порой свою неприязнь к епископам обер-прокурор проявлял в открытых и даже скандальных формах. В разговорах с сановниками, общественными деятелями он не скупился на крайне резкие отзывы об иерархах, не стеснялся порицать их даже в присутствии духовенства их епархий. А. Ф. Кони вспоминал, как провинциальному архиерею, желавшему продлить отпуск в столице для лечения, глава духовного ведомства при всех громко заявил: «А вы бы, владыко, лучше ехали домой в свою епархию. Ну чего вам здесь оставаться. Ведь в карты-то играть и там можно!»^{404} В свою очередь, среди архиереев нарастало недовольство не только самим обер-прокурором, но и всей олицетворяемой им системой церковно-государственных отношений.

Неуклонно накалявшуюся атмосферу системы церковного управления к тому же подогревал зревший в среде преподавателей духовно-учебных заведений протест против ограничения их корпоративных прав, стеснения свободы научного поиска. Еще более резкие формы обретало недовольство семинаристов; его отражением стали участвовавшие волнения в духовно-учебных заведениях, постоянно обнаруживаемые там проявления политической неблагонадежности. В 1890-е и особенно в начале 1900-х годов волнения в духовной школе приобрели характер эпидемии. «С семинариями плохо, — жаловался Победоносцев в письме Рачинскому в 1895 году. — А крепкие люди точно вывелись, и власть меняется постоянно»^{405}.

Результатом политики, проводившейся Победоносцевым, стало нарастание тесно переплетавшихся глубинных противоречий, которые неизбежно должны были выйти на поверхность в период глобальных социально-политических потрясений. Так и произойдет в годы революции 1905–1907 годов, причем описанные выше конфликты дополнятся теми, которые будут связаны с действиями главы духовного ведомства в

отношении иноверия и религиозного инакомыслия.

«Великий инквизитор»

Пожалуй, взаимоотношения с представителями иноверия и религиозного инакомыслия стали той сферой, где воззрения обер-прокурора столкнулись с реальностью в наиболее резкой и болезненной форме, что повлекло за собой последствия, особенно разрушительные для основ российского социального и политического порядка. Известия о религиозных преследованиях, широко распространявшиеся в России и за рубежом, способствовали складыванию на рубеже XIX–XX веков образа самодержавной государственности как режима исключительно репрессивного, подвергавшего подданных самым изощренным гонениям, в том числе за религиозное инакомыслие. За самим же Победоносцевым вследствие этого закрепилась репутация человека крайне жестокого и безжалостного, фанатика, «великого инквизитора».

Для подобных умозаключений имелись основания. Глава духовного ведомства действительно проявлял упорство в проведении вероисповедной политики, отстаивал ее буквально до последних моментов пребывания у власти и в большинстве случаев отказывался идти на уступки даже тогда, когда это было выгодно ему по тактическим соображениям. Ничто не могло поколебать «русского Торквемаду» — ни ссылки на обострение социально-политической ситуации в стране, ни указания, что своими действиями он лишь подрывает основы того режима, который взялся защищать.

Чем же объяснялась столь бескомпромиссная позиция, в большинстве случаев действительно шедшая вразрез с интересами самодержавия в долгосрочной перспективе?

Одна из причин носила доктринальный, мировоззренческий характер: признание свободы совести грозило обрушить всю идейно-политическую конструкцию, лежавшую в основе действий Победоносцева. По его мнению, «простые люди», воззрения которых служили наиболее прочной основой традиционного государственного порядка России, именно в силу своей «простоты» оказались бы беспомощны перед натиском иноверных пропагандистов, если бы деятельность последних не возбранялась. Будучи неспособны отделить религиозное от государственного и национального, простолюдины, отпав от православия, немедленно превратились бы во врагов Российского государства и русской народности. Подобные соображения заставляли Победоносцева изо всех сил сопротивляться

введению в России свободы совести.

Но дело было не только в этом. Можно предположить, что консервативный сановник в силу особенностей своего мировосприятия, вынесенного из родительского дома интеллектуального багажа до конца не понимал всей глубины причин, вызвавших развитие религиозного инакомыслия в пореформенной России, объясняя его просто — злонамеренными происками врагов господствующей Церкви и «темнотой» народных масс, в то время как в реальности оно было обусловлено значительно более серьезными факторами — сдвигами в фундаментальных основах российского жизнеустройства, последовавшими после Великих реформ.

Характерным было отношение обер-прокурора к так называемой пашковщине — близкому по духу к баптизму религиозному течению рационалистического толка, распространявшемуся с 1870-х годов сначала в столичном высшем свете (возглавлялось богатым аристократом, отставным полковником Василием Александровичем Пашковым), а затем и среди простолюдинов нечерноземных губерний. В глазах Победоносцева пашковщина — впрочем, как и другие виды инаковерия — являла собой «нечто в роде одностороннего помешательства»; ее вожди, не знающие «ни своей веры, ни своего народа», взялись пропагандировать еретическое учение, не стесняясь «подкупать бедный народ подарками и материальными пособиями». В результате «они развели уже в разных губерниях, по городам и в особенности по селам, или узких невежественных фанатиков, ругающихся над Церковью... или толпу лицемеров промышленников, которые, не ценя вообще веры какой бы то ни было, притворством нанимаются в службу Пашкова в виде его агентов и разносят отрицательные учения в невежественной среде, которую вообще нетрудно смутить баснями всякого рода»^{406}.

Отпадение от господствующей Церкви, доказывал Победоносцев, неизбежно ведет и к протесту против государства, потере политической благонадежности, в какие бы внешне традиционные формы религиозное инакомыслие ни облекалось. Именно такая судьба, считал обер-прокурор, и постигла старообрядчество — самое старое и массовое направление русского инаковерия, которое во второй половине XIX века переживало заметный рост и к компромиссу с которым склонялись многие представители российского консерватизма, в частности близкие Победоносцеву по духу славянофилы. Под покровом внешней приверженности историческим традициям, заявлял глава духовного ведомства, в среде старообрядчества давно развиваются низменные

тенденции, превратившие его в орудие политической оппозиции. «Простые люди из раскола и не подозревают, — писал он Е. Ф. Тютчевой, — что во главе их становятся, с одной стороны, мужики-кулаки, преследующие личные свои цели властолюбия и своекорыстия, с другой стороны — журналисты... Кто вопиет о свободе раскола? Люди, не скрывающие своих задних мыслей — произвести смуту и бросить в народ демократические тенденции»^{407}.

Близость и даже идентичность основных течений старообрядчества по вероучению, обрядности и иерархии к господствующей Церкви, привлекавшая к нему симпатии славянофилов, вовсе не была достоинством в глазах Победоносцева, а, напротив, лишь усугубляла исходившую от инаковерия опасность, должна была привести к особенно разрушительным последствиям в случае провозглашения в России свободы совести. Что произойдет, вопрошал обер-прокурор, если «наряду с нашим архиереем... среди народа» явится «в том же облачении и с той же обстановкой — их самозванец архиерей, взятый из простых мужиков и выбранный мужиком-крикуном? Народ не отличит тогда законного от незаконного — и будет великая смута»^{408}. Стремление некоторых представителей верхов заключить в начале 1880-х годов своего рода союз со старообрядчеством, использовать его консервативный потенциал для борьбы с революцией (в частности, создать из старообрядцев так называемую охранную стражу — проект, с которым носилась Священная дружина) вызывало резкий протест Победоносцева. «Их сегодня ласкают, — возмущенно писал он Каткову, — не замечая, какие задние мысли таятся у вожаков и их ходатаев, заключивших союз с нашей либеральной партией»^{409}.

Руководствуясь подобными соображениями, Победоносцев, едва вступив на пост обер-прокурора, развернул натиск на инаковерие буквально по всем направлениям. Уже в мае 1880 года он добился созыва особого правительственного совещания, которое постановило запретить пашковцам устраивать религиозные собрания и вести благотворительную деятельность, приняло решение конфисковать изданную ими литературу. Лидеры движения Пашков и граф Модест Модестович Корф, попытавшиеся в 1884 году собрать в Петербурге общероссийский съезд представителей различных ветвей инаковерия, были по настоянию Победоносцева высланы за границу, и обер-прокурор бдительно следил, чтобы они не смогли вернуться в Россию.

Глава духовного ведомства всячески стремился сбить ту волну выступлений с требованием расширения свободы совести, которая

поднялась в начале 1880-х годов и явилась одним из отзвуков общественно-политического кризиса. Конечно, нельзя сказать, что Победоносцев добился всех поставленных целей. Он, в частности, не смог предотвратить принятие давно готовившегося закона от 3 мая 1881 года, несколько расширявшего права иноверцев, однако постарался ограничить его применение путем принятия разного рода подзаконных актов. О дальнейшем расширении прав представителей религиозного инакомыслия речь, разумеется, уже не шла. При участии Победоносцева в 1883 году была сорвана попытка наиболее крупного течения в старообрядчестве, так называемых поповцев, добиться разрешения на распечатывание алтарей в храмах Рогожского кладбища — их московского центра (подобная мера означала бы важный шаг в сторону признания религиозного равноправия раскольников). В начале 1890-х годов обер-прокурору удалось остановить готовившееся признание старообрядческой иерархии Константинопольской патриархией.

Важнейшим направлением деятельности обер-прокурора стало создание вокруг старообрядцев своего рода информационного и социального вакуума. Через цензуру и Министерство народного просвещения он пресекал организацию выступлений, выход в свет изданий, подготовленных представителями «старой веры» или выражавших им сочувствие. Царь, наследник престола, министры ни в коем случае не должны были встречаться со старообрядцами. Если подобные встречи намечались, Победоносцев буквально обрушивал на своих высокопоставленных адресатов требования избегать всяких контактов с представителями инаковерия, опасаясь, что те используют слова, неосторожно сказанные официальными лицами, в своих интересах.

Наряду со старообрядцами объектами преследований Победоносцева становились, разумеется, представители иных направлений религиозного инакомыслия. Так, в 1894 году он настоял на принятии специального постановления Комитета министров, призванного резко ограничить деятельность так называемых штундистов — течения баптистского толка, близкого по духу к пашковщине. Согласно постановлению, штунда объявлялась «наиболее вредной сектой», ее последователям воспрещалось проводить молитвенные собрания.

Репрессии против религиозных лидеров, препятствия легализации инаковерия, ограничения религиозной деятельности различных его течений — все эти меры, по мысли Победоносцева, должны были ограничить злонамеренное и своекорыстное влияние верхушки иноверцев на массу их рядовых сторонников, дать возможность властям провести с этой массой

разъяснительную и просветительскую работу. Обер-прокурор был глубоко убежден, что, если рядовым последователям инаковерия, которых «дурачат» их вожаки, внятно разъяснить их неправоту, инаковерие падет само собой. Очень важное значение, по мнению сановника, имело вовремя сказанное и правильно составленное заявление, с которым должен был выступить авторитетный церковный орган. Именно такой эффект, с точки зрения Победоносцева, должно было, в частности, произвести пастырское послание к старообрядцам, принятое архиерейским собором в Казани в 1885 году. «Акты эти, — писал он царю, — составляют поистине событие в русской Церкви и, без сомнения, возбудят всеобщий в народе интерес и произведут благотворное впечатление»^{410}.

Чрезвычайно большое значение консервативный сановник придавал организации публичных диспутов — «собеседований» официальных миссионеров с представителями инаковерия, в ходе которых должна была раскрыться ошибочность основ религиозного инакомыслия. Вести такие «собеседования», по мнению Победоносцева, должны были в первую очередь «простецы» — простолюдины-начетчики, которым особенно хорошо удавалось добираться до глубин народного сознания. Сам же народ, считал обер-прокурор, относился к подобным «собеседованиям» и вообще ко всей организованной для него разъяснительной деятельности с величайшим вниманием. Так, когда в 1886 году было решено организовать в Санкт-Петербургской духовной академии диспут между официальным миссионером (одним из типичных патронируемых Победоносцевым «простецов») Ксенофонтом Крючковым и видным представителем старообрядчества Арсением Швецовым, известие об этом, по заявлению главы духовного ведомства, само по себе произвело на народ колоссальное впечатление. «Без всяких объявлений, — писал Победоносцев царю, — по одной вести из уст в уста собирались в академию громадные толпы народа». Эффект, по его словам, был именно таким, на который рассчитывали организаторы: Швецов «потерпел поражение во всех своих аргументах в виду раскольников... и к полному восторгу православных, которые в этом споре научились сами, что им отвечать раскольникам в самых основных понятиях о Церкви, об иерархии, об обрядах».

Обер-прокурор утверждал, что «по всей России, несомненно, разносится весть» об этом диспуте, что он «служит предметом толков повсюду, в лавках между купцами и рабочими, в трактирах и конных вагонах»^{411}. В его переписке, в церковной журналистике, в официальных изданиях духовного ведомства встречается немало схожих упоминаний о

благодетельном воздействии, которое оказывают и на инаковерцев, и на православных меры просветительно-разъяснительного характера: «собеседования», проповеди, распространение массовых изданий для народа. Безусловно, сам Победоносцев глубоко верил в их действенность и энергично способствовал максимально широкому их применению. Между тем говорить о каком-то заметном ослаблении инаковерия в России не приходилось. Реальность всё чаще демонстрировала, что двуединая программа — репрессии против вожаков и просветительские меры, — которую «всероссийский наставник» считал ключом к преодолению российского разномыслия, на практике оказывалась недееспособной.

Подобный результат был вызван прежде всего тем, что и недавно возникшие направления инаковерия — пашковщина и штунда, и тем более давно существующие его течения (старообрядчество, традиционное русское сектантство) уже превратились — или быстро превращались — в самостоятельные религиозные деноминации со своей системой воззрений, мироощущением, внутренней структурой, и попытки «разъяснения неправоты» не могли иметь решающего значения. Кроме того, совместить начинания просветительского характера с репрессиями оказалось крайне затруднительно. Поскольку последние реализовать было проще, то очень часто вероисповедные кампании «сползали» в сторону принуждения, хотя глава духовного ведомства пытался, как мог, предотвратить подобный результат. Его письма архиереям и прочим духовным лицам полны призывов не полагаться исключительно на поддержку со стороны полиции и начальства, а активнее прибегать к духовному воздействию. «Многие несут наказания от судов и высылаются административным порядком... — писал в 1893 году Победоносцев архиепископу Полтавскому Илариону (Юшенову) относительно штундистов. — Но эти меры составляют лишь вспомогательное средство... Главное лекарство против штунды надо искать в Церкви. К сожалению, однако, во всех почти епархиальных донесениях о штунде пишется о формальных увещаниях да об административных мерах, но не видно исследования о том, каков священник на приходе и как он действует»^{412}.

Проблемы, встававшие перед Победоносцевым в сфере борьбы против инаковерия, были связаны не только с недостаточной активностью духовных властей, но и с тем, что власти гражданские, в руках которых находился меч государственных репрессий, очень часто вовсе не спешили пускать его в ход. Задачи вероисповедной борьбы были им чужды, средств для эффективного ее ведения не было, а отвечать за волнения и беспорядки, непременно возникшие бы после начала религиозных гонений, пришлось

бы в первую очередь им, а не главе духовного ведомства. В результате в течение долгого времени гражданские администраторы и в центре, и на местах на призыв обер-прокурора активизировать натиск на инаковерие отвечали отговорками. «К сожалению, — писал в 1880 году Победоносцев Игнатьеву, — ни гражданская наша администрация, ни духовная не делают дела как следует»^[413]. К концу 1880-х годов ему всё же в определенной степени удалось подчинить гражданскую администрацию своему влиянию, в том числе путем изменения ее состава. Однако тогда с протестом против политики Победоносцева выступил Сенат — орган, в задачи которого входил (особенно после Судебной реформы 1864 года) контроль за точным соблюдением начал законности.

Столкновение главы духовного ведомства с Сенатом со всей очевидностью показало, насколько сильно сложившиеся к концу XIX столетия общественно-политические, административные, правовые реалии противоречили практике религиозных гонений, и продемонстрировало, что поставленная обер-прокурором цель утверждения идеологической монолитности общества была фактически недостижима без ликвидации этих реалий. Гонения на инаковерующих было сложно организовать в том числе и потому, что закон от 3 мая 1883 года всё же предоставлял им определенные права, а Сенат (прежде всего его уголовно-кассационный департамент, во главе которого с 1885 года стоял бывший ученик Победоносцева А. Ф. Кони) требовал строгого его соблюдения. В частности, в течение 1880-х и в начале 1890-х годов Сенат кассировал решения судов и местных властей о закрытии молитвенных собраний штундистов, поскольку по упомянутому закону они имели право устраивать такие собрания. Возмущенный обер-прокурор в обход существовавшего порядка добился, чтобы решения Сената не были опубликованы в официальном издании — «Правительственном вестнике» и, таким образом, не повлияли на действия местной администрации. Однако, по мнению самого главы духовного ведомства, это не улучшило ситуацию кардинальным образом, а потому в 1894 году он, как отмечалось выше, настоял на принятии особого положения, прямо запрещающего штундистам религиозные собрания.

Принятое положение, казалось бы, позволило продвинуться по пути борьбы с инаковерием, однако вслед за решенными вопросами сразу возникло множество новых. Выявилось, что имевшиеся в распоряжении светской администрации приемы и средства были слишком грубы, чтобы «ухватить» такую зыбкую нематериальную субстанцию, как инаковерие. Что считать молитвенным собранием? Кого именно причислять к

штундистам? Дело в том, что последние по вероучению были очень близки к баптистам — признанному в России вероисповеданию, под действие положения 1894 года не подпадавшему. Победоносцеву и властям духовного ведомства приходилось идти на разного рода ухищрения, чтобы придать закону максимально растяжимый характер. Вызываемые в суд эксперты от духовного ведомства стремились причислить к штунде вообще всех инаковерующих, но Сенат указал, что духовное ведомство является в подобных процессах заинтересованной стороной и заявления синодской экспертизы при отсутствии фактических доказательств принадлежности к штундизму не имеют решающего значения.

Стремясь ужесточить преследования инаковерующих, Министерство юстиции, во главе которого с 1894 года стоял единомышленник Победоносцева Николай Валерианович Муравьев, рассылало прокурорам циркуляры, предписывая толковать состав преступлений против веры в смысле, противоположном решениям Сената. По настоянию Муравьева и Победоносцева дела «о соращении в раскол», «об отпадении от православия и ересях» требовалось трактовать как дела «об оскорблении веры» — за это полагалось гораздо более суровое наказание. В 1898 году часть дел «о расколах и ересях» была изъята из ведения А. Ф. Кони и передана другим сенаторам. По словам главы уголовно-кассационного департамента, религиозные преследования «видоизменялись, как протей^[24], и, будучи поражены и раздавлены в одном месте, возникали в другом или в том же, но с другой окраской»^[414]. Безусловно, при помощи подобных ухищрений властям во главе с Победоносцевым удавалось до известной степени сдерживать развитие инаковерия. Однако нельзя в то же время не видеть, что действия обер-прокурора во многом способствовали дезорганизации работы государственного аппарата, создавали почву для произвола, нарушений законности.

Крайне негативно воспринимая характерное для пореформенной России бурное развитие инаковерия, Победоносцев с опаской относился и к исторически сложившемуся религиозному многообразию в империи, наличию в ее национальных районах большого количества неправославных исповеданий. К подобному отношению российского консерватора во многом подталкивала присущая ему неприязнь ко всякой «пестроте», отсутствию внутренней монолитности. По мнению обер-прокурора, каковы бы ни были обстоятельства вхождения того или иного народа в состав России, в переломный исторический момент и он сам, и исповедуемая им религия — в том числе под воздействием сил, направляемых извне, —

могли стать агентами дезинтеграции государства. Внешняя лояльность не должна была вводить в заблуждение. Наоборот, именно в XIX веке над целостностью государства нависла опасность. Так, усиление ислама в Поволжье и Приуралье грозило «поглотить всё население края в мусульманской культуре и татарской народности». В Сибири же и на Дальнем Востоке, утверждал консерватор, до сих пор происходит «глухая, невидимая для администрации, но сильная борьба между русским влиянием и монголо-китайской и тибетской пропагандой»^{415}.

Исходя из подобных соображений, обер-прокурор требовал максимально ограничить влияние неправославных религий, понизить их статус в рамках структур государственного управления. Безусловной ошибкой он считал состоявшееся в XVIII — начале XIX века официальное узаконение иноверных конфессий, юридическое закрепление полномочий их духовных иерархий. «Объясняется это разве тем, — писал в 1891 году глава духовного ведомства наследнику престола Николаю Александровичу, — что двигателями этого дела в канцеляриях были или немцы, или русские, не имевшие духовных связей с русским народом и его историей». Теперь же, в конце XIX века, настаивал Победоносцев, требовалось максимально избегать всего, что могло бы быть истолковано как придание государственного значения иноверию. Так, путешествуя по Сибири, наследник в районах распространения ламаизма (буддизма) ни в коем случае не должен был принимать подношений от лам, по возможности не присутствовать на богослужениях в местных дацанах (монастырях). Обер-прокурор однозначно осуждал деятельность приамурского генерал-губернатора барона Андрея Николаевича Корфа, который «ездит по дацанам, чествует хамбо-ламу (тогда как истинная политика должна клониться к постепенному его принижению)», передал ценные подарки в дацаны и даже представил хамбо-ламу к ордену^{416}.

По мнению консервативного сановника, неправославные исповедания если и могли существовать в России, то лишь на правах своего рода частных обществ, никак не связанных с государственной властью, хотя и находящихся под ее надзором. В 1883 году Победоносцев выступил против предложения бывшего кавказского наместника и председателя Государственного совета великого князя Михаила Николаевича учредить в Тифлисе за государственный счет мусульманское женское училище. «Когда, — заявлял глава духовного ведомства, — правительство русское берет на себя это дело и роль, так сказать, блюстителя за воспитанием в строго мусульманском законе — положение становится фальшивым»^{417}.

По мнению Победоносцева, в торжественных случаях не следовало оказывать государственные почести армянскому католику, несмотря на то, что его деятельность вполне соответствовала интересам российского правительства. Что касается ходатайств о разрешении преподавания в Тифлисской гимназии на армянском языке, то их, по мнению обер-прокурора, не стоило принимать в расчет. «Католикос угрожает выходом (то есть отставкой. — А. П.), — писал глава духовного ведомства Делянову. — А пусть его выходит. Если правительство слабо, оно этого убоится. Если же оно имеет твердую мысль, то от него зависит не утвердить новых выборов (католикоса. — А. П.)... А всего существеннее — взяться за церковные имения. Это будет надежная узда»^{418}.

По инициативе главы духовного ведомства и его сотрудников из числа церковных иерархов в правительстве было начато обсуждение законопроектов, направленных на ограничение автономии иноверных религий. И хотя наиболее радикальные предложения о полной отмене официального узаконения неправославных конфессий не прошли, закрепленные государственной властью права иноверия всё же были существенно ограничены.

В рамках текущей управленческой деятельности обер-прокурор бдительно следил за функционированием иноверческих религиозных организаций — в частности, в 1885 году скрупулезно контролировал подбор кандидата на должность оренбургского муфтия (духовного главы мусульман европейской части России). Претендент должен был быть «индифферентен в религиозном смысле». Однако и здесь надо было проявлять бдительность, ибо «индифферентизм религиозный иногда удобно соединяется с фанатизмом политическим или племенным»^{419}.

Попытки Победоносцева вмешиваться в жизнь иноверных исповеданий, поставить их под свой контроль касались самых разных течений иноверия, однако его наибольшее внимание и самую острую неприязнь вызывал, безусловно, католицизм.

Католическая церковь, по крайней мере со времен Польского восстания, воспринималась Победоносцевым как передовой отряд и едва ли не главное орудие натиска, направленного с Запада, и в силу этого — как наиболее злобный враг России. Папство, писал он Николаю II в 1899 году, во всём поддерживает западные государства, которые «высматривают наши болезни и хотят ими воспользоваться и, где возможно, прижать нас». В основе деятельности католической церкви лежит стремление к мировому духовному господству, прежде всего — подчинение своей власти России, и

даже смена лиц на папском престоле не может внести в эту линию никаких изменений: «...вековая политика римской курии остается та же, и каков бы ни был папа, он не властен изменить ее». В России, подчеркивал обер-прокурор, взаимоотношения с католицизмом осложнялись веками существовавшим русско-польским соперничеством: в пределах Российского государства «на Литве и в юго-западном крае масса русского народа составляет предмет исторической, донныне длящейся тяжбы между Россией и Польшей». «Это, — заявлял Победоносцев, — вопрос жизни и смерти между ними и нами: быть или не быть России»^{420}.

Считая, что компромисс между православием и Россией, с одной стороны, католицизмом и польским движением — с другой, абсолютно невозможен, Победоносцев выступал категорически против смягчения национально-религиозной политики на западных рубежах империи, к чему в начале 1880-х годов склонялся ряд высокопоставленных сановников, в частности варшавский генерал-губернатор Петр Павлович Альбединский. Бытует мнение, писал обер-прокурор Игнатьеву в октябре 1881 года, что в Польше и Западном крае^[25] «всё будто бы уже замирено и спокойно. А я думаю совсем напротив: именно теперь настает кризис дела»^{421}. Поэтому консервативный сановник методично срывал все попытки компромисса с иноверием. «В настоящее время, — заявлял он в письме министру внутренних дел Д. А. Толстому, — даже не Альбединский правит, а его канцелярия, состоящая из поляков и полякующих»^{422}. По настоянию обер-прокурора был сохранен обрусительный характер начальных народных школ в Польше и западных губерниях. Прекратилось случавшееся ранее перечисление в католицизм бывших католиков и униатов, заявлявших, что их насильственно приписали к православию. Эти и другие меры надолго обеспечили жесткую национально-религиозную политику на западных рубежах империи, содействовать проведению которой с 1883 года стал герой Русско-турецкой войны генерал-фельдмаршал Иосиф Владимирович Гурко, заступивший на место умершего Альбединского.

Занимая по этому вопросу жесткую позицию, Победоносцев в некоторых случаях всё же считал необходимым проявлять осторожность. Именно таким было поначалу его отношение к немецким элитам Прибалтийского (Остзейского) края и распространенному в этом регионе лютеранству, а также к периодически возникавшим здесь конфликтам на религиозной почве, связанным с заявлениями местных жителей — латышей и эстонцев — о желании перейти в православие. Как ни

парадоксально, подобные заявления обер-прокурор на первых порах встречал без особого энтузиазма, ибо небезосновательно усматривал в них социальную подоплеку — стремление коренных жителей выйти из-под власти немецкого дворянства. Втягиваться в эту борьбу, связанную с протестом против давно сложившейся в империи системы социально-политических отношений, ему, естественно, не хотелось. Останавливало и понимание ограниченности возможностей Русской православной церкви в крае, где давно сложился собственный социально-культурный и религиозный уклад. «С одной стороны, — описывал Победоносцев Е. Ф. Тютчевой ситуацию в Прибалтике, где он побывал вскоре после назначения на пост обер-прокурора, — богатое всякими силами... лютеранство, с другой — наши убогие, нищенские церкви и приниженность духовенства... Дивно, чем мы еще держимся: так слабы наши силы!»^{423}

Из этих соображений Победоносцев рекомендовал православному духовенству в Остзейском крае проявлять крайнюю осторожность, когда в 1883 году в связи с коронацией Александра III среди местных жителей возникло очередное движение за переход в православие. Однако надолго сохранить нейтралитет в развернувшейся вероисповедной борьбе он, разумеется, не мог. Первые же негативные отзывы местных баронов и пасторов о православии, их попытки остановить начавшееся движение заставили обер-прокурора занять гораздо более агрессивную, наступательную позицию по отношению к местным элитам. Он заявил, что считает невозможным «отдавать себя со связанными руками, и Церковь, и народность в руки иноверцам и иноземцам, смотрящим с презрением на нас и на нашу Церковь»^{424}.

Последовали жесткие ограничительные меры по отношению к местной верхушке. Принимать в православие предписывалось через три недели после прошения (а не через полгода, как требовали бароны и пасторы). Землевладельцам запрещалось взимать с православных арендаторов традиционные для этого края сборы на содержание лютеранского духовенства, вводился закон о возможности принудительного отчуждения земель на нужды Русской православной церкви. В 1885 году были восстановлены отмененные за 20 лет до этого предбрачные подписки с разноверных супругов об обязательном воспитании детей в православии. Победоносцев поддержал эту меру, заявив, что отмена подписок обратилась «в страшное орудие лютеранской пропаганды и онемечения во всех слоях общества»^{425}. Подтверждалось правило, согласно которому лица, записанные в православные метрические книги, не могли обращаться к

пасторам за исполнением духовных треб, даже если считали себя лютеранами.

Вступление властей на путь вероисповедной борьбы в крае очень быстро привело именно к тем последствиям, которых изначально боялся Победоносцев. Принятие постановлений об отмене сборов с православных арендаторов и отчуждении земель заставило власти вмешиваться в сферу поземельных и имущественных отношений, вызвало массу тяжб и споров, которые никак не помогли укреплению на местах позиций Русской православной церкви, однако способствовали расшатыванию там социального порядка. Возможность легального нарушения прав собственности, предусмотренная в законе об отчуждении земель, напугала многих российских сановников, ощутивших классовую солидарность с остзейским дворянством. Представление об отчуждении, негодовав Половцов, «написано так, что у любого помещика можно отнять любой участок земли... путем военной реквизиции... любого помещика можно выгнать из дома и вселить в этот дом православную школу»^{426}.

Объявление о восстановлении в полной мере правил о смешанных браках, требование строгого соблюдения порядка записей в метрических книгах привели к хаосу на местах. Власти начали возбуждать в большом количестве дела против пасторов, совершавших требы для формально приписанных к православию. Очень скоро количество отданных под суд пасторов стало исчисляться десятками. В некоторых приходах просто некому стало отправлять духовную службу. При этом губернское начальство стремилось трактовать действия пасторов как активное и сознательное религиозное преступление («совращение из православия»), что влекло за собой тяжелые наказания. Неудивительно, что у современников, особенно на Западе, известия о развернувшейся в Прибалтике вероисповедной борьбе вызвали в памяти эпизоды религиозных гонений давнего прошлого. Заговорили, как раздраженно заявлял сам Победоносцев, «о кострах инквизиции, о Варфоломеевской ночи, об отмене Нантского эдикта при Людовике XIV»^{427}. Не приходится удивляться и тому, что принимавшиеся российскими властями меры, получившие широкую огласку за рубежом, вызвали там волну протестов. В 1888 году с ходатайством о прекращении религиозных гонений обратилась к Александру III влиятельная международная организация протестантов — Евангелический союз. Спустя год открытое письмо Победоносцеву опубликовал в Европе пастор Герман Дальтон, бывший глава реформатской общины в Петербурге, хорошо известный в Северной столице и до начала

1880-х годов поддерживавший с обер-прокурором дружеские отношения.

По предложению царя Победоносцев подготовил и опубликовал ответ на обращение Евангелического союза, однако его аргументы мало кому в России и на Западе показались убедительными. Обер-прокурор, в частности, заявил, что Россия в силу своей особой исторической миссии (вызвана «на стражу на пути великого переселения народов») имела право на своей территории подвергать ограничениям неправославные исповедания; однако аналогичные притеснения властями Австро-Венгрии проживавших на ее территории прорусских меньшинств неизменно вызывали его гнев. Не звучали убедительно и заявления, что «нигде в Европе инославные и даже нехристианские исповедания не пользуются столь широкой свободой, как посреди русского народа». Победоносцев в данном случае имел в виду возможность исповедовать ту или иную религию уже имеющейся паствой без права ее пропаганды (прозелитизма). Однако запрет на прозелитизм, наложенный в России на все конфессии, кроме православия, в Европе в конце XIX века уже виделся анахронизмом. Наконец, стремясь нанести по остзейской верхушке решающий удар, обер-прокурор обвинил ее, ни много ни мало, в антигосударственных замыслах и политической неблагонадежности — стремлении к «абсолютному господству в целом крае», стеснении «всяких попыток к единению с общим отечеством его — Русским Государством»^{428}. Для обоснования подобных тяжких обвинений требовалось привести веские доказательства, которых у Победоносцева, естественно, не было.

Как и в случае с религиозным инакомыслием, на попрание противостояния с иноверием Победоносцеву приходилось преодолевать скрытое, но упорное сопротивление гражданских властей, вовсе не стремившихся подключаться к этой чуждой им вероисповедной борьбе. Подобное явление было заметно в Сибири и на Дальнем Востоке, в Поволжье и Приуралье. Даже в Польше генерал-фельдмаршал Гурко, поначалу настроенный оказывать духовенству всемерное содействие, постепенно стал считать, что излишне продолжать, по словам Победоносцева, «кропотливую и неприятную работу» в сфере вероисповедной политики, и предоставил ее «собственному течению»^{429}. Против религиозных гонений в Прибалтике почти открыто выступили и светские, в том числе центральные власти, даже министр внутренних дел Д. А. Толстой, один из столпов правительственного консерватизма. «Беда наша, — писал по этому поводу Победоносцев в 1884 году С. А. Рачинскому, — крайнее равнодушие М[инистерств]а внутренних] дел. В

М[инистерст]ве вн[утренних] д[ел] готовы были бы и теперь продать это дело немцам — за канцелярское спокойствие»^{430}.

Вновь, как и в случае с религиозным инакомыслием, Победоносцеву на поприще борьбы с иновением пришлось столкнуться с сопротивлением судебного ведомства — оно всячески противилось попыткам расширить масштабы религиозных преследований, придав законам растяжимый характер. Так, основываясь на точном толковании законодательства, Сенат потребовал рассматривать исполнение в Остзейском крае пасторами треб для приписанных к православию не как религиозное преступление (сворачивание), а максимум как служебный проступок, ограничил в польских губерниях и Западном крае гонения на верующих, формально приписанных к православию, но фактически исповедовавших католицизм и исполнявших католические обряды.

В некоторых случаях постановления местных властей, отмененные решениями Сената, настолько резко расходились с существующими законами, что с решениями высшего судебного органа были вынуждены согласиться и царь, и сам Победоносцев. «И что это они там делают? И чего они путают? Вот уж усердие не по разуму!»^{431} — восклицал, по словам Кони, обер-прокурор по поводу действий властей в польских губерниях и Западном крае. Однако нельзя не отметить, что это «усердие не по разуму» было следствием если не прямых указаний Победоносцева, то тех принципов, которых он придерживался в сфере вероисповедной борьбы. Очевидно также, что разворачивание этой борьбы в конкретных условиях конца XIX — начала XX века имело безусловно негативные последствия — оно сталкивало друг с другом различные правительственные ведомства, вело к нарушению принципа законности, крайне тяжело сказывалось на положении значительных масс населения, подвергавшихся преследованиям. Фактически своей политикой Победоносцев во многом подрывал основы того порядка, который стремился защитить.

«Критик, но не создатель»

Конфликты, порождаемые действиями Победоносцева в отношении иновения и религиозного инакомыслия, трения в отношениях с разными слоями духовенства, не говоря уже про общее неприятие его политики общественными кругами в России и на Западе, — всё это неуклонно

подтачивало основы влияния обер-прокурора в верхах. Безусловно, его позиции подрывала и манера вмешиваться в дела самых разных ведомств, вызывавшая у их руководителей крайнее раздражение. Однако решающий удар по политическому влиянию консервативного сановника, его авторитету в глазах царя был нанесен, когда стало ясно, что взгляды Победоносцева серьезно расходятся с правительственным курсом. Речь шла о так называемых контрреформах — мерах по переустройству введенных в 1860—1870-е годы либеральных институтов, к которому правительство Александра III приступило с середины 1880-х. К удивлению многих высокопоставленных консерваторов, Победоносцев, славившийся неприязнью к политическому наследию Царя-освободителя, встретил эти шаги настороженно.

Вопрос об отношении обер-прокурора к контрреформам был и остается для исследователей его биографии и внутренней политики самодержавия последних десятилетий XIX века одним из самых сложных. Размышлять об этом начали уже современники. Высказывалось мнение, что в отношении к контрреформам проявилась сущность природы обер-прокурора как «бюрократического нигилиста», всё подвергавшего сомнению, но бессильного что-либо сотворить. Однако с этим мнением не согласуется необычайная по масштабам и энергичная деятельность обер-прокурора в духовно-идеологической сфере, в частности на поприще развития церковных школ для народа. Предпринимались также (прежде всего, в советской историографии) попытки доказать, что Победоносцев, в сущности, был сторонником контрреформ, критикуя лишь их частные аспекты. Однако обер-прокурор наносил удар именно по важнейшим положениям, лежавшим в основе реакционных мер Александра III. Так или иначе, вопрос об отношении Победоносцева к контрреформам остается во многом открытым. Между тем очевидно, что для самого обер-прокурора эта проблема была очень важна.

«Законодательством минувшего 25-летия до того перепутали все прежние учреждения и все отношения властей, внесено в них столько начал ложных, не соответственных с внутренней экономией русского быта и земли нашей, что надобно особое искусство, чтобы разобраться в этой путанице»; «Я вижу с великой скорбью, как всё оно (чиновничество. — А. П.) постепенно развращалось, как разрушались все начала и предания долга и чести, как люди слабые, равнодушные, ничтожные заступили место крепких и нужных»^{432} — эти и подобные фразы, в изобилии представленные в переписке Победоносцева, казалось бы, не оставляют сомнений, что нововведения 1860—1870-х годов он безусловно отвергал, а

шаги к их пересмотру должен был встретить с одобрением. Об этом вроде бы свидетельствовали и предложения, с которыми обер-прокурор начал выступать сразу после воцарения Александра III. Уже в конце марта 1881 года он ходатайствовал перед царем о содействии представителям администрации (попечителям учебных округов), вмешавшимся в дела университетов, невзирая на предоставленную этим учебным заведениям автономию: «Остановить ее (смуту. — А. П.) нетрудно. Стоит только дать твердую поддержку людям порядка, которых везде много, но которые всюду обескуражены действиями министерской власти»^[433].

В сфере начального и среднего образования, по мнению обер-прокурора, следовало провести меры, фактически восстанавливающие принцип сословности, от которого также пытались отказаться в 1860—1870-е годы. «Люди низшего класса», заявлял он, должны получать «нехитрое, но солидное образование, нужное для жизни, а не для науки», не пытаться подниматься по образовательной лестнице «дальше и дальше к университетам». В подобных попытках, полагал Победоносцев, проявляется «фальшивая тяга кверху», из-за которой «отпадающие недоучки гибнут, отрываясь от среды своей». Наконец, обер-прокурор отвергал принцип выборности, на основе которого было реорганизовано управление крестьянами после отмены крепостного права, поскольку в малокультурной крестьянской среде он приводил к тому, что всё влияние на местах принадлежало «кулакам и горланам сходки». «Власть, — наставлял Победоносцев Александра III, — для того, чтобы быть властью действительной, должна носить на себе печать государства и иметь опору свою вне среды местной общественности»^[434].

В профессионально близкой ему судебной сфере обер-прокурор не ограничился общей критикой либеральных принципов, а выдвинул развернутый проект преобразований, предполагавший практически полную отмену основ судебных уставов 1864 года — всего того, за что сам он рьяно выступал в начале царствования Александра II. Опыт пореформенного развития, выявивший, с точки зрения обер-прокурора, преобладание в натуре человека негативных черт, трансформировал все принципы 1864 года в их противоположность: публичность превратила суд в спектакль ввиду «слабости нашей общественной среды губернской и уездной, при отсутствии в ней серьезных умственных интересов, при господстве в ней привычек к праздности, ищущей развлечения и сильных ощущений»; несменяемость судей полностью потеряла смысл, «ибо в нашей истории не могло образоваться донныне особое судебное сословие, крепкое знанием,

преданием и опытом и связанное чувством и сознанием корпоративной чести». Деятельность же адвокатов якобы стала нести едва ли не физическую угрозу всем участникам судебного процесса: «... терроризируют на суде и судей, и обвинителей, и свидетелей, возбуждая публику искусственными приемами, действующими на нервы».

Однозначно отрицательно оценивались обер-прокурором выборный мировой суд и присяжные, в эффективности которых он сомневался с самого начала. Все эти институты подлежали существенному ограничению или ликвидации. Функции же охраны прав и безопасности обывателей должны были, по мнению Победоносцева, выполнять не столько судебные органы, сколько администрация. Он настаивал: «Со стеснением исполнительной власти, долженствующей действовать быстро и на месте к устранению зла и к обеспечению безопасности, остались необеспеченными вовсе те самые существенные для народа интересы порядка, коих суд предполагался хранителем, но коих охранять он не в силах»^[435].

Испытывая к судебным уставам 1864 года острую, граничившую с аффектом неприязнь, руководитель духовного ведомства спустя два десятилетия выступил главным инициатором мер, нацеленных на пересмотр либеральных судебных законоположений. Под его давлением был принят закон о дисциплинарной ответственности судей (1885), ограничена гласность судебных заседаний (1887), сокращена компетенция суда присяжных (1889). Министр юстиции В. Д. Набоков, не проявлявший, по мнению Победоносцева, должной энергии в борьбе против судебных уставов, в 1885 году был смещен по его настоянию. Его преемник Николай Авксентьевич Манасеин вел себя, по воспоминаниям современников, «как приказчик» Победоносцева, и существенно продвинулся вперед в деле пересмотра судебных порядков. Эти и другие меры, а также приведенные выше высказывания обер-прокурора дали повод ряду историков называть его активным сторонником контрреформ или даже их инициатором. Однако реальность была намного сложнее.

Если оставить в стороне вопрос о судебных уставах (к которым у Победоносцева были претензии со времен его участия в правительственных комиссиях 1860-х годов), можно заметить любопытную особенность: каждый раз, когда намечался переход от общих рассуждений о необходимости «укрепления сильной власти», «борьбы со смутой» и т. д. к конкретным мерам по пересмотру законодательства 1860—1870-х годов, обер-прокурор — казалось бы, решительный и несгибаемый борец с либерализмом — начинал проявлять осторожность. Это стало очевидно уже в 1883–1884 годах, когда в верхах был поставлен вопрос о принятии

нового университетского устава, призванного отменить введенное за 20 лет до этого либеральное законодательство о высшей школе. Эта мера вроде бы соответствовала самым заветным чаяниям Победоносцева, однако он воспринял ее без всякого энтузиазма. Более того, он начал пугать инициаторов контрреформы — М. Н. Каткова, Д. А. Толстого, И. Д. Делянова — едва ли не катастрофическими последствиями: «...последует такой в деле народного образования крах, что сам виновник реформы Делянов не переживет его»^{436}. Сопrotивление обер-прокурора удалось сломить лишь после того, как проект контрреформы был вынесен на обсуждение особого совещания со специально подобранным составом сановников. Оставшись среди них в одиночестве, обер-прокурор был вынужден смириться.

История повторилась при обсуждении последующих мер из пакета контрреформ — введения должностей земских участковых начальников, призванных ужесточить надзор за крестьянским самоуправлением, и нового положения о земстве. Опять, когда дело дошло до обсуждения конкретных аспектов предстоящих преобразований, обер-прокурором овладели нерешительность и скептицизм, он начал высказывать возражения против предложенных мер, причем возражения эти, подчеркнул историк Петр Андреевич Зайончковский, касались не каких-то второстепенных аспектов нововведений, а их принципиальных основ^{437}. В случае с университетской контрреформой это был протест против расширения власти попечителя учебного округа за счет прерогатив ректора, полного отстранения преподавателей от выборов ректора, а главное — введения государственных экзаменов, с помощью которых разработчики контрреформы намеревались контролировать содержание преподавания. При разработке законопроекта о земских начальниках Победоносцев выступал против соединения в их руках судебной и административной власти, придания этому институту сословного характера (земским начальникам на местах подчинялось бы только крестьянство). Наконец, в случае с земской контрреформой удар наносился по центральной идее проекта — попытке ликвидации самостоятельных исполнительных органов земств — управ, с заменой их специально созданными бюрократическими структурами.

Надо сказать, что позиция, занятая Победоносцевым, стала крайне неприятным сюрпризом для его соратников по консервативному лагерю. Они терялись в догадках, пытаясь понять, чем же вызвано столь странное поведение обер-прокурора, и списывали его на разного рода сторонние

влияния, на проявления пресловутого «бюрократического нигилизма». Немедленно началось давление на Победоносцева, принимавшее всё более резкий характер. Так, Д. А. Толстой при обсуждении законопроекта о земских начальниках заявил, что подаст в отставку, если убедится в непримиримой враждебности обер-прокурора. В конце концов глава духовного ведомства, как и в случае с университетской контрреформой, вынужден был уступить, однако проголосовал за введение постов земских начальников, по его собственным словам, лишь потому, что не видел лучшей альтернативы и надеялся, что вскоре нововведение будет пересмотрено.

В чем заключались причины стойкой неприязни консервативного сановника к контрреформам? Почему он, рискуя подорвать свою репутацию в глазах царя, теряя связи с соратниками по консервативному лагерю, до последнего отказывался одобрить намечаемые меры и шел на это лишь после того, как у него фактически не оставалось выбора?

Одной из причин была ярко выраженная продворянская направленность этих реакционных мер, по сути, попытка возродить особое значение поместного дворянства как некой привилегированной опоры общественного порядка. Победоносцеву, ратовавшему за надсословную монархию, стороннику равенства всех слоев общества перед лицом самодержавной власти, подобные устремления казались абсурдом. Уже в конце 1890-х годов он предельно ясно выразил эту мысль в письме министру финансов Сергею Юльевичу Витте: «Создано учреждение земских начальников с мыслью обуздать народ посредством дворян, забыв, что дворяне одинаково со всем народом подлежат обузданию»^{438}. В период обсуждения нового земского положения глава духовного ведомства твердо высказался против автоматического, без выборов, включения особо состоятельных помещиков в состав земских собраний, при помощи которого авторы проекта пытались расширить социальную базу самодержавия. «Крупное землевладение, — заявлял Победоносцев в отзыве на законопроект, — само по себе далеко не представляет надежного ручательства политической благонадежности»^{439}. Эти и подобные высказывания ярко демонстрировали истинное отношение бывшего воспитателя царя к российскому «благородному сословию». Видимо, не является большим преувеличением замечание В. П. Мещерского (перешедшего к концу 1880-х годов в стан противников Победоносцева), что в период обсуждения контрреформ тот «ко всему, что соединялось с дворянством, относился почти неприязненно»^{440}.

Надо сказать, что «почти неприязненное» (или просто неприязненное) отношение к «благородному сословию» сохранится у Победоносцева до конца его карьеры. Особенно отчетливо оно проявится во второй половине 1890-х годов, когда правительство Николая II, продолжая намеченную при Александре III линию, примет целый ряд мер по материальной поддержке поместного дворянства. Обер-прокурор будет в эти годы выступать единым фронтом с Витте, резко критиковавшим продворянский правительственный курс. «Фабрикуется венец благополучия для дворян, — писал глава духовного ведомства министру финансов в 1898 году по поводу учреждения Особого совещания по делам дворянского сословия. — Ваша записка и направлена... против этой односторонней государственной заботы». «Смешно... как топорщится благородное дворянское сословие»; «дворянство-дворянство — наладила сорока Якова!»^{441} — эти и подобные саркастические замечания, которыми наполнены письма Победоносцева второй половины 1890-х годов, не оставляют сомнения в том, что к попыткам придать политике правительства односторонне сословный характер он относился крайне скептически. Собственно, этот скепсис и стал одной из причин потери обер-прокурором прежнего влияния в верхах и подрыва его репутации в глазах царя. Мысль, что именно «благородное сословие» является наиболее верной опорой престола, с конца 1880-х годов достаточно прочно утвердилась в окружении Александра III, и попытки оспорить ее не вызывали ничего, кроме раздражения и неприязни монарха.

Помимо продворянской направленности контрреформы могли отталкивать обер-прокурора и тем, что ограничение либеральных начал в системе управления сопровождалось дальнейшей бюрократизацией правительственного аппарата. У Победоносцева, сторонника «живого», небюрократического самодержавия и патриархальных методов управления, это вызывало опасения. Видимо, поэтому при обсуждении земской контрреформы глава духовного ведомства не решился поддержать полное подчинение органов местного самоуправления правительственной бюрократии, несмотря на неприязнь к выборному началу и представительным институтам. «Позволительно спросить, — писал обер-прокурор по поводу намеченной ликвидации земских управ, — для чего нужно это коренное, по мнению моему, извращение первичной мысли законодательства и восстановление в местном хозяйственном управлении именно того бюрократического начала, которого желательно было бы законодателю... избежать в нем?»^{442}

Выступления в защиту автономии провинций и местных общин, протест против сосредоточения слишком больших полномочий в руках «беспочвенной» столичной бюрократии были в XIX веке весьма характерны для западной консервативной мысли, оказавшей влияние на Победоносцева. В частности, об этом много писал Ф. Ле Пле, пользовавшийся у российского консерватора огромным авторитетом. Примечательно, что в статье о Ле Пле, над которой глава духовного ведомства работал как раз на рубеже 1880— 1890-х годов, он считал необходимым особо выделить все моменты, которые французский социолог связывал с обоснованием ограничения вмешательства центральных властей в дела местных сообществ. Община, заявлял (в изложении Победоносцева) Ле Пле, «есть истинная и законная область демократии»; необходимо освободить центральное правительство «от дел частного интереса и местной администрации, которые с большей пользой могут быть возложены на местные власти или предоставлены самим гражданам»; последние «при ежедневном соприкосновении с местными вопросами могут приобретать... привычку к управлению и мало-помалу переходить к управлению областному... и государственному»^[443].

Когда в правительстве началось обсуждение закона о земских начальниках и нового земского положения, Победоносцев прислал Д. А. Толстому один из основополагающих трудов Ле Пле «Организация семьи», явно намекая на необходимость использовать концепцию французского социолога. В письме министру внутренних дел обер-прокурор подчеркивал, что Ле Пле — «один из умнейших людей и солиднейших писателей нашего века», чьи сочинения «считаются классическими в кругу серьезных государственных деятелей»^[444].

Безусловно, построения западных консерваторов, отстаивавших приоритет традиционных, патриархальных начал в системе управления, в целом совпадавшие по духу с идеями самого Победоносцева, были важным фактором, обусловившим своеобразие его позиции в период разработки контрреформ. Однако решающую роль в определении этой позиции сыграли, видимо, фундаментальные воззрения Константина Петровича, его представления о соотношении «внешнего» и «внутреннего», «формального» и «духовного», «людей» и «учреждений».

Еще со времен реформ 1860-х годов относясь с опаской к любой законотворческой деятельности, будучи убежден, что начала общественного благоустройства не связаны с той или иной конструкцией «учреждений», а уходят корнями во внутренний мир людей, Победоносцев

просто не видел необходимости в очередном переустройстве административных и социальных институтов, пусть и проходившем на этот раз под консервативными лозунгами. Ключ к улучшению системы управления — это не бесконечные преобразования, подрывающие общественную стабильность и ведущие к непредсказуемым последствиям, а напряженная ежедневная деятельность каждого на своем месте в рамках существующих учреждений, назначение достойных людей на важнейшие государственные посты, личный контроль царя и его доверенного советника над всеми важными вопросами. «Мы, — заявлял глава духовного ведомства Рачинскому в 1883 году, — живем в век трансформаций всякого рода в устройстве администрации и общественного управления. До сих пор последующее оказывалось едва ли не хуже предыдущего... У меня больше веры в улучшение людей, нежели учреждений»^{445}.

Пытаясь донести столь важную для него мысль о соотношении «людей» и «учреждений» до тех, кто определял развитие государственного управления в России, обер-прокурор непрерывно повторял ее в беседах с высокопоставленными персонами во время обсуждения университетского устава 1884 года — первой контрреформы, которая должна была задать направление всему последующему законодательству Александра III. «[Победоносцев] постоянно возвращается к своему любимому тезису, что учреждения не имеют значения, а всё дело в людях»; «приходит Победоносцев и в течение целого часа плачет на ту тему, что учреждения не имеют важности, а всё зависит от людей»; «Победоносцев не перестает восклицать: «Нету людей! Художника нету, чтобы всё это сводить к единству!»^{446} — записывал в дневнике Половцов в 1883–1884 годах. Наконец, уже в 1888 году, спустя четыре года после принятия университетского устава, обер-прокурор счел необходимым повторить ту же мысль в письме царю: «Зачем строить новое учреждение... когда старое учреждение потому только бессильно, что люди не делают в нем своего дела как следует?»^{447}

Представляется, что именно этой установкой — «люди, а не учреждения», — а не просто повышенной настороженностью, полным отсутствием позитивной программы определялась позиция Победоносцева в отношении проводимых контрреформ. В целом с учетом системы воззрений обер-прокурора она выглядела вполне логичной. Однако для большей части современников, в том числе соратников Константина Петровича по консервативному лагерю, эта позиция оказалась совершенно непонятна, ведь, выступая с критикой контрреформ, он играл на руку

либеральной оппозиции. Сторонники контрреформ, в первую очередь совершенно не склонный к компромиссам Катков, немедленно и в жесткой форме потребовали от Победоносцева изменить отношение к мерам, предлагаемым его единомышленниками в правительстве, прежде всего Толстым и Деляновым. «Неужели, — вопрошал московский публицист в период разработки университетского устава, — гр[аф] Толстой, которому вверена самая безопасность государства, так легкомыслен... внес в государственный совет проект закона, исполненный таких чудовищных несообразностей, что Вы нашлись вынужденным (так в тексте. — А. П.) вступить в коалицию даже с заклятыми противниками Вашего образа мыслей, лишь бы избавить Россию от пагубы, задуманной графом Толстым?»^{448} Но напрасно Победоносцев призывал сторонников контрреформ проявить терпимость и широту взглядов, тщетно сетовал на неумение единомышленников Каткова и Толстого отличить «несогласие во мнениях от пристрастия», безуспешно заявлял, что «это плохое средство — бросать укорами в противника и характеризовать его глупым только потому, что он другого мнения»^{449}. Когда на кон были поставлены судьбы страны (а Катков, максималист не в меньшей степени, чем Победоносцев, воспринимал ситуацию именно так), даже малейшее, с точки зрения консерваторов, отклонение от «правильной» политической линии считалось абсолютно невозможным.

В этой ситуации отношения Каткова с его сторонниками, с одной стороны, и Победоносцева — с другой, становились всё более натянутыми. Приезжая в Петербург, московский публицист, по словам Феоктистова, «лишь изредка крайне неохотно посещал Константина Петровича», а за глаза, «в тесном кружке своих приятелей, отзывался о нем с озлоблением»^{450}. Безусловно, влиятельные консерваторы не могли не делиться своими оценками с Александром III, и со временем он начал смотреть на своего бывшего наставника именно их глазами, постепенно разделяя широко распространенное в обществе суждение о сугубо негативистской направленности его взглядов и деятельности. «...отличный критик, но сам ничего создать не может»; «...одной критикой жить нельзя, надо идти вперед, надо создавать», — говорил (очевидно, в 1890 году) император С. Ю. Витте, добавляя, что сам он уже давно не слушает своего старого учителя^{451}.

Итог, к которому пришел обер-прокурор, был глубоко закономерен: выявилась утопичность его воззрений, вышли наружу противоречия, изначально заложенные в его взглядах. Столкновения главы духовного

ведомства с соратниками по консервативному лагерю стали показателем наличия глубоких расхождений в рядах консерваторов — расхождений, которые во многом предвещали конфликты на общественно-политической арене в первые годы XX века. Что же касается самого Победоносцева, то многим современникам казалось, что его политическая карьера закончится уже в начале 1890-х годов, но он остался на своем посту еще на полтора десятилетия. Однако роль, которую он играл в верхах, существенно изменилась.

Глава шестая

ЗАКАТ КАРЬЕРЫ

В преддверии политических перемен

Ослабление политического влияния Победоносцева совпало, а отчасти было напрямую связано с важными изменениями в функционировании государственной машины — изменениями, во многом вызванными его собственными действиями. В борьбе за власть бывший наставник царя, проповедовавший принцип неограниченного самодержавия, всегда стремившийся использовать неформальные методы управления, раскрепостил такие политические силы, с которыми не смог справиться, что в значительной степени подорвало его позиции в верхах. Ослаблению реноме Победоносцева способствовало и то, что он, безоговорочно уверенный в своей правоте (и, видимо, рассчитывавший на полную поддержку со стороны государя), начал задевать интересы лиц, стоявших близко к трону, и влиятельных политических институтов, веками служивших опорой монархии.

Одним из таких неотъемлемых атрибутов политической системы самодержавия были великие князья — родственники царя, которым по соображениям престижно-символического характера вверялись важные посты на государственной и особенно военной службе. Участие в правительственной деятельности членов августейшего семейства, окруженных многочисленной родней, с собственными дворами и свитой, вызывало у Победоносцева сильнейшее раздражение. «Какая язва эти великие князья!»^{452} — открыто заявил он однажды в кулуарах Комитета министров. Через родственников царя, тесно связанных с либеральничающими и фрондерствующими столичными кружками и салонами, влияние испорченной и праздной великосветской среды могло просачиваться на верхние этажи власти, что, по мнению консервативного сановника, было совершенно недопустимо. Практическое воздействие большинства великих князей на государственную политику следовало свести к минимуму. Победоносцев буквально третировал председателя Государственного совета великого князя Михаила Николаевича, требуя от Александра III, чтобы тот указывал своему дяде, как следует решать те или

иные дела. По вопросам, связанным с управлением морским министерством, обер-прокурор (видимо, опираясь на свой опыт руководства Добровольным флотом) давал рекомендации царю через голову его брата — генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича. Наконец, уже в 1890-е годы глава духовного ведомства выступил против царского кузена, великого князя Константина Константиновича, литератора и президента Академии наук, которого одно время прочили на пост министра народного просвещения. «А этот К. Р. (литературный псевдоним великого князя. — А. П.) заставит еще много говорить о себе, ибо им владеет шайка сикофантов (то есть доносчиков, клеветников. — А. П.) и ласкателей!»^[453] — раздраженно писал в 1900 году Победоносцев Рачинскому.

Неудивительно, что, действуя таким образом, обер-прокурор очень быстро нажил себе весьма влиятельных врагов. «Вы не посетуете на меня, Константин Петрович, если я подам государю записку о преобразовании Синода?» — иронично вопрошал Алексей Александрович, узнав, что обер-прокурор начал давать царю советы по реорганизации управления флотом. В прошлое царствование, подчеркнул генерал-адмирал, Победоносцев использовал такой прием, чтобы ссорить Александра Александровича с отцом и дядей Константином Николаевичем; теперь же эти времена прошли, родственники царя составляют единое целое, и действовать прежними методами обер-прокурору никто не позволит. С неприязнью — видимо, под влиянием других членов царской семьи — начала относиться к своему старому учителю и императрица Мария Федоровна. Она заявила, что ненавидит Победоносцева, «потому что это человек, который во всё вмешивается и ничего не в состоянии сотворить»^[454]. Безусловно, подобное отношение ближайшего царского окружения неизбежно вело к ослаблению позиций главы духовного ведомства в верхах. Однако в еще большей степени ему способствовало столкновение обер-прокурора с консервативными силами вне правительства — прежде всего, с руководителями органов печати охранительного направления.

Вопрос об отношении к консерваторам, не входившим в правительство и отстаивавшим свои взгляды через выпускаемые ими периодические издания, был для Победоносцева одним из самых сложных. С одной стороны, он охотно использовал консервативные газеты и журналы для борьбы с всё еще остававшимися в правительстве либералами и поворота политики властей в нужное ему русло. С другой стороны, он, видимо, полагал, что консервативные журналисты, привлекаемые к политической

борьбе, должны были оставаться под контролем правительственных бюрократов, не претендовать на самостоятельную роль и — после выполнения своей задачи — возвращаться к сугубо публицистической, пропагандистской деятельности. Естественно, подобный план был невыполним. Руководители консервативных газет и журналов, почувствовав вкус к власти и резонно рассудив, что без их содействия осуществление правительственной политики на охранительных началах будет невозможно, решительно отказались следовать указаниям Победоносцева. Попытки обер-прокурора оттеснить их от рычагов влияния на государственное управление вызвали с их стороны самый решительный протест. Со всей определенностью об этом заявил Катков в 1883 году в письме главе духовного ведомства: «Не знаю, почему кажется Вам, что пуще всего следует ограждать себя, да и других во власти сущих людей от соприкосновения со мной в вопросах государственного значения... Почему же я такое ядовитое существо, что все... должны от меня сторониться и затыкать уши, и что всё, в чем можно подозревать мое участие, должно а priori считаться негодным?»^{455}

Эстафету борьбы консервативных публицистов за расширение своего политического влияния принял у Каткова, скончавшегося в 1887 году, В. П. Мещерский, когда-то не без помощи Победоносцева сумевший улучшить отношения с царем, но давно тяготившийся бесцеремонной опекой со стороны обер-прокурора. Причиной — а возможно, лишь поводом — начавшихся разногласий послужили предпринятые главой духовного ведомства в 1887 году попытки помешать преобразованию «Гражданина» в ежедневную газету и, тем самым, значительному усилению авторитета и независимости Мещерского. Столкнувшись с сопротивлением прежнего покровителя, сиятельный публицист немедленно провозгласил себя невинной жертвой беспочвенных придирок обер-прокурора и заявил, что оставаться в сфере его влияния у него теперь нет никакой возможности.

«Ваша беспощадная, неумолимо-жесточкая ненависть ко мне»; «Никто так много не сделал мне зла, как Вы»^{456} — подобными фразами начали пестреть письма Мещерского, адресованные Победоносцеву.

Добившись желаемого преобразования «Гражданина», князь-публицист на его страницах (а также на страницах регулярно подаваемого царю рукописного «дневника») развернул критику Победоносцева и возглавляемого им ведомства. Мещерский бил по наиболее уязвимым сторонам деятельности обер-прокурора, доказывая царю, что тот недостаточно эффективно отстаивает консервативные начала. Так, жесткая

политика главы Синода по отношению к иноверию, доказывал редактор «Гражданина», лишь отталкивала от правительства вполне лояльных и законопослушных людей; поддержание авторитарных начал в системе церковного управления обессиливало Церковь, не позволяло ей стать влиятельной общественной силой; выступление против греческой иерархии на Ближнем Востоке шло вразрез с каноническими началами церковного управления и т. д. Мещерский сумел доказать царю, что он — не меньший консерватор, чем Победоносцев, чьи нападки на него вызваны не принципиальными соображениями, а исключительно личной неприязнью. В связи с этим Александр III постепенно перестал обращать внимание на жалобы своего старого учителя и не принимал, несмотря на его многочисленные и порой отчаянные обращения, никаких мер против Мещерского.

Князь постепенно перехватывал у Победоносцева функцию, которую тот считал важнейшей: рекомендацию кандидатов на ключевые государственные посты. Так, ставленником Мещерского был Иван Алексеевич Вышнеградский, назначенный в 1887 году министром финансов вместо либерального бюрократа Бунге. Спустя два года редактор «Гражданина» сумел, несмотря на упорное сопротивление Победоносцева, провести на пост государственного контролера своего давнего союзника и сотрудника Тертия Ивановича Филиппова. Включение Филиппова в состав правительства стало для главы духовного ведомства серьезным ударом, так как новоиспеченный государственный контролер считался знатоком именно церковных вопросов и давно рассматривался как один из претендентов на пост обер-прокурора. Над Победоносцевым навис дамоклов меч отставки. «Что я ноньче могу, я ничего не могу, ноньче по «Гражданину» людей назначают»^[457], — жаловался Константин Петрович окружающим.

Всё больше огорчений причиняли обер-прокурору и поступки императора, неуклонно выходившего из-под его контроля. Но надо отметить, что поведение Александра III во многом было результатом влияния тех самых идей, которые внушал ему старый наставник. Настойчивое педалирование принципа самодержавия, помноженное на проповедь широкого использования в управлении неформальных приемов, опоры на интуицию и чутье — всё это не могло рано или поздно не толкнуть самодержавного правителя на путь импровизаций и непредсказуемых действий, выходивших за рамки сложившегося порядка управления. Столкнувшись с последствиями таких действий обер-прокурору и всему правительству пришлось, в частности, в 1889 году при подготовке закона о земских начальниках. На последней стадии обсуждения царь своей

властью, без внимания к мнению Государственного совета, распорядился ликвидировать один из важнейших элементов судебной системы — мировых судей. Обер-прокурор, по словам Половцова, был «поражен до крайности» этим решением; однако государственный секретарь внятно разъяснил, что тот лишь пожинал плоды своих усилий — кто, как не он, приучил Александра III считать Государственный совет «оппозиционной корпорацией»?^[458]

Вспышки самовластия имели место и во многих других случаях. Так, некомпетентные личные указания монарха и его ближайшего окружения стали одной из причин крушения царского поезда у станции Борки в 1888 году. Назначенная после этого ревизия Министерства путей сообщения была поручена протеже Мещерского Альфреду Альфредовичу Вендриху, который своими действиями на грани произвола довел ревизуемое ведомство до дезорганизации. Вновь Победоносцев вынужден был сетовать на тяжкие последствия царского самовластия: «...нельзя так управлять делами, что ни с кем не говорить, никого не допускать, а только приказывать то, что нравится». Однако современникам была ясна связь между подобным образом действий и теми принципами, которые проповедовал обер-прокурор в начале 1880-х годов. Он, отмечал Половцов, отстранил советников царя, «уничтожил в начале царствования совещания, надеясь остаться единственным руководителем и не предвидя, что будет тоже при первом случае прогнан самодержцем и помазанником Божиим, который по самим теориям Победоносцева не нуждается ни в чьих советах»^[459].

Уже к концу 1880-х годов большинство современников были уверены, что дни политического влияния обер-прокурора сочтены. В верхах открыто говорили, что царь продолжает держать в правительстве своего старого наставника исключительно в знак благодарности за ту роль, которую он сыграл в начале десятилетия. Половцов в 1890 году описывал опустевший кабинет и прихожую Победоносцева, в которых еще год назад было тесно от разного рода посетителей — прожектеров, искателей протекции и др. О кардинально изменившемся положении обер-прокурора в верхах свидетельствовали и резкое сокращение количества посланий^[26], которые он писал царю, и изменение их тематики (почти исключительно церковные вопросы), и их заискивающий тон. Победоносцеву теперь приходилось ловить каждую возможность увидеться с монархом, а иногда — и не всегда успешно — напрашиваться на встречу с ним.

Судя по ходившим в обществе слухам, в правительственных кругах в

начале 1890-х годов уже обсуждалась отставка Победоносцева, которая, судя по всему, должна была произойти путем перемещения на почетный, но маловлиятельный пост. По некоторым данным, главе духовного ведомства прочили своего рода педагогическую миссию — должность товарища (заместителя) председателя Государственного совета, которым предполагалось сделать наследника престола Николая Александровича.

Слухи об отставке обер-прокурора продолжали некоторое время циркулировать и после неожиданной кончины Александра III в октябре 1894 года и воцарения Николая II. В качестве преемника Победоносцева на посту главы духовного ведомства молва уверенно называла Т. И. Филиппова. Сам обер-прокурор, по воспоминаниям современников, выглядел в эти дни «осунувшимся, похудевшим, в самом мрачном расположении духа». «Я теперь не у дел, — заявлял он доверенным собеседникам, — теперь нужны не мы, старики, а новые, свежие силы»^{460}. Однако время шло, об отставке Победоносцева не объявлялось, и постепенно стало ясно, что он останется на своем посту. С чем же был связан подобный поворот дел?

Однозначно на этот вопрос ответить сложно. Можно предположить, что на решение Николая II повлиял чисто эмоциональный фактор — почтение ученика к престарелому наставнику (последний император, как и его предшественник, прослушал у Победоносцева курс правоведения). Не следует также забывать, что молодой монарх, относясь с величайшим пиететом к памяти отца, стремился — по крайней мере на первых порах — во всём следовать его заветам, а обер-прокурор воспринимался живым воплощением духа прошлого царствования и, казалось, мог дать ответ на вопрос, как повел бы себя в той или иной ситуации Александр III. Можно, однако, предположить, что новый царь руководствовался холодным политическим расчетом. В памяти современников Николай II остался как монарх, «любивший ссорить своих министров и считавший этот прием верхом дипломатического искусства»^{461}, сознательно удерживавший в правительстве государственных деятелей разных направлений, дабы не допустить чрезмерного усиления ни одного из них. В этом плане обер-прокурор мог пригодиться царю как участник придворно-бюрократической игры, противовес реальным или потенциальным либеральным тенденциям в верхах.

Так или иначе, но Победоносцев остался в правительстве, хотя прежнего влияния (за исключением, возможно, первых двух лет царствования Николая II) уже не имел. Его роль, помимо руководства

духовным ведомством, сводилась теперь к выполнению сравнительно немногих функций. Так, его как старейшего из сановников назначали председателем разного рода межведомственных совещаний. В декабре 1896 года обер-прокурор возглавил особое совещание по вопросу о сокращении рабочего дня, в июне 1898-го — совещание по вопросу о размежевании полномочий между полицией и фабричной инспекцией, в июле и декабре того же года — два совещания, посвященных политике самодержавия в Финляндии (в связи с наметившимся ее ужесточением). Разумеется, в качестве высокопоставленного чиновника глава духовного ведомства принимал участие и в работе других совещательных органов при центральной власти.

Во всех случаях Победоносцев стремился действовать исходя из консервативных воззрений, особо подчеркивая необходимость сохранения патриархальных начал организации общества. Так, при обсуждении в Государственном совете законопроекта об ответственности хозяев фабрик перед рабочими за несчастные случаи обер-прокурор выступил против, мотивируя, что это внесет ненужную регламентацию во взаимоотношения хозяев предприятий и работников. Победоносцев, по словам Витте, заявил, что «в России между работодателями и рабочими существуют... совершенно патриархальные отношения, что наши работники на фабриках, собственно говоря, есть землепашцы и землевладельцы, что они не разорвали связи с землей и что таким образом мы этим проектом как бы хотим создать в России пролетариатство, рабочих-пролетариев, кочующих с одной фабрики на другую»^{462}.

Нежелание консервативного сановника вносить регламентацию в отношения между хозяевами и работниками не означало, что он собирался оставить их вовсе без правительственного надзора. Такой надзор — в духе благожелательного государственного попечительства над всеми слоями общества — должна была осуществлять так называемая фабричная полиция, проект создания которой был выдвинут обер-прокурором и министром внутренних дел в ходе совещания 1896 года. В случае необходимости фабричная полиция была призвана оказывать давление на работодателей, склонять их к уступкам, ограничивая тем самым безусловную «свободу договора найма», за которую ратовало Министерство финансов. Его глава, ставивший на первый план соображения экономической эффективности, сорвал принятие закона о фабричной полиции, доказав, что ее деятельность приведет к подрыву конкурентоспособности российской промышленности^{463}. Тем не менее

само выдвижение подобного законопроекта показывало, насколько прочно вера в благотворительность государственного попечительства держалась в правительственных верхах даже на пороге XX века.

В вопросе об отношении к Финляндии Победоносцев исходил из своих централизаторских установок, однако проводить их в жизнь он предпочитал (видимо, из тактических соображений) в относительно мягкой патриархальной форме, по возможности сглаживая острые углы. Обер-прокурор в письме к О. А. Новиковой заявлял, что «Финляндия — самая счастливая страна в мире, пользуется полным миром и процветанием благодаря тому, что состоит под скипетром России и живет на счет России»^{464}. Исходя из этих соображений, российское правительство имело право требовать ограничения финской автономии. В то же время на практике, возглавляя совещания, посвященные финляндскому вопросу, Победоносцев вел дело к компромиссу. В частности, он с сомнением отнесся к перспективе распространения на северную окраину империи общегосударственного закона о воинской повинности, предлагал учитывать местные интересы и требования. Можно предположить, что осторожность обер-прокурора в данном случае была вызвана и печальным опытом натиска на автономию Остзейского края в 1880-е — начале 1890-х годов, неудачные результаты которого стали серьезным ударом по его репутации^{465}.

Выступая за сохранение патриархальных начал общественного устройства и требуя в ряде случаев осторожности при осуществлении правительственной политики, престарелый консерватор в то же время не упускал случая встать на пути тех политических тенденций, которые считал недопустимыми. Так, выдвигавшиеся некоторыми сановниками предложения по расширению компетенции земств и распространению земской системы на новые территории вызвали резкий протест обер-прокурора. Присущие органам местного управления элементы выборности так и не удалось гармонично совместить с правительственным контролем, на что, видимо, надеялся Победоносцев в ходе выработки земской контрреформы. В связи с этим земства по-прежнему подвергались острой критике обер-прокурора. «Земские учреждения, — заявлял он, — в нынешнем виде вносят в отправление государственное безнравственные начала безответственности, разрушая сознание долга и необходимую определительность и способность к учету хозяйственных операций»^{466}. Из этих соображений обер-прокурор добился отклонения предложенного министром внутренних дел проекта введения земств в западных губерниях.

Он выступал также против передачи органам самоуправления функций социальной помощи, сорвал в 1899 году принятие закона, разрешавшего земствам учреждать при управах специализированные комиссии по отдельным отраслям управления. В 1900 году он поддержал законопроект об ограничении земского налогообложения и изъятии из ведения земств продовольственного дела.

Земство было далеко не единственным общественным явлением, вызвавшим в 1890-е — начале 1900-х годов негативную реакцию обер-прокурора. Он выступал против уступок студенческому движению, проектов введения в России всеобщего начального обучения, реформы крестьянской общины и многого другого. Постепенно именно эта, отрицательная сторона его деятельности стала выходить на первый план. Во многом благодаря этой эволюции за Победоносцевым закрепилась репутация «бюрократического нигилиста», начисто лишённого какого-либо позитивного начала. Усилению негативизма в деятельности Победоносцева, помимо нарастания его одиночества в правительстве, способствовали и метаморфозы, которые в начале царствования Николая II претерпевала его роль при венценосце. Чтобы осмыслить суть этих метаморфоз, нужно вернуться в 1894–1896 годы, когда перед обер-прокурором, казалось бы, открылась возможность многое начать заново и вернуть себе хотя бы часть того политического влияния, которым он пользовался при Александре III.

«Бюрократический нигилист»

Вступление на престол в октябре 1894 года молодого императора Николая Александровича, который, как и его отец, в свое время был учеником обер-прокурора, казалось, давало престарелому сановнику шанс возродить систему отношений с носителем высшей власти, существовавшую в 1880-е годы. К активным действиям Победоносцева подталкивало и то, что обстоятельства воцарения Николая II — неопытного, не слишком хорошо известного в правительственной среде и слабо знакомого с механизмом власти — отчасти напоминали события тринадцатилетней давности. В этих условиях, полагал обер-прокурор, было абсолютно необходимо, чтобы возле молодого царя появился опытный политический наставник, в роли которого он, естественно, видел себя. Уже в ноябре 1894 года престарелый обер-прокурор послал Николаю II свои письма его отцу, написанные в первый год его царствования. «Ведь Вы никого не знаете, — убеждал Победоносцев царя, — Ваш отец при

вступлении на престол был в таком же положении — я один был около него. И теперь, если Вам что понадобится, то пошлите за мной — ведь мне ничего не нужно, я желаю только служить Вам»^{467}.

Сходство обстоятельств начала двух царствований усугублялось в глазах Победоносцева еще и тем, что либеральные силы в обществе и в верхах, казалось, полностью разгромленные при Александре III, вновь подняли голову и, полагал обер-прокурор, готовились взять реванш. В частности, он считал очень подозрительным, что среди лиц, получивших награды и назначения в Государственный совет в начале 1895 года, были старые сотрудники Лорис-Меликова. Впоследствии Константин Петрович писал Николаю II об этих днях: «Те же люди и прежние их сподвижники проснулись и готовились возобновить ту же агитацию. Тотчас же пущена была смута во всех концах России»^{468}. Слово сама судьба подталкивала обер-прокурора вновь на переломном этапе истории сыграть решающую роль, вмешаться в ход событий, направив государственный корабль в нужное русло. Механизмы же и формы такого вмешательства оказались весьма своеобразными.

Нужно еще раз отметить, что все происходившие в обществе изменения, с точки зрения обер-прокурора, были признаком деградации, носили деструктивный характер. Затрагивая в первую очередь жизнь «испорченной» общественной верхушки, они в то же время не касались фундаментальных основ общественного уклада, уходивших корнями в глубь веков. Общество, несмотря на все попытки разрушить его социальные и идеологические устои, оставалось в основе своей неизменным. В этих условиях правительству для устранения наносных порывов к реформаторству нужно было лишь твердо заявить о своей приверженности традиционным началам политического курса. Причем чем неуступчивее будут власть имущие, тем покорнее их велениям общество.

Думается, именно этими соображениями определялись действия консервативного сановника в середине 1890-х годов. Дабы остановить надвигающуюся смуту, он попытался с максимальной точностью воспроизвести свои действия тринадцатилетней давности. Так, своеобразным повторением манифеста от 29 апреля 1881 года стала в глазах обер-прокурора первая публичная речь политического характера, с которой Николай II выступил перед представителями общества 17 января 1895 года, назвав «бессмысленными мечтаниями» надежды умеренной оппозиции на введение в России органа парламентского типа. Точно установлено, что автором речи был именно Победоносцев^{469}. Основной

посыл выступления молодого царя («охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель») почти полностью соответствовал формулировке манифеста 1881 года («утверждать и охранять самодержавную власть для блага народного от всяких на нее поползновений»). Выступление Николая II, по мнению Победоносцева, призвано было сыграть ту же самую роль, которую когда-то сыграл манифест его отца: сказанное царем «твердое слово, которое потом огласилось бы», внесло бы успокоение в общество и надолго пресекло бы все конституционные поползновения.

Точно так же, как в начале 1880-х годов, для оздоровления системы государственного управления следовало назначить на ключевые посты достойных кандидатов, и рекомендовать царю таких людей стало важнейшей задачей Победоносцева. Так, по совету обер-прокурора в 1895 году Министерство внутренних дел возглавил его давний протезе Иван Логгинович Горемыкин, во взаимоотношениях с которым Победоносцев отчасти попытался воспроизвести те принципы, которыми руководствовался при контактах с Н. П. Игнатьевым. В апреле следующего года на пост главы цензурного ведомства вместо Феоктистова, который стал «ленив до крайности и небрежен», был назначен рекомендованный обер-прокурором Михаил Петрович Соловьев. Главным критерием выдвижения, как и ранее, считалась способность к «живой», небюрократической деятельности. Так, при обсуждении кандидатуры Горемыкина Победоносцев особо подчеркивал: «...первый в России знаток крестьянского дела и деревню знает не на бумаге только. Не принадлежит к числу канцелярских верхоглядов»^{470}. Соловьев же, бывший мировой судья в Царстве Польском и делопроизводитель военного министерства, к цензуре никакого отношения не имел и попал в поле зрения Победоносцева как автор иллюстраций-миниатюр к Священному Писанию и публицист, активный член Императорского Палестинского общества.

Лица, получившие назначения благодаря протекции Победоносцева, должны были, как и в 1880-е годы, руководствоваться в своей деятельности его указаниями, а сам обер-прокурор видел себя в роли неформального главы правительства. Так, Горемыкин, подобно Игнатьеву, вскоре после назначения стал получать от него письма с наставлениями по руководству министерством. Полностью в сфере влияния консервативного сановника оказалась цензура; современникам даже казалось, что она целиком перешла из ведения Министерства внутренних дел под контроль главы Синода. Что же касается Министерства народного просвещения, то Победоносцев, как отмечалось выше, сумел в 1896 году сорвать планы передачи этого

ведомства великому князю Константину Константиновичу, считая того слишком либеральным. Степень влияния консервативного сановника на учебные дела в это время казалась современникам столь значительной, что пост министра прочили его ближайшему сотруднику, товарищу (заместителю) обер-прокурора Владимиру Карловичу Саблеру или даже ему самому — с сохранением за ним должности главы духовного ведомства.

Возможность реализовать свои планы, открывшаяся в середине 1890-х годов, буквально окрылила Победоносцева — он вновь почувствовал себя нужным и востребованным, стал, как и в 1880-е, вникать в самые разные дела, давать указания руководителям различных ведомств по вопросам, которые считал важными. «Никогда еще не бывало у меня столько забот в голове и столько бумаг на столе, — писал он О. А. Новиковой в начале 1895 года. — Не поверите, до чего с 20 октября (то есть с начала царствования Николая II. — А. П.) увеличились и усложнились наши заботы»^{471}. Молодой монарх в это время с почтением выслушивал рекомендации своего престарелого учителя. Хорошо информированная генеральша А. В. Богданович отмечала в феврале 1896 года, что «обер-прокурору всегда открыты двери к царю»^{472} и что советы Победоносцева оказывают заметное влияние на правительственную политику. Казалось, в придворных сферах и правительственных кругах возрождается то почти неограниченное влияние главы духовного ведомства, которым он располагал в начале царствования Александра III. Однако период нового возвышения консервативного сановника оказался недолгим.

Очень скоро стало ясно, что попытки Победоносцева пресечь развитие в обществе нежелательных, с его точки зрения, тенденций, а по сути, остановить ход времени посредством окрика с высот престола утопичны. Императорская речь 17 января 1895 года, несмотря на все заверения обер-прокурора, вместо ожидаемого умиротворения вызвала озлобление значительной части общества. Как ни старался Победоносцев доказать в письмах высокопоставленным корреспондентам, что «на простых людей и на деревни слово государя произвело благотворное воздействие», что присутствовавшие депутаты «вздохнули свободно»^{473}, напряженность в стране неуклонно нарастала. Речь 17 января фактически стала отправной точкой обострения противостояния между властью и значительной частью общественных кругов, которое в конечном счете станет одной из главных причин крушения «старого порядка» в России.

Кандидаты на ключевые государственные посты, которых обер-

прокурор подбирал на основании опыта «живого общения», интуиции, непосредственных впечатлений, ощущения духовной близости, в реальности чаще всего не соответствовали его представлениям. Так, за мнимой способностью Горемыкина вести дела «небюрократическим» путем скрывались безразличие, желание уйти от ответственности. Выяснилось, что он «был ленив и равнодушен до крайности и избегал всяких личных отношений и бесед»^{474}. Соловьев же своей сумбурной деятельностью поставил цензурное ведомство буквально на грань развала. Не имевший никакого опыта работы в сфере цензуры, он, видимо, попытался всё начать «с чистого листа», радикально изменить методы надзора за печатью: карал и миловал издания по своему произволу, навязывал редакциям сотрудников и пр. Деятельность недавнего протезе стала для обер-прокурора истинным потрясением. «Я виноват, — писал Победоносцев Рачинскому, — что, поверив первому впечатлению, поместил его на должность начальника печати. Тут он действовал как безумный и посеял зло непоправимое»^{475}.

Сама манера обер-прокурора вмешиваться во все дела и предлагать решения по самым разным вопросам в новых условиях выглядела неуместно, архаично, очень быстро начала вызывать негативную реакцию у высокопоставленных сановников, а главное — у царя. Уже в конце 1896 года тот с насмешкой заявил, что «Победоносцев нарекомендовал ему много министров, а теперь начал рекомендовать ему корпусных командиров»^{476}. Почувствовав, что влияние престарелого сановника начало снижаться, большинство бюрократов немедленно перестали прислушиваться к рекомендациям, которыми их по старой памяти пытался снабжать обер-прокурор. Это поветрие коснулось в том числе и получивших назначения благодаря протекции главы духовного ведомства, в частности Горемыкина. «В течение всего своего правления, — жаловался обер-прокурор в письме Рачинскому, — он ни разу не последовал моей рекомендации и ни разу ничего не сделал, о чем я просил его»^{477}. В целом политическое влияние Победоносцева ощущалось лишь в 1895–1896 годах, позднее он вовсе не обладал тем колоссальным могуществом, которое продолжала приписывать ему молва. «В первые два года, — жаловался он впоследствии Витте, — когда меня изредка спрашивали, я давал ответ... А затем меня уже и не спрашивали»^{478}.

Утрата, на этот раз окончательная, той позиции, с которой Победоносцев мог оказывать принципиальное влияние на политику правительства, стала для него тяжелым ударом — ударом не только по

личным амбициям, но и по всей его политической концепции, согласно которой система управления самодержавной монархии просто не могла существовать, если при царе не находился советник, близкий по духу к народу и способный к живой, небюрократической деятельности. По замечанию А. В. Богданович, обер-прокурор выглядел «совсем больным, высохшим». В мае 1901 года генеральша сделала запись в дневнике: «Он очень самолюбивый человек, любит доминировать, а за последнее время он у царя никакой роли не играет, влияния у него там никакого, потому и сохнет»^{479}.

К началу XX века в поведении Победоносцева особо заметными становятся деструктивные ноты. Негодуя на несправедливо, по его мнению, выказываемое ему пренебрежение, он начал демонстративно заявлять о бессмысленности всей текущей административной и законотворческой деятельности, давать резкие отзывы о коллегах по правительству. Чтобы показать всю глубину своего отчуждения от государственных дел, обер-прокурор перестал ездить в Государственный совет, посылая туда вместо себя своего заместителя Саблера.

Критическим подходом практически ко всему новому в 1890-е — начале 1900-х годов постепенно начинает определяться и содержание тех мер, которые Победоносцев считал необходимым проводить в рамках своей правительственной деятельности. Именно как проявление негативизма, неспособности выдвинуть какую-либо позитивную программу была воспринята в верхах развернутая обер-прокурором в 1893–1895 годах кампания против введения в России всеобщего начального обучения. Выступив вместе с Витте против мер продворянского характера, Победоносцев в то же время не поддержал выдвинутый министром финансов проект преобразования крестьянской общины, что также расценивалось современниками как доказательство исключительно критического настроения обер-прокурора («По обыкновению, раскритиковал то, что не от него исходило»^{480}, — писал по этому поводу Половцов). Наконец, еще одним доказательством якобы присущего главе духовного ведомства «бюрократического нигилизма» стала его борьба против попыток расширения прав земств и введения земских учреждений в западных губерниях (провал последней меры стал одной из причин отставки Горемыкина в 1899 году).

Обер-прокурором всё чаще овладевали отчаяние, ощущения безнадежности и бессилия, предчувствие подступающей неизбежной катастрофы. «С тяжелым чувством подходим к новому столетию, — писал

он Новиковой в конце 1900 года. — Нигде просвета не видно, и горизонты закрыты, и люди ходят как опьянелые»^[481]. Те характерные для консервативного сановника управленческие приемы и методы, которые раньше срабатывали, теперь всё чаще оказывались неэффективными. Именно к этому времени в первую очередь относятся хлесткие высказывания бывшего воспитателя царя, шокировавшие современников, создавшие ему, помимо клейма «бюрократического нигилиста», репутацию скептика и циника, «Мефистофеля самодержавия». Поскольку эта репутация стала неотъемлемой частью расхожих представлений о Победоносцеве, закрепившихся в общественном сознании на рубеже веков и отчасти перекочевавших в исторические труды, необходимо остановиться на том, как она сложилась и насколько соответствовала действительности.

В воспоминаниях современников, общавшихся с Победоносцевым, сохранились упоминания о демонстративно эпатирующих фразах, которые собеседники, безусловно, не ожидали услышать от высокопоставленного чиновника. Помимо упоминавшегося выше изречения, что «Россия — это ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек», мемуаристы приводят еще ряд фраз схожего характера.

А. Ф. Кони вспоминал, что Победоносцев называл русских «ордой, живущей в каменных шатрах». «Кто нынче не подлец», — якобы, по словам Мещерского, заявил обер-прокурор Т. И. Филиппову, сомневавшемуся в нравственных качествах одного из своих сотрудников. «Всё равно кого назначить: один — мерзавец, другой — дурак»^[482] — таков, в передаче еще одного мемуариста, был ответ Победоносцева Николаю II, просившему помочь сделать выбор между кандидатами на пост министра внутренних дел Вячеславом Константиновичем Плеве и Дмитрием Сергеевичем Сипягиным.

Примерно тогда же глава духовного ведомства заявлял В. В. Розанову, что социалисты — «не суть легкомысленные люди и безбожники, а совершенно правильно указывают на полную немощь теперешнего государственного строя». И совсем уж шокирующе звучало сделанное Е. М. Феоктистову заявление, что революция в России неизбежна, «что никакая страна в мире не в состоянии была избежать коренного переворота, что, вероятно, и нас ожидает подобная же участь и что революционный ураган очистит атмосферу»^[483]. Некоторые современники, услышав от бывшего воспитателя царя подобные высказывания, просто отказывались верить своим ушам, уходили от него в состоянии крайнего изумления, уверовав в необычайную загадочность духовного мира человека,

пребывавшего в течение десятилетий на вершине власти, сделавшего всё, чтобы не допустить на эту вершину веяния новой эпохи, и теперь, по-видимому, разочаровавшегося в собственных усилиях. Подобные трактовки существенно повлияют на образ Победоносцева в целом ряде литературных и художественных произведений, созданных на рубеже веков. Однако насколько достоверными были сами сведения о высказываниях обер-прокурора, приводимые в воспоминаниях современников? Не являлись ли они если не выдумкой, то существенной стилизацией, результатом искажений и домыслов, вызванных либо политическими причинами, либо просто стремлением придать своему повествованию более эффектный характер?

Представляется, что сведения, изложенные в воспоминаниях Розанова и Феокистова, достаточно благожелательно относившихся к Победоносцеву и искренне стремившихся разобраться в особенностях его мировоззрения, в целом соответствуют действительности. Что же касается мемуаров Мещерского, Кони, Гиппиус и великого князя Александра Михайловича, то здесь, возможно, имело место преувеличение («все вокруг подлецы»), однако и в их основе, видимо, лежали какие-то реальные факты. Из разных источников известно, что и в 1890-х годах, и раньше обер-прокурор публично крайне резко отзывался о положении дел в подвластном ему духовном ведомстве. «Что же мудреного, Ваше величество, там настоятель целый день пьян» (по поводу беспорядков в Александро-Невской лавре); «Отдавать детей в монастыри? Да ведь их там развратят!» (в ответ на предложение использовать обители для исправления малолетних преступников); «Ну уже взятки в консисториях избежать невозможно»^[484] — эти и подобные фразы служили основой для характеристик Победоносцева, получивших широкое хождение в обществе и оставшихся в памяти современников, а затем и потомков.

Во второй половине 1890-х — начале 1900-х годов имел место казус: реальный политический вес обер-прокурора в эти годы неуклонно снижался, а интерес к нему в обществе, напротив, рос, сопровождаясь мифологизацией и самой его фигуры, и роли, которую он играл в системе государственного управления. Очень большое влияние на формирование представлений о Победоносцеве, помимо его деятельности в правительстве, оказывали его начинания на идеологическом поприще, которым он, несмотря на потерю влияния в верхах (а может быть, благодаря ей), по-прежнему уделял огромное внимание. «Пишущий» сановник, сановник-публицист — это явление, крайне нехарактерное для XIX века, привлекало к Победоносцеву всеобщий интерес и побуждало

размышлять над особенностями его взглядов и личности не только публицистов и общественных деятелей, но и представителей литературы и искусства. Сама же деятельность обер-прокурора на уровне идеологии, начавшаяся задолго до 1890-х годов, приобрела в этот период особые черты, углублявшие интерес современников к нему.

Сановный публицист

Активизация идеологической деятельности Победоносцева в 1890-х — начале 1900-х годов, на первый взгляд парадоксально совпавшая с упадком его политического влияния, объяснялась рядом причин. Прежде всего, для обер-прокурора она была, по сути, последним шансом хоть как-то повлиять на российское общество — если не пресечь, то по крайней мере приостановить развитие тенденций, которые он считал деструктивными. Кроме того, рубеж XIX–XX веков был отмечен целым рядом явлений, которые, казалось, открывали для консервативного сановника новые возможности на поприще идеологической борьбы. Речь шла в первую очередь о значительной активизации контактов России с Западом — в дипломатической (заключение в 1891–1893 годах франко-русского союза) и культурной, личной сферах. В России стали заметно больше интересоваться происходящим в Европе, внимательнее следить за новинками европейской интеллектуальной и художественной жизни, с большим энтузиазмом воспринимать появляющиеся на Западе социально-политические теории. Все эти тенденции обер-прокурор, никогда не перестававший уделять внимание событиям на Западе, немедленно решил использовать в своих интересах. К этому времени относится целый ряд публикаций, подготовленных Победоносцевым на основании текстов западных авторов, прежде всего консервативных.

Использование в идейной полемике их текстов давало, по мнению Победоносцева, возможность совершить эффектный интеллектуальный маневр — разгромить сторонников европейской культуры в России с помощью аргументов, заимствованных из европейской же культурной и интеллектуальной жизни. При этом бывший профессор ссылался (отчасти небезосновательно) на крайне однобокий характер восприятия европейской культуры большей частью тогдашнего российского общества. «Читатели наши невежественны, — писал он в 1895 году известному консервативному публицисту Л. А. Тихомирову, — и знать не могут и не хотят, как на Западе перетряхиваются те самые вопросы, в коих у нас молодежь сбита с толку

сикофантами нелепого либерализма»^{485}. Глава духовного ведомства развернул в 1890-е годы широкую кампанию по популяризации в России близких ему по духу западных авторов, в рамках которой опубликовал статью о Ф. Ле Пле (1893), перевод его книги «Основная конституция человеческого рода» (1897), выдержки из сочинения У. Гладстона «Несокрушимая твердыня Священного Писания» (1894). Работы английского богослова-публициста У. Лилли «Христианство и современная цивилизация», «Столетие революции» были напечатаны в издании «Победа, победившая мир» (1895). В 1898 году вышла в свет книга «Новая школа», а в 1901-м — «Воспитание характера в школе», «Призвание женщины в школе и в обществе», составленные Победоносцевым и Рачинским по работам английских и французских публицистов и педагогов Э. Демолена, С. Барнета и С. Лями.

Переводы западных авторов (Гладстона, Карлейля, Эмерсона, Мэна, Герберта Спенсера и ряда других) составили значительную часть главного произведения Победоносцева «Московский сборник», увидевшего свет в 1896 году. Публицистической, переводческой, публикаторской деятельностью российский консерватор продолжал заниматься буквально до последних дней жизни. В 1901 году он издал перевод сочинения английского журналиста Г. Кальдерона «Правда о гр. Л. Толстом», спустя год — перевод речи Т. Рузвельта «Нравственный характер гражданина в христианском обществе». В 1906-м, уже после отставки, он опубликовал перевод книги бельгийского правоведа А. Пренса «Всеобщая подача голосов» и статью «О марксизме». Последние издания, которые Победоносцев подготовил накануне кончины и которые, разумеется, уже никак не могли повлиять на его положение при дворе, быть может, наиболее ярко свидетельствуют, что роль «воспитателя» и «наставника», идеологические начинания были для него не только спутниками его административной карьеры, а воспринимались как важнейшее и самостоятельное направление деятельности.

Стремясь максимально широко использовать западные материалы для воздействия на российского читателя, обер-прокурор, разумеется, не забывал и о необходимости влиять на европейское общественное мнение, в том числе и для того, чтобы развеять туман предубеждений, застилавший глаза тамошних обывателей. «Несчастливая Россия! — восклицал он в письме к О. А. Новиковой. — Нет ужасов об ней, коим бы не поверили — как верили древние греки сказкам о варварских странах, о Полифеме, о Гарпиях и т[ому] подобном»^{486}. Дабы парализовать влияние подобного

рода «сказок», Победоносцев регулярно встречался с западными журналистами, учеными, дипломатами, общественными и государственными деятелями, состоял с некоторыми из них в переписке, публиковался в европейских периодических изданиях. Помимо идейных уз обер-прокурора с европейскими консерваторами связывало деловое сотрудничество. Так, с 1888 года он состоял членом Общества социальной экономики — одной из наиболее известных общественных организаций, созданных во Франции Ле Пле и его последователями. В журнале «Социальная реформа», издаваемом соратниками Ле Пле, в 1890-е годы был напечатан ряд статей Победоносцева и Рачинского, посвященных защите в России общинного землевладения, развитию начального образования народа на религиозных основах и борьбе с пьянством.

К более активному использованию в идейной полемике западных материалов, да и в целом к активизации публицистической деятельности обер-прокурора подталкивало появление в России в 1890-е годы ряда новых изданий консервативного толка, среди которых особое место занимал журнал «Русское обозрение», одним из ведущих публицистов которого был Л. А. Тихомиров. В прошлом один из вождей «Народной воли», политэмигрант, Тихомиров пережил духовный перелом, перешел на консервативные позиции и, испросив прощение, вернулся в Россию. Бывший народоволец, хорошо знавший французский язык, долго живший во Франции и прекрасно знакомый с изнанкой западной демократии, стал находкой для обер-прокурора.

С его помощью тот попытался превратить «Русское обозрение» в издание, концентрирующее на своих страницах поступающую с Запада информацию и «переплавляющее» ее в действенное орудие идейной борьбы за влияние на русское общество. Победоносцев принял активное участие в работе «Русского обозрения» фактически как один из сотрудников и едва ли не руководитель редакции. Он посылал Тихомирову и его соратникам списки английских, французских и немецких журналов, с его точки зрения, заслуживающих внимания; давал подробнейшие указания, как именно работать с их содержанием; направлял ссылки на публикации западных авторов, которые можно было использовать в идейной полемике: мемуары времен Великой французской революции с описанием ужасов революционного времени, публицистические произведения с критикой демократии и др.

«Русское обозрение», а также «Московские ведомости», с которыми Победоносцев продолжал поддерживать тесные отношения и после смерти Каткова, стали для него «мостками», соединявшими близких ему по духу

западных авторов и русских читателей. Именно в «Русском обозрении» он опубликовал написанную им биографию Ле Пле, а также выдержки из сочинения Гладстона, отстаивавшего значение религиозных начал для благоустройства общества. На страницах «Русского обозрения» и «Московских ведомостей» Тихомиров в течение нескольких лет освещал материалы журналов, издаваемых последователями Ле Пле, — «Социальная реформа» и «Социальная наука» (о последнем Победоносцев писал: «Это прекрасный журнал, к сожалению, у нас неизвестный»^{487}).

При посредничестве Тихомирова, поддерживавшего контакт с редакцией «Социальной науки», обер-прокурор вступил в переписку с видным последователем Ле Пле Э. Демоленом — педагогом и ученым-медиевистом, который, подобно Рачинскому, сосредоточился на разработке вопросов начального образования, создал в провинции школу, основанную на религиозных началах, и сам преподавал в ней. В вышедшей в 1898 году книге «Новая школа», подготовленной Победоносцевым при помощи Рачинского на основе работ Демолена, содержалось, со ссылкой на авторитет французского педагога, обоснование тех принципов организации начального образования, которые сам обер-прокурор широко использовал в рамках системы церковно-приходских школ: опора школы на религиозные начала, ее близость к семье, критика массового характера народного образования и др.

Переводя Демолена и используя труды других западных авторов, консервативный сановник прибегал к своеобразному приему — он практически никогда не воспроизводил их целиком, а давал в пересказе или подвергал препарированию: изъятиям, дополнениям, перекомпоновке. Журналист А. В. Амфитеатров небезосновательно заметил, что, оставаясь в тени авторитетов, обер-прокурор «ловко движет их мыслями и словами, будто военными машинами»^{488}. Сам же сановный публицист заявлял, что иначе отечественная публика попросту не осилит сложные тексты европейских философов и публицистов: «Иностранные статьи и книги, взятые целиком, редко бывают понятны русскому читателю на русском языке»^{489}. Однако, безусловно, имела место и подгонка сочинений западных авторов под его собственные взгляды. Историки, изучавшие деятельность российского консерватора, давно подметили, что он далеко не всегда адекватно передавал идеи цитируемых им авторитетов. Так, при переводе сочинений Г. Спенсера он опустил мысль о необходимости ограничения вмешательства государства в общественную жизнь, а из трудов У. Гладстона изъясил идею о равенстве всех христианских

конфессий^{490}.

При публикации западных работ Победоносцев, как правило, затушевывал свою роль в подготовке текста — на титульном листе в большинстве случаев указывалось, что он осуществлял только «издание». Иногда даже имя автора текста не сообщалось или упоминалось лишь в предисловии. Видимо, по мнению Победоносцева, работы, изданные таким образом, должны были представлять не результатом чьего-то личного измышления (и, следовательно, порождением ненавистного ему индивидуализма), а плодом коллективной, зачастую безличной мудрости, отражающей глубинные закономерности общественного развития. «Он и не подозревает, — с торжеством писал сановный публицист об авторе одной из рецензий на его главное произведение «Московский сборник», — что это мысли самых разумных европейских мыслителей и публицистов, мысли критики самых авторитетных умов... Это мысли, в сущности, не мои, а мысли первых мыслителей нашего времени»^{491}. Безусловно, на этом основании и в XIX веке, и позже обер-прокурора обвиняли и в творческом бессилии, и в несамостоятельности, и даже в плагиате, но для него самого подобный прием был принципиально важен, воплощая в себе его взгляды на основные принципы устройства общества. Апогея использование этого приема достигло при подготовке «Московского сборника», который был воспринят многими современниками как «государственный катехизис Российской империи» и даже «Коран самодержавия».

Существуют разные версии, почему идея издания главной книги российского консерватора созрела к середине 1890-х годов, а опубликована она была в 1896-м. Современный исследователь В. В. Ведерников связывает время издания с тем, что речь Николая II 17 января 1895 года, как вскоре выяснилось, не оказала на общество должного эффекта, а популярность консервативных изданий не достигла желаемого Победоносцевым уровня^{492}. На выбор даты публикации «Московского сборника» могло повлиять отмечавшееся в 1896 году пятидесятилетие служебной деятельности Победоносцева, а также разразившиеся в середине 1890-х студенческие волнения. Во втором случае публикация «государственного катехизиса» могла стать типичной для консервативного сановника политико-педагогической мерой, призванной оказать воспитательное воздействие на общество. В пользу этой версии свидетельствует видение самим Победоносцевым назначения «Московского сборника»: «Книга эта может быть полезна для молодых

людей». Обер-прокурор выражал желание, чтобы его книга «читалась повсюду», специально назначил низкую цену на нее и бесплатно разослал по духовным академиям, надеясь, что «молодые читатели над ней задумаются»^{493}.

Выход в свет издания, подготовленного одним из самых высокопоставленных сановников Российской империи, вызвал значительный интерес общества. Несмотря на упадок реального политического влияния Победоносцева, для публики, слабо осведомленной о закулисных сторонах функционирования российского государственного механизма, он по-прежнему оставался могущественным «серым преосвященством», стоящим за тронном и способным в одночасье посредством неожиданного вмешательства полностью изменить государственную политику. Книга, изданная от имени такого человека, казалось, давала ключ к пониманию идей, на которые опиралось правительство, позволяла провидеть ближайшие и отдаленные перспективы его деятельности. Неудивительно, что публикация «Московского сборника» стала если не сенсацией, то уж точно заметным событием общественно-политической и интеллектуальной жизни России. Уже через месяц после его выхода в свет, в июне 1896 года, Победоносцев отмечал, что первое издание разошлось и начинает печататься второе (всего до 1901 года книга выдержала в России пять изданий).

«Московский сборник» — главный публицистический труд К. П. Победоносцева

Значительный резонанс книга получила и за рубежом. Она была переведена на французский, немецкий (два издания), английский, сербский, чешский, польский языки, вызвала оживленную дискуссию в периодической печати и поток писем западных читателей Победоносцеву.

Сама структура «Московского сборника», последовательно, по главам, рассматривавшего фундаментальные вопросы государственного и общественного устройства, наводила читателя на мысль, что перед ним

действительно нечто вроде катехизиса — сборник правил, всеобъемлющее руководство, которому государственные мужи должны следовать в делах управления. На страницах сборника критиковалась парламентская демократия как форма государственного строя, рассматривались вопросы взаимоотношений государства с Церковью, Церкви с обществом, организации народного образования, роль периодической печати и суда присяжных. Автор-издатель рассуждал о возможностях человеческого разума, пределах волевого вмешательства в исторически сложившийся общественный уклад; давал оценку свойствам человеческой природы, роли личности в истории и др. Сама манера подачи материала — «интимные и несколько импрессионистские заметки» (В. В. Ведерников) — казалась необычной и в глазах многих современников свидетельствовала об искренности автора, позволяла ему в общественной атмосфере XIX — начала XX века быстрее найти путь к читателю. «Это как бы листки записной книжки... — писал о «Московском сборнике» один из самых пронизательных его критиков В. В. Розанов. — Все страницы одушевлены и чистосердечны именно как страницы дневника. Невозможно читать эту книгу и не заражаться ею»^[494].

Еще одной особенностью сборника, которую сразу заметили современники, было отсутствие четко сформулированного идеала — по крайней мере в политической сфере. Жестко критикуя утверждавшиеся в это время на Западе институты представительной демократии и давая ссылки общего плана на благодетельность самодержавия, обер-прокурор, по сути, уходил от ответа на вопрос, в каких конкретных формах должна была воплощаться рекомендуемая им система управления, как бы предлагая каждому читателю, познакомившись с материалами сборника, самому сформулировать такой ответ. Порой Победоносцев прямо указывал на это — в частности в отзывах на рецензии, посвященные «Московскому сборнику». «Как же не понять, где положительное, — писал он Рачинскому по поводу рецензии, принадлежавшей перу известного консервативного публициста Б. В. Никольского, — оно в коренных, известных идеях веры и разума»^[495].

И в «Московском сборнике», и в иных публикациях консервативный сановник предпочитал уходить от подробного теоретического разбора явлений, которые считал основополагающими для общественной и государственной жизни, в частности, самодержавной формы правления. Будучи глубоко убежден, что фундаментальные начала человеческого бытия вообще не подвластны рациональному осмыслению, Победоносцев

считал бесполезным и опасным втискивать их в рамки той или иной теоретической конструкции, поскольку реальную сложность этих явлений всё равно не охватит ни одна теория. Подобную позицию он занял еще в 1860—1870-е годы и остался верен ей до конца своей политической карьеры. «Есть предметы, — писал он в 1874 году И. С. Аксакову, — которые — может быть, до некоторого времени — поддаются только непосредственному сознанию и ощущению, но не поддаются строгому логическому анализу, не чертят искусственной формулы. Всякая формула дает им ложный вид и — прибавлю — дает повод, с той или с другой стороны — к задним мыслям и недоразумениям»^{496}.

Такой основанный на «непосредственных ощущениях» подход Победоносцев считал принципиально важным для себя, но при этом надеялся, что «Московский сборник» не просто привлечет внимание общества, но и станет предметом обсуждения. Собственно, в этом и должно было выразиться то влияние книги на общественное мнение, на которое Победоносцев рассчитывал. Бывший профессор, видимо, искренне верил, что российские читатели, познакомившись с ранее неизвестными им темными сторонами демократии и узнав, что эти темные стороны критикуются самими западными авторами, по-новому оценят достоинства и недостатки различных форм правления. «Наша молодежь, — писал он Тихомирову, — к несчастью, питается одной русской дребеденью и потому, гоняясь за призраками правды, воображает, что там, где парламент, не может быть ни негодных министров, ни взяточничества, ни фаворитизма, а у нас только есть. Увы!»

Будучи убежден в неоспоримости этих и других представленных в «Московском сборнике» аргументов против парламентаризма, сановный публицист внимательно отслеживал все отзывы на свое издание, считая, что они «очень любопытны и поучительны». «Невежество наших либералов всколыхнулось, — писал он по этому поводу Тихомирову, — умнейшие из них молчат, а прочие — кто в лес, кто по дрова — точно встретили какого-то дикого и странного зверя»^{497}. Правда, и в 1890-е годы, и позже раздавались жалобы либеральных журналистов, что Победоносцев посредством цензурных стеснений ограничивал обсуждение своей книги. Однако, учитывая приведенные выше высказывания обер-прокурора, можно полагать, что вряд ли он сам отдавал подобные распоряжения. Если такие случаи и были, то, скорее всего, имело место «усердие не по разуму» кого-то из его подчиненных.

Высокий ранг сановного публициста, легенды, окутывавшие его

личность, широта затронутых в «Сборнике» вопросов, необычная форма подачи материала, широкое использование западных источников — всё это привлекло к изданию интерес читателей, причем на Западе интерес этот был выражен даже ярче, чем в России. В личном фонде обер-прокурора, хранящемся в Российской государственной библиотеке, отложилось множество отзывов о «Сборнике» на английском, французском, немецком и чешском языках, которые собирал сам Победоносцев. Зарубежные авторы, изучавшие это издание, пытались найти на его страницах ключ к разгадке извечных тайн русской души, постичь корни русской самобытности и причины отличия России от Европы, в частности, понять, почему самодержавная форма правления, от которой давно отказались западные страны, продолжала существовать в России. Книгу Победоносцева, писала лондонская «Таймс», «должен тщательно изучить всякий, кто желает основательно осмыслить подоплеку распространенных в России течений религиозной и политической мысли». В целом «Московский сборник» был принят на Западе благожелательно. Авторы консервативного толка выражали согласие с российским сановником по целому ряду вопросов, и даже те, кто не разделял воззрений обер-прокурора, признавали, что он — человек убежденный, отстаивающий свою позицию по принципиальным соображениям. «Думаем, — писала английская «Дейли грэфик», — что вряд ли кто-либо из англичан, читая книгу Победоносцева, не почувствует уважения к учености, богатым дарованиям и, прежде всего, глубокой искренности этого выдающегося защитника российского самодержавия»^{498}.

Безусловно, выход в свет «Московского сборника» вызвал взрыв энтузиазма и у большинства российских консерваторов, поспешивших дать ему самые лестные оценки. «Русский вестник» назвал его «без преувеличения... драгоценным сокровищем, о котором нельзя достаточно наговориться». Наиболее проникательные из консерваторов поняли суть задачи, которую поставил себе Победоносцев: подвергнуть критике западные политические порядки устами западных же авторов, снабдить своих сторонников аргументами в полемике против парламентского строя, — и поспешили заявить, что эта задача была успешно решена. «Эта книга — революционный манифест в области культуры, — заявил Б. В. Никольский. — Она предлагает не судить, а обороняться и гнать обратно мутные волны господствующих у нас учений. Русский ум вооружается в ней по всей западной границе»^{499}. Был и еще ряд отзывов в консервативной печати, написанных в столь же возвышенных тонах.

Однако оказать желаемое воздействие на российское и западное общественное сознание Победоносцев так и не смог.

Несмотря на все усилия Константина Петровича, в глазах значительной части общества — в том числе тех, кто все же не был склонен с порога отвергать приводимые им аргументы, — концептуальные построения «Московского сборника» и других его публикаций не выглядели убедительно. Сомнения вызывал центральный тезис Победоносцева о безнадежной испорченности человека, невозможности верить ему хотя бы малую толику политической свободы. Чрезмерно упрощая реальное состояние дел в обществе, этот тезис, указывали критики обер-прокурора, основывался на слишком широких обобщениях и, по сути, являлся не более чем зеркальным отражением столь ненавистной ему мысли о безусловном совершенстве человека. Опираясь на этот тезис, невозможно было наметить сколько-нибудь широкую и долговременную перспективу государственной политики, кроме той, которая опиралась бы на совокупность «малых дел»; но этого в конце XIX — начале XX века было уже совершенно недостаточно. «Неужели... — вопрошал в рецензии на «Московский сборник» Розанов, — люди так глупы и непоправимо глупы, что могут только сломать себе шею, идя вперед? Неужели люди так дурны в обыкновенном и пошлом смысле, что если они хотят идти вперед, то делают это как злые и испорченные мальчишки, только с намерением дебоша... Автор как бы рассматривает всё худое в увеличительное стекло, а всё доброе в отражении вогнутого уменьшающего стекла»^{500}.

И российские, и западные оппоненты Победоносцева обращали внимание на то, что его критика парламентаризма основывалась на вольных или невольных передергиваниях. Так, заявления о тотальной испорченности парламентариев, их неспособности думать ни о чем, кроме своекорыстных интересов, можно было убедительно опровергнуть ссылками на конкретные примеры — в частности на деятельность Гладстона, которого Победоносцев глубоко уважал и ценил. Российскому консерватору указывали, что критика парламентских институтов, широко распространенная на Западе, была нацелена главным образом на их улучшение и вовсе не означала призыва к отказу от них. Если кто на Западе и выступал за их ликвидацию, то не консерваторы, а социалисты, к которым, таким образом, обер-прокурор невольно примыкал. А либеральный журналист Л. З. Слонимский отмечал, что само по себе использование в «Московском сборнике» текстов западных авторов работало против Победоносцева — демонстрировало большую свободу и плюрализм западного общества, в котором можно было, находясь под

властью парламентского правления, критиковать его, не опасаясь наказания^{501}.

Эти и другие замечания, высказанные оппонентами Победоносцева, не позволяли надеяться, что его аргументы окажут значительное влияние на общественное мнение западных стран и либеральную часть русского общества. Но, пожалуй, самой серьезной проблемой для обер-прокурора стало нараставшее расхождение во взглядах с новым поколением русских консерваторов, в том числе с кругом «Русского обозрения» и других органов печати, на которые он рассчитывал опереться в рамках своей пропагандистской деятельности.

Проблемы во взаимоотношениях с консерваторами и органами печати, возникавшие у Победоносцева в 1890-е годы, были схожи с теми, которые были у него с Катковым и Мещерским. Обер-прокурор не переставали мучить сомнения в эффективности и допустимости традиционных форм газетно-журнальной деятельности, связанных с дискуссиями на политическую злобу дня, необходимостью отвечать, порой достаточно жестко, на возражения оппонентов. «Стоит прицепиться к газетной работе, — писал он Тихомирову, — чтобы распустить себя во все стороны и утратить досуг для сохранения себя на повседневной работе да еще — Боже сохрани — впутаться в раздражительную полемику, которая разъедает дух человека мелкой борьбой»^{502}. Обер-прокурор не оставлял попыток найти такой вид газетно-журнальной деятельности, который давал бы возможность влиять на общественное мнение, избегая при этом «грязи» и «склок», характерных, по его мнению, для обычных форм существования периодических изданий. Как и раньше, в качестве рецепта он предлагал сокращение по мере возможности дискуссионного и злободневного элемента, наращивание нравоучительных и назидательных мотивов. Руководителям редакций рекомендовалось опираться на духовные материалы, публиковать рассказы о прошлом, биографии «скромных тружеников провинции» — рядовых священников, учителей сельских школ и др.

Дабы не ввязываться в дискуссии, получавшие в обществе громкий резонанс, а подчас и выявлявшие слабость аргументов консерваторов, нужно было, по мнению Победоносцева, с большой осторожностью затрагивать «горячие» политические вопросы. На практике это сводилось к рекомендации едва ли не полного молчания. «Берегитесь статей о голоде, — писал в 1891 году обер-прокурор С. А. Петровскому, преемнику Каткова на посту руководителя «Московских ведомостей». — Помолчите о

Финляндии, помолчите также о патриархах и греках»^{503}. Похожие указания в течение всего десятилетия 1890-х годов получали другие представители консервативной печати. Неудивительно, что у наиболее энергичных из них со временем подобные рекомендации стали вызывать едва скрытое раздражение. «Я лично вполне согласен хоть и совсем замолчать, — заявлял Тихомиров. — Только думаю, что сам вопрос не замолчит»^{504}.

Взаимоотношения Победоносцева с консерваторами в 1890-е годы осложнялись и тем, что многие из них считали необходимым более четкое оформление основных программных пунктов консервативной идеологии, тогда как обер-прокурор в духе своих представлений о непознаваемости фундаментальных основ бытия по-прежнему считал это совершенно излишним. «Теперь... едва ли удобное время ставить на очередь тему о монархии, — убеждал он Тихомирова в апреле 1896 года. — Теперь на эту тему целый кружок ревностных не по разуму консерваторов предается самым диким и невежественным фантазиям». В ноябре того же года он крайне скептически оценил попытки Розанова «толковать о самодержавии и отыскивать «перл создания»^{505}. Самим же Розанову, Тихомирову и другим представителям нового поколения консервативных общественных деятелей в преддверии политических бурь XX века проповедуемая обер-прокурором опора на «смутные образы» и «безотчетные ощущения» казалась совершенно недостаточной. В результате между ними неудержимо нарастали разногласия, а некоторые представители этого поколения (наиболее яркий пример — Розанов) даже перешли к критике Победоносцева и возглавляемого им ведомства.

Разумеется, далеко не все сотрудники консервативных изданий осмеливались идти наперекор воле обер-прокурора, всё еще имевшего влияние в верхах. Однако у тех, кто остался под его эгидой и руководил изданиями, на которые он пытался опереться в идеологической борьбе, безудержно нарастала апатия. «Удивительное дело, как наши редакции журналов плохо устроены — всё дело лишь в подборе сотрудников, а самой деятельности нет — и некогда», — писал обер-прокурор в 1895 году Тихомирову о «Московских ведомостях» и «Русском обозрении». Те направления деятельности, благодаря которым консервативные издания должны были стать действенными органами идеологической борьбы, так и не обрели прочной основы. Не было, в частности, систематического использования иностранных газет и журналов, на чем настаивал Победоносцев. Никто не откликнулся и на его призыв заняться сбором

критической информации о светских начальных школах, чтобы защитить от критики школу церковную. Библиографический отдел «Русского обозрения» находился в хаотическом состоянии («кем-то надергиваются какие-то случайные отзывы о каких-то книгах и книжонках»). Ситуация становилась особенно опасной на фоне напористой деятельности оппозиционных изданий, ведшейся, как вынужден был признать сам обер-прокурор, умело и энергично. ««Русские ведомости», — писал он Рачинскому, — к несчастью, самая искусная газета... И нет таланта, кто умел [бы] побороться с ней»^{506}.

Неудивительно, что в подобной ситуации консервативные газеты и журналы неудержимо клонились к упадку. «Жаль, что чахнут наши журналы хорошего направления, — сетовал Победоносцев в письме Рачинскому в сентябре 1897 года. — Нет людей способных и хозяйственных... Никто не умеет держаться на своих ногах, и все хотят жить и умеют жить только субсидиями»^{507}. В результате «Русское обозрение» закрылось в 1898 году, влияние других консервативных органов печати тоже шло на спад.

В целом начинания Победоносцева на идеологическом поприще, предпринятые в последнее десятилетие XIX века, оказались немногим успешнее, чем его попытки воздействовать на правительственный курс и возродить те механизмы, на которых прежде основывалось его влияние. Здесь также всё постепенно свелось к критическому, негативистскому подходу, что еще больше способствовало закреплению за Победоносцевым репутации «бюрократического нигилиста». Однако этим дело не ограничилось. Попытки обер-прокурора «объясниться», обратиться к обществу посредством печатной страницы всё же оставили значительный след в сознании современников, заставили размышлять над взглядами и личностью обер-прокурора, а не просто подвергать его огульной критике. Пожалуй, ярче всего особенности восприятия личности консервативного государственного деятеля отразились в том «образе Победоносцева», который сложился на рубеже веков в русском общественном, в том числе художественном сознании.

Образ и личность

Одной из особенностей исторической судьбы обер-прокурора было пристальное внимание со стороны не только политиков и публицистов, но

и представителей творческих кругов — писателей, поэтов, эссеистов, художников. Личность и взгляды Победоносцева в сознании современников как-то не «ухватывались» при помощи обычного научно-публицистического анализа; требовалось их художественное, образное осмысление. Примеры этого осмысления во второй половине XIX — начале XX века были многочисленны и связаны с именами, занимавшими первые места в ряду творцов русской культуры. Литературоведы до сих пор спорят, был ли Победоносцев прототипом Каренина и Топорова в романах Толстого «Анна Каренина» и «Воскресение». Однако его «вклад» в создание образа сенатора Аблеухова из романа Андрея Белого «Петербург» (1912) неоспорим. Обер-прокурор фигурировал под своим именем в поэме А. А. Блока «Возмездие» (1910–1921), стал героем целого ряда мемуарно-художественных эссе В. В. Розанова. Его портреты, созданные В. А. Серовым (1902) и И. Е. Репиным (1903), явились заметным явлением русской художественной жизни рубежа веков.

Почему же именно обер-прокурор привлекал к себе столь пристальное внимание представителей творческой интеллигенции Серебряного века? На какие черты личности знаменитого «русского Торквемады» они в первую очередь обращали внимание, какую трактовку им давали?

Представителям литературно-художественных кругов, встречавшихся с Победоносцевым, — а он, как отмечалось выше, был доступен для публики, с ним непосредственно общалось довольно много современников — прежде всего бросалась в глаза его необычная наружность. Его чертам чаще всего давали «зловещее» истолкование, которое в принципе должно было совпадать с представлениями о значении государственной деятельности обер-прокурора. «Бледный, как покойник, — писал о Константине Петровиче живописец Александр Бенуа, — с потухшим взором прикрытых очками глаз, он своим видом вполне соответствовал тому образу, который русские люди себе составили о нем, судя... по той роли, считавшейся роковой, которую он со времен Александра III играл в русской государственной жизни»^{508}. Зинаиде Гиппиус глава духовного ведомства запомнился едва ли не как воплощение сверхъестественных сил: «...неизвестного возраста человек-существо с жилистой птичьей шеей и — главное (это-то меня и поразило) — с особенно бледными, прозрачно-восковыми, большими ушами». В этих ушах экзальтированной писательнице виделось «даже что-то жуткое»^{509}.

От подобных впечатлений легко было перебросить мостик к художественным образам, в которых должны были воплотиться все самые

мрачные представления о взглядах и деятельности обер-прокурора; и такие образы в художественной и общественно-политической жизни России были представлены в изобилии. Победоносцева очень часто сравнивали с летучей мышью, вампиром — ночным существом, которое обессиливает страну, оставаясь при этом в тени, встреча с которым не сулит ничего хорошего обитателям обычного, «дневного» мира. Такие уподобления были особенно широко распространены в карикатурах и памфлетах времени первой русской революции. В романе Андрея Белого в сюжетах, связанных с сенатором Аблоуховым — олицетворением бюрократизма, сковывающего своей властью живые силы России, — это существо часто появляется.

ПОБЕДНОСЦЕВЪ

Для создания образа обер-прокурора в художественных и литературных произведениях использовалось еще одно ночное существо — сова, видимо, уже с оттенком боязливого почтения (эта птица — символ мудрости, пусть и носящий в данном случае зловещий характер). Задолго до Блока (в чьей поэме, как известно, «Победоносцев над Россией / Простер совиные крыла») к подобному уподоблению прибегнул Репин, при работе над картиной «Торжественное заседание Государственного совета» сознательно поставивший перед собой задачу усилить в облике главы духовного ведомства «совиные» черты. «Так совсем сова — удлинить очки»^{510} — такую пометку, по воспоминаниям чиновника Л. Д. Любимова, оставил художник напротив фамилии Победоносцева.

Существа, ведущие ночной образ жизни, воспринимались в то время как воплощения сумрака, потемок, наступивших в стране, согласно распространенным представлениям, в начале 1880-х годов, после поворота правительственной политики к реакции («тень огромных крыл», «в сердцах царили сон и мгла»). С ними связывался и мотив всеобъемлющей, но неосязаемой тайной власти, что вполне соответствовало господствовавшим в обществе представлениям о Победоносцеве как всемогущем «сером преосвященстве».

Ночной мрак, с которым часто сопрягался образ Победоносцева, логично связывался с мотивом холода, снега или льда, замораживающего Россию до полного оцепенения. Эту реминисценцию использовали и Белый (в его романе дыхание таинственной летучей мыши — воплощения самодержавной государственности — «крепко обковывало льдом гранитов и камней некогда зеленые и кудрявые острова»), и Репин. Последний при создании портрета обер-прокурора — этюда к картине «Торжественное заседание Государственного совета» — работал в особой манере: гладкое письмо, скользящие линии, серо-белые тона, подчеркивающие ледяную неподвижность, безжизненность облика портретируемого. Нередко обер-прокурор изображался не просто как воплощение ночной тьмы и льда, но и как выходец из потустороннего мира. В эпиграмме В. С. Соловьева он «Кащей», у Блока кладет «рукой костлявой живые души под сукно». Примечательно, что петербургская премьера оперы «Кащей Бессмертный»

Н. А. Римского-Корсакова в 1905 году завершилась скандалом — в финале представления публика устроила политическую демонстрацию, бурно приветствуя победу светлых сил над главным героем, отождествляемым ею с обер-прокурором^{511}.

Частыми при изображении Победоносцева были также мотивы старческого бессилия, неспособности ничего сотворить («скопец от утробы» — из эпиграммы В. С. Соловьева), естественным образом внушить к себе любовь невесты-России, отданной ему во власть. Здесь сошлись воедино распространенная оценка политической деятельности обер-прокурора («бюрократический нигилист»), особенности внешности (он всегда выглядел крайне болезненным и изможденным, значительно старше своих лет) и обстоятельства его личной жизни (был женат на женщине намного младше себя и не имел детей). Всё перечисленное работало на отрицательную оценку Победоносцева и способствовало созданию образа, который после начала первой русской революции был широко растиражирован в многочисленных памфлетах и карикатурах.

Однако памфлетно-карикатурный подход всё же оказывался недостаточным для понимания личности Победоносцева. Общество так или иначе ощущало, что за начинаниями обер-прокурора стояло нечто большее, чем примитивно полицейские соображения, сознавало, что обычные обличения не помогут адекватно осмыслить то, что произошло в стране за 25 лет, связанных с политическим влиянием консервативного сановника. Наиболее проницательные современники не просто критиковали Победоносцева, а предлагали разгадку явлений, связанных с его деятельностью. Подобные искания отразились как в публицистических сочинениях, так и в художественных произведениях.

Обер-прокурор представал фигурой неоднозначной в первую очередь потому, что в своих действиях, как было ясно даже его оппонентам, руководствовался определенной идеологией, ставил перед собой некую сверхзадачу — пусть даже обосновывавшие ее идеи были совершенно неприемлемы для значительной части русского общества. «Выдающийся ученый и мыслитель Константин Петрович Победоносцев, — писал известный литературовед С. А. Венгеров, — занимает в рядах представителей нашего бюрократического строя совсем особое место... По уму, знаниям и дарованиям Победоносцев был головою выше всех бюрократов наших.... первый из русских бюрократов создал целую стройную теорию застоя и возвел в перл создания всё то, что исключает Россию из семьи культурных народов»^{512}. Этим он отличался от

«обычных», пусть и высокопоставленных чиновников, которые, выступая против расширения общественных свобод, просто защищали власть ради власти. Наличие в деятельности обер-прокурора идеологической и даже интеллектуальной составляющей, по мнению многих современников, как раз и давало ему возможность оказывать столь сильное влияние на русское общество, в целом не сводившееся к полицейским репрессиям и принуждению. «По его воле, — писал автор одного из посвященных обер-прокурору некрологов, — мы неуклонно шли назад, хотя все чувствовали необходимость идти вперед. Победоносцева считали злым гением России, но его логике, точно загипнотизированные, подчинялись все — и те, которые от него нисколько не зависели»^{513}.

Если обратиться к художественному осмыслению подобных настроений, то стоит вновь вспомнить поэму Блока. Обер-прокурор предстает в ней не как воплощение примитивного насилия, а как фигура значительно более сложная: «волшебник», «колдун», который сумел подчинить своей власти «красавицу»-Россию с помощью магических, сверхъестественных свойств, которыми был наделен. Он очертил Россию «дивным кругом», «заглянув ей в очи стеклянным взором колдуна», сумел усыпить ее «под умный говор сказки чудной». Россия под властью Победоносцева не умерла, но погрузилась в некий гипнотический транс: «затуманилась она, заслав надежды, думы, страсти». Мотив засыпания, неподвижности, оцепенения, часто встречающийся и в публицистических отзывах об обер-прокуроре, и в рамках художественного осмысления его образа, безусловно, был навеян и его собственными сочинениями — теми их пассажами, которые воспринимались как идеологические манифесты самого Победоносцева и едва ли не всей самодержавной государственности. Многим читателям запомнилось то место в «Московском сборнике», где воспевалась «натуральная земляная сила инерции», которую «близорукие мыслители новой школы безразлично смешивают с невежеством и глупостью»^{514}. Безусловно, на пороге XX века мало кто из мыслителей осмелился бы выступить с подобными заявлениями, воспринимавшимися тогда как гимн полной неподвижности. Однако уже то, что консервативный сановник не побоялся обнародовать свою точку зрения, несмотря на ее явную непопулярность, если и не вызывало уважение к обер-прокурору, то по крайней мере привлекало к нему внимание.

Почтовая открытка с карикатурой на К. П. Победоносцева «Как обратить Русь в христианство». 1905–1907 гг.

Необычайная настойчивость и упорство в отстаивании своих взглядов на протяжении многих десятилетий — качества, в начале XX века уже нечасто встречавшиеся у высокопоставленных чиновников, — также вызывали интерес к Победоносцеву. «Все знали его за человека, абсолютно неподкупного ничем: ни деньгами, ни властью, ни честолюбием, — писал автор одного из некрологов. — Он знал только «идею», которой и служил

до гробовой доски»^{515}. В свете подобных представлений обер-прокурор, как ни парадоксально, для некоторых современников являлся воплощением не только слабости, старческого умирания и немощи, но и силы. У Блока Победоносцев властвует над Россией «рукой железной». В глазах некоторых литераторов-символистов обер-прокурор становился едва ли не самым ярким примером того типа «сильной личности», который играл столь большую роль в культуре Серебряного века. Так, в разговоре с издателем М. В. Сабашниковым Д. С. Мережковский, несомненно, по политическим взглядам далекий от главы духовного ведомства, называл его «эстетически и психологически ценным по своей силе явлением в нашем поразительном безлюдии», особенно важным при «бедности нашей в крупных характерах»^{516}. Эти и другие замечания, свидетельствовавшие о неоднозначности восприятия личности обер-прокурора на рубеже веков, способствовали созданию сложного, противоречивого «образа Победоносцева», который занял значительное место в сознании современников, повлиял на последующие исторические исследования и стал неотъемлемой частью истории русской культуры предреволюционных десятилетий.

Западноевропейские современники, принадлежавшие к иным культуре и общественной среде, подмечали существенные детали личности Победоносцева, оставшиеся незамеченными соотечественниками. Само по себе внимание иностранцев к Константину Петровичу было важным и в определенной степени закономерным явлением общественно-политической и культурной жизни 1890-х годов: оно отражало, с одной стороны, усилившийся на Западе интерес к России, стремление разобраться в особенностях ее общественно-политического уклада и идейной жизни, с другой — всё еще бытовавшие представления о всемогуществе обер-прокурора. Своеобразная европейская «популярность» Победоносцева, безусловно, объяснялась и его активной публицистической деятельностью, изданием на Западе его сочинений, в первую очередь «Московского сборника». Совершенно необычное, интриговавшее иностранцев совмещение разных ипостасей — воспитатель двух царей, «серый кардинал» государственной политики, глава церковного ведомства, идеолог самодержавия — создавало впечатление, что, обратившись к Победоносцеву, можно получить ответ сразу на все интересовавшие западную публику вопросы: о «тайне русской души», причинах необычайной прочности самодержавной формы правления в России, о роли православия в жизни Русского государства и народа и т. п.

Интерес европейских современников к обер-прокурору поддерживался во многом его же усилиями. Победоносцев никогда не отказывался от контактов с западными журналистами, дипломатами, государственными и общественными деятелями, а порой и напрашивался на общение с ними. В письмах друзьям он любил пожаловаться, как много хлопот и неудобств доставляют ему эти встречи, якобы вовсе не желанные: «...так называемая европейская известность газетная тяготеет на мне, и рад бы я ее свалить с себя»^[517]. Однако в этих сетованиях велика была доля лукавства. Громко декларируя неприязнь к Западу, обер-прокурор очень пристально следил за появлением в тамошней печати оценок, даваемых ему и его сочинениям общественным мнением европейских стран. Кроме того, встречи с иностранцами он, как отмечалось выше, считал важным способом воздействия на европейские общественные круги, средством внушения им «правильных» суждений и оценок.

Сохранилось довольно много свидетельств западных авторов — дипломатов, ученых, литераторов, журналистов — о встречах с Победоносцевым, и красной нитью через эти отзывы проходит удивление, даже шок от контраста между расхожим образом обер-прокурора, существовавшим в то время в западной печати, и впечатлениями при личных встречах. «В английских газетах, — вспоминал посланник Соединенных Штатов в России в 1892–1894 годах Э. Д. Уайт, — Победоносцева описывали каким-то Торквемадой XIX века, а между тем я в нем нашел любезного, приветливого ученого, горячо откликавшегося на все явления общественности»^[518]. Схожим образом отзывался о российском консерваторе литератор и дипломат Э. М. де Вогюэ, в течение долгого времени служивший секретарем французского посольства в России. Француза поразили необычные литературные вкусы высокопоставленного сановника — его увлечение английскими поэтами-романтиками П. Б. Шелли, Р. Браунингом, А. Ч. Суинберном. «Во время первой нашей встречи, — вспоминал Вогюэ, — настроенный против него ходившими о нем легендами, я был ошеломлен, услышав отзывы о его любимых авторах, высказанные с величайшим жаром, отражающим свободу его духа»^[519]. Уайт был удивлен, узнав об интересе русского вельможи к американским литераторам того времени: поэту Дж. Р. Лоуэллу, прозаику Н. Готорну, философу Р. У. Эмерсону.

Отмечая широкую образованность Победоносцева, его иностранные собеседники в некоторых случаях мысленно пытались встать на его точку зрения в политических вопросах, проникнуть в суть его воззрений, отчасти

признавая его правоту. Так, Уайт в своих мемуарах воспроизвел систему аргументов, при помощи которых Победоносцев обосновывал поддержание в России системы религиозных ограничений для иноверных исповеданий: на переломных этапах истории эти исповедания могут выступить фактором дезинтеграции единого государства; русский народ нуждается в опеке правительства, он не выдержит открытого столкновения с пропагандой иноверия и т. д. По словам Уайта, жесткая борьба обер-прокурора против неправославных исповеданий была обусловлена сугубо политическими причинами, он никогда не отзывался негативно о собственно религиозной стороне разных вероучений. Американский дипломат отвергал сыпавшиеся на главу духовного ведомства упреки в лицемерии, стремлении использовать набожность как орудие политической борьбы. По мнению Уайта, все внешние и даже подчас демонстративные проявления благочестия в поведении российского консерватора опирались на глубокое религиозное чувство. Проявлением этого чувства были, в частности, искренний интерес обер-прокурора к церковному искусству и, по мнению дипломата, тонкое понимание сановником его духовных основ. Во время встреч с иностранцами, в частности с Уайтом, он подробно разъяснял им религиозный, символический смысл тех или иных аспектов православной гимнографии, обсуждал с ними выдающиеся образцы церковной живописи и архитектуры.

Одобрительно отзывались о различных аспектах взглядов и деятельности Победоносцева и другие западные современники. Так, по мнению де Вогюэ, обер-прокурор, являясь безусловным консерватором в политике, в то же время в силу своей интеллектуальной пытливости, чуткости ко всему новому в художественно-литературной сфере выступал либералом в старинном, неполитическом смысле этого слова. О религиозности обер-прокурора с одобрением писал посол Франции в России в 1903–1908 годах Морис Бомпар^{520}.

Однако даже положительные отзывы иностранцев о Победоносцеве сопровождалась серьезными оговорками, демонстрировавшими неоднозначность восприятия этой фигуры на Западе. Безусловно, европейские авторы не могли согласиться с уничижительными оценками, даваемыми Победоносцевым парламентской демократии, не могли признать и обоснованность религиозных гонений в России, какими бы аргументами обер-прокурор ни оправдывал их необходимость. Показательно, что даже Уайт, в целом очень благожелательно относившийся к российскому сановнику, закончил свои воспоминания о нем резким протестом против преследования религиозных меньшинств в

России и указал (уже после начала первой русской революции), что Победоносцев был в числе тех, кто «довел русскую правительственную политику до разрушения»^{521}.

Де Вогюэ, переходя от личных благожелательных впечатлений от общения с Победоносцевым к анализу его политических взглядов, фактически высказался против аргументов, обосновывавших его консервативную политику. Для француза, в частности, был неприемлем излюбленный тезис обер-прокурора о сходстве целей революционеров и либералов. Напротив, доказывал де Вогюэ, именно революционеры своими покушениями в начале 1880-х годов сорвали поворот правительственной политики в либеральное русло, вследствие чего к власти пришли консерваторы. Последние же своей жесткой политикой постоянно подпитывали недовольство в обществе и создавали возможность для деятельности революционеров. Бомпар отмечал, что на исповедуемой российским сановником идее тотальной испорченности человека, преобладания в нем злого начала нельзя строить управление государством.

Эти и другие отзывы свидетельствовали, что Победоносцеву, при всём старании, не удалось преодолеть разрыв, отделявший его от западных современников. Понятно, что во взаимоотношениях с русским обществом у обер-прокурора возникало еще больше противоречий, причем эти противоречия, постепенно накапливаясь, неизбежно должны были выйти на поверхность сразу же после начала в России серьезных социально-политических потрясений. Такой момент наступил в начале XX века, в преддверии и сразу после начала первой русской революции.

Угасание

В феврале 1905 года первоприсутствующий в Синоде митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) в ответ на запрос председателя Комитета министров С. Ю. Витте направил ему записку «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви». Записка стала отправной точкой церковных реформ и во многом запустила процесс, в октябре того же года приведший к отставке Победоносцева с поста обер-прокурора. В документе, подготовленном митрополитом Антонием при содействии ректора Санкт-Петербургской духовной академии архимандрита Сергия (Страгородского), ставился вопрос о проведении в Церкви преобразований, многие из которых еще во второй половине XIX века обсуждались славянофилами и

вызвали резкую отповедь Победоносцева. Среди предлагаемых мер были децентрализация системы церковного управления с повышением роли приходов, расширение общественных прав духовенства, введение мирян в состав епархиальных съездов. Главное же — авторы записки били в самую сердцевину обер-прокурорского влияния, считая необходимым устранить постоянную опеку светской власти над религиозной сферой, которая «лишает Церковь самостоятельности и инициативы и, ограничивая область ее ведения почти одним богослужением и исправлением треб, делает ее голос совсем неслышным ни в частной, ни в общественной жизни»^{522}.

Появление записки, оказавшейся для обер-прокурора во многом неожиданной, стало для него тяжелым ударом. Ведущие иерархи Церкви, по сути, члены ее руководства, фактически заявили о провале курса, проводимого Победоносцевым в течение двадцати пяти лет его обер-прокурорства, причем обратились к одному из высших государственных сановников через голову главы духовного ведомства, что было вопиющим нарушением сложившихся к тому времени бюрократических правил и явно свидетельствовало о подрыве основ субординации в церковном ведомстве. Наконец, оказавшийся в центре бунта митрополит Антоний долгие годы был близок к Победоносцеву и многим ему обязан, делал карьеру благодаря его покровительству, тесно сотрудничал с его супругой на поприще руководства Свято-Владимирской школой.

Подачу записки Победоносцев счел ударом в спину. «Стал нам несносен и опозорил Церковь нынешний Митрополит, к которому чувствуем только презрение»^{523}, — писал он в марте 1905 года одному из своих доверенных корреспондентов, управляющему Московской синодальной типографией Сергею Дмитриевичу Войту. Безусловно, обер-прокурором были немедленно приняты меры и против попыток реформ, и против самого Антония (пошли слухи, что он будет смещен со столичной кафедры и отправлен в Грузию). Собственно, борьбой против церковных преобразований в основном и были заполнены последние месяцы пребывания Победоносцева у власти. Однако остановить реформы было уже невозможно. Их неизбежность определялась целым рядом факторов, подспудно вызревавших в течение всего пребывания Победоносцева на посту главы духовного ведомства и во многом связанных с его деятельностью.

Одним из таких факторов было неуклонно нараставшее недовольство массы иноверцев, принудительно удерживаемых в православии. Напряженность копилась в разных регионах — среди буддистов

Забайкалья, мусульман Поволжья и Приуралья, лютеран Прибалтики, но прежде всего — среди бывших униатов и католиков западных губерний и Польши. Долго зревший нарыв прорвался в апреле 1905 года, когда после объявления свободы совести только в католицизм за два с половиной года перешло свыше 170 тысяч человек^[524]. Выражали недовольство своим принижённым положением и старообрядцы, на упорство которых очень слабо повлияли собеседования и прочие разъяснительные мероприятия, организованные Победоносцевым. С середины 1890-х годов царю и правительству поступали прошения с десятками тысяч подписей о расширении прав сторонников «старой веры», ограждении их от преследований со стороны полиции и чиновников, зачастую действовавших под влиянием духовного ведомства.

В некоторых случаях столкновения на религиозной почве, вызванные протестами против притеснений, приобретали открытый характер и широкий размах, получали громкую известность в России и за рубежом. Одним из наиболее значительных стало дело секты духоборов, адепты которой ещё при Николае I были высланы в Закавказье, создали там процветающие общины, однако в середине 1890-х годов выступили против вводимых государством порядков, в частности против призыва на военную службу, и за это подверглись преследованиям. История духоборов вызвала сильный, в том числе международный резонанс (дело закончилось эмиграцией сектантов в Канаду). Особое звучание придало ситуации выступление в защиту религиозных диссидентов Л. Н. Толстого, всё дальше уходившего от установок господствующей Церкви. Реакцией на действия Толстого (в том числе публикацию в 1899 году романа «Воскресение») стало сделанное в феврале 1901 года официальное объявление Синода об отпадении писателя от Русской православной церкви, что также вызвало широкий общественный отклик.

Проблемы религии и Церкви в это время вызывали в обществе всё больший интерес, разумеется, далеко не всегда уместившийся в предписанных духовным ведомством рамках. Об этом свидетельствовали, в частности, 22 религиозно-философских собрания, состоявшихся по инициативе давних знакомых Победоносцева — Розанова и Мережковского. В собраниях, руководимых епископом Сергием (Страгородским), участвовали представители как светской интеллигенции, так и духовенства, а среди предметов обсуждения были наиболее злободневные вопросы современности: о взаимоотношениях Церкви и государства, светской и религиозной культур, о свободе интеллектуального творчества в рамках Церкви и, разумеется, о свободе совести. Проработали

собрания сравнительно недолго — с ноября 1901 года по апрель 1903-го, в том числе и потому, что их деятельность перестала устраивать Победоносцева. Однако вклад, который они внесли в изменение общественной атмосферы, был весьма значителен. Впервые вопросы, касавшиеся положения Церкви в обществе, были вынесены на обсуждение, вызвавшее живую реакцию общественности, а клирики участвовали в собраниях вместе с известнейшими представителями светской интеллигенции и литературно-художественного мира. После этого вернуться к практике ухода от дискуссий и погружения в «назидательность», существовавшей в духовном ведомстве во многом благодаря усилиям Победоносцева, было уже невозможно.

Начало церковных реформ приближали также непрекращающиеся волнения в духовно-учебных заведениях, чьи воспитанники были недовольны тем, что начальство искусственно отгораживало их от светской культуры. Всё чаще в периодической печати появлялись публикации с обоснованием необходимости преобразований в Церкви, в том числе принадлежавшие перу консервативных публицистов. Так, в 1902 году давний сотрудник Победоносцева Тихомиров выступил в «Московских ведомостях» со статьей «Запросы жизни и наше церковное управление», в которой в духе уже определившихся реформаторских чаяний намечал меры, с его точки зрения, позволившие бы сделать Церковь влиятельной общественной силой: возобновить созыв поместных соборов, возродить патриаршество, расширить состав Синода за счет белого духовенства, свести задачи обер-прокуратуры к чисто надзорным функциям. Безусловно, эти требования не могли вызвать одобрения главы духовного ведомства.

Большую часть изменений, происходивших или намечавшихся в общественной жизни, Победоносцев воспринял настороженно или даже враждебно, что особенно характерно для его отношения к ино-и инаковерию. Предпринятые в первые годы XX века осторожные попытки властей несколько снизить давление на старообрядчество, привлечь его на свою сторону и использовать консервативный потенциал сторонников «старой веры» в борьбе против революционных настроений вызвали резкий протест обер-прокурора. Чрезвычайно неуместным показалось ему издание манифеста от 26 февраля 1903 года, подготовленного его давним недругом Мещерским и содержавшего обещание властей провести в будущем ряд умеренных преобразований. «Нельзя шутить с огнем»^{525}, — писал обер-прокурор министру внутренних дел Плеве по поводу намеченной в манифесте перспективы расширения свободы совести. По его мнению, старообрядчество оставалось злейшим врагом государства и

любые уступки ему и другим направлениям инаковерия имели бы самые тяжелые последствия.

Выступая против церковных реформ и крайне негативно относясь к возможным послаблениям в отношении свободы совести, престарелый сановник, разумеется, не менее упорно выступал против обсуждавшихся в верхах вариантов либерализации правительственной политики. Робкие шаги министра внутренних дел Петра Дмитриевича Святополк-Мирского (преемника убитого террористами Плеве) навстречу обществу вызвали крайне раздраженную реакцию Победоносцева. «Новый министр внутренних дел как повел дело? — с раздражением заявлял он А. В. Богданович 5 декабря 1904 года. — Что изображает из себя печать? Прямо кабак»^{526}. «Я вижу, — писал он Витте в конце месяца, — что обезумевшая толпа несет меня с собой в бездну, которую я вижу перед собой, и спасения нет»^{527}.

В конце 1904 года Святополк-Мирский в преддверии неизбежной революции сделал попытку хоть немного скорректировать правительственный курс — выдвинул проект, близкий по содержанию к давним планам Лорис-Меликова. Обер-прокурор, призванный на совещание по поводу этого проекта Николаем II (тот в характерной для него манере сначала заявил правительственным сановникам, что Победоносцеву незачем участвовать в обсуждении, а затем тайно прислал ему приглашение), заявил, что самодержавие ограничивать нельзя, ибо эта форма правления покоится на религиозных началах. Из текста готовившегося правительством указа от 14 декабря по его настоянию было изъято положение о представительстве, что сделало этот акт в значительной степени бессмысленным. По мнению Победоносцева, твердость, проявленная правительством в данном вопросе, сама собой должна была способствовать умиротворению страстей. Однако в реальности вышло наоборот: в январе 1905 года в России началась революция, в связи с чем вопрос о преобразованиях как в светской, так и в церковной сфере перешел в практическую плоскость.

Опираясь на текст указа от 14 декабря, в который всё-таки был включен пункт о свободе совести, председатель Комитета министров Витте обратился к митрополиту Антонию за отзывом, который и привел к разворачиванию описанных выше событий. Переписка Антония и Витте вывела обсуждение церковных вопросов на высший правительственный уровень, после чего поворот вспять стал уже невозможен. Глава Комитета министров, видимо, недовольный краткостью записки Антония,

распорядился составить более обширный меморандум о положении дел в Церкви. Документ, подготовленный профессорами Санкт-Петербургской духовной академии и распространенный Витте в правительстве от своего имени, содержал еще более резкую оценку ситуации, нежели в записке митрополита: отмечалось, что деятельность органов церковной администрации к началу XX века окончательно свелась к соблюдению внешних бюрократических форм, без непосредственного общения с народом; церковный приход фактически перестал существовать как самостоятельная, живая общественная единица; духовенство было лишено возможности оказывать моральное воздействие на массу прихожан — прежде всего из-за материальной необеспеченности, заставлявшей заниматься поборами и ввязываться в конфликты с паствой. Что же касается взаимоотношений с образованным обществом, то, по мнению авторов записки, оказать влияние на него клирикам мешала специфическая организация русской духовной школы. В документе явно звучала критика принципов, которые Победоносцев положил в основу своей деятельности: «В превосходство нашего государственного строя... наше духовенство верит, но только детской верой, и потому, когда обстоятельства вызывают его... встать на защиту тех или иных государственных задач — последняя оказывается настолько неумелой и порой даже настолько наивной, что... производит только отрицательное действие»^{528}.

Победоносцев, разумеется, разглядел в записке критические выпады против его политики и попытался дать максимально убедительный, с его точки зрения, ответ, однако лишь повторил рассуждения, которые окружающие слышали от него в течение многих лет, и уже не вызывавшие доверия. Так, отрицая способность Церкви действовать без поддержки государства, отвергая расширение ее автономии, обер-прокурор вновь ссылаясь на огромные пространства, бедность и некультурность основной массы населения, причем последние качества стали в представлении Победоносцева некими постоянными характеристиками России, исправить которые он, видимо, уже не пытался. Искоренение бюрократизма в церковном ведомстве и правильная постановка духовно-учебного дела, по мнению обер-прокурора, целиком зависели отличных усилий архиереев, которым, считал он, никто не мешал принять необходимые меры. Видимо, глава Синода продолжал надеяться, что подбор достойных деятелей на руководящие посты и незаметная, подспудно совершающаяся работа «скромных тружеников» на местах постепенно даст необходимый эффект, причем запас времени, судя по всему, казался ему безграничным. «Нужно

трудиться и трудиться, учиться и учиться»^{529}, — писал он в разгар революционных событий епископу Псковскому Арсению (Стадницкому).

Расширение независимости Церкви, с точки зрения Победоносцева, было невозможно еще и потому, что епископы, оставшиеся без отеческой опеки обер-прокурора, должны были, по его мнению, немедленно перессориться. Кажется, и свою тактику борьбы против церковных реформ он выстраивал исходя из неизбежности таких раздоров. На аудиенции у Николая II он добился передачи вопроса о реформах на рассмотрение Синода. Однако и этот орган, казалось бы, целиком покорный обер-прокурору, подтвердил необходимость преобразований — принял решение о восстановлении патриаршества и созыве поместного собора, на обсуждение которого предлагалось вынести проекты реформ основных звеньев церковного управления. К негодованию Победоносцева, решение Синода поддержал один из его ближайших сотрудников В. К. Саблер. «Теперь раскрывается, как этот человек меня обманывал и под меня подкапывался»^{530}, — возмущался глава духовного ведомства.

Но и после этого удара престарелый сановник не сложил оружие. По его настоянию Саблер был немедленно уволен без положенных ордена и благодарственного рескрипта. На доклад Синода царь, также по требованию Победоносцева, наложил резолюцию, откладывая созыв собора на неопределенный срок. Одновременно обер-прокурор начал готовить передачу основных реформаторских предложений на обсуждение епархиальных архиереев, явно рассчитывая на возникновение разногласий в их среде, а также между ними и другими слоями духовенства. Он начал «разворачивать фронт», доказывая царю, что именно епископы являются воплощением негативных тенденций в церковной системе. «Архиерейское правление, — писал он царю, — почти всюду наполнено неправды, хищений и самовластья... Простые русские люди и всё белое духовенство... возмущены до глубины души и шлют отчаянные вопли... Все видели себе заступничество и прибежище в обер-прокуроре и теперь страшатся архиерейской власти»^{531}. По сути, Победоносцев в последние месяцы пребывания у власти попытался возродить традиционный прием обер-прокурорско-го управления — «разделяй и властвуй»: противопоставить белое духовенство черному. Однако вся его предшествовавшая деятельность, рассчитанная на поддержку именно епископата, не позволяла рассчитывать на симпатии более широких слоев клира. При этом епископат не оправдал надежд главы духовного ведомства. Обсуждение предложений Синода, открытое в конце лета — начале осени

1905 года, довольно быстро выявило, что большинство архиереев (некоторые в своих отзывах опирались на резолюции созванных ими совещаний рядового духовенства и мирян) высказались в поддержку реформ.

Безусловно, позиция, занятая духовенством в 1905 году, стала для Победоносцева тяжелым ударом. Он воспринял ее как проявление черной неблагодарности лично к нему, так заботившемуся об интересах Церкви. Обер-прокурор и раньше не стеснялся в выражениях по адресу духовных лиц, а теперь его высказывания — в частности в переписке с С. Д. Войтом — стали особенно резкими: «Духовные наши потеряли голову, и академии бросились в либерализм» (письмо от 16 марта 1905 года); «Архиереям должно быть стыдно, если еще остался у них стыд» (письмо от 3 апреля 1905 года); «Митрополита, архиереев и нынешнего поповства не вижу, и все они стали мне противны. Подлость человеческая и низость раскрылись теперь безо всякого стыда» (письмо от 1 декабря 1905 года). В письмах С. Д. Шереметеву всё чаще появляются такие фразы, как «развращенные попы и архиереи», «всё поповство обезумело от пущенной в него свободы» и пр. ¹⁵³²

В обстановке бурно развивавшегося революционного процесса главе духовного ведомства не удалось предотвратить и преобразований в светской сфере, хотя он приложил к этому все усилия. Следуя давно апробированной тактике, он после начала революции одобрил (а возможно, и помог подготовить) манифест от 19 февраля 1905 года, составленный по образцу акта от 29 апреля 1881-го. Нараставшую волну революционных выступлений авторы манифеста пытались остановить путем угроз в адрес «злоумышленных вождей мятежного движения», намеревавшихся «разрушить существующий государственный строй». Включенный в июле 1905 года в состав так называемых Петергофских совещаний по обсуждению проектов введения в России представительства, Победоносцев старался сохранить в системе государственного управления максимум элементов неограниченной власти царя. Так, он настоял, чтобы упоминание о самодержавии было введено в закон о Государственной думе и в текст присяги ее членов; требовал особо подчеркнуть, что царь вправе самостоятельно утверждать законы, отвергнутые Думой; выступил за ограничение права думских запросов членам правительства, расширение перечня министров, назначаемых лично царем, и др.

Отдаленным отзвуком еще остававшихся у Победоносцева надежд на лояльность «простого народа» монархии стало его выступление в поддержку предложения, выдвинутого одним из участников совещаний,

государственным контролером Павлом Львовичем Лобко, о предоставлении крестьянам права выдвигать кандидатов в депутаты Государственной думы исключительно из своей среды.

Безусловно, представительство в любой форме, каким бы ограниченным оно ни было, вызывало у обер-прокурора резкую антипатию. Однако если бы оно было учреждено в том виде, в каком планировалось летом 1905 года (с законосовещательными правами), у Победоносцева, возможно, сохранился бы шанс остаться у власти. Видимо, на это Константин Петрович и рассчитывал, участвуя в обсуждении проектов представительства — института, против введения которого в России он решительно выступал в течение всей своей политической карьеры. Однако дальнейшее развитие революции сделало неизбежным учреждение законодательного представительства. После этого оставаться в правительстве обер-прокурор уже не мог, и 19 октября 1905 года, через два дня после обнародования манифеста, даровавшего России основные гражданские свободы и Думу с законодательными полномочиями, подал в отставку.

Потеря поста, который он занимал в течение четверти века, нарастание революционных потрясений, размах и причины которых были совершенно непонятны престарелому сановнику, вызывали у него глубокое отчаяние, ощущение нарастающей катастрофы. «Совсем ошеломленный всем тем, что ныне происходит, я провожу все дни в каком-то оцепенении, — сообщал он своим корреспондентам. — Живем в угнетении невыразимом ввиду какого-то параличного безумия и бесчувствия правительства, в упразднении власти, посреди безумия общества». По словам Победоносцева, после отставки к нему начали относиться как к «зачумленному», от него отшатнулись «все из среды Министров и Дворцовой», а те, кто всё же поддерживал с ним отношения, «боялись показаться подозрительными в глазах властей»^{533}.

В условиях революционного кризиса бывший обер-прокурор как главный «враг свободы», последовательно отвергавший все уступки обществу, стал объектом ожесточенных нападок оппозиционных кругов.

Еще до того, как в 1905 году в России разразились массовые волнения, на консервативного сановника начались покушения людей, исповедовавших радикальные взгляды или просто заразившихся духом неприязни и даже ненависти к обер-прокурору, широко распространенным в обществе. Так, в 1893 году, когда Победоносцев отдыхал с семьей на даче в Царском Селе, на него напал с ножом бывший ученик Псковской духовной семинарии Владимир Гиацинтов (обер-прокурор по своему

обыкновенно допускал к себе практически всех, кто хотел его видеть). Семинарист, по его словам, хотел отомстить за то, что при воцарении Александра III глава духовного ведомства воспротивился желанию, якобы выраженному молодым царем, дать стране конституцию. После врачебного освидетельствования Гиацинтов, явно страдавший душевным расстройством, был отправлен в психиатрическую больницу. В 1901 году в окно кабинета обер-прокурора стрелял статистик Самарской губернской земской управы Николай Лаговский, был схвачен и отправлен на каторгу. Состоявшееся через год покушение стало делом уже не одиночек, а профессионалов террора — партии эсеров: от рук революционеров в один день должны были пасть Победоносцев и министр внутренних дел Сипягин. Покушение на министра удалось, а обер-прокурор уцелел по счастливой случайности — у подосланного к нему убийцы, поручика Евгения Григорьева, в последний момент сдали нервы^{534}. Постепенно для Победоносцева стало небезопасным любое появление на улице. В июле 1906 года неизвестный попытался выстрелить в него на перроне Царскосельского вокзала.

Понятно, что постоянное ожидание покушений не добавляло престарелому сановнику оптимизма, но не менее тяжелым было для него появление в печати массы чрезвычайно едких карикатур и памфлетов, бичевавших его в весьма жестких тонах. Даже в целом благожелательно настроенные к Победоносцеву современники в большинстве случаев также не могли не связать революционные события 1905–1907 годов с его деятельностью, полагая, что именно он своей неуступчивой политикой способствовал предельному обострению всех существовавших в России противоречий. «Все поголовно почитают его, Победоносцева, виновником нынешних несчастий», — записал в дневнике А. А. Половцов. «Жалеют, — отмечала А. В. Богданович, — что при начале царствования Александра II Победоносцев помешал дать конституцию... теперь у нас было бы спокойнее»^{535}.

Сам отставной обер-прокурор, которому смысл подобных претензий был совершенно непонятен, испытывал в подобной ситуации еще более глубокие чувства подавленности, отчаяния, отчуждения от окружающего мира. «Разбитый совсем, я с утра до вечера хожу с пустой головой: она не в состоянии работать и заняться чем-нибудь», — сообщал Победоносцев Тихомирову в августе 1906 года. Страдая от всего происходившего вокруг, бывший обер-прокурор взялся за давно задуманный перевод Нового Завета на русский язык («Это работа от скорби», — сообщал он Бартеневу). В это

же время он передал редактору «Русского архива» ряд материалов, посвященных самым ценным для него воспоминаниям о прошлом: свои письма Е. Ф. Тютчевой и Б. Н. Чичерину, материалы о церковной жизни 1860—1870-х годов, заметки о годах учебы в Училище правоведения^{536}. Последние письма бывшего главы духовного ведомства доверенным корреспондентам — П. А. Бартеневу и С. Д. Шереметеву — датируются декабрем 1906-го и февралем 1907 года.

Часто болевший зимой и весной, отставной восьмидесятилетний сановник подхватил очередную простуду и умер в Петербурге 10 марта 1907 года. Похороны прошли скромно и не привлекли большого внимания общества. На панихиде, по словам А. Ф. Кони, кроме вдовы и приемной дочери Победоносцева плакал только один человек — «сухой старик» барон Владимир Михайлович Менгден, один из немногих переживших обер-прокурора его однокашников по Училищу правоведения^{537}.

Учитывая крайне мрачную репутацию Победоносцева среди революционеров, не приходится удивляться, что после 1917 года всё, связанное с ним, подверглось гонениям новых властей. Это, разумеется, не могло сказаться на участии членов его семьи и его ближайшего окружения. Приемной дочери Победоносцева Марфе удалось в 1920-е годы эмигрировать из Советской России. По некоторым данным, разрешение на выезд помог получить бывший студент обер-прокурора А. Ф. Кони, воспользовавшись своими связями в советских официальных кругах. Марфа не вышла замуж и умерла во Франции в 1964 году. Вдове обер-прокурора Екатерине Александровне в последние годы жизни помогла поддержка выпускниц Свято-Владимирской школы и монахинь Воскресенского Новодевичьего монастыря, при котором эта школа состояла. В монастырских кельях, в полной изоляции от мира, вдова когда-то могущественного сановника жила вплоть до кончины в 1932 году. Согласно завещанию, Екатерина Александровна была похоронена у стен храма Свято-Владимирской школы рядом с мужем. В 1930-е годы могилы Победоносцевых сровняли с землей, а восстановлены они были в 1992 году.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сразу после смерти Победоносцева в печати развернулась активная полемика о его роли в жизни страны, в полной мере отразившая накаленную атмосферу еще не завершившейся на тот момент революции. Многим современникам — прежде всего из числа либеральных и радикальных журналистов — казалось, что спорить здесь не о чем. Покойный сановник характеризовался в их статьях как законченный ретроград, «отрицательная величина» русской истории, человек, который защищал прерогативы неограниченного самодержавия исключительно из своекорыстных интересов, властолюбия и ненависти к обществу. Уделять особое внимание столь однозначной фигуре, с их точки зрения, не стоило, какого-либо глубокого анализа мотивы его деятельности не заслуживали. Подобные авторы полагали, что в обстановке наконец-то воцарившейся в России политической свободы имя «русского Торквемады» очень быстро забудется. Однако успокоиться на этих категоричных и, как казалось многим, вполне обоснованных выводах у общества начала века не получалось.

Прежде всего, многим из тех, кто отзывался на смерть обер-прокурора, была ясна противоречивость этой фигуры. Это убеждение разделяли и авторы, вовсе не симпатизировавшие воззрениям покойного сановника. «Долг велит признать, — писала кадетская газета «Речь», — что К. П. Победоносцев обладал несомненной образованностью и поразительной начитанностью, действовал в силу глубокого убеждения, имевшего мало общего с бюрократическим карьеризмом. Безупречная личная жизнь, энциклопедическое образование, нравственная прямолинейность, политическая честность — вот его достоинства»^{538}. «Какие мрачные бездны таила душа этого человека, которому нельзя отказать ни в уме, ни в воле! — сокрушался еще один либеральный автор в «Биржевых ведомостях». — Какая скорбь, что богатые дарования были направлены в сторону разрушения!»^{539}

Даже отвергая политические установки обер-прокурора, современники ощущали, что за ними стояли некие масштабные задачи, чувствовался глобальный замысел, который мог вызывать отторжение, но невольно привлекал размахом. Объектом критики Победоносцева были не какие-либо конкретные политические принципы сами по себе — нет, сознавали наиболее проницательные современники, он бросал вызов чему-то

большему, замахивался на некие фундаментальные основы и закономерности бытия. Глава духовного ведомства, писал автор некролога, напечатанного в «Астраханском листке», «был из тех сильных людей, которые в упоении сознания своей силы задавались честолюбивыми и несбыточными мечтами — остановить колесницу истории»^{540}.

Что же побуждало бывшего московского профессора именно так понимать свою миссию? Почему он вплоть до конца политической карьеры пытался не допустить никаких уступок «духу времени»? Какое влияние это своеобразное умонастроение оказало на те сферы жизни России, с которыми была связана деятельность Победоносцева?

Бескомпромиссная защита неограниченного самодержавия, составлявшая стержень воззрений и деятельности консервативного сановника, не являлась данью административной рутине и не была связана с отстаиванием интересов какого-либо конкретного социального слоя. Обер-прокурор воспринимал неограниченную власть монарха в качестве гигантского панциря, защищавшего от бурь современности основную массу населения страны, в ходе Великих реформ внезапно вырванную из лона традиционно-патриархального уклада. Люди, по мнению Победоносцева, нуждались во внешней опеке, ибо по природе своей были необычайно слабы, несамостоятельны, обречены на гибель в условиях обрушившейся на них свободы. Защита неограниченного самодержавия вовсе не была в представлении обер-прокурора проявлением некоего властолюбия — наоборот, он искренне считал, что приносит себя в жертву, обрекает на тяжелый труд, дабы помочь «простым людям». Подобное самоощущение придавало его действиям энергию величайшей убежденности, оправдывало его в собственных глазах. В политике Победоносцева, как пронизательно отметил В. В. Розанов, просматривалась «черта любви к человеку, заботы о человеке — «Тебе без меня будет хуже»^{541}. Однако, по словам публициста, ожидать благодарности от воспитанников, измученных благодетельной муштрой, не приходилось.

Несамостоятельные, слабые, помещенные под опеку люди должны были, по мнению обер-прокурора, подвергнуться воспитанию, стать объектом нравоучений. Орудием морального перерождения общества должен был стать широчайший арсенал мер духовно-идеологического воздействия — от газет и журналов до произведений искусства, от массовых церковно-общественных торжеств до проповедей и внебогослужебных беседований священников. Ощущая себя в роли

некоего всероссийского наставника, чуть ли не «светского папы», обер-прокурор тяготел к проповедничеству, регулярно выступал с назидательными речами перед широкой общественной аудиторией, публиковал собственные книги и статьи, переводы, пересказы и переложения западных авторов, близких ему духовно. Не случайно и оппоненты чувствовали в Победоносцеве известный пророческий запал и не воспринимали его в роли обычного бюрократа. Борьба «русского Торквемады» с великими современниками, прежде всего с Л. Н. Толстым и В. С. Соловьевым, вовсе не сводилась к примитивным полицейским гонениям, а являла собой картину напряженного идейного противостояния. В ходе этого противостояния обер-прокурор мог внезапно выказать симпатии к идеям своих оппонентов, а один из них (Соловьев) — напрямую обратиться к Победоносцеву, надеясь «раскрыть ему глаза», убедить его отказаться от своих воззрений.

Воспринимая себя в качестве наставника, проповедника, в каком-то смысле духовного вождя русского общества, Победоносцев, естественно, уделял огромное внимание Церкви, занимавшей важнейшее место в его воззрениях и деятельности. Личные пристрастия консервативного сановника, вынесенное из родительского дома благочестие здесь тесно смыкались с его политическими установками. Проповедь церковного учения, в представлении Победоносцева связанного в первую очередь с такими ценностями, как смирение, самоограничение, покорность, должна была помочь сдержать рост индивидуализма, самомнения, от которых, считал консерватор, страдала пореформенная Россия. Не случайно должность обер-прокурора Синода, как замечали многие современники, являла в его глазах «любимый и желанный идеал... духовных стремлений»^[542].

Размах деятельности бывшего профессора на посту главы духовного ведомства был таков, что заставил многих современников говорить едва ли не о начавшемся возвращении России в допетровскую эпоху. «Вникая через призму московских воззрений и старых правовых норм в историю древней Руси, — писал о Победоносцеве автор журнала «Церковный вестник», — он, как поэт и художник старых пережитков, улавливал живую душу народа и законы его бытия и в чертах древнего юридического быта, и в красивых контурах старинной архитектуры, и в богослужебных напевах московских соборов»^[543]. Неудержимо нараставший в Новое время поток секуляризации был, казалось, остановлен и повернут вспять — в России эпохи Победоносцева росли численность духовенства, количество храмов и

монастырей; сфера повседневности, быта и нравов, облик больших городов подчинялись суровым церковным правилам.

Важнейшими вехами деятельности Победоносцева на посту обер-прокурора стали учреждение новых церковных братств, проведение массовых церковно-общественных торжеств, поощрение поиска национальной самобытности в церковном искусстве, активизация церковной проповеди, оживление деятельности синодальных издательств, публиковавших огромными тиражами назидательную литературу, прежде всего издания для народа. Особое место среди инициатив Победоносцева занимало развитие церковной школы для народа; показатели ее роста были по размаху сопоставимы с самыми масштабными начинаниями, предпринимавшимися самодержавием в течение XIX — начала XX века. Церковная школа была связана с самой сердцевиной замыслов обер-прокурора — она должна была помочь сохранить традиционное благочестие «простого народа», который консервативный сановник считал наиболее прочной опорой самодержавия. Сам масштаб деятельности Победоносцева в церковно-школьной сфере (да и вообще на церковном поприще) не позволяет согласиться с распространенной характеристикой его как «бюрократического нигилиста», начисто лишённого позитивной программы. Такая программа, безусловно, была, однако отличалась значительным своеобразием, слабо вписываясь в политические шаблоны XIX столетия.

Каковы же были последствия реализации этой программы? Какой след она оставила в истории России XIX — начала XX века?

При ответе на этот вопрос нужно помнить, что в основе всех начинаний Победоносцева лежали определенные сверхзадачи. Одной из них было стремление сохранить в жизни общества первозданную простоту, уберечь от разрушительного, с его точки зрения, усложнения, которое несли с собой веяния современности. «Самое правое чувство в душе человеческой, — провозглашал в «Московском сборнике» сановный публицист, — остается истинным чувством лишь дотоле, пока держится в свободе и охраняется простотой: что просто, только то право»^{544}. Боявшийся противоречий, неоднозначности, связанных с развитием общества, страдавший от нараставших в социальной сфере неблагообразия, «грязи» и «рынка», он стремился укрыться от раздражавших его явлений в тихих убежищах — на природе, в храме, в монастыре, среди книг в кабинете исследователя. Многие в окружавшей его жизни Победоносцев считал обречённым на гибель, но там, где мог, стремился сохранить или возродить простоту, связанную в его представлении с патриархальными

порядками, идеальным состоянием общества.

Так, места в приходах должны были занять священники-«простецы», близкие по духу к народу, отличавшиеся благочестием, хотя и не очень образованные или даже вообще необразованные. Церковно-приходская школа мыслилась как прямое продолжение семьи — обучение органическое, незаметное, силой примера должно было позволить ей обойтись без крайне нелюбимых Победоносцевым формальных программ и методик. Духовные академии и семинарии требовалось максимально оградить от соприкосновения с современностью, укрепить в их стенах пошатнувшееся благочестие, умерить пыл профессоров, в ходе научных исследований рациональным анализом разрушающих близкие народу легенды и предания.

Разумеется, чем дальше уходила Россия вперед по тому пути, начало которому положили Великие реформы, тем меньше соответствовали реалиям установки консервативного сановника, но его это нисколько не смущало. Он вообще считал, что не взгляды следует менять в соответствии с движением жизни, а, наоборот, сама жизнь должна подчиняться изначально принятым идейным постулатам. Сталкиваясь с сопротивлением общества, в том числе и духовной среды (которую он искренне стремился облагодетельствовать), Победоносцев стал всё более жестко навязывать ему свои представления, что, естественно, вызывало протест. Побороть недовольство он пытался путем новых и новых репрессий. Основанием для их применения обер-прокурор считал, в частности, то, что в каждом конкретном случае провоцировала возмущения, как правило, лишь кучка смутьянов, в то время как основная масса населения — «простые люди» — хранила спокойствие. Следовательно, надо было лишь переловить всех смутьянов, а эта задача представлялась вполне решаемой. Вдохновленный этой идеей, Победоносцев принялся выкорчевывать признаки протеста везде, где находил: в духовных семинариях, в оппозиционной печати, в религиозной сфере. Понятно, однако, что у недовольства были глубокие объективные причины, вовсе не сводившиеся к подстрекательству, и деятельность трудолюбивого сановника в этих условиях превращалась в попытку вычерпать море решетом.

В религиозной сфере неприемлемые для обер-прокурора явления выражались в усилении на окраинах Российской империи иноверия, росте разного рода инакомыслия. Заслоном на их пути, с точки зрения Победоносцева, должна была вновь стать максимальная твердость, неуступчивость властей. Считая, что никаких серьезных причин для развития религиозного инакомыслия в России нет, а его возникновение

связано лишь с самомнением, гордыней, а то и своекорыстными интересами его вожаков, Победоносцев полагал, что это явление умрет само собой при дополнительном просветительском воздействии миссионеров, если гражданские власти не будут давать ему потачки. Последние же, напротив, в силу разных причин были склонны относиться к религиозному инакомыслию снисходительно, и эта позиция вызывала у консервативного сановника сильнейший гнев. Пользуясь влиянием, которое он в 1880-е годы имел в верхах, Победоносцев буквально заставил чиновников гражданской администрации (прежде всего аппарат Министерства внутренних дел) подключиться к развернутой им религиозной борьбе. Ожидаемых результатов это не дало. Инаковерие было слишком зыбкой, нематериальной субстанцией, и гражданская администрация просто не могла «ухватить» его с помощью орудий, имевшихся в ее распоряжении. Вмешательство государственной власти в вероисповедную борьбу во многих случаях гасило энергию православных миссионеров — у них возникал соблазн попытаться решить религиозные проблемы простым путем, с помощью государственных репрессий.

Разворачивая кампанию по борьбе с инаковерием, стремясь придать ей всеохватный характер, обер-прокурор вскоре столкнулся с необходимостью включить в число участников этой кампании судебные органы, прежде всего стоявший на вершине судебной власти Сенат, чтобы обеспечить политике гонений не только административно-репрессивную, но и юридическую базу. Однако и эта инициатива закончилась неудачей. Более того, ее последствия носили явно разрушительный характер. Задача, стоявшая перед высшим судебным органом, по крайней мере со времени реформы 1864 года, — охрана формальной законности — была несовместима с практикой гонений по идеологическим мотивам. Сенат последовательно пресекал все попытки карать инаковерующих только за их религиозные взгляды. В результате в самодержавном аппарате управления всё сильнее разгоралась межведомственная борьба, неуклонно разрушавшая его изнутри. Деструктивный эффект присущего Победоносцеву стремления «выпрыгнуть из истории», вернуться к простым, но уже безвозвратно ушедшим в прошлое формам организации общества, в данном случае — к относительной религиозной однородности населения, сказался особенно ярко. В конце XIX — начале XX века стало ясно, что цель, которую сознательно или подсознательно ставил перед собой прокурор, — обеспечение идеологической монолитности общества — недостижима в рамках того строя, который сложился в пореформенной России.

Практически все советы, которые, по мнению консервативного сановника, должны были помочь изжить пороки общественного развития России второй половины XIX — начала XX века, один за другим оказывались непригодными. Живой, «неформальный» стиль управления, усиленно рекомендовавшийся Победоносцевым самодержцу, на практике вырождался в импровизации, произвол и в то же время погружал главу государства (как и самого руководителя духовного ведомства) в массу мелких и мельчайших дел, мешая сосредоточиться на действительно крупных проблемах. Попытки подбирать сотрудников по принципу предполагаемой «духовной близости», наличия «огня» — одним словом, на основании интуиции, которая, считал Победоносцев, имелась у него самого и должна была присутствовать у его сотрудников, — вели к хаосу, многочисленным ошибкам при назначениях, а иногда к разрушительным для системы управления последствиям. Стойкая неприязнь обер-прокурора, стремившегося перевоспитать общество мерами духовно-нравственного воздействия, к административно-законодательным преобразованиям, в том числе антилиберальной направленности, вызывала всё большее недоумение у его коллег по консервативному лагерю, видевших здесь проявление пресловутого «бюрократического нигилизма», который всё чаще приписывали Победоносцеву. Всё это постепенно подрывало в глазах монарха авторитет обер-прокурора, в начале 1880-х годов находившийся на недосягаемо высоком уровне.

Потеря прежних позиций в 1890-е годы заставила консервативного сановника — человека весьма самолюбивого, очень высоко оценивавшего свою роль при самодержце, — погрузиться в пучину пессимизма, порой с оттенком цинизма, всё чаще применительно к тем или иным правительственным мерам занимать сугубо критическую позицию, что еще больше усиливало закрепившуюся за ним репутацию нигилиста. Парадоксальным образом именно в это время и в России, и за рубежом широкое хождение получил миф о Победоносцеве, в котором ему приписывались колоссальное влияние на царя, особая политическая изощренность, владение некими тайными знаниями о сокровенном существе российской государственности, исторических судьбах России, духовной жизни русского народа (последнее представление было особенно распространено среди иностранцев). Близким по характеру к этому мифу был и складывавшийся в то время в художественном сознании образ Победоносцева — фигуры зловещей, загадочной, обладавшей едва ли не магическими способностями, в некоторых случаях вызывавшей ужас, но всё же по-своему притягательной, невольно приковывавшей к себе

внимание.

В чем же заключалась суть воззрений Победоносцева, какие главные цели он преследовал? Можно ли сказать, что в его взглядах и политике отразились самые темные, разрушительные начала исторически сложившегося уклада русской жизни, как считали многие современники? Можно ли утверждать, что его деятельность принесла вред России, поскольку была нацелена на защиту своекорыстных интересов реакционных социальных слоев?

Думается, в реальности всё было сложнее и трагичнее. «Система Победоносцева» являла собой одну из многочисленных утопий, на которые был так богат XIX век. Основным истоком этой утопии был, конечно же, тяжелый кризис уходившего корнями в глубокое прошлое традиционно-патриархального уклада, который во второй половине столетия под давлением Великих реформ стал испытывать сильнейшие перегрузки. Тесно связанный с этим укладом обер-прокурор с наибольшей силой выразил стремление к восстановлению или сохранению патриархальных порядков, проявившееся в самых разных формах — от консервации сословной структуры (но без особых политических преимуществ для дворянства) до подчинения церковным нормам образа жизни общества, от воссоздания старомосковских мотивов в церковном искусстве до попытки выстроить систему «небюрократического» самодержавия.

На некоторое время взгляды Победоносцева привлекли к нему внимание в обществе и верхах — эта ситуация была особенно характерна для начала 1880-х годов, периода растерянности и даже ужаса, охватившего многих после гибели Александра II. Не только наследник убитого императора испытывал тогда огромное, почти безграничное доверие к своему бывшему наставнику — немало людей из самых разных социальных слоев обращалось к обер-прокурору, ожидая от него помощи, делясь своими проектами политических преобразований, исповедуясь ему, видя в нем едва ли не спасителя России.

Возможно, именно с того времени за обер-прокурором закрепилась репутация не только «тирана», но и «волшебника», сумевшего очаровать, загипнотизировать страну, сильно повлиявшая на формировавшийся в художественном сознании образ Победоносцева. Однако обстановка, способствовавшая росту его популярности, очень быстро исчерпала себя. Наружу стали выходить заложенные в систему его взглядов противоречия, неуклонно разрушавшие его политику. В конце концов программа Победоносцева при всей ее масштабности и определенной привлекательности для консервативных кругов стала одной из

многочисленных утопий, тех идейных конструкций, с помощью которых сторонники «старого порядка» пытались предотвратить крах царской России, но, несмотря на все старания, оказались бессильны сделать это.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА

1827, 21 мая — у профессора словесности Московского университета Петра Васильевича Победоносцева и его супруги Елены Михайловны родился сын Константин.

1841 — поступил в Императорское училище правоведения.

1846, 30 мая — окончил Императорское училище правоведения, произведен в титулярные советники.

15 июня — определен на службу в канцелярию VIII департамента Сената.

1848, 22 марта — назначен обер-секретарем VII департамента Сената.

75 сентября — назначен обер-секретарем VIII департамента Сената.

1849, 23 декабря — произведен в коллежские асессоры.

1853, 29 апреля — назначен обер-секретарем общего собрания московских департаментов Сената.

1857, 4 июля — награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.

1858, 25 декабря — получил чин статского советника.

1859 — защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «К реформе гражданского судопроизводства».

1860–1865 — преподавал в Московском университете в качестве профессора по кафедре Гражданского права.

1861–1862 — преподавал гражданское право наследнику престола цесаревичу Николаю Александровичу.

1861, 8 ноября — вошел в состав комиссии при Государственной канцелярии, разрабатывавшей судебную реформу.

24 ноября — награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

1863, лето — сопровождал цесаревича Николая Александровича в путешествии по России.

24 сентября — произведен в действительные статские советники, назначен обер-прокурором VIII департамента Сената, награжден орденом Святого Станислава 1-й степени.

1864 — опубликовал совместно с И. К. Бабстом «Письма о путешествии государя наследника цесаревича от Петербурга до Крыма».

1865, май — начал преподавать гражданское право наследнику

престола Александру Александровичу, будущему императору Александру III.

1 ноября — назначен членом консультации при Министерстве юстиции.

1866, 9 января — женился на дочери помещика Смоленской губернии Екатерине Александровне Энгельгардт.

22 октября — по завершении преподавания наследнику престола награжден орденом Святой Анны 1-й степени.

3 ноября — получил в подарок от августейшего ученика золотую табакерку, украшенную бриллиантами.

1868, 19 февраля — назначен сенатором, произведен в тайные советники.

1868–1880 — опубликовал «Курс гражданского права» в трех частях.

1870, 1 января — награжден орденом Святого Владимира 2-й степени.

1872, 1 января — назначен членом Государственного совета. Опубликовал книгу «Судебное руководство».

1875, 1 января — награжден орденом Белого орла.

1876 — опубликовал книгу «Исторические исследования и статьи».

1880, 24 апреля — назначен обер-прокурором Святейшего синода.

28 декабря — назначен членом Комитета министров.

1881, 8 марта — на заседании Совета министров выступил с критикой проекта министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова о включении в политическую систему элементов представительства.

29 апреля — обнародование составленного Победоносцевым Манифеста о незыблемости самодержавия.

1883, 17 апреля — получил чин действительного тайного советника.

15 мая — награжден орденом Святого Александра Невского.

1884, 13 апреля — добился принятия Правил о церковно-приходских школах, призванных усилить влияние Церкви на сферу начального образования.

20 апреля — инициировал утверждение нового устава духовных академий, ужесточившего административный надзор за ними.

22 августа — настоял на принятии нового устава духовных семинарий, содержавшего аналогичные изменения.

5 сентября — 2 октября — собор архиереев юго-западных епархий России в Киеве.

1885, 16 февраля — обнародование высочайшего повеления об увеличении количества приходов и расширении состава церковных причтов.

6 апреля — церковно-общественные торжества, посвященные тысячелетию со дня кончины святого равноапостольного Мефодия.

9—25 июля — собор архиереев поволжских и приуральских епархий в Казани.

22 июля — 8 августа — собор архиереев сибирских епархий в Иркутске.

26 июля — восстановление в Прибалтике практики предбрачных подписок разноверных супругов об обязательном воспитании детей в православии.

1888, 15 июля — празднование девятисотлетия крещения Руси.

1893, 23 апреля — начало отпуска средств из казны для обеспечения государственным жалованьем всего приходского духовенства.

21 июня — пережил покушение учащегося Киевской духовной семинарии В. Гиацинтова.

1894, 1 января — назначен статс-секретарем.

4 июля — принял непосредственное участие в утверждении Положения Комитета министров об объявлении штундизма «наиболее вредной сектой».

1896, 14 мая — награжден орденом Святого Владимира 1-й степени.

Опубликовал «Московский сборник» — свое главное публицистическое произведение.

1897, 9 июня — в дом С. В. Ланской подброшена новорожденная девочка, получившая имя Марфа; впоследствии принята в семью Победоносцева и удочерена им.

1898, 16 августа — награжден орденом Святого Андрея Первозванного.

1901, 8 марта — пережил покушение статистика Самарской губернской земской управы Н. К. Лаговского.

5 апреля — во время похорон министра внутренних дел Д. С. Сипягина пережил покушение поручика Е. К. Григорьева.

1905, 19 октября — уволен с должностей обер-прокурора Синода и члена Комитета министров.

1907, 10 марта — скончался в Санкт-Петербурге.

13 марта — похоронен у алтаря церкви Свято-Владимирской женской учительской школы в Петербурге.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

К. Павлович

Московский храм Великомученика Георгия Победоносца на Варварке — место служения деда Победоносцева, Василия Степановича

Арбат. Первая половина XIX в.

Церковь Симеона Столпника на Поварской улице — приходской храм семьи Победоносцевых

Дом Победоносцевых в Хлебном переулке (не сохранился). 1954 г.

Императорское училище правоведения в Петербурге.

Начало XX в.

Зал младшего курса Училища правоведения.

С. Заряно. 1840 г.

Московский университет.

1900-е гг.

Актный зал Московского университета.

Начало XX в.

Титульный лист главного научного труда К. П. Победоносцева.

1873 г.

Славянофил Иван Сергеевич Аксаков.

1865 г.

Супруга Победоносцева Екатерина Александровна

Константин Петрович с приемной дочерью Марфинькой.

Конец XIX в.

В Свято-Троицкой Сергиевой Приморской пустыни под Петербургом семья Победоносцевых с 1860-х годов ежегодно проводила Страстную неделю

Анна Федоровна Тютчева. 1862 г.

Екатерина Федоровна Тютчева. 1863 г.

Великая княгиня Елена Павловна.

Литография Л. Ноэля с портрета Ф. Виннергальтера. 1863 г.

Император Александр II и императрица Мария Александровна.

1866 г.

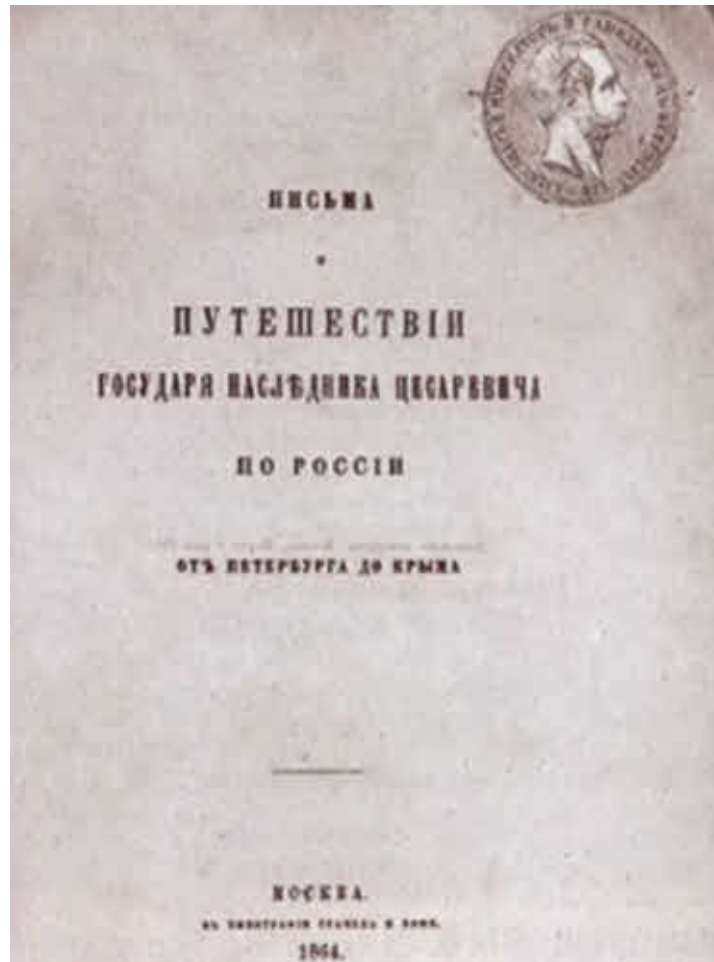

Воспитанник Победоносцева наследник престола Николай Александрович с невестой, датской принцессой Дагмарой (будущей императрицей Марией Федоровной).

1864 г.

Во время путешествия цесаревича Николая от Петербурга до Крыма в 1863 году художник А. П. Боголюбов делал зарисовки окрестностей. Вверху — вид Самары. Внизу — Жигулевские горы

Книга о поездке, написанная К. П. Победоносцевым в соавторстве с И. К. Бабстом, вышла в 1864 году

Наследник престола Александр Александрович с супругой Марией Федоровной (в центре) со свитой во время путешествия по Волге. Крайний справа во втором ряду — Победоносцев.

14 июля 1869 г.

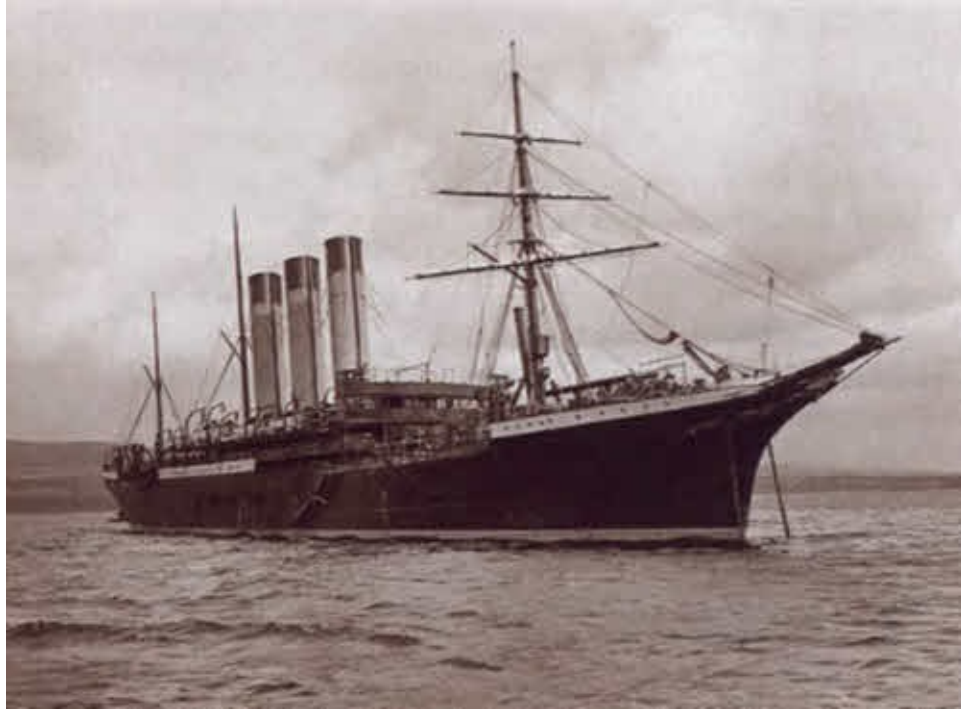

Участники путешествия по Волге. Сидят: И. К. Бабст, В. В. Зиновьев, Ф. А. Оом, К. П. Победоносцев, Н. А. Качалов, Г. И. Гириш; стоят: П. А. Козлов, А. П. Боголюбов.

1869 г.

Комитет по устройству Добровольного флота. За столом справа — Победоносцев

Грузопассажирский пароход Добровольного флота «Москва»

Победносцев — всемогущий обер-прокурор Синода

Министр внутренних дел Михаил Тариелович Лорис-Меликов и его преемник Николай Павлович Игнатьев

Покушение на императора Александра II 1 марта 1881 года.

Гравюра из французского журнала «Юниверс иллюстре». 7 (19) марта 1881 г.

Император Александр III

Министр внутренних дел Дмитрий Андреевич Толстой

Миропомазание Александра III во время коронации 15 мая 1883 года.

Гравюра 1883 г.

«Атаман вольных казаков» Николай Иванович Ашинов

Морской офицер Николай Михайлович Баранов

*Храм епархиального братства во имя Покрова Пресвятой Богородицы в Петербурге,
работавшего под непосредственным руководством обер-прокурора.*

Архитектор Н. Никонов

Консервативные публицисты Михаил Никифорович Катков и князь Владимир Петрович Мещерский

Спасо-Святогорский скит с храмом Христа Спасителя у станции Борки Харьковской губернии в память спасения царской семьи во время железнодорожной катастрофы 1888 года.

Архитектор Р Марфельд

Здание Святейшего синода в Петербурге

Зал заседаний присутствия Святейшего синода

Церковь Святых отцов Семи Вселенских соборов — домовый храм Святейшего синода

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский)

Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения.

И. Репин. 1901–1904 гг.

(слева) Министр финансов Сергей Юльевич Витте. Фрагмент

Обер-прокурор Синода Константин Петрович Победоносцев. Фрагмент

Император Николай II. Фрагмент

Дом обер-прокурора Святейшего синода в Санкт-Петербурге на Литейном проспекте.

Архитектор Г. Боссе

Так сейчас выглядят обер-прокурорские апартаменты

Здание Училищного совета при Святейшем синоде в Санкт-Петербурге с церковью Святого Александра Невского.

Архитектор А. Померанцев (1898–1901)

Церковно-приходская школа Христорождественской церкви села Урюпина Донской области

*Учителя и ученики церковно-приходской школы Свято-Вознесенского храма села Камешкова
Владимирской губернии*

Столовая для крестьянских детей в церковно-приходской школе.

1890-е гг.

Устный счет. В народной школе С. А. Рачинского.

Н. Богданов-Бельский. 1895 г.

Супруги Победоносцевы много лет покровительствовали Свято-Владимирской женской церковно-учительской школе при Воскресенском Новодевичьем монастыре

Воспитанницы Свято-Владимирской школы на занятиях в мастерской церковной живописи

Воскресенский Новодевичий монастырь в Санкт-Петербурге

Могила К. П. и Е. А. Победоносцевых у стен храма Свято-Владимирской женской церковно-учительской школы

«Он дивным кругом очертил / Россию, заглянув ей в очи / Стеклянным взором колдуна...» (А. Блок).

Рисунок В. Серова. 1902 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ведерников В. В. «Московский сборник» К. П. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // Вестник ВолГУ. Сер. 4. 1997. № 2.

Ведерников В. В. К. П. Победоносцев, И. Л. Горемыкин, П. А. Столыпин: три программы политического курса // Проблемы отечественной истории. Волгоград, 1994.

Жировое В. И. «Светский клерикал» или «просвещенный» консерватор? // Актуальные проблемы отечественной истории. 1995. № 1.

К. П. Победоносцев в 1881 г.: Письма к Е. Ф. Тютчевой // Река времен: Альманах. Кн. 1. М., 1995.

К. П. Победоносцев: Pro et contra. СПб., 1996.

Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. СПб., 2007.

Майорова О. Е. «Я живу постоянно в рамках»...: О культурно-психологической подпочве политических воззрений К. П. Победоносцева И Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997.

О[тец] Иоанн Кронштадтский и К. П. Победоносцев (1883 г.) Публ. А. Ю. Полунова / Река времен. Кн. 2. М., 1995.

Ореханов Г., прот. На пути к собору: Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002.

Победоносцев К. П. «Будь тверд и мужествен...»: Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма. СПб., 2010.

Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996.

Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.

Рабкина Н. А. Константин Петрович Победоносцев // Вопросы истории. 1995. № 2.

Степанов Ю. Г. К истории взаимоотношений К. П. Победоносцева с Ф. М. Достоевским // Освободительное движение в России. Вып. 16. Саратов, 1997.

Степанов Ю. Г. Отец и сын Победоносцевы: два варианта жизненного сценария в контексте эпохи // Николаевская Россия: Власть и общество: Материалы круглого стола, посвященного 80-летию И. В. Пороха. Саратов, 26–27 апреля 2002 г. Саратов, 2004.

Тайный правитель России: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки, 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001.

Тимошина Е. В. Политико-правовая идеология русского пореформенного консерватизма: К. П. Победоносцев. СПб., 2000.

Фирсов С. Л. Константин Победоносцев: Интеллектуал во власти. СПб., 2016.

Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х-1918). М., 2002.

INFO

Полунов А. Ю.

П 53 Победоносцев: русский Торквемада / Александр Полунов. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 335[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1632).

ISBN 978-5-235-03973-5

УДК94(47)(092)"18"

ББК 63.3(2)52

знак информационной продукции 16+

Полунов Александр Юрьевич
ПОБЕДОНОСЦЕВ:
РУССКИЙ ТОРКВЕМАДА

Редактор *Е. А. Никулина*
Художественный редактор *К. В. Забусик*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Сдано в набор 11.01.2017. Подписано в печать 20.02.2017.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 17,64+1,68 вкл. Тираж 2500 экз.
Заказ 1619

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в АО «Первая Образцовая типография», филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ» 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

notes

Примечания

1

Сведений об образовании других детей профессора Победоносцева найти не удалось. Всего Петр Васильевич был отцом одиннадцати детей, из которых до взрослых лет дожили восемь.

В дальнейшем сам профессор Победоносцев и его дети, в том числе Константин, будут поддерживать связь с семейством Шиповых на протяжении многих десятилетий.

Государственный секретарь — руководитель Государственной канцелярии, готовившей законопроекты к обсуждению в Государственном совете — высшем законосовещательном органе Российской империи. Комиссия Зарудного разрабатывала основные положения судебной реформы, комиссия Буткова корректировала и дополняла их с учетом отзывов представителей ведомств и юристов, а также мнений, высказанных в органах печати.

Победоносцев снимал квартиру на Большой Конюшенной улице, а затем в Спасском переулке близ Сенной площади. В 1880 году после назначения на пост главы духовного ведомства он переехал в обер-прокурорский особняк на Литейном проспекте.

Победоносцев свободно говорил по-немецки и по-французски, читал по-английски и по-чешски, знал латынь и церковнославянский.

Мировой посредник — назначаемое губернатором должностное лицо, отвечавшее за размежевание земельных владений крестьян и помещиков в ходе Крестьянской реформы и разрешавшее конфликты между ними; должность существовала с 1859 по 1867 год.

Д. А. Энгельгардт владел имением Александровское в Смоленской губернии совместно с братом Александром, отцом Екатерины.

По словам самой Екатерины Александровны, ее стали уподоблять Анне Карениной из-за того, что она (как, впрочем, и многие другие дамы) на волне популярности романа сшила себе такое же платье, как у Анны; в характере же у нее не было ничего общего с толстовской героиней (см.: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 29. Л. 80).

Владимир Петрович Бутков (1813–1881) — государственный секретарь, председатель комиссии по выработке судебных уставов.

Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) — главноуправляющий Вторым (кодификационным) отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, председатель Комитета министров (1861) и Государственного совета (1862).

Павел Павлович Гагарин (1789–1872) — председатель Государственного совета и Комитета министров (1864).

Модест Андреевич Корф (1800–1876) — главноуправляющий Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1862), председатель департамента законов Государственного совета (1864).

10

Чистую доску (*лат.*).

В 1830 году после завершения работы по систематизации российского законодательства вышло 45 томов Полного собрания, а к концу века было опубликовано еще 70 томов.

Чернь, простонародье (*лат.*).

Победоносцев преподавал законоведение не только Александру Александровичу, но и другим членам царской семьи — родным братьям цесаревича Сергею и Владимиру, двоюродному брату Николаю Константиновичу. В 1880-е годы по просьбе бывшего ученика, а теперь государя Александра III Константин Петрович занимался законоведением с его сыном, будущим императором Николаем II.

Конец России! (*лат.*).

Лозунг дня (фр.).

На самом деле чин действительного тайного советника Победоносцев получил только в 1883 году.

Серого кардинала (фр.).

География поездок Победоносцева была весьма обширна. Сразу после вступления на пост обер-прокурора в 1880 году он объехал Верхнее Поволжье, Прибалтику, Юго-Западный край (Киев, Житомир, Одесса), в следующем году побывал в Варшаве. В дальнейшем глава духовного ведомства ездил в Ростов-на-Дону, Кисловодск, Пермь, Екатеринбург, Полтаву, Курск, Псков, Владимир, регулярно бывал в Москве, Казани, Крыму.

Пусть не будет дурным предзнаменованием (*лат.*).

Сверхчеловека (*нем.*).

Школы, учреждавшиеся органами местного самоуправления, в 1860—1880-е годы составляли основную массу начальных учебных заведений России. С точки зрения организации учебного процесса они формально подчинялись Министерству народного просвещения, а земства и городские думы лишь оплачивали их функционирование. Однако в реальности земские деятели (как правило, либеральной ориентации) имели широкие возможности для влияния на содержание обучения и выбор методов преподавания. Собственные («образцовые») начальные школы Министерства народного просвещения были относительно немногочисленны.

На каждое учебное заведение духовного ведомства приходилось меньшее количество учеников, чем в светских школах.

Со времени учреждения Синода Духовным регламентом (1721) предусматривалось участие в его составе представителей (как правило, двоих) белого клира. В 1860 году было закреплено правило, что ими являются протопресвитеры военного и придворного духовенства.

Протей — в древнегреческой мифологии сын Посейдона, морское божество, наделенное способностью принимать облик разных существ и превращаться в огонь или воду.

Западным краем в XIX веке именовалась территория современных Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, до времен Екатерины II входившая в состав польско-литовского государства — Речи Посполитой.

В 1881 году Победоносцев направил Александру III 42 письма, в 1882-м — 26, в 1883-м — 24, в 1884-м — 9, в 1885-м и 1886-м — по 18, в 1887-м — 21, в 1888-м — 14, в 1889-м — 6, в 1890-м — 4, в 1891-м — 9, в 1892-м — 8, в 1893-м — 10, в 1894 году — 2 письма.

comments

Комментарии

Письма Победоносцева к Александру III (далее — ПкА): В 2 т. Т. 2. М., 1926. С. 46–47 (письмо от 26 февраля 1884 г.).

Амфитеатров А., Аничков Е. Победоносцев // К. П. Победоносцев: Pro et contra. СПб., 1996. С. 316.

См.: *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. М., 1991.
С. 218.

Победоносцев П. В. Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца: В 2 ч. Ч. 1. М., 1796. С. 40; *Он же.* Новый Пантеон отечественной и иностранной словесности: В 4 ч. М., 1819. Ч. 1.С.2.

Он же. Новый Пантеон отечественной и иностранной словесности. Ч. 4. С. 98, 191, 206; Ч. 1. С. 226.

См.: *Byrnes R. Pobedonostsev: His Life and Thought. Bloomington; London, 1968. P. 19.*

См.: *Победоносцев П. В.* Направление ума и сердца к истине и добродетели: В 3 ч. Ч. 3. М., 1831. С. 134–135.

См.: *Мичатек Н.* Петр Васильевич Победоносцев // Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 14. СПб., 1905. С. 141–142.

См.: Воспоминания Сергея Павловича Шипова // Русский архив (далее — РА). 1878. Кн. 2. С. 145–146.

Победоносцев П. В. Новый Пантеон. Ч. 4. С. 107–108.

ПкА. Т. 2. С. 330 (письмо Николаю II от 21 марта 1901 г.).

Победоносцев К. П. Праздники Господни // Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996. С. 225, 250.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 230. К. 5273. Ед. хр. 4. Л. 10 (письмо от 29 сентября 1867 г.).

См.: *Победоносцев К. П.* Василий Петрович Зубков // РА. 1904. № 1. С. 304–305; *Он же.* Еще раз на память о князе В. Ф. Одоевском // В память о князе В. Ф. Одоевском: Заседание Общества любителей российской словесности 13 апреля 1869 г. М., 1869. С. 81; Из письма К. П. Победоносцева к издателю «Русского архива», 14 декабря 1903 г. // РА. 1904. № 1. С. 189.

См.: [Победоносцев П. В.] Из дневника 1812 и 1813 годов о московском разорении //РА. 1895. № 2. С. 214–222.

Победоносцев К. П. Праздники Господни. С. 228.

Там же. С. 219.

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 13. Л. 21 (письмо от 12 июня 1878 г.).

Там же. Ед. хр. 6. Л. 2–2 об. (письмо от 2 марта 1871 г.).

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 631. Письма к С. А. Рачинскому (далее — ПкР). 1892. Сентябрь — октябрь. Л. 30 об. (письмо от 15 сентября).

См.: *Победоносцев П. В.* Новый Пантеон отечественной и иностранной словесности. Ч. 1. С. 189–191.

Юбилей Училища правоведения // Современная летопись. 1861. № 1.С. 23.

Победоносцев К. П. Граф В. Н. Панин. Министр юстиции // К. П. Победоносцев: Pro et contra. С. 68–69.

Из писем К. П. Победоносцева (сообщено П. П. Николаевым) // Русская мысль. 1911. № 5. С. 159.

Победоносцев К. П. Исторические исследования и статьи. СПб., 1876. С. 158–159; *Он же.* Курс гражданского права. 1-е изд.: В 3 ч. Ч. 1. Т. 1. СПб., 1868. С. 292.

См.: Из письма К. П. Победоносцева к издателю «Русского архива», 14 декабря 1903 г. С. 189.

Победоносцев К. П. Граф В. Н. Панин. С. 31–32.

Там же. С. 40.

Он же. О реформах в гражданском судопроизводстве // Русский вестник (далее — РВ). 1859. № 6. С. 548, 546; № 7. С. 166.

Там же *Ц* РВ. 1859. № 7. С. 187, 163.

Там же. С. 17–18.

К. П. Победоносцев и его корреспонденты (далее — Пик): В 2 ч. М.; Пг., 1923. Ч. 1. С. 485 (письмо Победоносцева председателю Московской судебной палаты А. Н. Шахову от 10 марта 1884 г.).

Кони А. Ф. Триумвиры // Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М., 1966. С. 263.

Победоносцев К. П. Съезд юристов в Москве (1873) // Победоносцев К. П. «Будь тверд и мужествен...»: Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма. СПб., 2010. С. 166, 168; Он же. Преобразование суда присяжных (1873) // Там же. С. 171.

Он же. Указатели и приложения к «Курсу гражданского права». СПб., 1896. С. 89; *Он же.* Съезд юристов в Москве. С. 169.

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 13. Л. 6 об. (письмо от 22 марта 1878 г.); Ед. хр. 12. Л. 73 (письмо от 19 февраля 1878 года); К. 4409. Ед. хр. 1. Л. 21–21 об. (письмо от 6 апреля 1879 г.).

Там же. К. 4410. Ед. хр. 2. Л. 19 (письмо от 19 февраля 1882 г.).

Там же. Л. 3 об. (письмо от 12 февраля 1864 г.).

Там же. К. 4408. Ед. хр. 11. Л. 7–7 об. (письмо от 15 марта 1876 г.).

См.: Там же. Ед. хр. 10. Л. 18 (письмо от 27 сентября 1875 г.).

Там же. Л. 10 об. (письмо Е. Ф. Тютчевой от 22 марта 1878 г.).

См.: Мельгунов С. К. П. Победоносцев в дни первой революции (неизданные письма к С. Д. Войту) // На чужой стороне. Вып. 8. Прага, 1924. С. 201 (письмо от 8 октября 1906 г.).

Победоносцев К. П. Московский сборник // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 333.

Там же. С. 411.

См.: ОР РГБ. Ф. 230. К. 4409. Ед. хр. 1. Л. 11 об. (письмо без даты, 1879 г.).

Там же. Ед. хр. 2. Л. 66 об. — 67 (письмо от 16 сентября 1880 г.).

Там же. К. 4410. Ед. хр. 1. Л. 49 (письмо от 18 апреля 1881 г.).

Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф.
1574. Оп. 1.Д. 29. Л. 14.

ОР РГБ. Ф. 334. К. 4. Ед. хр. 4. Л. 6 об. (письмо от 15 октября 1868 г.).

Розанов В. В. М. П. Соловьев и К. П. Победоносцев о бюрократии // Новое слово. 1910. № 1. С. 20.

Цит. по: *Степаненко Н. Н.* Золотое сердце (из воспоминаний о П. В. Засодимском)//Жизньдля всех. 1912. № 7. С. 1112.

Либрович С. Ф. На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. М.; Пг., 1916. С. 316.

Цит. по: *Глинский Б. Б.* Константин Петрович Победоносцев: Материалы для биографии // К. П. Победоносцев: Pro et contra. С. 414.

Цит. по: *Либрович С. Ф. Указ. соч. С. 316.*

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 10. Л. 26 (письмо от 18 декабря 1875 г.).

См.: *Грабовский Г. К.* Столпы реакции (1870–1881) //Вестник знания. 1909. № 1. С. 26; *Немирович-Данченко Вас. И.* На кладбищах: Воспоминания. Ревель, 1921. С. 58–59; Воспоминания *И. И. Янжула* о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. В 2 вып. Вып.2. СПб., 1911. С. 28–30.

Бенуа А. Н. Мои воспоминания: В 5 кн. Кн. 4/5. М., 1990. С. 195.

Розанов В. В. Указ. соч. С. 21.

ОР РГБ. Ф. 230. К. 5273. Ед. хр. 2. Л. 5 об. (письмо от 19 августа 1864 г.).

Там же. К. 4408. Ед. хр. 9. Л. 25–25 об., 30–30 об. (письмо от 31 октября 1874 г.).

Там же. Ед. хр. 13. Л. 21 об. (письмо от 12 июня 1878 г.).

Там же. К. 4409. Ед. хр. 1. Л. 36–36 об. (письмо от 8 августа 1879 г.).

См.: *Тихонова В. А.* Из смоленской ветви рода Энгельгардтов (о семейной истории Е. А. Победоносцевой) // Константин Петрович Победоносцев: мыслитель, ученый, человек. СПб., 2007. С. 189–197.

См.: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

ПкА. Т. 2. С. 30 (письмо от 29 апреля 1883 г.).

ОР РГБ. Ф. 230. К. 5273. Ед. хр. 3. Л. 17 (письмо А. Ф. Тютчевой от 21 августа 1865 г.).

Грабовский Г. К. Указ. соч. С. 26.

См.: ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Сентябрь — октябрь 1900 г. (письмо от 6 октября).

Аралов И. К. П. Победоносцев как педагог // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 10. С. 153.

См.: *Талъберг И. Д.* Победоносцев: Очерки по истории императорской России. М., 2000. С. 73.

См.: РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 29. Л. 85–87.

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Июль — август 1894 г. Л. 62 (письмо от 14 июля).

Победоносцев К. П. Исторические исследования и статьи. С. 89–90.

Он же. Лекции по русскому государственному праву для наследников Николая Александровича и Александра Александровича // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 728. Оп. 1. Д. 3132. Ч. 15. Л. 4.

ПкА. Т. 1. М., 1925. С. 8 (письмо наследнику Александру Александровичу от 27 мая 1869 г.).

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4409. Ед. хр. 1. Л. 23 об. (письмо от 14 апреля 1879 г.).

Победоносцев К. П. Исторические исследования и статьи. С. 88; Он же. Курс гражданского права. 1-е изд. Ч. 1. Т. 2. СПб., 1868. С. 125.

Он же. Курс гражданского права. 2-е изд. Ч. 1. СПб., 1873. С. 477.

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Ед. хр. 1. Л. 68 (письмо от 12 июня 1881 г.);
ОР РНБ. Ф. 14. Ед. хр. 658. Л. 8 (письмо от 30 ноября 1881 г.).

Цит. по: *Гиппиус З. Н.* Слова и люди: Заметки о Петербурге в 1904–1905 гг. //Литературное обозрение. 1990. № 9. С. 104.

Победоносцев К. П. Курс гражданского права. 2-е изд. Ч. 1. С. 480, 467.

Он же. Исторические исследования и статьи. С. 119.

Там же. С. 124, 119.

Там же. С. 118, 125.

РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 (дневниковая запись от 29 мая 1862 г.); Из писем К. П. Победоносцева. С. 162.

ОР РГБ. Ф. 230. К. 5273. Ед. хр. 2. Л. 8; РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 21, 27 (дневниковые записи от 2 сентября и 19 октября 1862 г.).

ОР РГБ. Ф. 230. К. 5273. Ед. хр. 2. Л. 8 (письмо А. Ф. Тютчевой от 26 сентября 1864 г.).

Победоносцев К. П. Московский сборник. С. 324.

Пик. Т. 1.С. 68.

Победоносцев К. П. Московский сборник. С. 335, 339.

Там же. С. 382.

Там же. С. 382, 301, 310–311.

Он же. Указатели и приложения к «Курсу гражданского права». С. 92.

Там же. С. 85–86.

Там же. С. 89.

ПКА. Т. 1. С. 81, 89 (письма от 3 и 28 октября 1877 г.).

Там же. С. 248–249 (письмо от 14 декабря 1879 г.).

Цит. по: *Либрович С. Ф. Указ. соч. С. 318.*

Победоносцев К. П. Плоды демократии в начальной школе // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 216.

Он же. Московский сборник. С. 355.

ПкА. Т. 1. С. 347 (письмо от 10 августа 1881 г.).

Там же. Т. 2. С. 144 (письмо от 25 марта 1887 г.).

Победоносцев К. П. Франция (взгляд на ее теперешнее состояние) // Победоносцев К. П. «Будь тверд и мужествен...». С. 145–146.

Он же. Московский сборник. С. 288.

Там же. С. 279.

Там же. С. 291.

Там же. С. 375.

Мещерский В. П. Воспоминания. М., 2003. С. 785.

Цит. по: *Победоносцев К. П. Свобода, равенство и братство // Победоносцев К. П. «Будь тверд и мужествен...»*. С. 184–185, 187.

Он же. Московский сборник. С. 291.

Там же. С. 302.

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Ед. хр. 1. Л. 14 об. (письмо Е. Ф. Тютчевой от 26 января 1881 г.).

Победоносцев К. П. Московский сборник. С. 352.

Там же. С. 290.

Там же. С. 292.

Там же. С. 295, 298.

Он же. Франция (взгляд на ее теперешнее состояние). С. 147–148.

Он же. Московский сборник. С. 293.

Там же. С. 319.

ОР РГБ. Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 6. Л. 5–5 об. (письмо от 4 декабря 1881 г.).

РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2362. Л. 3 (письмо министру императорского двора И. И. Воронцову-Дашкову от 28 февраля 1883 г.).

Победоносцев К. П. Конечная цель жизни // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 90–91.

Он же. Московский сборник. С. 276, 265.

Он же. Церковь и государство в Германии // Победоносцев К. П. «Будь тверд и мужествен...». С. 73.

Он же. Московский сборник. С. 353, 399–400.

См.: *Он же*. Местное население России//РВ. 1862. № 8. Отдельный оттиск. С. 11.

Он же. Московский сборник. С. 353.

Там же. С. 392, 394.

Он же. Противоречия в Англиканской церкви // Победоносцев К. П.
«Будь тверд и мужествен...». С. 119.

Он же. Московский сборник. С. 400.

Там же.

Он же. Вопросы жизни // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 176.

Победоносцев К. П. Московский сборник. С. 378.

Там же. С. 359.

Там же.

К. П. Победоносцев в 1881 г.: Письма к Е. Ф. Тютчевой // Река времен: Альманах. Кн. 1. М., 1995. С. 186 (письмо от 20 декабря 1881 г.).

Победоносцев К. П. Вопросы жизни. С. 177.

ОР РГБ. Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 10. Л. 17 (письмо от 2 декабря 1889 г.).

Победоносцев К. П. Вопросы жизни. С. 178.

К. П. Победоносцев в 1881 г. С. 185–186.

Победоносцев К. П. Московский сборник. С. 427.

Из дневника А. А. Половцова (1877–1878) // Красный архив (далее — КА). 1929. № 2 (33). С. 178 (запись от 24 ноября 1877 г.).

ПкА. Т. 1. С. 67 (письмо от 16 марта 1877 г.).

Цит. по: *Гроссман Л.* Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // *Литературное наследство.* Т. 15. М., 1934. С. 144 (письмо от 2 августа 1880 г.).

ПкА. Т. 2. С. 145 (письмо от 25 марта 1887 г.).

Победоносцев К. П. Московский сборник. С. 427.

Там же. С. 319.

ПкА. Т. 1. С. 53–54 (письмо от 12 октября 1876 г.).

Там же. С. 49, 207 (письма от 3 октября 1876 г. и 17 мая 1879 г.).

Там же. С. 54 (письмо от 12 октября 1876 г.).

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Ед. хр. 1. Л. 135–135 об. (письмо от 9 декабря 1881 г.).

Там же. Л. 14 (письмо от 26 января 1881 г.).

Там же. Л. 49 об. (письмо от 18 апреля 1881 г.).

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Январь — август 1881 г. Л. 62 (письмо от 28 марта).

См.: Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович // К. П. Победоносцев: Pro et contra. С. 479.

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Ед. хр. 1. Л. 134 об. (письмо от 9 декабря 1881 г.).

ПкА. Т. 1. С. 207 (письмо от 17 мая 1879 г.).

Там же. С. 52–53 (письмо от 12 октября 1876 г.).

Там же. С. 275 (письмо от 10 марта 1880 г.).

Там же. С. 251 (письмо от 17 декабря 1879 г.).

161

ОР РНБ. Ф. 14. Ед. хр. 658. Л. 10 (письмо от 11 июля 1884 г.).

Там же. Ф 631. ПкР. Апрель — июнь 1885 г. Л. 177 об. (письмо от 27 июня).

*Победоносцев К. П. Ученье и учитель: Педагогические заметки И
Победоносцев К. П. Сочинения. С. 480–481.*

Богданович А. В. Три последних самодержца: Дневник. М., 1990. С. 422.

См.: ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Январь — февраль 1894 г. Л. 60 об. (письмо от 18 января).

ПиК. Т. 1. С. 398–399 (письмо от 18 декабря 1882 г.).

См.: ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 13. Л. 63 об. (письмо от 25 декабря 1878 г.).

ПКА. Т. 2. С. 46–47 (письмо от 26 февраля 1884 г.).

Переписка Витте и Победоносцева (1895–1905) // КА. 1928. № 5 (30).
С. 101.

Победоносцев К. П. Семейные участки // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 147, 146.

См.: *Эвенчик С. Л.* Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Ученые записки МГПИ. Т. 309. М., 1969. С. 97; *Ведерников В. В.* «Московский сборник» К. П. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // Вестник ВолГУ. Сер. 4. 1997. № 2. С. 42–43.

Победоносцев К. П. Курс гражданского права. 1-е изд. Ч. 1. Т. 2. С. 24.

Там же. Ч. 2. СПб., 1871. С. 50–51.

ПКА. Т. 2. С. 35 (письмо от 23 мая 1883 г.).

Напутственное слово К. П. Победоносцева в г. Ярославле 9 июня 1880 г. на выпускном акте в училище для дочерей священно-и церковнослужителей, состоявшем под покровительством жены императора Александра II императрицы Марии Александровны *И Победоносцев К. П.* Сочинения. С. 124.

ПкА. Т. 2. С. 237 (письмо от мая 1891 г.).

См.: *Победоносцев К. П. Ле-Пле. М., 1893. С. 5—20.*

Он же. Вечная память: Воспоминания о почивших. М., 1896. С. 25–26.

ОР РГБ. Ф. 230. К. 5273. Ед. хр. 3. Л. 1 об.-2 (письмо от 2 февраля 1865 г.).

См.: *Татищев С. С.* [Детство и юность великого князя Александра Александровича] // Великий князь Александр Александрович. М., 2002. С. 102–120.

*Победоносцев К. П. Государь император Александр Александрович И
Победоносцев К. П. Сочинения. С. 165.*

Там же.

Победоносцев К. П., Бабст И. К. Письма о путешествии государя наследника цесаревича от Петербурга до Крыма. М., 1864. С. 184, 182.

Там же. С. 86.

РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 5, 2 об. (записи от 8 января, 2 и 4 февраля 1862 г.).

ОР РГБ. Ф. 230. К. 5273. Ед. хр. 3. Л. 5 об., 7 (письма от 12 и 24 апреля 1865 г.).

Там же. Л. 14 (письмо от 1 мая 1865 г.).

Формулярный список К. П. Победоносцева см.: РГИА. Ф. 797. Оп. 64.
Отд. 1. Стол 1. Д. 28.

РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 99 (письмо от 10 февраля 1866 г.).

ПиК. Т. 2. С. 1010, 1014 (письма Александра Александровича Победоносцеву, 1872–1874 гг.).

Там же. С. 1011 (письмо от 26 декабря 1873 г.).

ОР РГБ. Ф. 230. К. 5273. Ед. хр. 5. Л. 6 (письмо от 20 октября 1868 г.).

Шереметев С. Д. Мемуары. М., 2004. С. 431.

ПКА. Т. 1. С. 23 (письмо от 13 мая 1874 г.).

Из писем К. П. Победоносцева. С. 165 (письмо от 5 марта 1874 г.).

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 1. Л. 7 об. (письмо от 2 декабря 1866 г.).

ПКА. Т. 1. С. 5 (письмо от 24 ноября 1867 г.).

ОР РГБ. Ф. 230. К. 34408. Ед. хр. 11. Л. 9 (письмо от 22 марта 1879 г.).

Победоносцев К. П. Аксаковы // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 131.

ПкА. Т. 1. С. 310 (письмо от 29 января 1881 г.).

Цит. по: Достоевский и Победоносцев (сообщил Н. Бельчиков) // КА. 1922. № 2. С. 251, 248 (письма от 16 августа и 19 мая 1880 г.).

Цит. по: Дневник Е. А. Перетца (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 38–39.

Цит. по: Там же.

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Ед. хр. 1. Л. 32 об. (письмо от 11 марта 1881 г.).

Милютин Д. А. Дневник. 1879–1881. 2-е изд. М., 2010. С. 283.

Там же. С. 289.

Валуев П. А. Дневник 1877–1884. Пг., 1919. С. 132, 170, 171, 181, 186.

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 10. Л. 3 об. (письмо от 17 марта 1875 г.); ПКА. Т. 1. С. 34 (письмо от 12 марта 1875 г.).

ПКА. Т. 1. С. 25 (письмо от 9 августа 1874 г.).

210

ОР РГБ. Ф. 210. К. 4408. Ед. хр. 11. Л. 15 об. (письмо от 22 июня 1876 г.).

Там же. Л. 17 об. (письмо от 29 июня 1876 г.).

ПКА. Т. 1. С. 56 (письмо от 18 октября 1876 г.).

Победоносцев К. П. Новейшая английская литература по восточному вопросу// Гражданин. 1877. № 1. С. 20.

Там же. С. 25.

ПКА. Т. 1. С. 76 (письмо от 20 сентября 1877 г.); ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 12. Л. 41 об. (письмо от 6 сентября 1877 г.).

ПкА. Т. 1. С. 62 (письмо от 1 января 1877 г.).

217

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 11. Л. 19 об. (письмо от 6 июля 1876 г.).

Там же. Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 4. Л. 17 об. (письмо от 8 апреля 1877 г.).

Там же. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 12. Л. 16 (письмо от 16 апреля 1877 г.).

ПкА. Т. 1. С. 48 (письмо от 3 октября 1876 г.).

221

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 12. Л. 28, 29 об. (письма от 23 июля и 3 августа 1877 г.).

Переписка С. Д. Шереметева с К. П. Победоносцевым // Российский архив. Т. 9. М., 1999. С. 294 (письмо от 3 июля 1877 г.).

ПиК. Т. 2. С. 1019–1020 (письмо от 8 сентября 1877 г.).

ПкА. Т. 1. С. 71 (письмо от 17 сентября 1877 г.).

Там же. С. 91 (письмо от 4 ноября 1877 г.).

Там же. С. 90.

Там же. С. 112 (письмо от 1 января 1878 г.).

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 12. Л. 55 (письмо от 16 октября 1877 г.).

ПкА. Т. 1.С. 116 (письмо от 8 апреля 1878 г.).

Там же. С. 117.

Там же. С. 194 (письмо от 2 апреля 1879 г.).

232

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 13. Л. 69 (письмо Е. Ф. Тютчевой от 2 апреля 1879 г.).

ПкА. Т. 1. С. 195 (письмо от 2 апреля 1879 г.).

Там же. С. 268 (письмо от 31 января 1880 г.).

235

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 13. Л. 68 (письмо от 2 апреля 1878 г.).

Готье Ю. В. Указ. соч. С. 472.

237

ПКА. Т. 1.С. 182 (письмо от 4 февраля 1879 г.).

238

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4409. Ед. хр. 2. Л. 79 об. (письмо Е. Ф. Тютчевой от 4 ноября 1880 г.).

ПкА. Т. 1. С. 315 (письмо от 3 марта 1881 г.).

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Ед. хр. 1. Л. 2 об., 8 об. (письма от 2 и 14–15 января 1881 г.).

241

Там же. Л. 1 (письмо от 2 января 1881 г.).

См.: *Пантелеев Л. Ф.* Из воспоминаний прошлого. М.; Л., 1934. С. 621.

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Ед. хр. 1. Л. 24–25 (письма от 1–3 марта 1881 г.).

ПкА. Т. 1. С. 317 (письмо от 6 марта 1881 г.).

245

Там же.

ПиК. Т. 1. С. 44, 167–168 (письма от 18 и 20 марта, 22 ноября 1881 г.).

ПкА. Т. 1. С. 328 (письмо от 23 апреля 1881 г.).

ПиК. Т. 1. С. 49 (письмо от 21 апреля 1881 г.).

ПкА. Т. 1.С. 335 (письмо от 29 апреля 1881 г.).

Там же. С. 337, 336 (письма от 4 мая и 29 апреля 1881 г.).

См.: Немирович-Данченко Вас. И. Указ. соч. С. 20.

Феоктистов Е. М. Указ. соч. С. 219.

Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: В 2 т. М., 2005. Т. 1. 1883–1886 гг. С. 499 (запись от 10 декабря 1886 г.).

ПкА. Т. 2. С. 143 (письмо от 11 марта 1887 г.).

Там же. С. 198 (письмо от 23 сентября 1888 г.).

Половцов А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 226 (запись от 21 апреля 1884 г.).

ПкА. Т. 1. С. 315–316 (письмо от 6 марта 1881 г.).

Там же. С. 250 (письмо от 17 декабря 1879 г.).

Цит. по: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. М., 1964. С. 337–338

ПКА. Т. 1. С. 346 (письмо от 10 июля 1881 г.).

Письма К. П. Победоносцева к графу Н. П. Игнатьеву // Былое. 1924.
№ 27/28. С. 54 (письмо от 2 апреля 1881 г.).

ПиК. 1. С. 89 (письмо ошибочно помещено среди корреспонденции 1881 г.).

263

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Ед. хр. 1. Л. 33, 35 об. (письмо от 11 марта 1881 г.).

См.: *Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 384–387.*

Письма К. П. Победоносцева к графу Н. П. Игнатьеву. С. 71 (письмо от 25 февраля 1882 г.).

266

ПКА. Т. 1. С. 381 (письмо от 4 мая 1882 г.).

Там же.

Чичерин Б. Н. Задачи нового царствования (10 марта 1881 г.)//ПиК. Т. 1.С.110.

Там же. С. 117.

270

ОР РГБ. Ф. 334. К. 4. Ед. хр. 3. Л. 34 об. (письмо от 15 марта 1881 г.).

271

См.: ПКА. Т. 1. С. 393–396 (письмо от 23 ноября 1886 г.).

Кони А. Ф. Указ. соч. С. 267.

273

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Ед. хр. 1. Л. 134 об.-135 (письмо от 9 декабря 1881 г.).

Цит. по: *Половцов А. А. Указ. соч. Т. 2. 1887–1892 гг. С. 247* (письмо от 31 октября 1889 г.).

ПкА. Т. 1. С. 370; Т. 2. С. 63 (письма от 22/23 января 1882 г. и 27 ноября 1884 г.).

Там же. Т. 1. С. 317–318 (письмо от 6 марта 1881 г.).

Там же. С. 205, 210, 227.

Там же. Т. 1. С. 331 (письмо от 12 октября 1883 г.); Т. 2. С. 540 (письмо от 13 января 1885 г.).

Градовский Г. К. Итоги (1882–1907). Киев, 1908. С. 315 (письмо от 26 июня 1896 г.).

ПкА. Т. 1. С. 360; Т. 2. С. 96–97, 118 (письма от 31 декабря 1881 г., 25 января и 2 ноября 1886 г.).

281

Половцов А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 37 (запись от 14 марта 1887 г.).

282

ОРРГБ. Ф. 230. К. 4410. Ед. хр. 1.Л. 123 (письмо от 8 ноября 1881 г.).

Цит. по: *Никанор (Бровкович), архиеп.* Записки присутствующего в Святейшем Всероссийском Правительствующем Синоде//РА. 1906. № 8. С. 507.

284

ОР РГБ. Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 3. Л. 10 об. (письмо от 26 апреля 1888 г.).

285

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Июль — август 1899 г. (письмо от 1 июля).

286

ГА РФ. Ф. 586. Д. 1017. Л. 9 об. — 10, 16 (письма от 3 и 28 июня 1882 г.).

ПиК. Т. 1.С. 168 (письмо от 7 декабря 1881 г.).

См.: Там же. С. 555 (письмо от 15 января 1886 г.).

РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 43 (письмо от 13 сентября 1885 г.).

См.: *Byrnes R.* Op. cit. P. 129–131, 119–120.

291

ПКА. Т. 1. С. 291 (письмо от 28 июля 1882 г.).

ПиК. Т. 1. С. 234, 233 (письмо без даты, предположительно от мая 1881 г.).

ПКА. Т. 1. С. 389 (письмо от 25 июня 1882 г.).

Там же. Т. 2. С. 200 (письмо от 23 сентября 1888 г.).

Там же. Т. 1.С. 355 (письмо от 11 ноября 1881 г.).

ПиК. Т. 2. С. 499–500 (письмо от 6 апреля 1885 г.).

ПкА. Т. 2. С. 72 (письмо от 4 апреля 1885 г.).

Там же. С. 179 (письмо от 15 июля 1888 г.).

РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 89 об. (письмо И. Д. Делянову от 22 августа 1889 г.).

300

ОР РНБ. Ф. 14. Ед. хр. 658. Л. 10 (письмо И. С. Аксакову от 11 июля 1884 г.).

301

ПКА. Т. 2. С. 188–189 (письмо от 4 августа 1888 г.).

Там же. С. 190.

Там же. С. 181, 187 (письма от 15 и 16 июля 1888 г.).

Там же. С. 188 (письмо от 16 июля 1888 г.).

305

ОР РГБ. Ф. 230. К. 9804. Ед. хр. 1. Л. 31 об. (письмо от 22 июня 1881 г.).

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Март — апрель 1893 г. Л. 57 об. — 58 (письмо от 16 марта); ноябрь — декабрь 1894 г. Л. 96 об. (письмо от 30 ноября).

См.: Там же. Январь — февраль 1893 г. Л. 19 (письмо от 12 января).

Глинский Б. Б. Указ. соч. С. 403.

См.: *Полунов А. Ю.* Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 72–82.

Цит. по: *Преображенский И. В.* Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины. СПб., 1912. С. 48.

Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 442.

312

ПкА. Т. 1. С. 322 (письмо от 22 марта 1881 г.).

См.: *Никольский Н. К. П. Победоносцев // К. П. Победоносцев: Pro et contra. С. 418.*

Феоктистов Е. М. Указ. соч. С. 220.

Письма К. П. Победоносцева к графу Н. П. Игнатьеву. С. 60 (письмо от 26 сентября 1881 г.).

ОР РГБ. Ф. 230. К. 10802. Ед. хр. 5. Л. 33 (письмо министру внутренних дел Д. А. Толстому от 12 декабря 1882 г.); РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 204 об. (письмо И. Д. Делянову от 12 апреля, б/г.).

317

РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 247–247 об.

См.: *Byrnes R.* Op. cit. P. 39.

Цит. по: Дневник Е. А. Перетца. С. 63.

320

Цит. по: Там же.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е: В 33 т.
Т. 1. СПб., 1885. № 118.

Градовский Г. К. Столпы реакции. С. 26.

323

РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 48 (письмо от 26 марта 1886 г.).

ПкА. Т. 2. С. 185 (письмо от 16 июля 1888 г.).

325

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Июль — август 1896 г. Л. 171 (письмо от 21 августа).

Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования Александра III. С. 3.

См.: Там же. С. 49–52.

ПКА. Т. 2. С. 81 (письмо от 19 июня 1885 г.).

Там же. С. 212–213 (письмо от 11 января 1889 г.).

Там же. С. 133 (письмо от 18 февраля 1887 г.).

331

ПиК. Т. 2. С. 499 (письмо Александру III от 15 февраля 1885 г.).

332

См.: ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Ноябрь-декабрь 1890 г. Л. 139 (письмо от 6 декабря).

333

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Ед. хр. 1. Л. 6 (письмо от 7–9 января 1881 г.).

Там же. К. 4409. Ед. хр. 2. Л. 87, 89 (письмо от 30 ноября 1880 г.).

Цит. по: *Гроссман Л. Указ. соч. С. 145* (письмо от 2 августа 1880 г.).

336

ОР РГБ. Ф. 230. К. 9804. Ед. хр. 2. Л. 4 об. (письмо от 23 мая 1880 г.).

337

Там же. Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 20. Л. Зоб. (письмо от 13 сентября 1901 г.).

Либрович С. Ф. Указ. соч. С. 319–320.

Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 559. Л. 54 (письмо от 3 марта 1883 г.).

340

ОР РГБ. Ф. 230. К. 9804. Ед. хр. 3. Л. 34 об. (письмо от 7 июля 1881 г.).

341

ПкА. Т. 2. С. 142 (письмо от 11 марта 1887 г.).

Там же. С. 142–143.

ОР РГБ. Ф. 120. К. 9. Ед. хр. 47. Л. 121 (недатированное письмо, предположительно от 20 мая 1882 г.); Л. 56 (письмо от 17 марта 1882 г.); Л. 83 об. (письмо от 19 июля 1884 г.).

Пик. Т. 1.С. 178.

Российский государственный архив древних актов. Ф. 1378. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 1 об.; Ед. хр. 6. Л. 18; Ед. хр. 7. Л. 22.

См.: *Byrnes R.* Op. cit. P. 267.

347

ПиК. Т.2.С. 969–970.

Там же. Т. 1.С. 171.

Гальцева Р. А., Роднянская И. Б. Раскол в консерваторах: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев в споре об общественном идеале // Неоконсерватизм в странах Запада. Вып. 2. М., 1982. С. 279.

См.: ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Ед. хр. 12. Л. 70–71 об. (конец 1877 — начало 1878 г.).

351

ПиК. Т. 2. С. 828.

352

ОР РГБ. Ф. 230. К. 9804. Ед. хр. 5. Л. 27 (письмо от 6 июня 1882 г.).

РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 2 (письмо Н. И. Ильминскому от 14 октября 1882 г.).

См.: Гальцева Р. А., Роднянская И. Б. Указ. соч. С. 233, 234, 247, 249, 253, 259, 260, 262.

355

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4410. Ед. хр. 2. Л. 15 об. (письмо от 4 февраля 1882 г.).

ПкА. Т. 2. С. 133 (письмо от 18 февраля 1887 г.).

См.: Там же. С. 251–254 (письмо от 1 ноября 1891 г.).

См.: Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову// Литературное наследство. 1935. № 22/24. С. 547 (письмо от 14 октября 1891 г.).

359

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Ноябрь-декабрь 1891 г. Л. 19–20 (письмо от 4 ноября).

360

ОР РГБ. Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 19. Л. 10 (письмо от 1 марта 1900 г.).

361

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Январь — февраль 1900 г. (письмо от 9 февраля).

Там же. Март — апрель 1898 г. (письмо от 21 марта); июль-август 1900 г. (письмо от 6 августа).

См.: Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феокистову. С. 553, 556
(письма от 26 декабря 1894 г. и 17 марта 1895 г.).

Там же. С. 540 (письмо от 6 февраля 1890 г.).

См.: *Преображенский И. В.* Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–1891 гг. СПб., 1897. С. 81; Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884–1909). СПб., 1909. С. 494; Приложение. С. 14, 15, 21.

Цит. по: *Преображенский И. В.* Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины. С. 120.

367

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Март 1899 г. (письмо от 15 марта).

Там же. Январь — февраль 1893 г. Л. 86 об. (письмо от 3 февраля);
ПКА. Т. 2. С. 226 (письмо от 12 декабря 1889 г.).

369

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Март — апрель 1894 г. Л. 18 (письмо от 9 марта).

Победоносцев К. П. Московский сборник. С. 308.

К. П. Победоносцев в письмах к друзьям // Вопросы литературы. 1989.
№ 4. С. 278 (письмо от 15 февраля 1880 г.).

См.: ОР РГБ. Ф. 230. К. 4409. Ед. хр. 1. Л. 12 (письмо Е. Ф. Тютчевой от 1879 г.); Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 19. Л. 3 об. (письмо О. А. Новиковой от 28 декабря 1900 г.).

Победоносцев К. П. Московский сборник. С. 309.

Победоносцев К. П., Бабст И. К. Указ. соч. С. 90.

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Август-декабрь 1888 г. Л. 122 об. (письмо от 6 октября); октябрь — декабрь 1886 г. Л. 37 (письмо от 11 октября).

376

ПкА. Т. 2. С. 278 (письмо от 28 марта 1883 г.).

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Сентябрь — декабрь 1884 г. Л. 69 об. (письмо от 8 октября); октябрь — декабрь 1885 г. Л. 106 (письмо от 13 ноября); январь — февраль 1893 г. Л. 86 об. (письмо от 13 февраля).

Победоносцев К. П. Ученье и учитель. С. 479, 480.

ОРРНБ.Ф. 631. ПкР. Январь — август 1881 г. Л. 124 (письмо от 11 мая).

К. П. Победоносцев в письмах к друзьям. С. 279–280 (письмо от 24 апреля 1880 г.).

381

ОР РГБ. Ф. 230. К. 9804. Ед. хр. 10. Л. 6 (письмо от 20 августа 1892 г.).

См.: ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Июль — август 1896 г. Л. 40 об. (письмо от 15 июля); июль — сентябрь 1885 г. Л. 17 об. (письмо от 14 августа).

Там же. Сентябрь — декабрь 1884 г. Л. 130 (письмо от 30 ноября);
РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 62 (письмо от 7 апреля 1890 г.).

384

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Ноябрь-декабрь 1897 г. Л. 177 (письмо от 21 декабря).

Там же. Июль — август 1897 г. Л. 211 (письмо от 31 августа).

Рункевич С. Г. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901. С. 191.

Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, Архиепископа Тверского и Кашинского. В 9 т. Т. 6. Сергиев Посад, 1906. С. 151.

Половцов А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 442.

Дневник В. Н. Ламздорфа. 1886–1890 гг. М.; Л., 1926. С. 36 (запись от 6 января 1887 г.).

390

Богданович А. В. Указ. соч. С. 171 (запись от 6 марта 1892 г.).

Глинский Б. Указ. соч. С. 404.

392

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4409. Ед. хр. 1. Л. 10 об. (письмо от 1879 г.).

Там же. К. 1082. Ед. хр. 5. Л. 7 об. (письмо Д. А. Толстому от 17 апреля 1879 г.).

Там же. К. 4410. Ед. хр. 1. Л. 75–75 об. (письмо от 22 июля 1881 г.).

Там же. К. 9804. Ед. хр. 5. Л. 13 об. — 14 (письмо от 14 апреля 1882 г.).

396

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Апрель — июнь 1885 г. Л. 177 об. (письмо от 27 июня).

397

ОР РГБ. Ф. 230. К. 4409. Ед. хр. 2. Л. 97 об. (письмо Е. Ф. Тютчевой от 29 ноября 1880 г.).

398

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Ноябрь — декабрь 1893 г. Л. 20 об. (письмо от 4 ноября).

См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910. Приложение. С. 102.

Кони А. Ф. Указ. соч. С. 264.

401

Цит. по: *Половцов А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 286* (запись от 10 декабря 1884 г.).

Из писем К. П. Победоносцева к Николаю 11(1898–1905) // Религии мира: история и современность: Ежегодник. 1983. М., 1983. С. 186 (письмо от 19 марта 1905 г.).

Никанор (Бровкович), архиеп. Киевский собор 1884 г. // РА. 1908. № 9.
С. 128.

Цит. по: *Кони А. Ф. Указ. соч. С. 265.*

405

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Май — июнь 1895 г. Л. 88 об. (письмо от 30 мая).

406

ПкА. Т. 2. С. 53, 158 (письма от 26 июня и 30 июля 1887 г.).

К. П. Победоносцев в 1881 г. С. 186 (письмо от 20 декабря 1881 г.).

Там же.

409

ОР РГБ. Ф. 120. К. 9. Ед. хр. 47. Л. 54 об. (письмо от 4 марта 1882 г.).

410

ПкА. Т. 2. С. 102–103 (письмо от 1 апреля 1886 г.).

Там же. Т. 2. С. 103–104 (письмо от 1 апреля 1886 г.).

Письма К. П. Победносцева преосвященному Илариону,
архиепископу Полтавскому// РА. 1916. № 1–6. С. 153.

Письма К. П. Победоносцева к графу Н. П. Игнатьеву. С. 52 (письмо от 24 июля 1880 г.).

Кони А. Ф. Указ. соч. С. 268.

Победоносцев К. П. Николай Иванович Ильминский // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 155; ПкА. Т. 2. С. 108 (письмо от 6 июня 1886 г.).

См.:ПКА. Т. 2. С. 298.

417

Там же. С. 43 (письмо от 4 октября 1883 г.).

418

РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 252.

419

РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 31 (письмо Н. И. Ильинскому от 24 апреля 1885 г.).

ПкА. Т. 2. С. 323–324 (письмо от 21 сентября 1899 г.).

421

Письма К. П. Победоносцева к графу Н. П. Игнатьеву. С. 61 (письмо от 22 октября 1881 г.).

422

ОР РГБ. Ф. 230. К. 10802. Ед. хр. 6. Л. 7 об. (письмо от 15 апреля 1883 г.).

Там же. К. 4409. Ед. хр. 2. Л. 58 об. (письмо от 31 августа — 2 сентября 1880 г.).

ПкА. Т. 2. С. 83 (письмо от 6 августа 1885 г.).

425

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Июль — сентябрь 1885 г. Л. 79 (письмо от 14 августа).

Половцов А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 384, 385.

ПкА. Т. 2. С. 166 (письмо от 21 декабря 1887 г.).

Адрес Евангелического союза императору Александру III // Вера и разум. 1888. № 6. Кн. 2. С. 124–129.

Победоносцев К. И Историческая записка о Холмской Руси и г. Холме, о судьбах унии в Холмском крае и современном положении в нем униатского вопроса. СПб., 1897. С. 65, 61.

430

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Январь — май 1884 г. Л. 135 (письмо от 1 апреля).

Цит. по: *Кони А. Ф. Униатские дела // Кони А. Ф. На жизненном пути:*
В 2 т. М., 1913. Т. 1. С. 593.

432

ПкА. Т. 2. С. 105; Т. 1. С. 346 (письма от 18 апреля 1886 г. и 10 июля 1881 г.).

Там же. Т. 1. С. 323 (письмо от 22 марта 1881 г.).

Там же. Т. 2. С. 205–206 (письмо от 29 декабря 1888 г.).

ПиК. Т. 2. С. 508–515 (письмо от 4 ноября 1885 г.).

Цит. по: *Половцов А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 158.*

См.: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 32.

Переписка Витте и Победоносцева. С. 101 (письмо от 26 марта 1898 г.).

Цит. по: *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1969. С. 136.

Мещерский В. П. Указ. соч. С. 756.

Переписка Витте и Победоносцева. С. 101 (письмо от 26 марта 1898 г.); ОР РНБ. ПкР. Ф. 631. Март — апрель 1897 г. Л. 206 об. (письмо от 29 апреля); май — июль 1897 г. Л. 22 об. (письмо от 7 мая); июль — август 1897 г. Л. 211 об. (письмо от 31 августа); сентябрь 1898 г. (письмо от 30 сентября).

Цит. по: *Захарова Л. Г. Указ. соч. С. 137.*

Победоносцев К. П. Ле-Пле. С. 19–20.

444

ОР РГБ. Ф. 230. К. 10802. Ед. хр. 6. Л. 29 об. (письмо от 17 июля 1886 г.).

445

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Сентябрь — декабрь 1883 г. Л. 44 об. (письмо от 24 сентября).

Половцов А. А. Указ. соч. Т. 1. С. 66, 234, 252.

447

ПкА. Т. 2. С. 170 (письмо от 6 января 1888 г.).

ПиК. Т. 1. С. 348–349 (письмо от 27 ноября 1883 г.).

449

РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Ед. хр. 515. Л. 19 (письмо И. Д. Делянову от 14 июля 1884 г.).

Фектистов Е. М. Указ. соч. С. 222.

Цит. по: *Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3 т. М., 1960. Т. 1. С. 369.

Цит. по: *Половцов А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 151.*

453

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Январь — февраль 1900 г. (письмо от 25 января).

Цит. по: *Половцов А. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 155, 162.

455

ПиК. Т. 1. С. 348 (письмо от 27 ноября 1883 г.).

Там же. Т. 2. С. 728, 729, 849.

Цит. по: *Мецерский В. П.* Гражданин консерватор. М., 2005. С. 53.

См.: *Половцов А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 164.*

Там же. С. 107, 446.

Цит. по: Ам И. Патриархальный министр (И. Д. Делянов) // *Голос минувшего*. 1916. № 7/8. С. 281.

Цит. по: Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Отв. ред. В. С. Дякин. Л., 1984. С. 111.

Цит. по: *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 1. С. 367.

См.: *Лаверычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917 гг.). М., 1972. С. 123, 131–133.

464

ОР РГБ. Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 18. Л. 12–12 об. (письмо от 8 апреля 1899 г.).

См.: *Полвинен Т.* Держава и окраина. Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии. 1898–1904. СПб., 1997. С. 59–61.

Переписка Витте и Победоносцева. С. 103 (письмо от 9 октября 1898 г.).

467

Цит. по: Из дневника А. А. Половцова // КА. 1934. № 6. С. 173–174
(записи от 2 и 6 ноября 1894 г.).

468

ПкА. Т. 2. С. 305 (письмо от 7 февраля 1895 г.).

См.: *Андреев Д. А.* Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: К истории речи Николая II 17 января 1895 г. // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. 2011. № 2(20). С. 36–43.

470

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Сентябрь — октябрь 1895 г. Л. 170 об. (письмо от 26 октября).

471

ОР РГБ. Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 15. Л. 12 (письмо от 20 января 1895 г.).

Богданович А. В. Указ. соч. С. 206.

ПкА. Т. 2. С. 355 (письмо великому князю Сергею Александровичу от 2 февраля 1895 г.).

474

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Ноябрь — декабрь 1899 г. (письмо от 11 декабря).

Там же. Сентябрь — октябрь 1900 г. (письмо от 2 октября).

Цит. по: *Богданович А. В.* Указ. соч. С. 218.

477

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Ноябрь — декабрь 1899 г. (письмо от 16 декабря).

Переписка Витте и Победоносцева. С. 110 (письмо от 24 марта 1905 г.).

Богданович А. В. Указ. соч. С. 263.

Из дневника А. А. Половцова (1895–1900) // КА. 1931. № 3 (46). С. 118
(запись от 4 января 1899 г.).

481

ОР РГБ. Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 19. Л. 4 (письмо от 28 декабря 1900 г.).

Цит. по: *Кони А. Ф. Триумвиры. С. 263; Мещерский В. П. Воспоминания. С. 784; Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. М., 1899. С. 172.*

Цит. по: *Розанов В. В. Указ. соч. С. 21; Феокистов Е. М. Указ. соч. С. 219.*

Цит. по: *Половцов А. А. Указ. соч. Т. 2. С. 37–38; Кони А. Ф. Триумвиры. С. 308; Ламздорф В. Я. Дневник (1891–1892). М.; Л., 1934. С. 41–42.*

485

ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 1123. Л. 48–48 об. (письмо от 6 февраля 1895 г.).

486

ОР РГБ. Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 15. Л. 22–22 об. (письмо от 4 января 1894 г.).

487

ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 113. Л. 39 (письмо Л. А. Тихомирову от 7 мая 1894 г.).

Амфитеатров А., Аничков Е. Указ. соч. С. 319.

489

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. 1879 г. Л. 15–15 об. (письмо от 21 января 1879 г.).

См.: *Byrnes R.* Op. cit. P. 291.

491

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Май-июнь 1896 г. Л. 154–154 об. (письмо от 30 июня).

См.: *Ведерников В. В.* Указ. соч. С. 40–41.

493

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Май — июнь 1896 г. Л. 49,79 об. (письма от 15 и 29 мая).

Розанов В. В. Скептический ум // К. П. Победоносцев: Pro et contra. С. 297.

495

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Май — июнь 1896 г. Л. 154 об. (письмо от 30 июня).

Там же. Ф. 14. Ед. хр. 658. Л. 3 об. (письмо от 4 августа 1874 г.).

497

ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1, Д. 113. Л. 73, 65 (письма от 29 октября и 3 июля).

The Times. 1899. March 31; The Daily Graphic. 1898. October 29 Ц ОР
РГБ. Ф. 230. К. 4404. Ед. хр. 55. Л. 18, 20.

Итоги государственной мудрости // РВ. 1896. № 8. С. 5; *Никольский Б. В.* Литературная деятельность К. П. Победоносцева // К. П. Победоносцев: Pro et contra. С. 385.

Розанов В. В. Скептический ум. С. 299.

См.: *Л. [Слонимский Л. З.] О «великой лжи» нашего времени // Вестник Европы. 1896. № 10. С. 768–787.*

502

ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 113. Л. 32 (письмо от 3 декабря 1893 г.).

503

ОР РГБ. Ф. 224. К. 2. Ед. хр. 224. Л. 7 об. (письмо от 21 ноября 1891 г.).

Тихомиров Л. А. Воспоминания. М., 2003. С. 32.

См.: ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 113. Л. 63–63 об. (письмо от 23 апреля 1896 г.); ОР РНБ. Ф. 631. Ноябрь — декабрь 1896 г. Л. 153–153 об. (письмо от 28 ноября).

ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 113. Л. 47 (письмо от 17 июля 1893 г.); ОР
РНБ. Ф. 631. Ноябрь — декабрь 1897 г. Л. 106 (письмо от 28 ноября).

507

ОР РНБ. Ф. 631. ПкР. Сентябрь — октябрь 1897 г. Л. 58 об. (письмо от 16 сентября).

Бенуа А. Н. Указ. соч. Кн. 4/5. С. 194–195.

Гиппиус З. Н. Указ. соч. С. 111.

Цит. по: *Любимов Л. Д.* На чужбине. Ташкент, 1965. С. 7.

См.: Долгополов Е. На рубеже веков. Л., 1985. С. 205–206; Шувалова И. Н. «Ведь это летопись» // Государственный совет России. 1801–2001. М., 2002. С. 8–9; Sargeant L. Kashchei the Immortal: Liberal Politics, Cultural Memory, and the Rimsky-Korsakov Scandal of 1905 // Russian Review. 2005. Vol. 64. January. P. 29.

Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. СПб., 1907. С. 122.

Цит. по: *Преображенский И. В.* Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины. С. 8.

Победоносцев К. П. Московский сборник. С. 310.

Цит. по: *Преображенский И. В.* Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины. С. 13.

Цит. по: *Сабашников М. В.* Воспоминания. М., 1988. С. 227.

517

ОР РГБ. Ф. 126. К. 8479. Ед. хр. 17. Л. 18 (письмо О. А. Новиковой от 20 августа 1898 г.).

Цит. по: В. Ш. Иностранцы о России: Воспоминания американского посланника Уайта // Исторический вестник. 1906. № 1. С. 291. Полный текст публикации см.: *White A. D. The Autobiography of Andrew Dickson White*: In 2 vol. N. Y., 1907. Vol. 2. P. 55–71.

Vogue E. M. de. Les routes. Paris, 1910. P. 136.

Cm.: *Bompard M.* Mon ambassade en Russie, 1903–1908. Paris, 1937. P. 257.

White A. D. Op. cit. P. 70–71.

А. Р. Историческая переписка о судьбах Православной Церкви. М., 1912. С. 27–28.

Цит. по: *Мельгунов С. Указ. соч. С. 188.*

См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. С. 29.

525

ГА РФ. Ф. 586. Д. 1017. Л. 131 об. (письмо от 10 марта 1903 г.).

Цит. по: *Богданович А. В.* Указ. соч. С. 318.

Переписка Витте и Победоносцева. С. 106 (письмо от 25 декабря 1904 г.).

Цит. по: А. Р. Указ. соч. С. 20–21.

Цит. по: *Ореханов Г, прот.* На пути к собору: Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002. С. 66.

530

Цит. по: Там же.

531

Из писем К. П. Победоносцева к Николаю II. С. 187 (письмо от 26 марта 1905 г.).

См.: Мельгунов С. Указ. соч. С. 188, 195, 196; «Мать мою, любимую Россию, уродуют»: Письма К. П. Победоносцева С. Д. Шереметеву // Источник. 1996. № 6. С. 21 (письмо от 6 августа 1906 г.).

ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 113. Л. 103 (письмо Л. А. Тихомирову от 23 августа 1906 г.); «Мать мою, любимую Россию, уродуют». С. 12 (письмо от 1 декабря 1905 г.); РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 598. Л. 136 об. (письмо П. И. Бартеневу от 20 июня 1906 г.).

См.: *Мандельштам М. Л.* 1905 год в политических процессах: Записки защитника. М., 1931. С. 232–233; *Степанов Ю. Г.* Ober-прокурор под прицелом // Освободительное движение в России. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 51–63.

Из дневника А. А. Половцева (1901–1905)//КА. 1923. № 4. С. 84–85
(запись от 9 ноября 1905 г.); *Богданович А. В.* Указ. соч. С. 474.

См.: ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 113. Л. 104 (письмо Победоносцева Тихомирову от 26 августа 1906 г.); РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 597. Л. 159 об., 161–162, 208, 216; Ед. хр. 598. Л. 13 об., 70, 125, 125 об., 140, 276, 276 об. (письма П. И. Бартенева от 31 сентября, 1 и 29 октября, 7 ноября 1905 г., 19 апреля, 13 мая, 21 июля, 26 декабря 1906 г.).

См.: *Кони А. Ф.* Триумвиры. С. 310.

Цит. по: *Гневушев М.* Константин Петрович Победоносцев. Киев, 1907.
С. VI.

Биржевые ведомости. 1907. № 9790.

Астраханский листок. 1907. № 57.

Розанов В. В. Рецензия на книгу: *Победоносцев К. П.* Воспитание характера в школе. СПб., 1900 // *К. П. Победоносцев: Pro et contra.* С. 303.

Мещерский В. П. Воспоминания. С. 592.

Никольский Н. Указ. соч. С. 417.

Победоносцев К. П. Московский сборник. С. 330.